

ПУГАЧЕВ

Виктор
Буганов

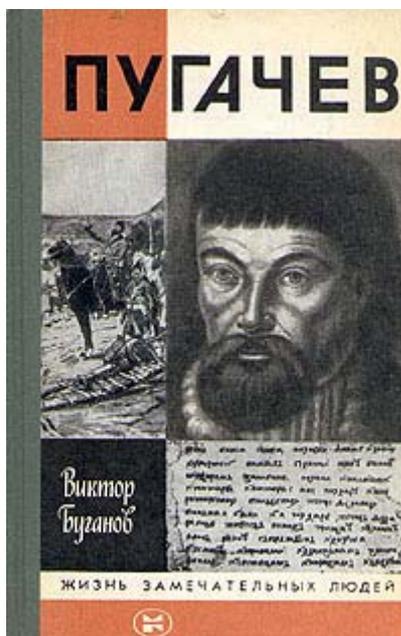
Виктор Буганов — автор биографического романа «Пугачев». Он является известным журналистом, публицистом и писателем. Его произведения посвящены истории России, в частности, восстанию Пугачева. Буганов также работал в различных изданиях, включая «Коммунистическую газету» и «Литературную газету».

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Виктор Буганов Пугачев

Жизнь замечательных людей – 645

«Пугачев»: Молодая гвардия; Москва; 1987

Аннотация

В книге известного советского историка рассказывается о предводителе Крестьянской войны 1773—1775 годов, донском казаке Е. И. Пугачеве. В книге на богатом документальном материале воссозданы события Крестьянской войны, ее причины, ход, итоги, историческая обстановка, в которой она происходила.

Виктор Буганов Пугачев

Детство и юность Пугачева. Служба и скитания

...В этот морозный январский день, казалось, вся Москва вышла из домов и заполнила улицы и переулки, прилегающие к Болотной площади. Человек, сидевший на помосте в санях, непрерывно кланялся налево и направо людям, стоявшим на пути его следования. Он переводил глаза с одного лица на другое, а в толпе, по мере его продвижения, нарастал гул; все жадно смотрели на него, тихо перешептывались. О чем он думал, когда видел эти лица? О том ли, что они, как и он сам, — такие же подневольные и обиженные судьбой и тяжелой жизнью люди? Правильно ли он сделал, что выступил сам, поднял других, чтобы облегчить им жизнь, освободить их от господ-мучителей? Знают ли они об этом? Понимают ли?

Мысли о том неотступно, как видение в тяжком и мглистом сне, преследовали его — вплоть до эшафота, до смертного часа... Эти люди, как он видел по их главам, сострадают, сочувствуют ему. А может быть, есть и такие, которые осуждают его? Ведь многих из тех, кто пошел за ним, уже нет в живых — одни погибли в боях с карателями, других казнили по бесчисленным градам и весям Поволжья и Приуралья, Оренбуржья и Зауралья. Многим предстояло, как и ему сейчас, испить чашу смертную из рук кровавых палачей матушки-

государыни. Много мыслей теснилось в голове, много слов рвалось из груди. Произносил же он только одно:

— Прости, народ православный!

Когда палачи сорвали с него одежду и один из них занес над ним, опрокинутым навзничь, топор, вся жизнь прошла перед ним в вихре видений и событий...

...Увидел себя Емельян в детстве. Станица Зимовейская, где он родился (примерно в 1742 году), стояла среди леса по-над Доном. С тех пор, как помнит, казачонок любил родные места, донские просторы — красивую луговую сторону вдоль реки, зеленую и привольную, обширные и просторные степи, начинавшиеся за долиной. Весенние разливы казацкой реки, когда вода заливает в низовьях все вокруг на десятки верст. Дон течет через станицу, затопляет так, что, кажется, курени плывут по воде неведомо в какую даль... Но отцы и деды спокойно плавают в лодках друг к другу, в церковь, удят рыбу.

С детства Емельяна окружали люди крепкой породы — смелые и решительные, сметливые и вольнолюбивые, помнившие славное прошлое Войска Донского. Правда, от прежней казацкой вольницы прадедов и пращуров мало что осталось. Времена Степана Разина и Ермака Тимофеевича давно минули. А место вольницы, казацких сходок-кругов и выборных атаманов заняли дорядки иные. Уже при Петре I круги перестали избирать атаманов. Не прошло и полутора десятка лет после его кончины, и войсковых атаманов стали назначать (с 1738 года, года за четыре до появления на свет Емельяна) императорским указом. Зажиточные донские казаки, из которых выходили атаманские помощники (старшина), давно и цепко держали власть в своих руках и были хозяевами Войска Донского, эксплуатировали и притесняли бедных казаков-голутву (голытьбу), вершили все по своему усмотрению. Они стали опорой престола, верой и правдой служили ему за чины и звания, земли и жалованье.

Но детство есть детство, и Емельян мало еще что знал и понимал из того, что волновало и гнуло к земле взрослых, окружавшую его бедноту. С радостью участвовал он во всех мальчишеских играх и проказах, благо на Дону, в лесу и степи возможностей для этого было много, хоть отбавляй! Уже тогда, в детском возрасте, он отличался смелым и решительным характером, выступал заводилой среди сверстников, верховодил ими. Еще в середине XIX столетия была жива в его родных местах старушка, которая в детстве играла с ним. По ее отзывам, Емельян проявлял крутой нрав, строптивость, любил командовать.

С юного возраста слышал он разговоры и песни о храбрых сынах Дона, их подвигах, провожал станичников на военную службу и встречал их по возвращении с нее. Пели казаки песни разные — исторические (о происхождении донского казачества и другие) и военные, песни о Ермаке и Степане Разине. Имена двух Тимофеевичей нередко сливались в единый образ народного героя и заступника. Первого из них песни называют «кормильцем нашим», «батюшкой», «донским атаманушкой». В одной из них в ответ на предложение государя просить любое жалованье за победу над врагом Ермак отвечает, выражая заветные мысли и мечты любого донского казака:

— Батюшка, надежда, свет великий государь!
Не жалуй ты меня городами, поделками
И большими поместьями!
Пожалуй ты нам, батюшка, тихий Дон,
Со вершины до низу со всеми реками, потоками,
Со всеми лугами зелеными
И с теми лесами темными!

Песни горюют по поводу смерти Ермака и Разина, прославляют казаков за их дальние и смелые походы по рекам и морям, за расправы с боярами и купцами богатыми, с царскими посланниками, за взятие Азова (1637 год) и борьбу с турками. Воспевают Степана Разина; в представлении донцов, он — «удалой», «доброй молодец», который «думал крепкую

думушку» с «голутвою» — беднотою:

— Судари мои, братцы, голь кабацкая!
Поедем мы, братцы, на сине море гулять!
Разобьем, братцы, басурмански корабли,
Возьмем мы, братцы, казны сколько надобно!
Поедемте, братцы, в каменну Москву,
Покупим мы, братцы, платье цветное,
Покупивши цветно платье, да на низ поплывем!

Песни прослеживают весь яркий жизненный путь удалого атамана, горюют по поводу его казни. Их составители, вероятно разинские ватажники и сподвижники, гордятся атаманом, своим общим делом:

— Ты взойди, взойди, красно солнышко,
Обогрей ты пас, людей бедных
Добрых молодцев, людей беглых:
Мы не воры, не разбойнички,
Стеньки Разина помощнички,
Есауловы все помощнички!

В одной из песен разницы снова говорят, что никакие они не разбойники и не воры:

— А мы вовсе-то не воры, не разбойники:
Люди добры мы, ребята поволжские,
Еще ходим мы по Волге не первой год,
Воровства да разбою не слышно про нас,
Воровства да разбою на Москве много есть!
А мы вовсе-то не воры, не разбойники:
Стеньки Разина мы вольные работники,
Люди добрые, удалые ребята поволжские!

Казаки сетуют в песнях на князей и бояр, которых жалует «государь царь», на бесчинства царских рассыльчиков, разоряющих казаков и берущих малолеток в солдаты. Участие казаков в войнах России, их победы вызывают восхищение составителей, исполнителей и слушателей песен.

Любили казаки, их жены и дети песни колыбельные и семейные, любовные и свадебные. Вероятно, матушка не раз пела маленькому Емельяну песни про кота-воркота и кота-бормота, о серой кобыле и гули-голубочках. Жизнь в станице не могла обойтись без песен о свадьбе и женской доле, любви и ревности, военной службе и разлуке с матерью, охоте и рыбной ловле.

Так пробежали годы. Емельян вырос, и началась пора забот и тревог.

Емельян Пугачев сказал однажды, что «всю землю своими ногами исходил». И это в немалой степени было так. В этом он похож на своего предшественника Степана Разина.

Семья Емельяна издавна проживала в станице Зимовейской. Среди казаков числились отец Иван и дед Михайла. Прозвище деда Пугач, по-украински «филин», положило основание фамилии Пугачевых; он, вероятно, имел приметную внешность, лицо, обрамленное густыми волосами, большие глаза, обращавшие на себя вниманий станичников... Казачкой была и мать будущего предводителя Анна Михайловна. Его старший брат Дементий рано женился и отделился от семьи. Покинули родительский кров и вышедшие замуж сестры Ульяна и Федосья. Все Пугачевы, по словам Емельяна, которые он скажет позднее, на допросе, «были простые казаки».

Давно прошли времена, когда донцы не пахали землю, добывая хлеб насущный с помощью сабли. О походах «за зипунами» к южным берегам Каспия и Черного моря рассказывали песни и легенды. Емельян же, как и другие казаки-малолетки, еще мальчиком ходил с отцом в поле, пахал и сеял, косил и молотил. Так продолжалось долго — до 17 лет.

Началась служба, как водилось на Дону. Отец Емельяна Иван Михайлович вышел в отставку, и он занял его место. Шел ему тогда восемнадцатый год. А через год, 18 лет, молодой казак женился. Суженой его стала Софья — дочь Дмитрия Недюжева, казака Есауловской станицы. Женщина тихого нрава, покорная и слабая, она очень любила своего Емельяна. Уже через неделю после замужества провожает его в действующую армию. Разлука была горькой.

Казачья команда, в составе которой предстояло воевать Пугачеву, быстрым маршем направилась в Пруссию. Шла Семилетняя война менаду Россией и королевством Фридриха II, начавшаяся несколько лет назад. По прибытии на фронт донцы попали в состав корпуса графа З.Г. Чернышева, имя и звание которого Пугачев впоследствии присвоит И.Н. Чике-Зарубину, одному из смелых и энергичных своих сподвижников.

Года два провел Емельян на фронте. Участвовал в нескольких сражениях, отличился. Несомненно, он обратил на себя внимание смелостью и неустрашимостью, большой расторопностью. Илья Федорович Денисов, полковник, командир пятисотенного отряда донцов, «за отличную проворность» взял Пугачева в ординарцы. Но, как скажет позднее А.С. Грибоедов, «минуй нас пуще всех печалей и барский гнев и барская любовь» — однажды в суматохе ночного боя ординарец упустил одну из лошадей начальника, и его гнев не замедлил обрушиться на Емельяна. По приказу командира провинившегося нещадно бьют плетью. Несомненно, эта жестокость и несправедливость запали в душу горячего и вольнолюбивого казака.

Война скоро закончилась. Смерть (в 1761 году) русской императрицы Елизаветы Петровны, дочери великого Петра, сделала императором ее племянника Петра III Федоровича, ничтожного внука «северного властелина». Крайне ограниченный, бывший голштинский герцог, с восторгом принимавший прусскую военную систему с ее муштрой и бездушием, став во главе огромной империи, сразу же прекратил войну с любимым его сердцу прусским императором. Фридрих II, не раз терпевший жестокие поражения от русских войск, взявших в 1760 году Берлин, помышлял даже о самоубийстве. Но судьба переменчива — Россия в мгновение ока из врага превратилась в союзника. Русские войска уходят из Пруссии на свои квартиры.

Пугачев возвращается домой. Три года войны дали ему немало. Он повидал белый свет, побывал в русских, украинских и белорусских городах и селениях. В Польше увидел Торунь, Познань и Кобылин. Боевой опыт участника ряда сражений пригодится ему впоследствии. К тому же не тронули его ни пуля, ни сабля. «Ничем не ранен» (его слова), он прибыл в Зимовейекую к жене. Прожил здесь года полтора, стал отцом — у него родился сын Трофим. Но скоро, в 1764 году, снова объявили службу — в составе казачьего отряда Елисея Яковлева Пугачев оказывается в знакомой ему Польше. На этот раз предстояли дела не военные, менее опасные, но малоприятные — нужно было ловить беглых русских старообрядцев в приднепровских раскольничьих скитах и слободах, возвращать их в Россию. Эта служба столкнула Емельяна со старообрядцами, сыгравшими потом немалую роль в его судьбе. Донская команда выловила много беглых. Их привели в Чернигов. Отряд распустили, и Пугачев снова дома, на этот раз года три или четыре.

Время, в которое жил Пугачев, было богато войнами. Славу русскому оружию добывали солдаты Суворова и Румянцева, моряки Ушакова и Спиридова... Шесть лет спустя после войны с Пруссией начинается война с Турцией. Пугачева зачисляют в команду полковника Ефима Кутейникова. Два года он служил в действующей армии, в составе войск П.И. Панина — будущего душителя Пугачевского восстания. Опять Емельян участвует в сражениях, в том числе под Бендерами, снова проявляет «отличную проворность» и храбрость. Пугачев получает за воинские заслуги чин хорунжего — младший офицерский

чин у казаков.

Боевой казак, ставший офицером, вероятно, выделялся среди однополчан не только храбростью на поле боя. Чувствуется, что и в кругу товарищей он стремился быть не на последнем месте, «произвесть себя, — по его словам, — отличным от других». Ему свойственно несомненное честолюбие; будучи по натуре живым и сметливым, он стремился обратить на себя внимание окружающих — ему «отличным быть всегда хотелось». Характерен в этом смысле один эпизод. У него была, очевидно, хорошая сабля. Он не раз, вероятно, показывал ее товарищам по службе. А однажды Емельян стал уверять их, что оружие подарено ему не кем иным, как Петром Первым, который-де был его крестным дедом, хотя тот умер более чем за полтора десятилетия до его появления на свет.

Так текла служба. Случалось всякое — хорошее и плохое. После взятия Бендер полк Кутейникова отвели на зимние квартиры в село Голую Каменку близ Elizavetgrada (ныне Кировоград). Здесь храброго хорунжего, которого не брали ни пуля, ни сабля, одолела хворь — «гнили у него грудь и ноги». Емельян, вероятно, простудился; он сильно страдал физически и потому вскоре снова оказался на Дону. Дело в том, что Кутейников послал по приказу командования сотню казаков домой для «исправления лошаадьми» — для пополнения полка конским составом, поредевшим в военных походах. В нее включили и больного Пугачева.

В родной станице он продолжал болеть и в армию не возвратился. Вместо себя нанял казака Михаила Бирюкова, дал ему для службы две лошади с седлами, зипун, бурку, саблю, 12 рублей денег, «харч всякий». Стоило все это, конечно, немалые деньги. Больного Емельяна навещают станичники. Старые казаки советуют ему ехать в Черкасск — столицу Войска Донского — проситься в отставку. Тот так и поступает.

Летом 1771 года станичный атаман Трофим Фомин вручает ему паспорт, и Пугачев отплывает на лодке вниз по Дону в Черкасск. Дома остаются жена Софья, сын Трофим и дочери Аграфена и Христина. В Черкасской войсковой канцелярии (было это 11 или 12 июля) он предъявляет свой паспорт.

— Зачем ты сюда приехал? — услышал Емельян от войскового дьяка Колпакова.

— Я, батюшка, приехал сюда за болезнью своей проситься в отставку. У меня гниют ноги и грудь.

— Тебя отставить нельзя, надобно прежде лечь здесь в лазарет и лечиться; и когда уже тебя вылечить будет нельзя, то тогда отставят.

— Нет, я в лазарет не пойду, а лучше стану лечиться на своем коште, — решил Пугачев, поклонился дьяку и вышел.

На улице Емельян повстречал неизвестного ему есаула и, вероятно, рассказал о своем деле. Тот отсоветовал:

— На что тебе отставка? Ведь коли болен, тебя на службу не пошлют. А если выздоровеешь, то отставить нельзя.

Емельян решил, что так действительно будет лучше. С тем и вернулся на квартиру, где остановился. Хозяйка казачка Скоробогатова выслушала его рассказ и тоже отсоветовала лечь в лазарет:

— Нет, Пугачев, не ходи в лекарство, ведь оно очень трудно. Покажи-ка ты мне свои ноги.

Тот послушно снял сапоги.

— Лечись ты, — продолжала казачка, осмотрев раны, — из убитых баранов легкими; прикладывай легкое к ранам — и тебе легче будет.

Больной три дня, покупая на базаре бараньи легкие, прикладывал к ногам; вроде бы стало ему легче. На четвертый день он засобирился, но не домой в Зимовейскую, а в Таганрог — там жили сестра Федосья и ее муж Симон Никитич Павлов, тоже казак Зимовейской станицы. В начале войны с Турцией (1768—1774 гг.) его вместе с другими направили в Таганрог с Дона «на вечное житье». Казаки, и Павлов в их числе, были очень недовольны своим положением — тяжелой службой с ее «регулярством», лишениями.

Пугачев получил разрешение войскового атамана и на лошади, нанятой у той же Скоробогатовой за два пуда пшеницы и два пуда муки, приехал к сестре и зятю. Они обрадовались Емельяну, и за угощением и разговорами он услышал об их житье-бытье, жалобы на то, что казаки, поселенные в Таганроге, лишены своих старинных прав, нарушаются их обычаи.

— Здесь жить трудно, — говорил Емельяну Симон, — лесу нет, и ездят за ним недели по две. Заведены полковники и ротмистры, и совсем не так поступают с казаками, как на Дону: нас хотят обучать ныне по-гусарски и всяким регулярным военным подвигам.

— Как это? — удивился Пугачев. — Кажется, не годится, чтобы переменять устав казачьей службы. Надобно просить, чтоб оставили казаков на таком основании, как деды и отцы Войска Донского служили.

— У нас много переменено, — с грустью продолжал Павлов. — Старшин у нас уже нет, а названы вместо оных ротмистры, Когда начнут обучать нас не по обыкновению казацкому, то мы, сколько нас ни есть, намерены бежать туда, куда наши глаза глядеть будут. Многие уже бегут, да и я согласился с тремя казаками бежать.

— А куда же ты хочешь бежать?

— Коли в Русь побегу, то с женой; а если без жены, то хотя в Сечь Запорожскую.

— Как тебе туда бежать? В Сечь не попадешь, а на Руси поймают. В Запорожье, коли один пойдешь, по жене стоскуешься; а приедешь за ней, так тебя схватят.

Так убеждал зятя Емельян, у которого уже рождались собственные планы на тот счет, как лучше устроить казацкую долю, свою в том числе:

— Коли уж бежать, так бежать на Терек, там наши семейные живут, там народу много, рек и лесу довольно, прожить там будет способно, и тамошние жители странноприимчивы. А сверх того, тамошнему атаману Павлу Михайлову и указ дан, чтобы таких там принимать. Тогда и я с вами поеду.

— И, ведомо, это лучше, — согласился обрадованный Павлов, — мы все будем жить вместе.

Дело было решено. Федосья, по наказу мужа и брата, отпросилась у местного ротмистра — иужно-де ей съездить к матери в Зимовейскую. Тот выдал ей билет-разрешение, и она с братом и дочерью отправилась в путь. Накануне уговорились, что Павлов и трое других казаков через неделю-две бегут и присоединятся к ним.

Но план с самого начала был нарушен. Не успел Пугачев с сестрой и племянницей доехать до реки Тузловой, как их нагнали Симон и другие неосторожные беглецы.

— Что вы это наделали?! — упрекал их Емельян. — Того и смотри, что нас поймают. Ведь я говорил, чтобы помешкать недели две, а теперь вы погубили себя и меня.

Произошло это на пятый день после выезда Пугачева из Таганрога, и он не без оснований опасался погони и наказания.

Бегство четырех казаков власти, конечно, могли связать с пребыванием в Таганроге Пугачева и его отъездом на Дон. Побег за Дон, на «ногайскую сторону», преследовались строго, вплоть до смертной казни. Однако делать было нечего, и все они направились к Зимовейской. Подъехав к родной станице, Пугачев и Павлов оставили в степи своих спутников, а сами, дождавшись темноты, пришли в дом к Емельяну.

— Вот, матушка, — говорил он, — знаешь ли, зять-то хочет с женой бежать на реку Терек, да и меня зовут с собой.

В ответ мать и жена залились слезами.

— Нет, не бойтесь, — успокаивал их Емельян, — я только провожу их через Дон, а сам никуда не поеду.

Пугачев с зятем вернулись в степь. Павлов остался, а Емельян с сестрой снова приехал к матери и жене. Федосья побывала и у свекра. А в это время домашние хором убеждали Пугачева не ездить с беглецами за Дон во избежание беды, и тот согласился.

Но по ночам появлялся зять и упрашивал его долго и настойчиво — хотя бы показать дорогу на Терек или перевезти их через Дон, а еще бы лучше, чтобы он и «сам бы с ними

поехал».

«Неотступная просьба» зятя наконец сломила упорное нежелание Емельяна. Во всяком случае, так он потом рассказывал во время допросов. Нужно сказать, что и в этом, и в других случаях Пугачев старался на следствии отрицать или преуменьшать свою роль в тех или иных событиях.

Несмотря на просьбы и слезы матери и жены, он сказал, что перевезет беглецов через Дон и вернется, сам на Терек не поедет. Посадив беглецов в лодку, он отплыл вниз по реке; проплыв верст семь, высадил их на другой стороне Дона, а сам повернул назад.

Прошло месяца полтора. Павлов и его спутники, не найдя дорогу на Терек, вернулись в Зимовейскую. Их арестовали, и на допросе оаи признались во всем. Властям стало известно и о том, что Пугачев тоже собирался бежать с Дона и к тому же перевез Павлова и других на ногайскую сторону. Над головой Пугачева сгущаются тучи, и он, схватив лошадь, бежит в степь. Но недели через две кончился хлеб, и он под покровом ночи крадется домой. Там совсем неладно — арестованы и отправлены в Черкасск мать и зять, ищут его самого.

Пугачев наскоро собирается и быстро, чтобы обогнать арестованных, мчится в донскую столицу, является к уже знакомому дьяку Колпакову в войсковой канцелярии.

— Я слышу, — говорит он ему, — что про меня говорят, будто я бежал; а я не бежал, вот и паспорт.

— На кой же черт пишут, что ты бежал? — выразил неудовольствие дьяк, возвращая ему паспорт.

Пугачев вздохнул свободно, но ненадолго. На следующий день в Черкасск привезли арестованных, и зять повторил показания. На этот раз Колпаков приказал взять под стражу Пугачева, но он вернулся в свою станицу. Здесь его арестовали. Две ночи он просидел в станичной избе, потом бежал, скрывался в камышах на болоте. Но продолжаться долго это не могло — наступали осенние холода, есть было нечего; на третий день, как потом показывал Пугачев на допросе, «пошел в дом свой и, пришед, сказал жене, чтоб она никому не сказывала; и прожил в доме своем почти весь Филиппов пост скрытно. В доме же его не сыскали, потому что не могли старшины думать, чтобы, наделав столько побегов, осмелился жить в доме своем».

23 декабря 1771 года Емельян уехал на Терек. Если его там примут, объяснил он на прощание жене, то и за нею приедет.

Переправившись через Дон, Пугачев направился к поселениям терских казаков. В середине января приехал в станицу Ищорскую, а оттуда — в станицу Дубовскую. Здесь находился атаман Терского казачьего войска Павел Татаринцев (Татаринов). Он услышал от явившегося к нему Пугачева, что тот — донской казак, вместе со своими товарищами в прошлом году прибыл на Терек для поселения и просит, чтобы его записали в войско. Атаман, не зная, что перед ним беглый, зачислил его в казаки станицы Каргалинской, потом Дубовской. Позже Пугачев перебрался в Ищорскую. В ведомости о нем было записано: «Емельян Пугачев письменного вида не имеет. Донского войска. Желает в семейном войске быть казаком».

Среди донских казаков, поселившихся на Тереке до Пугачева, было беспокойно. Они получали меньшее жалованье, чем коренные терские казаки, и, естественно, высказывали недовольство. Об этом, конечно, стало известно новоприбывшему донцу, и он, снова появившись в Ищорской, активно обсуждает с другими переселенцами их нужды и обиды. А их собралось немало — помимо Ищорской, но прибыли казаки еще двух недавно основанных станиц: Галюгаевской и Наурской. Все они с согласия Пугачева решили, «чтобы он взял на себя ходатайство за них об испрошении им в Государственной Военной коллегии к произведению денежного жалования и провианта против Терского семейного войска казаков». За это они обещали избрать Емельяна своим атаманом, сам он явно к этому стремился.

Получив от казаков 25 рублей на дорогу, Пугачев 8 февраля 1772 года отправился хлопотать об их нуждах. В тот же день в Моздоке он закупил нужный «харч». Но на

следующий день при выезде из города, «за рогаткою», его схватили караульные и привели в комендантскую канцелярию. Начался допрос, и Пугачев признал, что бежал с Дона. Он оказался на гауптвахте прикованным цепью к стулу. Пославших его казаков нещадно били батогами. Пугачева ожидало нечто худшее, но он, прождав три дня в заключении, 13 февраля бежал из него вместе с охранявшим его солдатом Венедиктом Лаптевым.

По дороге домой в Нижне-Курмоярской станице у казака Дмитрия Плохова Пугачев достал лошадь и скоро был в Зимовейской. Жена Софья, опасаясь за мужа, отправила детей со двора в другое место.

— Я был на Тереке, и меня принять семейные хотят; а как у них нет теперь атамана, а я человек честный, то оне меня и атаманом выберут.

Но Софья не верила его словам и горько рыдала, рассказывая, что его ищут. На утешения мужа отвечала новыми слезами, и тот махнул рукой, понимая всю безнадежность положения:

— Ну ин, коли так, поди и скажи про меня, што я пришел.

Софья очень, конечно, хотела, чтобы муж жил дома, не выглядел в глазах властей беглецом. Сейчас, как она надеялась, его накажут, а потом отпустят к семье, и все наладится. Она побежала к жене брата, та — к атаману. Беглеца арестовали и привели к нему. Тот на другой день выслал его в станицу Чирскую, там находилась розыскная команда старшины Михаила Федотова.

— Ну, Пугачев, — обратился к нему старшина, когда они остались вдвоем, — дай мне сто рублей, так я напишу тебя в службу, чтобы ты вину свою заслужил, и в Черкасск не пошлю.

— У меня сто рублей нет, а пятьдесят дам.

Федотову этого было мало, и с его согласия Емельян под конвоем пошел к чирскому старшине Карпу Денисову. Тот с охотой дал недостающие 50 рублей:

— На, возьми и отнеси их. Это хорошо, если он запишет тебя в службу.

Пугачев принес деньги Федотову, но тот взять их отказался:

— Где ты эти деньги занял?

— У Карпа Петровича Денисова.

— Нет, если эти деньги ты занял у него, то я их у тебя не возьму: он свой брат, полковник; как только сведает, что с тебя взял, так донесет, и меня за это разжалуют. Поди вон!

Арестованный опять пошел к Денисову, чтобы отдать деньги. Но старшина взял 40 рублей, а 10 рублей оставил ему, — «в Черкасске пригодятся».

Пугачева и других колодников водой повезли в Черкасск. В Цимлянской, находясь в станичной избе, он увидел Лукьяна Ивановича Худякова, старого своего сослуживца по прусской кампании, и попросил о свидании с ним. Ему разрешили. Пугачев пришел к нему домой и, убедив Худякова в своей невиновности, просил взять его на поруки, пообещав за это 6 рублей. Тот поверил и попросил в станичной избе, чтобы ему дали на поруки Пугачева, которого он отвезет в Черкасск. Получив согласие, Худяков отправил Пугачева с сыном Прокофием. На третий день младший Худяков вернулся домой и сообщил отцу, что Пугачев по дороге бежал и «лошадь, на которой он ехал, увел».

Лукьяна Худякова, упустившего Пугачева, наказали плетьюми, а старшину, отдавшего арестанта на поруки, на месяц посадили на хлеб и воду. Беглец же, ускакавший в степь, скоро оказался на реке Койсухе (Ковсуге). Там жили раскольники, выведенные из Польши. В слободе Черниговке Валуйского уезда он спросил у местного жителя: не согласится ли кто-нибудь отвезти его до обоза казачьей команды Краснощекова? Располагался обоз около Изюма у Протопоповки.

— Есть здесь такой человек, — ответил тот, — который вашу братью возит, — Каверин Иван, раскольник.

Пугачев выдавал себя за казака из этой команды, чтобы не подумали, что он беглец. Каверин поверил Емельяну и отпустил с ним пасынка Алексея — за три рубля с полтиной

тот должен был его доставить на место. Выехали на телеге с двумя каверинскими лошадьми. Лошадь Пугачева шла в поводу.

Наступившая темнота застала путников в поле. Развели огонь, сварили кашу, За едой Пугачев признался Алексею:

— Ведь я не за обозом Краснощекова еду, а мне хочется, добрый человек, пожить для бога, да не знаю, где бы сыскать таких богобоязливых людей.

— Я знаю такого человека набожного, — с охотой ответил молодой раскольник, — который таких людей принимает.

— Пожалуй, бога ради, отвези меня к нему. Что это за богобоязливый человек и где он живет?

— Оный человек казачей Кабаньей слободы, живет на своем хуторе и прозывается Осип Коровка.

Переночевав у костра, Пугачев и Алексей Каверин утром повернули на хутор раскольника Осипа Ивановича Коровки. Ехали весь день. Вечером, приближаясь к его дому, Пугачев послал своего спутника к хозяину. Алексей ни разу не видел Коровку, но слышал о нем. Он отправился к нему и сказал о себе, потом о Пугачеве:

— Я привел сюда такого человека, который хочет пожить для единого бога.

— А где тот человек?

— Он стоит за хутором.

Оба раскольника пошли к Пугачеву, который лежал на телеге. Они приблизились к нему.

— Вот, Осип Иванович, — показал на него Алексей, — тот человек, который желает пожить бога ради.

— Пожалуй, Осип Иванович, — Пугачев поднялся с телеги, — прими меня к себе.

— Какого ты чина и как тебя зовут?

— Я донской казак Емельян Иванов сын Пугачев, иду за обозом Краснощекова, но хочется мне пожить для бога ради. Пусти меня пожить, на службе никак угодить богу не можно.

— Я бы рад, да не можно. Я держал таких людей, да они меня часто грабили и совсем разорили. Я боюсь.

Все-таки Коровка, поддавшись на уговоры Пугачева, согласился принять его на несколько дней. После двухдневного пребывания на хуторе Коровки Пугачев некоторое время скитался в окрестностях. Но без паспорта было опасно, и он вернулся к Коровке с предложением ехать вместе для поселения под Бендерами. Тот ехать отказался, но дал ему свой паспорт и отправил с ним сына Антона.

По дороге от проезжающих они узнали, что под Бендерами никакого нового поселения не заводят.

— Куда же нам теперь ехать, чтобы спасти себя? — обратился Пугачев к Антону.

— Поедем, — ответил тот, — в Стародубские слободы» Спутники направились сначала в Стародубскую Климову слободу, где жили раскольники, потом в Стародубский монастырь к старцу Василию. Здесь они прожили несколько месяцев. Пугачев признался Василию, что он бзглый донской казак. На вопрос о том, где бы ему обосноваться, старец посоветовал:

— Лучше не можно, как итти в Польшу. Здесь много проходит всяких беглых, и отсюда только нужно перевезти их через заставу, а там и пойдут они на Ветку. Побыв там малое время, придут они на Добрянский форпост и скажутся польскими выходцами. А как есть указ, что польских выходцев велено селить по желанию, то с форпоста дают им билеты в те места, куда кто пожелает на поселение. Со временем можешь и жену свою, хотя воровски, к себе достать и жить целый век спокойно.

Пугачев так и поступил. Ветка, раскольничья слобода, располагалась недалеко, на реке Сож, около Гомеля, в пределах Белоруссии, входившей тогда в состав Польши. Туда со всех сторон стекались раскольники с целью укрыться от гонений со стороны властей и православной церкви. Бегство раскольников приняло такие размеры, что Петр III и

Екатерина II обнародовали указы: беглецов-раскольников призывали возвращаться на родину, обещая им прощение, милости, разные льготы; селиться они могли там, где пожелают. При возвращении из Ветки на пограничном Добрянском форпосте таким возвращенцам, или, как тогда говорили, выходцам, выдавали паспорта.

Емельян с помощью старца Василия перебрался по тропинке через границу и оказался в Ветке. Но пробыл там недолго — всего неделю, не более. Его тянуло в Россию, и он вскоре приходит на Добрянский форпост. Здесь дожидалось возвращения на родину много беглых русских раскольников. Они выдерживали карантин.

— Как, братцы, являются на форпосте? — спрашивал их Пугачев.

— Ты как придешь к командиру, — наставляли его, — так он тебя спросит: откуда ты и что за человек? Ты скажи: я родился в Польше и желаю идти в Россию, тогда тебя не станут больше спрашивать. А если ты скажешься чьим из России, то сделают привязку.

Так и произошло на форпосте.

— Откуда ты? — спросил Пугачева майор Мельников.

— Из Польши.

— Какой ты человек и как тебя зовут?

— Я польский уроженец, зовут меня Емельян Иванов сын Пугачев.

Имя Пугачева записали в книгу и заставили шесть недель отсидеть в карантине. Здесь Емельян свел знакомство с солдатом-гренадером Алексеем Семеновичем Логуновым, таким же беглецом, как и он сам. Пугачев и Логунов пришли друг другу по душе и договорились, что вместе пойдут на поселение за Волгу, в дворцовую Малыковскую волость на Иргизе, к раскольникам.

Чтобы заработать на пропитание, подрядились они сделать сарай у купца-староверца Кожевникова. Однажды обедали у него в доме, и задумавшийся Логунов сказал хозяину, указывая на Емельяна:

— Этот человек точно, как Петр Третий.

— Врешь, дурак! — крикнул в сердцах Пугачев, но, как он позднее скажет на допросе кнутабойцу Шешковскому, «в тот час подрало на нем... кожу».

Случай этот весьма любопытен. Пугачева, будущего «третьего императора», продрало морозом по коже — почему? От страха? Или по другой причине? Уже во время русско-прусской войны, лет с десять тому назад, он старался представить себя перед однополчанами крестником Петра I, который-де подарил ему саблю. Да и позднее он явно стремился «отличить» себя от других. Человек честолюбивый и беспокойный, энергичный и сметливый к тому же, что важнее всего в его натуре, испытавший не раз несправедливость со стороны властей, господ, человек вольнолюбивый и не смирившийся с социальным злом, которое сопровождало жизнь всех людей, подобных ему, он на протяжении этих десяти лет пытался как-то вырваться из цепей, опутывавших его все сильнее, найти свой путь, несмотря на все трудности и препятствия. Прибыв на Терек, он добивается, чтобы земляки-выходцы с того же Дона избрали его своим атаманом, пытается пробраться в Петербург ходатаем по их делам. Его планы не раз рушатся, но он снова и снова бежит из-под ареста, ищет удачи в новых местах, стремится с помощью других людей уйти от преследований.

Он отнюдь не одинок в своих скитаниях и исканиях, В ту пору большое число людей, обиженных властями, преследуемых и гонимых, ходило по России, искало хоть какой-то выход. По всей стране в те годы, когда началась и протекала сознательная жизнь Пугачева (от его женитьбы и службы в действующей армии), недовольство народа выражалось в самых разных формах. Широкий размах получили волнения и восстания крестьян — помещичьих, монастырских, приписных к заводам, работных людей этих заводов, горожан («Чумной бунт» 1771 года в Москве), казаков, солдат. На борьбу против гнета и произвола богатых и власть имущих вставали все обездоленные слои населения, русские и нерусские, православные и магометане, буддисты и язычники, жители европейской и восточной части страны.

Некоторые из недовольных, как это было не раз со времен Болотникова и Разина,

принимали на себя имя царствующих особ или их родственников, становились самозванцами. С одной стороны, они аккумулировали чувства социального недовольства и протеста, широко распространенные в народе, с другой — как бы облекали их в «законную» форму. Ведь авторитет царя, императора был очень высоким. Тому способствовали некоторые меры правителей, о которых становилось известно. От имени Петра III и Екатерины II, как уже говорилось, исходили указы о послаблениях раскольникам. С именем первого из них связывались и меры по подготовке секуляризации церковных земель, освобождения монастырских крестьян от власти духовных феодалов и превращения их в крестьян экономических — государственных; их положение облегчалось. К тому же Петр III правил недолго, всего полгода; его устранила дворянская гвардия, которая возвела на престол его жену. Несбывшиеся надежды на «доброе» императора (а эти иллюзии по поводу «добрых» намерений монархов и противодействия им «злых» советников-бояр, вельмож столетиями питали сознание угнетенных) не умирали, тем более что положение низов становилось невыносимым. А с появлением самозванцев они оживали. В третьей четверти столетия таких самозванцев появилось более двух десятков. Незадолго до Пугачева по Средней Волге, в районе Царицына, действовал один из них — беглый крестьянин Федот Богомолов.

Как видим, почва для того, что произошло с Пугачевым, давно была подготовлена. К тому же и сам он был склонен, к тому, к чему толкала его сложившаяся обстановка и, как мы убедимся в дальнейшем, те люди, которые так или иначе с ним сталкивались, надеялись на облегчение народных страданий. Так, в частности, произошло и на Добрянском форпосте. Сравнив Пугачева с покойным императором Петром III, Логачев отнюдь не шутики шутил. В ответ на уверения Емельяна, что он простой казак с Дона, к тому же беглый, и солдат и купец-раскольник взялись за него всерьез. Кожевников рассказывает ему о восстании на Яике, недавно подавленном, — яицкие казаки «помутились»-де из-за гонений на «старую веру». Убеждает его идти на Яик и принять на себя имя Петра III с тем, конечно, чтобы ату веру защитить, встать за гонимых и обездоленных. А солдат снова и снова уверяет растерявшегося казака, что он очень похож на покойного мужа правящей государыни, а сам Логачев готов-де это подтвердить где угодно.

Убеждения, очевидно, действовали. О восстании на Яике среди братьев-казаков Емельян слышал и до этого, немало, вероятно, размышлял об их дерзкой попытке, может быть, мечтал об участии в таком деле. Князь Волконский, московский генерал-губернатор, генерал-аншеф, впоследствии сочтет возможным информировать Екатерину II в «Краткой записке о Пугачеве», что тот еще до побега в Польшу «наслышался», что яицкие казаки «бунтовали и убили генерала» (Траубенберга).

Мысль о том, чтобы взять на себя имя Петра, выступить под его прикрытием против гонений и несправедливостей, зреет в нем, и довольно быстро. В беседах с Логачевым и Кожевниковым он уже начинает надеяться и верить, что «его на Яике, как казаки все находятца в возмущении, конечно, примут и Семеновым (то есть Логачева. — В. Б.) словам веру дадут».

Подобные же разговоры Пугачев вел позднее и с другими спутниками, собеседниками, и та же идея могла не раз всплыть и обсуждаться. Возможно, что все эти настояния других людей в значительной степени плод фантазии самого Пугачева, который во время допросов стремился, и это естественно, снять с себя вину, приписать инициативу в принятии на себя царского имени иным лицам. В таком случае роль самого Пугачева выглядит еще более активной и решительной.

12 августа Пугачев и Логачев, явившись к добрянскому коменданту майору Мельникову, получают долгожданный паспорт. Можно себе представить, как был рад Емельян, получивший бумагу, которая давала право на возвращение в Россию:

«По указу ея величества государыни императрицы Екатерины Алексеевны, самодержицы Всероссийской и проч., и проч.

Объявитель сего, вышедший из Польши и явившийся собой в Добрянском форпосте,

веры раскольнической, Емельян Иванов сын Пугачев по желанию его для житья определен в Казанскую губернию, в Симбирскую провинцию к реке Иргизу, которому по тракту чинить свободный пропуск, обид, налог и притеснений не чинить и давать квартиры по указам. А по прибытии явиться ему с сим паспортом Казанской губернии в Симбирскую провинциальную канцелярию; також следуючи, и в прочих провинциальных и городских канцеляриях являться. Праздно ж оному нигде не жить и никому не держать, кроме законной его нужды. Оной же Пугачев при Добрянском форпосте указанный карантин выдержал, в котором находится здоров и от опасной болезни, по свидетельству лекарскому, явился несумнителен. А приметамы он: волосы на голове темно-русые и борода черная с сединой, от золотухи на левом виску шрам, от золотухи ж ниже правой и левой соски две ямки, росту 2 аршина 4 вершка с половиной, от роду 40 лет. При оном, кроме обыкновенного одеяния и обуви, никаких вещей не имеется. Чего в верность дан сей от главного Добрянского форпостного правления за приложением руки и с приложением печати моей в благополучном месте 1772 г. августа 12». Майор Мельников, пограничный лекарь Томашевский и каптенармус Баранов засвидетельствовали подлинность документа, столь важного для Пугачева.

В паспорте на десяток лет преувеличен возраст Емельяна; может быть, он сам назвал намеренно эту цифру: ведь он теперь должен был скрывать от властей многое... К тому же и выглядел он старше своих 30 лет — в бороде немало седины; скитания и лишения уже давали себя знать.

Перед уходом с форпоста оба беглеца зашли к Кожевникову.

— Куда же вы теперь идете? — спросил купец, подавая им целый хлеб на дорогу.

— Идем на Иргиз.

— Кланяйтесь там отцу Филарету, меня на Иргизе все знают.

Распрощавшись с раскольником, Пугачев и Логачев пошли в Черниговку, где Емельян снова увиделся с Кавериным, потом на хутор к Коровке. Осип Иванович выговаривал ему, что он так долго отсутствовал, спрашивал, где сын его, на что Пугачев отвечал:

— Я сына твоего оставил в Ветке, нанял ему лавку и посадил торговать серебром. Теперь я поеду на Иргиз и там жить буду. А если там жить будет худо, то можно уехать на Кубань, куда ушли некрасовцы.

Пугачев, пробираясь на Яик, не исключал, как видно, что и там может ждать его несладкое житье, и обдумывал план побега на Кубань, находившуюся тогда во владениях Турции. Именно туда после поражения Булавинского восстания ушли повстанцы Игната Некрасова — некрасовцы. Еще раньше Разин и его удалые молодцы подумывали о том, чтобы поселиться на Куре, в Закавказье, во владениях шаха персидского. Извечная мечта голытьбы о вольной земле, о свободе подвигала людей на антиправительственные действия. Сильным, неистребимым было желание избыть тяжкую долю, избавиться от ярма.

Путники двинулись на восток, переплыли Дон на Мед-ведицком перевозе и через Трехостровьянскую станицу прибыли в Глазуновскую. Их приютил казак-раскольник Андрей Федорович Кузнецов. Здесь Пугачев узнал подробности о Богомолове — «Петре III», выступление которого вызвало беспорядки в Царицыне, сочувствие его населения, а также донских казаков. Передавали слухи: «Петра III» не удалось-де отправить в ссылку в Сибирь, так как император бежал и где-то скрывается. Говорили об этом везде — на Дону, в Поволжье, Сибири...

Пугачев спешит на Иргиз, за Волгу, к востоку от Саратова, все к тем же раскольникам. Приехав в Малыков-ку, он с Логачевым явился к управителю, который им объявил:

— Вам надобно ехать в Симбирск и записаться.

Оба выходца упростили его дать им отсрочку на несколько дней, чтобы отдохнули их лошади. Тот согласился, но они тут же поехали в Мечетную слободу, в 100 верстах от Малыковки, к старцу Филарету. Нашли его в скиту Введения богородицы. Бывший московский купец второй гильдии Семенов, старец Филарет сохранил связи с купеческими кругами, имел немалое влияние среди старообрядцев. Он охотно и долго беседовал с Пугачевым, новым выходцем-раскольником, рассказывавшим о своих странствиях по

раскольничьим местам и беседах с их обитателями. Передал он и поклоны от Каверина и Кожевникова. Филарет же говорил о положении дел на Яике, где как раз проходило следствие о январском «бунте».

— Яицким казакам, — по его словам, — великое разорение, и они помышляют бежать к Золотой мечети.

— Нет, — возразил Пугачев, — лучше бежать туда, куда бежал Некрасов.

— Поезжай на Яик, — поддержал его Филарет, — и скажи им, что ты их проводишь туда можешь. Они с тобой с радостью пойдут, да и мы все пойдем.

Как будто Пугачев поверил Филарету свою мысль назвать себя императором, и игумен поддержал его:

— Яицкие казаки этому поверят, потому что ныне им худо жить, и все в побегах, и они тебе будут рады. Только разве кто из них не знал ли покойного императора, но и это даром, они спорить не станут, только им покажись.

— Да, — согласился Пугачев, — на Яике меня скорей, чем в другом месте, признают и помогут.

Филарет позднее, на допросе, отпирался от этих слов, не на всем настаивал и Пугачев в показаниях, данных в разное время. Но важно то, что предположения, высказанные здесь, впоследствии полностью осуществились. Пока речь шла о выводе яицких казаков на Кубань Пугачевым, который мог бы стать их атаманом. Как человек бывалый и честолюбивый, он опять стремился осуществить свою мечту возглавить какое-либо казацкое сообщество, стать его предводителем-атаманом. Между прочим, по дороге из Белоруссии на Иргиз Емельян говорил о себе, что он богатый купец, побывал в Царьграде и Египте. За этими фантазиями и хвастовством скрывается натура энергичная, беспокойная, ищущая свое место в жизни трудной и жестокой. Но он болеет не только и не столько за себя, будучи одержим простодушным, но настойчивым честолюбием.

Он, несмотря на пути повседневных привычек, обычаев, установлений и на трудности, выпавшие на его долю, сумел преодолеть чувство страха, привычку к подчинению всякому «начальству», задумать и осуществить такое, что поражало воображение, восхищало одних и приводило в ужас других. Он повторил подвиг русских бунтарей — Болотникова и Разина, Булавина и Некрасова, многих других борцов за волю народную.

Все свои планы, помыслы он связывает с такими же, как и он сам, казаками — донскими, терскими, яицкими, а позднее — со всеми подневольными, подъяремными, бедными людьми. Именно с такими чувствами и планами прибыл он в Заволжье, к Яику.

Филарет не советовал Пугачеву ехать «записываться» в Симбирск:

— Если тебя на Яике не примут и ничего там не сделаешь, в Симбирск не едь; там хотя и запишут, но не скоро, а поезжай лучше в Казань.

— Да ведь у меня и в Казани знакомых нет ни единого человека.

— У меня есть в Казани приятель, купец Василий Федорович Щолоков; он наш, старовер, человек добрый и хлебосол. Буде с тобою я сам в Казань не поеду, так скажу тебе, где его сыскать, а там он за тебя постарается и попросит.

Обрадованный Пугачев уговорил Филарета заодно помочь ему и в Малыковке с управителем. Игумен отправился вместе с ним в село. По дороге, в селе Терсах, Емельян купил пуд меду и по приезде ублажил им управителя. Тот, весьма довольный, разрешил ему остаться в Малыковке до крещения.

Вскоре Емельян расстался с Логачевым, снова нанявшимся в солдаты, и вместе с Филаретом вернулся в Мечетную слободу. Здесь он остановился у местного жителя раскольника Степана Косова, игумен уехал в свой скит. У Степана родился ребенок, и Пугачев стал его крестным отцом. Но ему уже не терпелось перебраться дальше на восток к Яику — мысли о задуманном выступлении против господ под именем Петра III не давали покоя. Тут, кстати, выяснилось, что тесть хозяина Семен Филиппов (Сытников) собирается ехать с хлебом на Яик.

— Возьми, Семен Филиппович, и меня с собой на Яик, — обратился к нему постоялец

Косова, — я хочу ехать туда купить рыбы и взыскать по векселю с брата своего 100 рублей.

Заняв денег у Филарета, он тронулся в путь. По дороге в беседе Семен Филиппов услышал от него слова, для него любопытные и странные:

— Что, Семен Филиппович, каково жить яицким казакам?

— Им от старшин великое разорение, и многие уже разбежались.

— Так вот что я тебе поведаю, Семен Филиппович. Ведь не за рыбой я на Яик-то еду, а за делом. Я намерен подговорить яицких казаков, чтоб они, взяв свои семейства и от меня жалованья по 12 рублей, бежали на Кубань и, поселившись на реке Лабе, отдались в подданство турецкому султану. У меня оставлено на границе товару на 200 тысяч рублей, которыми я бежавшее Яицкое войско коштовать буду. А как за границу мы перейдем, то встретит нас турецкий паша и даст еще до пяти миллионов рублей. Ты сам видишь, какое ныне гонение на яицких казаков, так хочу я об этом с ними поговорить: согласятся или нет итти со мной на Кубань?

— Как им не согласиться, — поддержал разговор Филиппов, — у них ныне идет разорение, и все с Яику бегут. Ты скажи им только об этом, так они с радостью побегут за тобой. Но за что ты им такое жалованье давать станешь? Бога ради, что ли?

— Я буду у них атаманом войсковым.

— Пожалуй, за деньги они атаманом тебя сделают, — шутил Филиппов, — и пойдут с тобою с радостью.

— А когда я буду атаманом, — продолжал в том же шутилом тоне Пугачев, — так тебя старшиной сделаю.

— Спасибо, и я с вами пойду, — взятый насмешливый тон не покидал Филиппова, — так не оставь, пожалуй, и меня.

Филиппов, которому так неосторожно доверился Пугачев, шутил и, вероятно, уже тогда замыслил недоброе. Между тем путники, отъехав верст с 70 от Иргиза, подъехали к реке Таловой. Остановились ночевать на умете¹ пахотного солдата Степана Максимовича Оболяева, в 60 верстах от Яицкого городка. Окрестные жители звали Степана Ереминой Курицей — у хозяина умета, человека доброго и простодушного, эти слова всегда были в ходу вместо шутки и бранного выражения. Ему предстояло сыграть немалую, хотя и эпизодическую, роль в судьбе Пугачева, и в событиях, последовавших за его приездом в сызранскую степь. Уроженец села Назайкина Симбирского уезда, Оболяев с детских лет жил на Яике в работниках, сначала в Илеке у местного атамана Василия Тамбовцева, потом в Яицком городке у его брата Петра Тамбовцева — самого войскового атамана, главы Яицкого казачьего войска, погибшего от рук восставших в январе этого года. За службу у Тамбовцевых ему разрешили арендовать умет, и к нему часто приезжали казаки, рассказывали о своих делах, нуждах и бедах, притеснениях старшин и несправедливости петербургских властей, особенно руководителей Военной коллегии, ведавшей Яицким войском. Говорили они ему, что готовы бежать всем войском, чтобы избыть беду — ожидали результаты следствия, жестокие наказания... От него-то Пугачев и услышал самые новые известия о яицких происшествиях. Еремина Курица охотно делился с теми, кто останавливался у него, всем, что он слышал и знал.

Наступал решительный момент в жизни и судьбе Емельяна Ивановича. До сих пор его разговоры о Яике и всем, что с ним связывалось, были неясными надеждами, мечтами. Теперь он познакомился с человеком, тесно связанным с яицкими казаками; они часто, поодиночке и группами, приезжали к Оболяеву, и довольно скоро Пугачев встретится с ними лицом к лицу. А ведь от них зависело — произойдет или нет тот поворот в судьбе Пугачева и многих людей, которые, как он надеялся, пойдут за ним. Пойдут ли?..

Яик — река казацкая

---

¹ Умет — постоялый двор.

Многое перевидали берега Яика-реки, где начались события, в которых славную роль сыграл выходец с Дона Емельян Пугачев.

Ко времени, когда Емельян Иванович появился на Яике, земли вокруг пего давно были официально включены в состав России. Появление здесь русских людей произошло довольно рано. Связано это было с формированием казачества.

Уже с конца XV века, то есть с образованием единого Русского государства, начался и затем в течение следующих столетий все более нарастал приток беглых на окраины страны, на земли, где не было крепостного ярма, лихих бояр и дворян, воевод и приказного семени. Русские беглецы-переселенцы появлялись и селились по берегам Дона и Терека, Волги и Яика. Мечты о свободной земле и волюшке вольной постоянно влекли бедняков на новые места. Так из столетия в столетие делали и русские, и украинцы, и белорусы, и многие другие — все те, кого манили дальние дороги, сулившие желанную свободу. В новых местах основывали они поселения, организовывались в сообщества вольных людей — казаков, как они стали себя называть. Так возникли казацкие «христианские республики», как их назвал К. Маркс, — Запорожская Сечь, Войско Донское, Войско Терское, Войско Яицкое и другие.

Яицкие казаки еще в XVIII столетии помнили и бережно хранили преданий о начале своего войска. За полстолетия до Пугачева яицкие атаманы Ф. Рукавишников и Ф. Михайлов, оказавшиеся «по войсковому делу» в Москве, повествовали своим собеседникам: «В прошлых давних годах прадеды и деды..., то есть первыя яицкия казаки, пришли и заселились здесь, на Яике-реке..., собравшись русский, с Дону и из ыных городов, а татара из Крыму и о Кубани и из других магометанских народов», Они же подчеркивали, что от начала «их заселения или паче на Яик-реку приходу ныне будет гораздо более двухсот лет». Далее атаманы, явно ошибаясь и преувеличивая, еще более «удревнили» время появления своих предков: «...Первых яицких казаков на Яик-реку приход и заселение было в самые те времена, когда... Тамерлан разные области разорял». Рукавишников и Михайлов имели в виду походы знаменитого Тимура (Тимурленга, Тамерлана) из Средней Азии на Северный Кавказ и в Нижнее Поволжье в конце XIV столетия, когда его войска наголову разгромили военные силы золотоордынского хана Тохтамыша и дотла разорили его владения. В эти бурные и жестокие годы, опаленные вихрями кровавых нашествий и погромов, вряд ли могли появиться на Яике русские переселенцы — казаки.

Яик-река и ее окрестные места дали приют и первым поселенцам, и многим новым пришельцам. Их число со временем увеличивалось все быстрее, тем более что со второй половины XVII и начала XVIII века, после массовых и жестоких расправ с участниками Второй и Третьей крестьянских войн в России (движений, возглавленных на определенных этапах Разиным и Булавиным), началось решительное наступление царской власти на права и привилегии донского казачества. Ухудшалось положение запорожцев и терцев. Такова же была и участь яицких казаков.

Долгое время, в течение нескольких столетий, защищали яицкие казаки свои порядки, столь дорогие сердцу этих независимых, вольных и гордых людей. С малых лет с молоком матери впитывали они представления о своем войске, где нет ни крепостного ярма с барином, ни царских надсмотрщиков и карателей. Все казаки совместно владели землей и водой, пастбищами и лесами. Все вместе выходили на рыбную ловлю, охотились свободно, на равных основаниях, делали все, что необходимо, чтобы добыть хлеб свой насущный.

Сыны Яика Горыныча, прославленного в народных песнях и легендах, казаки — народ удалой и отчаянный — с молодых лет умели держать в руках саблю. Их не смущали никакие лишения походной или сторожевой службы, а во время сражений они показывали не раз свою неустрасимость. В.А. Перловский, командовавший Хивинской экспедицией в начале 1840 года, не переставал дивиться на них: «Вот уж чудо-казаки: стужа, бураны для них ничего, больных весьма мало, умерших почти нет; пока шли вперед, какая бы ни была погода, распевали удалые песни... Работают более, лучше и охотнее всех. Без них плохо бы было всему отряду!»

Большая их часть проживала в Яицком городке. Здесь находились войсковая изба, или канцелярия, управлявшая всеми делами, склады, оружейные мастерские. Все вопросы жизни Яицкого войска решались на общей сходке. П. Паллас, побывавший в конце 60-х — начале 70-х годов на Яике во главе академической экспедиции, говорит, что ни одно важное дело у яицких казаков нельзя обсудить и решить «без собрания народа, которое у них круг называется». На него звоном колокола (набата) созывались все казаки — служащие и неслужащие, иногда и женщины. Но с проведением переписей и ограничением числа людей, имевших казачьи права, стали допускать только так называемых действительно служащих, проживающих в Яицком городке. Созывался круг на главной площади, около церкви и войсковой канцелярии. Все присутствующие окружали помост-рундук с перилами, на котором стояли старшины. Сюда же выходил войсковой атаман, одетый празднично, с наскокой (булавой) в руках. Следовали взаимные поклоны старшин казакам, казаков — старшинам. Затем есаулы «громкими голосами» объявляли, по какому делу собрали народ.

Круг выбирал и смещал руководителей войска, в первую очередь — войскового атамана. Он имел власть над всем войском. Ему в помощь для исполнения решений избирали двух войсковых старшин. Два других его помощника — есаулы — имели военно-административные, полицейские функции. Войсковой писарь, или дьяк, возглавлял войсковую канцелярию, следил за выполнением законов; ему подчинялись казначей, до шести писарей.

Это устройство, демократическое по своей сути, постепенно менялось в сторону бюрократизации, подчинения центральной власти. В этом направлении шли, с одной стороны, меры правительства, с другой — желания старшины, стремившейся к сговору с Петербургом и ограничению, а то и вовсе уничтожению контроля круга за своими действиями. Последние нередко решали дела без круга, а власти поощряли их, вели курс на реформирование войска, введение в нем «регулярства», ограничение прав и привилегий казачества. Старшина, мечтавшая об обогащении, дворянстве и офицерских званиях, только этого и ждала. Она постепенно забирала в свои руки решение тех вопросов, которыми раньше мог заниматься только круг (войсковой суд, верстание беглых в казаки, замещение должностей и др.). К XVIII веку старшины во главе с атаманом стали, по существу, хозяевами Яицкого края, допускали беззакония — взяточничество, утаивание войсковых средств, правительственного жалованья. Даже Екатерина II в 1772 году признавала, что причина выступления яицких казаков против старшины лежит в «несправедливости, лихоимании, предпочитании собственной прибыли общей, притеснении и похищении старшинами народного сбора для собственного обогащения неправильного».

Но все же в отличие от порядков, существовавших, скажем, в центре Европейской России, пароду на Яике жилось лучше. Все указанные черты общественной жизни казаков имели, таким образом, известный демократический характер. Недаром даже современники, например в XVIII веке называли подобное устройство «республиканским». Правда, в среде казаков постепенно складывается прослойка богатых, влиятельных людей. Это в первую очередь старшина во главе с войсковым атаманом, затем другие разбогатевшие казаки. Именно в их руках сосредоточились немалые богатства — в результате военных походов, захватов земель и скота в казачьих областях. Немалые доходы получали представители старшины, исполняя свои прямые обязанности в войске. Один из источников — распределение жалованья (деньги, хлеб, вино, воинские припасы) из Москвы. Дело в том, что царское правительство в первые века существования казачьих областей не имело достаточных сил, чтобы расправиться с ними, хотя они немало досаждали русским боярам и дворянам, принимая к себе многих беглых крестьян, холопов, посадских людей и прочий обнищавший, обездоленный люд. Более того, нуждаясь в казаках как защитниках границ от внешних нападений (Крым, Турция, восточные ханства), московские власти поддерживали с ними связи. Интересно, что отношения с казаками Москва вела через Посольский приказ, в XVIII веке — через Коллегию иностранных дел, принимала от них посольства (станции), вела с ними переговоры, заключала соглашения. Казаки получали от правительства не

только подарки (оружие, сукна и др.), но и жалованье, более или менее регулярное. Правда, царь и бояре выступали как бы п. роли опекунов казачьих областей, выговаривали им неправильные, с их точки зрения, поступки — прежде всего нападения на владения русских феодалов, прием беглых из их владений, «шарпанье» на Волге и других реках, от которых страдали не только купеческие, но и боярские и даже царские торговые караваны. Нередко, для того чтобы наказать непослушных, оказать на них давление, им не выдавали жалованье, задерживали его.

Однако, несмотря на некоторую зависимость от Москвы, постепенно возраставшую, несмотря на развивавшееся у казаков социальное неравенство, их жизнь, быт, порядки в глазах народных низов были очень привлекательными. Простые люди с надеждой смотрели на Дон и «Запороги», на Терек и Яик, многие стремились пробраться туда и стать вольными казаками. Те, кто не мог это сделать (а таких было, конечно, большинство), видели в казаках своих союзников в борьбе с феодальным гнетом, с господами. Во время народных восстаний, очень частых в XVII—XVIII веках, их участники называли себя казаками, вводили в районах, освобожденных от контроля царских властей, казацкие порядки (круги, выборы атаманов и т. д.). Особенно это характерно для четырех крестьянских войн. Все подневольные мечтали о том, чтобы получить, как и казаки, волю, свободу от крепостного ярма. В 1648 году в разгар городских восстаний в Европейской России, житель города Козлова Андрей Покушелов, рассказывал друзьям о том, что «на Дону и без бояр живут и в Литве панов больших побили и повывели ж» (имеется в виду восстание во главе с Богданом Хмельницким в Запорожской Сечи на Украине, которая входила в состав Польско-Литовского государства — Речи Посполитой).

Московские правители (Иван III, Иван IV, Борис Годунов и др.) стремились ограничить «буйства» казаков, прекратить приток к ним беглых из внутренних русских областей. Принимали суровые меры — натравливали на них соседей (например, ногайцев, казахов, калмыков и др.), требовали от своих воевод в пограничных районах хватать казаков и беглых людей, сажать их в тюрьмы и казнить. Особенно жестоко расправлялись власти с участниками восстаний. Так, в ходе Второй крестьянской войны от рук карателей погибло более 100 тысяч повстанцев. То же творилось и в других случаях.

Жизнь казаков была нелегкой. В суровой борьбе с внешними и внутренними врагами приходилось отстаивать свое право на существование. Военные походы, тяжелый труд, опасности, угрожавшие со всех сторон, закаляли характер казака измлада, делали его суровым, отважным, вольнолюбивым. С ранних лет он должен был быть прекрасным наездником, хорошо владеть оружием — саблей, копьем, ружьем и, если необходимо, стрелять из пушки. Географ И. Георги, посетивший Яик в 1770 году, писал о тамошних казаках, что они «здоровые, бодрые и сильные люди..., необузданы..., решительны и храбры». За год до него здесь же побывал П. Паллас, по словам которого казаки «добронравный и чистоту наблюдавший народ», «ростом велик и силен, да и в женском поле немного находится малорослых».

Яицкие казаки, как и донские и другие, попали под контроль Москвы, правда, не сразу. Предания, сохранявшиеся в XVIII веке, связывали это с именем царя Михаила Федоровича — первого из династии Романовых (1613—1645). Уже упоминавшийся атаман Ф. Михайлов в «распросных сказках» (показаниях) поведал, что в свое время их предки были «людьми вольными», «жили они... немалое время своевольно, ни под чьею державою». Но однажды они, «собравшись, думали, у кого им быть под властью». Думали долго, наконец «послали от себя двух казаков — русского да татарина — к государю Михаилу Федоровичу с челобитьем, чтоб он, великий государь, их пожаловал, принял под свою протекцию». Тот согласился и приказал дать казакам грамоту — им во владение жаловались-де Яик и земли около него «с вершин той реки до устья», они получали право «набираться на жильё вольными людьми», «служить казачью службу по обыкновению».

Трудно сказать, насколько рассказ атамана соответствовал действительности. Во всяком случае, яицкие казаки исходили в своей повседневной жизни из тех норм, которые

упоминаются в условиях помянутой «протекции». Главное из них, конечно, — это неограниченный прием беглых, всякого рода вольных, охочих людей; это право формулировалось в известной тогда поговорке: «С Дона выдачи нет», одинаково применявшейся во всех казачьих областях. Правда, право это все больше стеснялось, особенно в XVIII веке. Петр I, например, послал в 1707 году на Дон карательный отряд князя Ю. Долгорукого, начавший жестокий розыск и возвращение беглых их владельцам. Но донцы во главе с К. Булавиным перебили всех карателей (около тысячи человек), и так началась Третья крестьянская война в России, продолжавшаяся до 1710 года. После ее подавления независимость Войска Донского была сильно стеснена.

Та же угроза надвигалась и на Яицкое войско. Так, в 1718 году на Яик прибыли поручик Темецкий и Кротков. Многих выявленных беглецов они вернули помещикам; непослушных, возражавших казаков били «смертным боем», выполняя царский указ — «с Яику пришлых помещиковых людей и крестьян отдавать по-прежнему помещикам с того году, как таковых отдавать велено с Дону» (то есть выдавать всех бежавших после 1695 года). Тогда же, по указу 3 марта 1721 года, казаков передали из ведения Коллегии иностранных дел в Военную коллегию.

Положение яицких казаков сильно ухудшается. Они протестуют, посылают станицы в Петербург, возлагая надежды на «доброту» царя, сетуя на его «неосведомленность», но всякий раз терпят неудачу. Их наивные иллюзии, вера в «хорошего» царя наталкивались на жестокость и непримиримость власть имущих во главе с их императорами и императрицами.

Правительства, одно за другим, шлют на Яик следственные комиссии, арестовывают челобитчиков, понуждают казаков к повиновению, неуклонно вводят новые порядки и правила, подчиняя Яик своему жесткому контролю. В этом они находили поддержку со стороны яицкой старшины, богатых казаков (домовитые, «послушная сторона»), которые стремились к сговору с властями в ущерб интересам основной массы бедных казаков (непослушные, «войсковая сторона»).

В марте 1723 года комиссия во главе с полковником Захаровым при содействии войскового атамана Мер-кульева в ходе розыска арестовала и приговорила к казни предводителей непослушных казаков, в том числе Ф. Рукавишника, который незадолго перед этим ездил в столицу с челобитной. Он был арестован и выслан на Яик, где и погиб. В этом и следующем году на Яике провели перепись. После нее годными к службе признали только около 3,2 тысячи человек, остальные (а их было намного больше) потеряли казачьи права. Атаман и старшины стали, по существу, назначаться властями. Заменяли старые воинские знаки: войсковой атаман вместо прежней насеки (посох в виде булавы, олицетворявший его власть) получил из столицы новую, «с надписью и государственным гербом»; отсюда же поступили новые клейноты — знамена, трубы.

Всем этим остались довольны лишь войсковой атаман и старшина — распоряжения Петербурга если и не избавляли их полностью от контроля круга, то, во всяком случае, значительно его ослабляли. В 30—40-е годы царские власти назначали войсковыми атаманами своих ставленников — Прыткова, И. Бородин, А. Бородин (его даже произвели в подполковники). Последний, управляя Яицким войском два десятилетия — с 1748 по 1768 год, допускал такие злоупотребления и издевательства над рядовыми казаками, что даже правительство вынуждено было его сместить и назначить нового атамана — Тамбовцева. Впрочем, он оказался ничуть не лучше своего предшественника.

Наступление правительства на Яицкое войско шло и по другим линиям. Со всех сторон оно постепенно окружалось крепостями, точнее, целыми линиями крепостей, городов с гарнизонами. В 30-е годы возводят крепости от Волги до Яика в районе города и реки Самары; так кладется начало Самарской линии, или дистанции. С основанием (в 1744 году) Оренбургской губернии с центром в Оренбурге также строятся многие крепости у северо-восточных и восточных пределов Яицкого войска. Последнее как бы берут в клещи с востока (Оренбург) и запада (Астрахань, Царицын, Саратов, Самара). Возникает Оренбургское казачье войско, ставшее ядром Оренбургского корпуса, организованного в 1753 году.

Численность последнего должна быть по указу, изданному два года спустя, «не только не менее, но и более Яицкого». Его, как и Яицкое войско, подчинили оренбургскому губернатору. Земли для поселения корпуса отхватывали у того же Яицкого войска. В ход шли земли и угодья по среднему течению реки. Более того, власти нацелились и на южные земли — появился проект поселения дворян по реке от Яицкого городка до Гурьева, а в последнем хотели разместить Казанский драгунский полк. Казаки быстро поняли, чем это грозит, и предложили свой план — они сами будут охранять Яик, выстроив здесь укрепления. Правительство согласилось. К 1745 году к югу от столицы Яицкого войска они построили семь крепостей и одиннадцать форпостов. Крепости отстояли друг от друга в 20—30 верстах и тянулись на 700 верст, составляя Нижнюю Яицкую линию (дистанцию). Вверх по течению реки от Яицкого городка до Оренбурга стояли крепости и форпосты Верхней Яицкой линии (дистанции). Гарнизоны во всех форпостах и крепостях насчитывали одну тысячу человек.

К 1767 году по Яицкой линии в целом проживало, по данным И. Георги, около 15 тысяч семейств. Форпосты и крепости имели укрепления, высокие каланчи для караула. В степи на возвышенных местах располагались маяки из деревьев, обвязанные травой и хворостом; здесь дежурили пикеты (реданки) из трех казаков на каждом — если приближался неприятель, то они зажигали маяк, давая знать другим маякам, форпостам и крепостям. Весть о приближении врага быстро доходила таким образом до Яицкого городка, и там принимали меры.

Служба по охране границ была очень обременительна и опасна. Ведь, помимо этого, казаки исполняли и другие обязанности (участие в походах, разные «командирации», подчас весьма дальние — на Волгу, в Оренбург, в Башкирию). В наказе в Уложенную комиссию 1767 года Яицкое войско жаловалось, что казаки с 1720 года по нарядам Военной коллегии «употреблялись уже в тех службах беспрестанно». К этому нужно добавить строительные работы, содержание дорог и мостов и др.

С целью усилить надзор за казаками в 1748 году войску дали новое деление — на семь полков (раньше — на сотни), в них стали царить армейские порядки. Часто появляются офицеры — ревизоры, присылаемые правительством. В том же наказе 1767 года говорилось, что офицеры «чинят расставку по форпостам старшинам и казакам по своей воле..., походных старшин штрафуют, а на место их других определяют, тако ж казаков наказывают, да и самих походных атаманов от команды отрешают». В отдельных случаях наказными атаманами власти без обиняков назначают тех же офицеров (в 1763 году — полковника Углицкого, в 1767 году — гвардии капитана Чебышева). Правительство в лице Военной коллегии, императрицы становится верховным арбитром во всех делах Яицкого войска.

К 1767 году Яицкое войско насчитывало 4,2 тысячи «действительно служащих» казаков, хотя, если было необходимо, могло выставить до 12 тысяч воинов, считая отставных и малолеток. Оренбургское начальство по распоряжению правительства с целью увеличения войска приписывало к нему так называемых сверхкоштных, то есть сверхштатных — таковыми соглашались быть беглые казахи, калмыки, татары и другие, убежавшие от своих феодалов. Из них собрали специальный корпус.

Так, в труде и невзгодах, в радостях и печалях, текла жизнь яицких казаков. Проходили годы, менялись столетия, люди и установления, которым они не могли не подчиняться. Неизменной оставалась их любовь и привязанность к своему Яику, окрестным землям, которые уже не одно столетие давали им приют и пищу. О Яике казаки складывали хорошие, задушевные песни:

Яик ты наш, Яикушка,
Яик, сын Горынович!
Про тебя ли, про Яикушку,
Идет слава добрая.
Про тебя ли, про Горыныча,

Идет речь хорошая?

Водилось в Яике много всякой рыбы — осетра, севрюги и белуги и другой — здесь и стрелядь, и сазан, и шип, и белая рыбица, и чехонь, и прочая, всего не перескажешь. Славились эти места рыбой и икрой не только в России, но и в окрестных странах. К. Плотто, ученый-экономист из немцев, писал, что только в Яике и Волге имеется рыба, «из которой добывают столь известную в Германии и всей Европе икру», а «яицкая икра считается самой превосходной».

Весной (для метания икры) и осенью (на зимовку) огромные косяки рыбы шли из Каспия в Яик-реку, нередко такой густой массой, что ломали учуги — заборы (заколы из бревен, вбитых в дно реки). Приходилось стрелять из пушек, чтобы отогнать ее. Трижды в год казаки собирались на лов красной рыбы — весной, осенью (плавни) и зимой (багренье). Промысловое рыболовство кормило казаков, давало немалый доход от продажи рыбы и икры. Недаром казаки посвящали Яику самые ласковые слова в своих песнях:

Золочено у Яикушки
Его бело донышко,
Серебряны у Яикушки
Его белы краешки,
Жемчужные у Горыныча;
Его круты бережки.

Добыча и продажа соли на Узенях и Индерском озере (километрах в четырехстах от Яицкого городка), добыча зверя, скотоводство, лесной промысел, зерновое земледелие, садоводство, бахчеводство, огородничество, разведение риса и хлопчатника, занятия ремеслом — все это давало дополнительные возможности для получения доходов. Для ведения хозяйства казаки, не все конечно, имели хутора в степи, более богатые — у старшины, победнее или попросту убогие — у основной массы хозяев.

Немалое место в жизни казаков занимала торговля. Продавали рыбу, икру, соль, лошадей, скот, шкуры, покупали хлеб, оружие, одежду, снасти. Товары с Яика шли не только на внутренний рынок, но и за границу (икра, рыба, лошади, армяки). На Яик привозили товары из Бухары, Хивы, Индии (ткани, пряности, оружие, сафьян и пр.).

К 70-м годам XVIII века на Яике проживало до 50 тысяч человек, в том числе в Яицком городке примерно 30 тысяч человек. Гурьев, остальные крепости и форпосты имели население небольшое. В них проживали, помимо русских, татары, казахи, башкиры, туркмены, калмыки и другие.

Ведущие позиции во всей войсковой жизни занимала старшина. К середине столетия она вышла, по существу, из-под контроля круга. Войскового атамана и его помощников назначало или утверждало правительство. Старшинские должности превращаются из выборных в несменяемые, переходят от отца к сыну — таковы фамилии Меркульевых, Бородиных, Тамбовцевых, Митрясовых, Логиновых и др. Богачи часто нанимали вместо себя на службу бедняков, взымали с казаков лишние поборы, присваивали деньги из казны. Тамбовцев и его помощники совсем не выдавали жалованье казакам, эксплуатировали бедняков (они охраняли хутора богатых, служили за них по найму). Они же получали наибольшую долю доходов от ловли и продажи рыбы, икры, лошадей, скота и пр. Неудивительно, что «капитальное» казачество скапливало немалые богатства. Некоторые его представители владели стадами лошадей и крупного скота во многие сотни голов, овец — в тысячи голов, получали доход ежегодно в десятки тысяч рублей. Тот же Тамбовцев, когда его выдвигали на должность атамана, рассчитывая на помощь капитана Чебышева, «учинил подарок» ему ни много ни мало в пять тысяч рублей! Для сравнения можно привести пример — казак за трудную военную службу по найму получал от «капитального» человека «на подмогу» от 10 до 30 рублей в год. На такие деньги нести службу было тяжело — оружие,

лошадь, снаряжение и пр. стоили немалых денег; например, за лошадь среднего достоинства платили 7—10 рублей, за породистую — 50 рублей, за ружье — 4 рубля, простую саблю — 2 рубля (посеребренную — 8—10 рублей, позолоченную — 20 рублей). Нередко семьи казаков, несших службу в отдаленных местах, ходили по миру, питаясь именем Христовым. Многие, прежде всего пришлые, люди нанимались в работники к богатым односельчанам. Среди наемных немало было гулящих людей, беспаспортного люда, проживавшего, часто тайно, по хуторам и уметам. Принимали их не только богатые, но и бедняки, как, например, С. Оболяев (Еремина Курица). Паспорта он у них не спрашивал и в ответ на вопрос следователей (его арестовали по делу о Пугачеве) о причинах подобного снисходительного отношения к беглецам ответил:

— Да как же... не принять-та, вить слово божие повелевает странных призирать и питать, так же мне что нужды спрашивать прихожева, имеет ли он пашпорт или не имеет?

— Поэтому ты хоть разбойника, так примешь?

— Да мне... что до етова нужды, хотя бы он с виселицы был; вить не я в ответе — он; а я должен исполнить слово божие!

Таких работников из беглых на Яике было немало; здесь «каждому беглому пристань открытая», как сказал за два года до этого случая генерал-майор Фрейман — душитель Яицкого восстания 1772 года. Особенно много работников имели богатые казаки, старшины, нещадно эксплуатировавшие их почти даровой труд.

Разногласия, ненависть между старшинской («согласной», «послушной», невойсковой) стороной и «непослушной» («несогласной», народной, войсковой) стороной к 1750-м — началу 1770-х годов приняли открытые, резкие формы. Это признавали и яицкие старшины, и само правительство. Бородин, один из яицких старшин, в июне 1773 года, незадолго до начала Пугачевского движения, писал оренбургскому губернатору Рейнсдорпу: «Не только Вашему высокопревосходительству, но, уповательно, всему государству уже известно, что войско Яицкое лет от десяти и более до самого нынешнего времени на две разделилось части, из которых одна называема была здесь старшинскою и больше малое, нежели видное, в себе людей количество составляла; а другая — войсковою, которая наиболее потому так называлась, что не только служащие, но отставные, да и самые малолетние все до нее почти принадлежали». Официальный Петербург выражал крайнее недовольство тем, что яицкие казаки, «разделясь на две партии», выбирают атаманов «не общим приговором» и присылают их в столицу «каждая партия от себя». На Яик из центра направили гвардии капитана Дурново, чтобы тот выяснил, «давно ли та их вражда так до великого градуса усилилась, что уже войско разделено на две противные стороны — послушную и непослушную».

Состав той и другой «партии» был довольно сложным и пестрым. Среди «послушных» имелись не только богатые казаки, но и другие, которые, как о них говорили, «войску изменили» и «прилепились для покормки к старшинам». А к «непослушным» присоединялись и часто руководили ими богатые казаки, отдельные старшины, имевшие хутора, и т. д. Они делали это по разным причинам — одни выступали в защиту старых прав и вольностей Яика Горыныча, другие были недовольны засильем той или иной группы старшин и т. д.

В начале 60-х годов, когда злоупотребления старшин (атаман Бородин и др.) стали особенно безобразными, посыпались жалобы в Петербург. На Яике появляются одна за другой следственные комиссии — генерала Брахвельда (1762 год), генерала Потапова и др. «Непослушные» говорили о злоупотреблениях старшин, не хотели им подчиняться. В конце 1766 года прибыл новый следователь генерал Черепов, человек беспощадный, самодур и крепостник. «Согласные» возликовали.

— Забудете... вы, — злорадно говорили они «несогласным», — при нем много зевать, он вам зажмет рот-то!

Действительно, Черепов приступил к решительным действиям. Всех казаков собрали на площадь к канцелярии. Тут же их окружили драгуны. Генерал потребовал, чтобы казаки

признали старшин и признали себя виновными во всем.

— Помилуй, Ваше превосходительство, мы не знаем за собой никакой вины! — закричали казаки.

— Огонь! — скомандовал генерал.

Драгуны выстрелили, но, по словам казаков, «пустили пули вверх». Какой-то драгунский урядник смело потребовал у генерала, указ, который позволял бы ему «безвинных людей убивать». Но тут генеральский помощник майор Новокрещенков скомандовал драгунам стрелять «не вверх, а в колено». Новый залп уложил насмерть трех или четырех казаков, шестерых ранил. Но казаки упорствовали, не признавали «вины». Генерал и старшины, угрожая им, что оставят их ночевать на улице «в самые лютые морозы», добились своего — казаки дали подписку: «Мы богу и государыне виноваты навсегда».

Генерала, действовавшего столь свирепо, отозвали. На Яике появился новый следователь — капитан Чебышев. Он вынужден был признать факты злоупотребления старшин, рекомендовать их смену и не одобрил действия Черепова. С согласия властей новым войсковым атаманом круг избрал Тамбовцева, богатого казака, не пожалевшего денег для подкупа Чебышева. Но и при нем продолжались те же беззакония — какие казаки терпели от Бородина и других старшин. Последние сохранили, кстати говоря, свои должности и влияние, не уплатили штраф и не возвратили удержанное у казаков жалованье, хотя Чебышев согласился по этим пунктам с требованиями несогласной стороны. Но капитан уехал, а Тамбовцев, человек слабохарактерный, быстро перешел на сторону старшинской партии.

Начались новые несогласия. Тамбовцев не выдавал казакам жалованья. На рыбную ловлю допускались только «послушные». В 1769 году многих казаков насильно отправили на службу в Кизляр, замучив до смерти нескольких человек, не соглашавшихся туда ехать. За год до этого началась война с Турцией, и правительство распорядилось сформировать так называемый Московский легион в помощь действующей регулярной армии. В него предполагалось включить и часть яицких казаков.

— Не желаем, погрешно! — кричали на кругу «непослушные» при обсуждении приказа. Они боялись «регулярства», превращения в солдат. А это грозило бритьем бород, что казаки, как раскольники, принять не могли, нарушением давних традиций, обычаев.

Узнав о неповиновении, Екатерина II прислала новую комиссию с командой солдат. Ее возглавляли генерал-майор Давыдов и ее личный уполномоченный гвардии капитан Дурново. Новые репрессии и несправедливости обрушились на казаков. К тому же последние отказались выполнить еще одно распоряжение — в 1771 году значительная часть калмыков, спасаясь от притеснений чиновников и феодалов, направилась на восток, через яицкие и казахские земли. Они хотели перебраться в Джунгарию (западная Монголия), откуда пришли в Россию их предки. Казаков хотели послать в погоню за ними, но они отказались, а более 200 из них бежали вместе с калмыками. Лишь «согласные» участвовали в карательной экспедиции.

Комиссия Давыдова-Дурново при поддержке Тамбовцева и старшин предложила правительству примерно наказать казаков — 43 «главных возмутителей» прогнать «через тысячу человек но десяти раз» и отдать навечно в солдаты, остальных 1965 человек (из «непослушных», конечно) «наряжать в отдаленные команды... без очереди по три раза». Приступили к арестам. Часть казаков скрылась, спрятавшись в степи по уметам и буеракам.

Казаки снова жалуются в Петербург на комиссию и старшин — там появляется их депутация из 20 человек во главе с сотником Кирпичниковым. В конце июня 1771 года они подали жалобу императрице. Но та соизволила ознакомиться с ней только спустя пять месяцев с лишним. В инструкции генерал-прокурору Сената князю Вяземскому Екатерина II написала, что жалоба «кажется многими лжами и клеветами наполнена», а те, кто ее подал, — «это самые плуты, кои для своей корысти... раздувают беспокойство междуособное на Яике». Особенно не понравилось «матушке-государыне», что казаки

жалуются на вице-президента Военной коллегии графа Чернышева и капитана Дурново. Она распорядилась арестовать Кирпичникова и его товарищей. Военная коллегия немедленно приступила к действиям — арестовала шестерых жалобщиков (остальные сбежали), распорядилась наказать казаков по представлению следственной комиссии.

Кирпичников и еще 13 челобитчиков, переодевшись в «ямское платье», 28 декабря скрылись из Москвы и в начале января 1772 года прибыли домой. Яик бурлил. Вместо Давыдова здесь уже орудовал другой следователь — генерал-майор фон Траубенберг, человек характера решительного и жестокого. Он приказал высечь плетью семь казаков, особенно упорных — из тех, кто не хотел ехать на службу в Кизляр. Им обрили бороды и под конвоем направили в Оренбург. Но по дороге до 300 конных казаков напали на конвой и отбили шестерых товарищей.

Траубенберг собирал круги, грозил и требовал. Казаки не соглашались, не ходили на круги, отсиживались по хуторам. Утром 9 января разнесся слух, что подъезжает Кирпичников с делегацией. Более 500 человек встречало его у города. Попытка Траубенберга захватить челобитчиков не удалась — не дали казаки.

— Что велено Дурново исполнять? — спрашивали у Кирпичникова.

— Велено учинить в силу указав.

Кирпичников, как и другие казаки, да и вообще большинство простого люда России, искренне верил, надеялся, что все их невзгоды и несчастья идут от вельмож, а не от императрицы. Именно так он и истолковывал смысл того, что произошло в Петербурге, в разговоре с земляками.

— Что привез нам из Петербурга? — спрашивали его.

— Ничего, кроме письма от графа Орлова к капитану Дурново. На поданную нами челобитную никакой резолюции не последовало, и для получения ее оставлено в Петербурге пять человек казаков при сотнике Горохове (имелись в виду шестеро арестованных).

Все это делает граф Чернышев, — продолжал Кирпичников, — государыня того не ведает, а всегда велит нам удовольствие делать. Если мы за себя не постоим, то граф (Чернышев. — *В. Б.*) и всех нас с детьми изведет, ибо и генерал (Траубенберг. — *В. Б.*) прислан от него же, без ведома государыни и наемный старшинам. Если мы не уступим, то государыня почтет это себе за удовольствие, ибо она, ведая, что граф все мудрствует, о вотчине своей (то есть о Яике. — *В. Б.*) весьма сожалеет.

Казаки собирают сходки, требуют отрешить от должности старшин, взять с них штраф. Стычки менаду «непослушными» и «послушными» заканчиваются взаимными арестами, ранениями. Первые собирались на Кабанкиной улице (или Толкачевой — здесь, у дома казака Толкачева, своего рода штабс-квартиры «непослушных», и происходили сходки), вторые — у войсковой канцелярии при поддержке Траубенберга. Обстановка сильно накалилась.

Четыре дня — с 9 по 12 января — продолжались переговоры враждебных сторон. Одни казаки настаивали на том, чтобы идти к генералу и подать просьбу об «отрешении» старшин. Другие говорили, что от Траубенберга нельзя ждать ничего хорошего, и предлагали «сделать самим управу», «поступить воинским отпором». Но первые настояли на своем.

Развязка наступила 13 января. Траубенберг расставил пушки (так, чтобы они могли простреливать улицы, подходившие к канцелярии), солдат и «послушных» казаков, послал донесение в Оренбург с сообщением о бунте казаков и просьбой о помощи.

Огромная толпа казаков собралась у дома Толкачева. Решили идти с образами к генералу и просить от имени всего войска, чтобы он исполнил их требования, представляя их как «высочайшее повеление».

Казаки посылали депутации к Дурново. В одной из них был М. Шигаев, впоследствии активнейший сподвижник и помощник Пугачева.

— Зачем пришли? — спросил у них капитан.

— Мы просим исполнить все по указу, — ответил Шигаев.

— Пусть войско разойдется по домам, и я, конечно, удовлетворю их желание дней

через семь, а много через десять.

— Войско просит сделать им эту милость сегодня.

— Нельзя.

— Как же, батюшка, быть? Войско сомневается в этом; не можно ли вам сесть на коня и подъехать к войску подтвердить ваше обещание?

— Да, благодарствую, — усмехнулся Дурново, — может, вы меня же и уходите (убьете. — *В. Б.*)! Нет! Вед., я велик у государыни-то!

Капитан отошел, а члены делегации продолжали разговаривать со старшинами — поп Михаил Васильев с атаманом Тамбовцевым, Шигаев — с Бородиным и Суетиным.

— Для чего же вы, — обращался Шигаев к своим собеседникам, — упорствуете, и стоите за свои чины, и доводите войско до крайности?

— Мы нимало за чины свои не стоим, — отвечали те с поклонами и видимым смирением, — и рады теперь же их с себя сложить. Если это угодно войску, то сочтем сие за милость и готовы заплатить 100 рублей, чтоб из беды освободиться.

— Ну, так ведь стоит вам только прийти пред войско и принести покорность, так и вся вражда минуется. А ежели вы этого не сделаете, так доведете, помилуй бог, до кровопролития. Войско теперь не отстанет от своего предприятия, приступит Сергея Дмитриевича (Дурново. — *В. Б.*) просить, а он и генерал не допустят, может, оное до себя и будут палить из пушек. Народ не утерпит тогда, и вы сами знаете, выйдет дело дурное.

Старшины перепугались. Им действительно угрожала в этот момент серьезная опасность. «Непослушные» везде расставили караулы, никого не пропускали, следили за действиями противной стороны. Они задерживали «послушных», «где б только увидеть могли, всех захватывая, били и в погреба сажали» (из показаний Бородина).

Среди «непослушных» были и служащие и отставные, и взрослые и малолетки. Одни имели в руках ружья, другие — палки. Много пришло стариков, женщин, детей.

Траубенберг выслал к казакам нескольких офицеров и старшин, и те от его имени потребовали, чтобы войско разошлось по домам, послало команду в Кизляр.

— Не доводите себя до беды, расходитесь по домам! — говорили они казакам.

— Воля его (Траубенберга. — *В. Б.*), — отвечали те, — ведь мы идем не со злодейством каким, а со святыми образами, для того что авось-либо они по нас и не станут стрелять, и умилосердится их сердце.

— Ежели подойдете ближе, велено будет по вас стрелять из пушек.

Но казаки не поверили этому и решили идти к генералу.

— Более пересылки (переговоров. — *В. Б.*) мы иметь уже не будем, — сказал один из них, сотник Краденов, — но на начинающего бог (т. е. если генерал и его солдаты, старшины начнут в них стрелять, то бог-де их накажет).

Толпа двинулась вперед — первыми шли Краденов, Шигаев, старики с иконами, потом остальные. Боковыми улицами и по высокому берегу реки Чаган, притока Яика, продвигались вооруженные казаки из «непослушных». Шествие подошло к площади, и тут же раздались залпы из всех пушек и ружей. Более ста человек каратели убили, еще больше ранили. Но казаки, за немногим исключением, не растерялись — они атаковали врага, быстро перебили прислугу у артиллерии и обратили пушки против солдат и старшин. В азарте боя казаки вкладывали в пушки слишком большие заряды, и две из них разорвало.

Восставшие побили многих из регулярной команды и старшин. Траубенберг, Дурново и другие офицеры после разгрома их команды скрылись в каменном доме у Тамбовцева. Но это их не спасло — казаки ворвались в дом, нашли Траубенберга (он спрятался под крыльцом) и, изрубив его саблями, бросили на мусорную кучу. Та же участь постигла атамана Тамбовцева, многих старшин и офицеров. Оставшихся в живых разоружили и посадили под караул (более 100 человек). Полностью разгромили походную канцелярию Траубенберга, изорвав все имевшиеся в ней документы. То же сделали и с документами следственной комиссии.

Вечером 13 января на круге восставшие сместили старых старшин и выбрали «для

управления народом» новых. Называли их поверенными или присутствующими, судьями. Это были В. Трифонов, Т. Сенгилевцев, А. Лабзев и другие. Власть в Яицком городке и всем войске перешла к восставшим казакам «непослушной» стороны.

На следующий день, 14 января, по приговору круга казнили некоторых старшин, особо ненавистных рядовым казакам. Остальных привели к присяге войску. Еще через день они составили прошение на высочайшее имя — объясняя все происшедшее несправедливыми действиями Траубенберга и старшин, они просили «вверить» их для управления «в дирекцию одной персоны», например, графа Г.Г. Орлова или графа И.Г. Орлова, как при Петре I по его указу они были «под дирекциею» генерал-фельдмаршала графа Б.П. Шереметева, «а не от Военной коллегии». Тем самым они давали понять, что не хотели бы подчиняться главе этой коллегии Чернышеву, от которого, по их мнению, и шли все их неприятности и мучения.

Этот наивный подход, деление правительственных деятелей, вельмож на «хороших» и «плохих», «добрых» и «злых» постоянно присутствуют в мыслях и поступках людей той поры, участников восстаний в том числе. Яицкие «непослушные» надеялись на помощь то императрицы, то Орловых, то еще кого-то, но, как всегда, горько просчитались. Власть и не подумали серьезно разобраться в причинах восстания на Яике 13 января и тем более помочь казакам. Их реакция была, конечно, другой — прибывших в Петербург с челобитной Шигаева и трех других арестовали, и 16 февраля их допрашивали в Военном совете. Присутствовали среди прочих и графы З.Г. Чернышев и Г.Г. Орлов.

— Для чего вы, — задали вопрос казакам, — надругались над мертвыми генералом и солдатами и для чего долго их не хоронили?

— Надругательства над ними никакого не делали, — ответил Шигаев, — а похоронили их чрез три дня, потому что земля мерзлая, так не скоро могилы вырыли.

— Где же вы их похоронили?

— У церкви.

— Так вы в добром месте их положили, — заметили некоторые генералы, а многие рассмеялись, — а мы думали, что на степи.

Подобный разговор, его тон подали челобитчикам надежду, что все сойдет хорошо. Но они ошибались — их самих посадили в Петропавловскую крепость, на следующий день власти приняли решение немедленно командировать из Москвы на Яик генерал-майора Фреймана, придать ему корпус, наказать восставших и реорганизовать Яицкое войско.

Между тем в Яицком городке войсковые поверенные, новые старшины, надеясь на мирный исход дела, освободили из-под стражи солдат и офицеров, разрешили им вернуться в Оренбург.

Яицкие события всколыхнули соседей — Волжское казачье войско, основанное в 1733 году с помощью донских казаков-выходцев. Волжские казаки, как и яицкие, отказались весной 1772 года вступить в Московский легион. 30 марта они выдвинули самозванца Федота Ивановича Богомолова, из крепостных графа Р.Л. Воронцова. Он провозгласил себя «императором Петром III». Среди простых людей снова поползли слухи: Петр III не погиб, а спасся и снова, как и раньше, хочет дать облегчение народу, освободить людей от крепостного состояния. Казаки, определенные в легион, восстали на хуторе старшины Персидского и хотели идти в Дубовку — центр Волжского войска. Но восстание было быстро подавлено. Богомолова и его «государственного секретаря» Долотина арестовали и посадили в царицынскую тюрьму.

Об «императоре» быстро узнали на Дону — казаки Пятиизбянской и Трехизбянской станиц хотели его освободить, поднять под его знаменем восстание. Донцы тоже с неудовольствием встретили распоряжение о формировании из них полка и направлении на фронт. В Царицыне при переводе Богомолова из тюрьмы на гауптвахту, в более крепкое место, его было отбил возмущенный народ. Солдаты по приказу городского коменданта полковника Цыплетева открыли огонь, но восставшие царицынцы ранили его самого и разогнали команду. Но в Царицын пришла помощь из Астрахани, и волнения властям

удалось подавить. Богомолова тайно отправили в ссылку, в Нерчинск. По дороге он умер.

На Яике, конечно, для властей в результате январского восстания все оказалось гораздо сложнее. Они приступили к решительным действиям.

Пока яицкие поверенные судили и рядили, посылали в столицу новую станицу, Рейнсдорп и Фрейман стягивали военные силы к Рассыпной крепости. Они потребовали выдачи с Яика «зачинщиков». Среди казаков согласия не было — сказывался их пестрый социальный состав. Поверенные склонялись к компромиссу, многие верили в «милосердие» Екатерины II. «Матушка» же, узнав 17 февраля о прибытии Дурново в Оренбург, написала ему, что услышала «о происшедшем от яицких казаков никогда не ожидаемом разврате и смятении с тем большим неудовольствием, что такой большой разврат произведен столь предерзостными и отчаянными злодеями, коих преступление есть самое величайшее перед богом и нами».

Колебания казаков, их разногласия, соглашательская политика и нерешительные, а порой попросту предательские действия поверенных, тайное противодействие «послушных» закончились поражением — 3—4 июня корпус Фреймана (более 3,6 тысячи человек, около 20 орудий) разбил на реке Ембулатовке (верстах в 60 от Яицкого городка) казачье войско (менее 2,5 тысячи человек). 6 июня генерал занял Яицкий городок.

По распоряжению императрицы каратели «временно» упразднили казачий круг. Войсковую канцелярию или избу сменила «Управляющая войском Яицким комендантская канцелярия». Комендантом гарнизона назначили подполковника Симонова. Вводилась должность полицмейстера, им стал Тамбовцев, двоюродный брат убитого восставшими войскового атамана. Вскоре его сменил старый недруг «непослушных» казаков старшина Бородин. Из «послушных» же прежде всего организовали команду из 500 человек для охраны порядка в городке. В августе в Оренбурге учредили новую следственную комиссию (ее возглавил полковник В.В. Неронов), которая сразу же начала розыск. Всюду искали и ловили повстанцев.

Так казаки расплачивались за отсутствие единства, колебания и нерешительность. Конечно, не все были такими. Еще в пору приближения войска Фреймана к Яицкому городку многие казаки предлагали разгромить его, не допустив к Яику, а потом идти далее, «по пути возмутить помещичьих людей на побег и принимать их в свое войско». Это сообщение императрице гвардии капитана Маврина подтверждает Фрейман: «Нравами ж оные яицкие казаки упрямы, горды, зверски злобственны, как и сие намерение их доказывает, что по разбитии меня хотели идти чрез Волгу в Россию». Действительно, 5 июня, в разгар паники в Яицком городке, к которому подошел Фрейман, около 300—400 казаков на круге у Чагана так и решили — не сдаваться, а идти к Волге, а оттуда к Москве. Говорили среди казаков и об уходе на Кубань. Их предводитель Иван Иванович Ульянов, по словам одного казака (он по его приказу агитировал в городке других казаков в пользу похода и был схвачен), «пробраться намерение имеет к Волге, а оттоль, минуя Черкасское (т. е. Черкасск — столицу Войска Донского. — В. Б.), в Кубань, к живущим тамо беглым с Дону казакам, называемым некрасовцами». Ульянов, как видно, не прочь был вместе с другими уйти на Кубань, как это сделал И. Некрасов, сподвижник К. Булавина, в 1710 году после поражения Третьей крестьянской войны. Но этот план — один из вариантов. Другой — поход в центр Европейской России. Те, кто предлагал такой поход, не без оснований, конечно, рассчитывали поднять на борьбу массы крепостных крестьян.

Такая перспектива страшила всех имущих. И Фрейман вдогонку за Ульяновым и другими казаками, которые уже пошли к Волге, выслал ни много ни мало 900 солдат и «послушных» казаков. По его весте астраханский губернатор Бекетов направил еще 800 человек конников. По пути казаки (их было до 300 человек) узнали о погоне и, поняв, что им не перебраться через Волгу, разбежались кто куда. Несколько десятков человек схватили около Волги, в том числе атаманов Кирпичникова и Трифонова.

В том же июне, в конце месяца, к Яицкому городку подошло многотысячное казахское войско, но, узнав о подавлении восстания, откочевало обратно в степь.

В Оренбурге шло следствие, допрашивали участников восстания. Фрейман приказал провести перепись «непослушной стороны» Яицкого войска. Вскоре он вернулся в Оренбург, оставив в городке часть солдат во главе с полковником бароном фон Биловом. Местные жители со страхом ждали окончания следствия и репрессий.

Яицкие казаки в январе 1772 года изрядно потрянули власти в своем крае, заставили поволноваться и Петербург. Почти пять месяцев восставшие контролировали положение на Яике. После поражения попытка части повстанцев прорваться через Волгу в центральные районы не удалась. Но показательно само это стремление опереться на помощь других угнетенных, как и то, что их движение в той или иной мере поддержали или готовы были поддержать другие — волжские и донские казаки, часть казахов. Во всяком случае, такие мысли и стремления присутствовали, как и надежды на самозванцев — Богомолова, Рябова и других, которые появлялись один за другим в эти беспокойные годы.

Тогда же с места на место переходил Емельян Иванович Пугачев, один из обиженных тяжелой судьбиной, а точнее — властями и войсковыми командирами. Он тоже, как и яицкие казаки, мечтает о воле, планирует повести их на Кубань или в иное место, наконец, принимает решение назвать себя «третьим императором», надеясь, что на Яике его поддержат, как и вся чернь российская. Беседы с раскольниками на Иргизе, с Ереминой Курицей на Таловом уме его расчеты как будто подтверждали.

Пугачев — «император» от Яика-реки

На Яике, куда судьба забросила Пугачева, он оказался во второй половине ноября 1772 года. Там по-прежнему было беспокойно, царило уныние и отчаяние. Ждали расправ.

17 сентября, примерно за два месяца до приезда Пугачева на Яик, следственная комиссия в Оренбурге закончила работу. Ее сентенция (приговор) подлежала утверждению в Военной коллегии, куда ее и послали. Следователи предлагали 12 человек четвертовать, 47 — повесить, трем отсечь голову, 20 — бить плетью нещадно «по казачьему обыкновению», 8 — тоже наказывать плетью, обрить бороды и отослать в действующую армию. Пятьдесят три человека, бежавших в разные места, полагалось, когда их найдут, повесить, а их имущество конфисковать. Всех «детей мятежничьих» (с 15 лет и выше), а таких набралось 316 человек, «в разсуждении отцов их учиненного злодейства, дабы впредь и от них, яко произшедших от рода злодейственного, такового ж поползновения и расширения к злу последовать не могло, во истребление и пресечение оногo годных написать в полки в солдаты, а негодных в страх другим наказать: от 15 до 17 лет розгами, а с 17 лет и выше плетью». Всех остальных — почти 2,5 тысячи человек — должно было наказывать по усмотрению Петербурга.

Обо всем этом узнал беглец, скрывавшийся под обликом то раскольника, то богатого купца, оказавшись у Ереминой Курицы.

— Что ты за человек и как тебя зовут? — спросил у него Пугачев, входя в избу.

— Степан Оболяев, пахотный солдат. А твоя милость какой человек, откуда и куда едешь?

— Я купец, приехал из-за границы, зовут меня Емельяном Ивановым Пугачевым. А еду я на Яик для покупки рыбы.

Снова, как и в других случаях, Пугачев спрашивает о том, что интересует его более всего:

— Каково живут яицкие казаки?

— Худо, очень худо им жить. Старшины их обижают, и они, убив атамана (Тамбовцева во время восстания в январе. — *В. Б.*), бегают кто где. Их ловят, сажают в тюрьму. Они было шарахнулись идти все в Астрабад, да не пустил их генерал (то есть Фрейман. — *В. Б.*).

Выясняется, таким образом, что казаки, бежавшие в начале июня из Яицкого городка, имели мысль не только о походе в центр или бегстве на Кубань, но и говорили о Персии (Астрабад) как о возможном новом месте поселения. За эту мысль поначалу и ухватился постоялец бывалого уметчика:

— А не поедут ли они со мной на Кубань? Я бы их туда провел, где живут некрасовцы.

— Как не поехать, поедут.

— Да нет ли здесь кого из казаков? Я бы с ними поговорил.

— Как не быть! Есть тут два брата, и живут близехонько.

Вскоре состоялось знакомство с Закладновыми — Григорием Михайловичем и его братом Ефремом. Жили они недалеко от Оболяева, в землянке, и охотились на лисиц в степи, близ Сызранской дороги. Привел их в умет сам хозяин. Разговор начался в избе, но скоро все четверо — Пугачев, Оболяев и оба Закладновы — перешли в сарай. Так было безопаснее: на умете были и другие люди — несколько человек беглых, которых приютил хозяин.

— Кто меня спрашивает? — с этими словами Григорий вошел в избу.

— Вот тот человек, — уметчик показал на Пугачева, — который тебя спрашивает.

— Ты что за человек и откуда? — Григорий пытливо и строго смотрел на Емельяна.

— Купец я, из-за границы приехал. — Немного погодя приезжий со значением продолжал: — Скажите, пожалуйста, господа казаки, но только не утаивая: какие у вас происходят обиды и разорения от старшин и как вам живется на Яике?

Григорий, как незадолго до этого Еремина Курица, посетовал на казачье горькое житье, рассказал об арестах и сыске; казаки-де собрались было в Астрабад. Гость снова заговорил о Кубани и некрасовцах. Все с ним согласилось.

— Ну хорошо, — решил Пугачев, — вот я поеду в городок и посмотрю ваши обряды. Может быть, я там с кем-нибудь из войсковой стороны и поговорю. Только смотрите же вы-то, братцы, никому из казаков старшинской стороны об этом не сказывайте!

На том и разошлись. Закладновы пошли в свою землянку, уметчик и его постоялец — в избу. На следующее утро Пугачев с Филипповым, попутчиком из Мечетной слободы, поехали в Яицкий городок, что находился верстах в шестидесяти от умета. Несомненно, донской казак уже узнал, поинтересовался у вчерашних собеседников: у кого лучше остановиться в городке?

— Знаешь ли ты, — по дороге спросил он у Филиппова, — яицких казаков Дениса Пьянова и Толкачевых? Так я бы у них остановился.

— Слыхал я, что на Яике есть раскольник казак Денис Пьянов.

К этому Пьянову они и въехали во двор 22 ноября. Хозяин встретил их приветливо, радушно, усадил за стол. Когда гости встали из-за стола, Пьянов, оставшись наедине с Пугачевым, начал разговор о тех же яицких неурядицах. Однако всплыла и новая тема, весьма любопытная и острая для обоих.

— Здесь слышно, — хозяин покосился на дверь, — что проявился в Царицыне какой-то человек и назвал себя государем Петром Федоровичем. Да бог знает — теперь о нем слуху нет. Иные говорили, что он скрылся, а иные, что его засекли.

— Это правда, что в Царицыне проявился государь, — подхватил Пугачев, — и он есть подлинный царь Петр Федорович. Хотя его в Царицыне поймали, однако же он ушел, и вместо его замучили другого.

— Как можно этому стать? Ведь Петр Федорович умер!

— Неправда! — Гость говорил с увлечением. — Он так же спасся в Петербурге от смерти, как и в Царицыне!

Сомнения не оставляли Пьянова, и Емельян переменял тему:

— Каково живется казакам?

— Худо. Мы разорены от старшин, и все наши привилегии нарушены.

— Как не стыдно вам терпеть такое притеснение в привилегиях!

— Что делать?.. Видно, так тому и быть.

Далее речь пошла опять о бегстве казаков, на этот раз на реку Лабу, в турецкие пределы, то есть на ту же Кубань. Пугачев в ответ на вопросы хозяина («С чем же нам бежать? Мы люди бедные») обещал казакам деньги — но 12 рублей на каждого, говорил о своих мнимых богатствах (купец ведь!), о помощи от турецкого паши (чуть ли не пять миллионов рублей!). В ответ Пьянов удивлялся и не понимал:

— Где ты деньги-то возьмешь? И что ты подлинно за человек? Статочное ли все это дело? Ведь таких больших денег ни у кого не может быть, кроме государя...

Пугачев наконец решился, да и разговор к тому подошел:

— Я ведь не купец, — услышал от него оторопевший раскольник, — я государь Петр Федорович. Я-то и был в Царицыне, да бог меня и добрые люди сохранили, а вместо меня засеки караульного солдата.

— Как тебя бог сохранил и где ты так долго странствовал?

— Пришла гвардия и взяла меня под караул, да капитан Маслов отпустил. Я ходил в Польше, Цареграде, был в Египте, а оттуда пришел к вам на Яик.

— Хорошо, государь, я поговорю со стариками; и что они скажут, то и я вам скажу.

Показательно, что первый же человек из яицких жителей, которому «открылся» Пугачев, сразу же обнаружил склонность к тому, чтобы ему поверить. Такова была обстановка, атмосфера уныния и какого-то неясного ожидания, в которой жили казаки, да и не только они. Их смутные мечты, надежды подогревались слухами, действиями самозванцев, которых в те годы объявилось более двух десятков, выступлениями, очень частыми и сильными, в разных концах страны.

...Прошло несколько дней. Емельян заметно беспокоился: что же получится после разговора с Пьяновым? Он ходил по яицкому базару, чутко прислушивался к тому, что говорили люди. Но они обсуждали свои дела, все жаловались на лихую годину, гадали — что будет, когда из Петербурга пришлют сентенцию? Об «императоре» же — ни слова... Но услышанные речи казаков, их недовольство, ожидания еще больше, надо думать, утвердили решимость Емельяна действовать так, как он начал.

Однажды Пугачев на базаре встретился с Пьяновым. Тот сообщил вести, которые ободрили приунывшего было донца:

— О Вашем величестве, что Вы за нас, бедных, вступиться намерены и хотите провесть на Кубань, я сказывал казакам Черепанову, Коновалову и Антонову. Они рады с Вами идти, да только сказали, что это дело великое, так надо со всеми казаками об этом поговорить тогда, когда они соберутся вместе на багренье (ловлю рыбы).

Багренье должно было состояться на праздник рождества; по словам Пьянова, «хорошие люди» из казаков все обговорят; если «народ согласитца», то казаки-старики «примут» объявившего себя «государя». На том и решились. Пугачев остался доволен:

— Ну хорошо, но только ты до времени об этом никому не сказывай.

Пугачев пробыл в городке с неделю. Купив рыбу, он с тем же Филипповым возвращается в Мечетную слободу. По дороге заезжает к Оболяеву. Рассказал ему обо всем, что с ним случилось в городке; умолчал только о своем «императорстве»: речь-де шла о выходе на Кубань.

Отставший от Пугачева Филиппов по приезде в Мечетную донес на него смотрителю Фаддееву. Между тем Емельян поехал в Малыковку продавать рыбу, привезенную им из Яицкого городка. Пробыл он здесь три дня, а 19 декабря его арестовали. В конторе малыковского дворцового управителя Емельяна допросили. Он признался, что бежал с Дона, а яицких казаков не подговаривал, только «пересказывал о побеге на Кубань Некрасова»; он сам приехал в Малыковку, чтобы явиться в Симбирскую провинциальную канцелярию и получить в ней определение на жительство на реке Иргиз.

Ему не поверили и в тот же день под конвоем отправили в Симбирск, оттуда в Казань. 4 января 1773 года арестованный был уже в губернской канцелярии, ожидал решения своей участи. Казанский губернатор генерал-поручик фон Брандт приказал посадить его в тюрьму и допросить: «чем он был наказан, кнутом или плетью, и о причине его побега в Польшу».

На допросе Пугачев сказал, что его не наказывали, только полковник Денисов сек его, потому что он упустил лошадь. Относительно Яицкого городка повторил то, что показал в Малыковке: говорил-де об уходе некрасовцев на Кубань; факт своего разговора с Филипповым на эту тему упорно отрицал. Ему, кажется, поверили, но поместили в тюремные «покои».

В тюрьме Емельян Иванович не терял времени даром. Он возложил надежды на помощь раскольников, с которыми столкнули его жизненные пути и передраги. Расчет был правильный: раскольники немало помогали друг другу; к тому же он помнил совет Филарета о том, что в Казани он может сыскать купца Василия Федоровича Щолокова.

Арестантов жалели казанские жители, приходили в тюрьму с подаванием. Среди них немало было и раскольников. С ними-то и завязал знакомство Пугачев. Один из них, Иван Седухин, согласился передать письмо Филарету, который как раз приехал в Казань. Тот, получив письмо, начал было хлопоты об освобождении, но Щолоков уехал в Москву по своим торговым делам. Филарет оставил ему письмо с просьбой содействовать Пугачеву — попросить о том присутствующих и секретаря в губернской канцелярии.

Неделя за неделей тянулись дни, томительно и однообразно. Заключенный, сидя у окна, смотрел на улицу, на людей, тосковал, вспоминая родной Дон, заволжские, яицкие просторы.

— А вот Щолоков идет! — заволновались однажды арестанты. — Никак он приехал из Москвы!

На другой день появился мальчик от сердобольного купца с милостыней для арестантов.

— Чей ты мальчик, — спросил его Пугачев, — и от кого ходишь с калачами?

— Я хожу со двора Василия Федоровича Щолокова.

— Пожалуй, мальчик, скажи, чтобы Василий Федорович бога ради пришел ко мне. Скажи ему, что я донской казак и имею до него нуждицу.

Через несколько дней купец пришел в тюрьму.

— Кто здесь донской казак Емельян Иванов? — спросил он.

— Я. Не Ваша ли милость Василий Федорович Щолоков?

— Я и есть.

— Отец Филарет приказал Вашей милости кланяться и просит, чтоб обо мне, бедном, постарались, попросили губернатора и кого надобно.

— А по какому делу ты сюда прислан?

— По поклепному делу, за крест и бороду.

— Добро, миленький, я схожу к губернатору и секретарю и их попрошу.

Купец-раскольник действительно ходил к секретарю, хлопотал, но успеха не добился, хотя подавал арестанту надежду. Впрочем, в «черной» ему стало полегче — с него по его просьбе сняли тяжелые кандалы, надев только «легкие железы» на ноги. 27 марта его вместе с другими перевели из дома губернской канцелярии в тюремный двор; здесь еще полегче стало — арестантам позволяли «для прошения милостыни» ходить по городу. Их водили также на Арское поле для работы. Всем этим Пугачев позднее воспользовался с большой для себя пользой.

Между тем за неделю до перевода на тюремный двор фон Брайдт отправил сообщение о Пугачеве в первый департамент Сената. В списке арестантов о нем было сказано: «Казак безызвестный Емельян Иванов, по губернаторской экспедиции»; губернатор и его чиновники не придавали его делу особого значения. Поэтому фон Брандт предложил наказать его кнутом. Слова, сказанные в свое время Пугачевым Филиппову (известные по доносу последнего), он счел за пьяную болтовню невежественного казака (Емельян в одном из допросов утверждал, что он говорил тогда «спьяну»). Екатерина II именным указом 6 мая санкционировала представление казанского губернатора: Пугачеву «учинить наказание плетью и послать, как бродягу и привыкшего к праздной и предерзостной притом жизни, в город Пелым, где употреблять его в казенную работу, такую, какая случиться может, давая за то ему в пропитание по три копейки в день»; кроме того, «накрепко тамо за ним следить, чтобы он оттуда утечки учинить не мог».

О повелении императрицы Брандт узнал от генерал-прокурора Вяземского из письма от 10 мая. В Казань оно пришло 3 июня. Но за то время, пока шла переписка, многое изменилось.

Все это время колодник вел себя спокойно и сдержанно, был тише воды, ниже травы.

Сблизился со многими товарищами по несчастью, особенно же с Парфеном Дружининым, купцом из города Алата, что в 44 верстах от Казани. Попал он в острог за неудачную торговлю казенной солью. Как и Пугачев, мечтал о свободе; к тому же в Казани находились его жена, сын, два свояка, что не могло не способствовать их делу.

Однажды из окна тюрьмы они увидели, как вели колодника. Его только что наказали кнутом. Вид его был ужасен. Оба содрогнулись и поглядели друг на друга:

— Что, брат Емелька, того и смотри, что и нас с тобою так же выведут да пороть станут.

— Что же делать? — вздохнул Пугачев. — Чем переменить? Разве бежать отсюда...

— Да как же бежать-то и куда?

— А вот как бежать: нас для работы гоняют на Арское поле, а теперь в реке полая вода; так когда караул будет невелик, сядем мы с тобой в судно, да и были таковы!

— Ну а куда же мы побежим?

— Прямехонько выедем на Иргиз!

Филимон, 17-летний сын Дружинина, достал лодку, но план не удался — быстро спала полая вода. Пугачев, скорый на решения, предприимчивый и смелый, предлагает другой план — бежать сухим путем. Торопит, тормошит купца:

— Пешим бежать никак нельзя, а надобно непременно купить лошадь.

— Конечно, надо.

— А деньги-то где?

— Лошадь-то я куплю. Только когда мы уйдем из острога, куда денемся?

— Мало ли места, куда можно бежать: на Яик, на Иргиз, а не то на Дон! Об этом ты уже не пекись, найдем дорогу, лишь бы только отсюда выбраться... Только вот что: не подговори с собой караульного солдата, уйти нам будет не только трудно, но и невозможно.

Договорились о том, что купец купит лошадь, а казак уговорит какого-либо караульного солдата. Сметливый глаз Пугачева остановился на Григории Мищенкове. Тридцати пяти лет от роду, он в свое время, как и Пугачев, бежал в Польшу, но в отличие от Емельяна его поймали, вывезли оттуда как дезертира и снова зачислили в службу, которая ему, как видно, давно надоела.

— А что, служивый, — так однажды начал Пугачев с ним пошучивать, — служить ли ты здесь хочешь или бежать на волю?

— Я бы давно бежал, — откровенно и серьезно ответил Григорий, — да не знаю куда... Видишь ли, далеко ушел я от своей стороны-то.

— Бежим со мной да вот с этим человеком, — Пугачев показал на Дружинина.

— Пожалуй! Я готов с вами бежать куда хотите!

Несколько дней ушло на то, чтобы купить лошадь и телегу. Поставили их к попу, которого знал купец. Жене с детьми Дружинин приказал ждать в татарской деревне Чирши, а Филимону — в условленном месте.

— Ну, Пугачев, — довольный приготовлениями, сказал купец, — я сыну своему приказал, чтобы сегодня приезжал к церкви и нас бы смотрел у попова двора. Так попросимся мы теперь у офицера.

— Хорошо.

29 мая, в 8 часов утра, оба отправились к прапорщику Зыкову, просили его разрешить пройти к священнику Ивану Ефимову для милостыни. Но конвойных в остроге осталось мало — многие ушли с арестантами на разные работы, и офицер отказал: придут-де с работы колодники и конвойные, тогда ступайте! В десятом часу утра их наконец отпустили. Сопровождающим прапорщик назначил солдата Дениса Рыбакова, Мищенков вызвался добровольно. Отправились вчетвером.

Пришли к священнику в дом. Поздоровались. Купец вынул деньги и попросил купить вина, пива и меду: с тоски-де выпить не грех. Поп и соборный дьячок сходили в кабак. Принесли вина на 15 копеек, пива на 7 и меду на 14. Все выпили по одной чарке вина, потом по другой, по стакану пива и меда. Немного захмелели. Арестанты подливали все больше

Рыбакову, и тот вскоре совсем опьянел. Посидели еще немного, затем встали, поблагодарили хозяина и попрощались. Священник запер ворота за ними и пошел домой.

Четверо гостей вышли со двора и совсем близко увидели запряженную кибитку, правил в ней Филимон Дружинин.

— Эй, ямщик! — крикнул купец, опасливо поглядывая на Рыбакова (не догадался бы!). — Что возьмешь отвезти в кремль?

— Пять копеек.

— Ну, постой, отвези!

Посадив пьяного, сели и сами. Филимон тронул лошадь. Долго ехали по Большой Казанской дороге. Вдруг Рыбаков очнулся:

— Что, брат, так долго едем?

— А вот видишь, — голос у Пугачева был веселый, — кривою дорогой везут!

Проехали еще немного. Показалось дворцовое село Царицыно. Здесь, взяв в охапку солдата, купец высадил его, и тот побрел по дороге, не понимая, где и зачем он здесь оказался. В селе он упал у дома управителя, который утром растолкал его и направил к Казани. К острогу Рыбаков прибrel только к девяти часам вечера. Караульный же офицер донес дежурному о побеге двух колодников на следующий день. В губернской канцелярии узнали о случившемся только 3 июня, в тот же день, когда фон Брандт получил письмо генерал-прокурора Вяземского с сообщением об указе Екатерины II о Пугачеве. Он в это время был уже далеко...

Казанский губернатор распорядился искать «утеклецов» и в Алате, и в Малыковке, особенно в поселениях на Иргизе. Но нигде их не нашли, да фон Брандт и не придавал этому делу особого значения. О побеге он сообщил Вяземскому только письмом, написанным 21 июня. Но отправил его не с нарочным, а приказал сдать на почту, где оно пролежало шесть дней. Губернатор извещал Вяземского, что письмо, «в котором соизволили объявить именное высочайшее ея императорского величества повеление об учинении содержащемуся здесь раскольнику, беглому Войска Донского казаку Емельяну Пугачеву наказания его плетями и о посылке его в Пелым, я получить честь имел, но исполнения по тому указу не учинено для того, что предсказанный Пугачев за три дня до получения сего Вашего сиятельства письма с часовым, бывшим при нем солдатом, бежал».

Письмо из Казани в Петербург пришло только 8 августа. Через пять дней в 12 часов ночи генерал-прокурор Сената князь Вяземский известил о нем графа Чернышева. Вице-президент Военной коллегии тут же принял срочные меры — утром следующего же дня в грамоте Войску Донскому и указе оренбургскому губернатору приказал срочно сыскать беглеца и «за особливим конвоем» вернуть в Казань. Рейнсдорп должен был выяснить, «не шатается ли объявленный беглый казак Пугачев и с ним солдат, бывший при нем на часах, в селениях Вашей губернии, а особливо Яицкого войска в жилищах». В Петербурге явно обеспокоились в связи с бегством Пугачева, как человека «пронырливого и в роде своем прехитрого и замысловатого». Но и эти указания шли долго, и Рейнсдорп только 18 сентября ответил в Военную коллегия, что беглецы-де до сего дня не сысканы. Со времени их бегства из Казани прошло уже более трех с половиной месяцев...

...Пугачев и его спутники между тем добрались до деревни Чирши. Пробыли здесь сутки. Купец, купив еще одну лошадь, взял с собой семью, и все отправились в лес, стоявший неподалеку. Здесь переждали день. Ночью Дружинин пытался пройти в свой дом в Алат, но у него уже стоял караул — беглецов искали. Ночью, стараясь не шуметь, проехали тайком Алат и переправились через Вятку. Добравшись через Керженки до Котловки, перебрались через Каму. У села Сарсасы Пугачев расстался со своими спутниками. Недель пять жил он у крестьянина-раскольника Алексея Кандалинцева. Познакомились они в Казани, Алексей как-то конвоировал арестантов, шедших на поселение.

Вместе они, как договорились, поехали в Яицкий городок. Верстах в четырех встретилась им казачка. К ней и обратился Пугачев:

— Что, молодушка, можно ли пробраться в Яицкий городок?

— Коли есть у вас паспорта, — ответила она, — так, пожалуй, поезжайте. А коли нет, так тут есть солдаты, они вас поймают.

Пришлось повернуть обратно. Направились к Таловому умету, месту для Пугачева известному и надежному. По пути Кандалинцев увидел знакомых из Мечетной слободы, куда с ними и уехал.

— Оставайся ты здесь, — сказал он Пугачеву на прощанье, — а я поеду в Мечетную.

— Хорошо. Мне в Мечетную ехать никак нельзя, меня там схватят. Да и остаться на степи одному и пешему нельзя, ведь тоже поймают; так продай ты, бога ради, мне своих лошадей.

Алексей согласился. Получив 20 рублей, он оставил лошадей товарищу, а сам уехал. Пугачев же к утру 15 августа добрался до умета. Как расскажет он сам на допросе в Москве, «платье на нем было крестьянское, кафтан сермяжный, кушак верблюжий, шляпа распущенная, рубашка крестьянская, холстинная, у которой ворот вышит был шелком, наподобие как у верховых мужиков, на ногах коты и чулки шерстяные белые».

— А, Пугачев! — Еремина Курица встретил его как хорошего знакомого. — Где это ты был и откуда тебя бог принес?

— Из Казани, я там содержался, да бог помог мне бежать!

— Ну, слава богу!

— А что, брат, не искали ли меня здесь?

— Нет, не искали.

— Что слышно на Яике? Не знаешь ли, что там делается?

— Ныне, кажется, все тихо и смирно. Там теперь комендантом полковник Симонов.

— А казак Пьянов жив ли?

— Пьянов бегаёт, потому что на Яике проведали, что он подговаривал казаков бежать на Кубань.

Несколько дней Пугачев живет на умете, охотится на сайгаков. Надеется поговорить с кем-нибудь из Яицкого городка. Как-то он вошел в избу с убитым сайгаком и увидел новых людей — к Ереминой Курице по рекомендации крестьянина Мечетной слободы Василия Носова пришли три беглых русских крестьянина. Это были Афанасий Чучков, Антон Алексеев, Евдоким Федотов. Уметчик их приютил и паспортов не спрашивал.

— Я тебе, Степан Максимыч, — сказал Пугачев, — притащил сайгака, так освежуй-ка его.

— Хорошо, надежда, — Оболяев указал на крестьян, — теперь и кстати: вот прибыли к нам гости.

— А что это за люди?

— Нам нельзя таиться. — Чичков и остальные двое поклонились в ноги Емельяну. — Вы видите, бритые у нас лбы, мы беглые поселенцы, не оставьте нас!

— Хорошо, ребята, не кланяйтесь и не бойтесь! Я вас не оставлю, живите здесь, а потом мы съедем вам и место.

Чувствуется и по этим словам, и по всем другим, ранее сказанным, по поступкам Пугачева, что в нем уже непрерывно работает мысль, работает в одном направлении; ум его, все существо устремлено к заветной цели — вырваться из тенет, сетей, которые опутывают его непрерывно, разорвать оковы, совершить дело, к которому тянется его мятежная, беспокойная душа, собрать вокруг себя тех, кто это дело поддержит, пойдет за ним. Сначала это были не очень ясные, отчетливые мысли, стремление, потом намеки, наконец — открытый разговор с Пьяновым. Арест в Малыковке, уже четвертый в его жизни, и заключение в Казани не остановили эту работу мысли. Оказавшись на свободе, он снова рвется на Яик, и здесь в разговоре с только что увиденными людьми, беглыми и неприкаянными, Емельян снова обнаруживает в себе это скрытое, тайное стремление к тому, чтобы начать задуманное дело. «Я вас не оставлю», — говорит им этот человек, тоже, как и они, беглый, каторжный, преследуемый властями, говорит чуть ли не «царским», «императорским» тоном! Какая разница между Емельяном, произносившим эти ободряющие

слова, и перепуганными беглецами из Центральной России! А ведь когда он вошел в избу, вид у него был весьма скромный: в одной холстинной рубашке, к тому же грязный и испачканный в крови (нес сайгака по степи), на ногах — прохудившиеся коты, на голове — сермяжный колпак. А сколько чувствуется в словах его внутренней уверенности и огня! По всему видно, он встал на свой путь, перешел свой Рубикон.

Через несколько дней после разговора с беглыми хозяин и Пугачев пошли в баню. Еремина Курица увидел у своего постояльца какие-то отметины, знаки на груди — рубцы, шрамы, оставшиеся после болезни.

— Что это такое у тебя на груди-то?

Емельян промолчал, но задумался. Вспомнил о своем разговоре с Пьяновым: «А что, не сказал ли он Ереминой Курице, что я называл себя Петром Федоровичем?» Час спустя вышли из бани, и Пугачев вскоре подсел к хозяину:

— Давича, Степан Максимович, ты парился со мною в бане, а заметил ли ты на мне царские знаки?

— Какие знаки? Я не только не видывал, но и не слыхивал, что за царские знаки такие.

— Прямая ты курица! О царских знаках даже не слыхал! Ведь каждый царь имеет на себе телесные знаки. Вот я вам, когда яицкие казаки сюда приедут, покажу их.

— Что это, Пугачев, к чему ты это говоришь? Каким быть на тебе царским знаком?

— Экой ты безумный! И догадаться даже не можешь, к чему я говорю! Ведь я не донской казак, как тебе сказалося, а государь ваш Петр Федорович!

Оболяев, как и Пьянов до него, перепугался «так, как бы кожу на нем продрало». Мысли путались, в голове шумело: как это может быть? К нему в умет сам государь пожаловал!

— Как же это так? А я слышал, что государь Петр Федорович умер.

— Врешь! Петр Федорович жив, он не умер! Ты смотри на меня так, как на него! Я был за морем и приехал в Россию в прошедшем году. Услышав, что яицкие казаки приведены все в разорение, я нарочно для них сюда приехал и хочу, если бог допустит, опять вступить на царство. Как ты думаешь: будут ли казаки согласны на это и примут ли меня?

Но Еремина Курица в ответ только кланялся, просил прощения за то, что говорил и обходился с ним как с человеком простым.

— За что гневаться? — Пугачев входил в роль. — Ведь ты меня не знал. Да и впредь до времени никакого особого почтения при людях мне не оказывай. Обходись со мной по-прежнему просто, называй казаком и, что я государь, никому, кроме яицких казаков, не сказывай. Да и тем говори только таким, которые с войсковой стороны, а старшинским отнюдь о мне ничего не открывай.

— Почем мне распознать-то казаков, кто с войсковой, кто со старшинской стороны. Вот разве сказать о Вас казаку Григорию Закладнову; он, я знаю, с войсковой стороны и хотел ко мне приехать за лошадью.

— Хорошо, открой ему. Да смотри же, накажи хорошенько, чтобы он сказывал только надежным людям, да так, чтобы и жены их не знали.

Через несколько дней приехал Закладнов. Поговорили о лошади, о делах.

— А что, узнал ты меня? — спросил у него Пугачев.

— Как не узнать! Узнал, ты купец Емельян Иванович.

Пугачев не стал продолжать разговор, но наутро, когда гость засобирался домой, он просит уметчика открыть Григорию тайну. Тот подошел к Закладнову:

— Что, Гриша, как ты думаешь об этом человеке? — Еремина Курица показал на Емельяна, сидевшего на базу (в сарае). — Какой он человек?

— Почем мне знать, что он за человек?

— Ведь это государь Петр Федорович. Он говорит, что имеет на себе царские знаки и нарочно сюда приехал на выручку к вам, войсковым казакам. Он мне приказал о себе сказать, с тем чтобы ты открыл о нем войсковой руки надежным людям.

С недоумением и недоверием глядел Григорий на уметчика. Задумался, улыбнулся...

Потом решительно и радостно заговорил:

— Что это за диво такое? Конечно, господь нас поискал!

— Что, Гриша, — подошедший к ним Пугачев смотрел прямо в глаза казаку, — слышал ты обо мне от Ереминой Курицы?

— Слышал, сударь.

— Я, мой друг, не купец! А слышал ты про государя Петра Федоровича? Так я и есть государь! Поезжай ты скорее в городок и скажи войсковой стороны хорошим старикам, чтоб они ко мне приезжали и не мешкали. Я избавлю их от разорения старшин и поведу на Кубань. Если они замешкаются и добра себе не захотят, то я ждать долго не буду, только меня и видели! Да смотри же, никому из старшинской стороны не сказывай, да в жене своей тоже!

— Слышу, сударь.

Закладное хотел ехать, но хозяин умета оставил его на завтрак. Поели каши, причем Григорий ел с крестьянами, а Пугачев с Ереминой Курицей — началось «возвышение», хотя и небольшое, «государя» над «подданными». После каши Григорий ускакал в Яицкий городок, где уже давно слухи о «проявившемся» императоре не давали казакам покоя, будили мечты и надежды на освобождение от сентенции и возврат вольностей.

Пугачев сделал еще один шаг по пути к цели. Объявляя себя Петром III, обещая показать «царские знаки», он делал то же, что делали многие другие самозванцы до него, и, как и они, обращался к людям угнетенным, униженным помещиками, чиновниками, командирами. Простой люд, несмотря на горький опыт предыдущих поколений, снова и снова возлагал надежды на «добрых», «хороших» правителей — защитников сырых и убогих, обиженных «плохими» советниками, вельможами и генералами. Цари и императоры, царицы и императрицы, эти богом данные милостивцы, и отмечены богом на своем месте, имеют особые «царские знаки» на теле. Народ искренне верил во все это, и самозванцы, тот же Богомоллов, прямой и близкий предшественник Пугачева, показывали или обещали простым людям показать «знаки» — обычно какие-нибудь шрамы от ран, оспы или другой болезни. К ним, а не к богатым и знатным, обращались самозванные «императоры», «цари». Пугачев не раз и не два, постоянно в разговорах с казаками настаивает, чтобы они остерегались старшинской партии, говорили бы только с «надежными» людьми из «непослушной» стороны.

Нужно сказать, что не только Пугачев стремился к простым казакам, хотел опереться на них в первую очередь, их поднять на борьбу за правду и волю, но и они, в свою очередь, несмотря на первоначальный испуг, удивление, быстро находили общий язык с ним, таким же казаком, как и сами они. Несомненно, яицкие жители были рады, что наконец-то появился свет в сгустившейся вокруг них темноте, забрезжила надежда на лучшую долю.

В городке под покровом внешней тишины и уныния царило оживление и какое-то радостное ожидание. Все жили слухами и разговорами — вот-вот должно произойти что-то значительное и жизнь людей должна измениться к лучшему.

«Государь у Пьянова был в доме», — передавали из уст в уста, из дома в дом. Самого Дениса Степановича в городке не было — он бежал, как только полковник Симонов, яицкий комендант, узнав о слухах про Пугачева, приказал его арестовать. Правда, всю зиму в тюремном доме держали его жену, допрашивали, но ничего не добились. Она твердила одно: был-де у них в доме какой-то купец, уехал, купив рыбу, а что он за человек, она не знает. Казаки до поры, памятуя строгий наказ Пугачева, держали язык за зубами и говорили только с людьми «надежными».

Однако шила в мешке не утаишь. Скоро о «государе» говорили все, ждали его. Иван Никифорович Чика-Зарубин, впоследствии ближайший сподвижник Пугачева, позднее говорил (на допросе): «Мы же..., казаки войсковой стороны, все уже о том думали и дожидались весны; где ни сойдемся, говорили войсковые все: „Вот будет государь!“ И как приедет, готовились его принять».

Как видим, все были полны ожидания, нетерпения. Поскольку «государь» не

объявлялся, доискаться до истины было трудно, питались слухами, предположениями: Петр III Федорович ждет лишь удобного времени, чтобы «объявиться». Об этом говорили не только в городке, но и по всем хуторам. Узнали обо всем и войсковые, военное начальство.

Представление о том, что говорили в народе о «государе», дает разговор между Чикой-Зарубиным и другим казаком, Никифором Гребневым. Никифор возвращался на свой хутор, верстах в двадцати от городка, и встретил Чику. К нему и обратился он с вопросом:

— Слышал ли ты вести?

— Какие вести?

— Вести хорошие. Слышал я от Григория Закладнова, что приезжал на умет к Ереминой Курице купец, и Григорий Закладное, быв тут же на умете, с ним разговорился. И стал купец спрашивать: «Какие вам, казакам, есть обиды и какие налоги?» Закладнов рассказал ему, какие мы обиды несем от командиров наших. После того купец выговорил, что поедет на Яик для покупки рыбы; и когда из Яика возвратился назад, на умет к Ереминой Курице, то хотел прислать за Закладновым. Закладнов, оставив купца, поехал для ловли зверей, а потом купец, возвратясь, послал Еремину Курицу сыскать Закладнова. И когда тот приехал и ночевал с купцом, то зачал его спрашивать: «Скажи ты нам правду: что ты за человек?» На что купец сказал: «Ну, друг мой, господин казак, я скажу тебе сущую правду: ты меня признавай за государя; я не для рыбы вашей ездил в город, а только приглядеть ваши обряды и какие командиры делают вам обиды». Когда же Закладнов спросил: «У кого ты был в Яике?», то он сказал: «Я стоял в доме у Дениса Пьянова». Закладнов стал ему тогда говорить: «Батюшка, обиды нам делают великие: наши командиры нас бьют и гоняют, жалованье наше захватывают; тому шесть лет, как государыня нам жалованье жалует, а они незнаемо куда употребляют. А кто о жалованье станет говорить, того сажают под караул. Без государева указа в ссылку рассылают, и государыня о том не знает. У нас прежде не было пятидесятников, а теперь завелись; прежде в сотне был один сотник, а теперь все новое». Купец, поговоря с Закладновым, поехал с умета на Иргиз, сказав: «Ждите меня весной, я к вам буду». Так вот, брат, вести какие!

Такие и подобные им разговоры вели казаки по всему Яику. Правда в них перемешивается с вымыслом; главное же в слухах, которые передал Гребнев Зарубину, заключается все в той же вере, что императрица не знает о беззакониях, царящих в войске, что «объявившийся» император все исправит. Ведь он так подробно спрашивает казаков об их житье-бытье, сам «приглядывает» их обычаи и обряды; более того — специально приехал сюда, услышав об их бедах, и имеет намерение помочь им, будет для этого весной на Яике. Недаром Чика, передавая, несомненно, то, что говорили все, сообщал позже, что «государя» ждали весной и собирались его «принять».

Недаром и власти опасались нового появления здесь Пугачева — в том же указе Военной коллегии 14 августа внимание местных властей обращали на то, что это появление опасно «особенно среди Яицкого войска».

Разумеется, после подавления восстания обстановка на Яике была напряжена до предела. К тому же стал известен окончательный приговор по делу об убийстве фон Траубенберга и других, о казацком «мятеже» продерзостном. В конце апреля Рейндорп получил указ о том Военной коллегии, а 2 июля его объявили на круге в Яицком городке: участь приговоренных облегчили, но все-таки она была тяжелой — 16 человек наказали кнутом, вырезали ноздри и, заклеив, сослали навечно на сибирские Нерчинские заводы; для 38 — битье кнутом и ссылка с семьями в Сибирь на поселение; пятерым — «для омытия пролитой крови» служба против неприятеля вне очереди; 25 — наказание плетью, посылка в полки, сибирские гарнизоны. Остальных — 2461 человек — простили по их «сущему невежеству и по незнанию истинного своего благоденствия» и вновь привели к присяге. Имущество подвергшихся наказаниям следовало описать и продать с публичного торга, чтобы возместить убытки, понесенные воинскими чинами и старшинами; штраф составлял огромную сумму — 36 756 рублей 30 копеек. Каждый казак должен был внести от 6 до 40 рублей. Причем по указанию старшин бедные должны были уплатить больше, чем богатые.

Казачья, не знавшие, как семьи-то свои прокормить, совсем пригорюнились.

— Когда уже на все войско наложена выть, — говорили они между собой в домах, на базаре, — так и взыскание должно быть с каждого равное, ибо богатый и бедный казак все тягости без различия несут наряду.

Разговоры и слухи об «императоре» множились, разрастались. Известны стали подробности пребывания «государя» у Пьянова и Оболяева. Закладнов, разговаривавший с «Петром III» на умете, по возвращении в городок сообщил обо всем своему другу Ивану Чебакову. Тот как будто усомнился:

— Что за причина; ведь сказывали, что государь помер! Надо об этом деле хорошенько посоветоваться с надежными людьми. Пойдем-ка, брат, скажем об этом Ивану Фофанову, не съездит ли он в умет удостовериться: подлинно ли он царь?

Оба казака пошли к Фофанову, но ни его, ни Максима Шигаева, ни Дениса Караваяева, к которым тоже решили зайти, дома не застали. Прошел день, и Чебаков, взяв с собой Караваяева, снова пришел к Закладнову. Тот снова рассказал о встрече с «государем», его просьбе прислать к нему, и побыстрее, надежных людей. Караваяев после совета с другими казаками (Василий Плотников, Иван Шарин, Яков Портнов) решил сам ехать на умет. Пригласил с собой и товарища — Сергея Кунишникова. Из городка выехали рано. Шел дождь, было темно, но уметчик увидел двух казаков, приближавшихся к его дому.

— Кто едет?

— Казаки! Мы ездили за сайгаками, да запоздали и, чтобы укрыться от дождя, приехали сюда ночевать.

— Милости прошу.

Караваяев и Кунишников спешили. Второй из них начал расседлывать лошадей, а первый подошел к Ереминой Курице:

— Не уметчик ли ты?

— Уметчик.

— Мы слышали, что у тебя живет такой человек, который называется государем Петром Федоровичем. Правда ли это?

— Кто вам сказал?

— Григорий Закладнов.

Оболяев понял, что перед ним казаки «непослушной» стороны, и не стал отпираться:

— Да, у меня есть такой человек.

— Можно нам с ним повидаться?

— Теперь не время, есть посторонние. Оставайтесь до утра.

Казаки согласились. Лошадей пустили пастись в степь, легли спать в сарае. Там же, но в другом углу, за занавеской, лежал на кровати Пугачев. Он уже узнал от Оболяева, что к нему приехали казаки, но принять их не пожелал:

— Хорошо, теперь некогда с ними говорить.

Утром состоялась аудиенция. Емельян перед ней наставлял Еремину Курицу по поводу церемониала приема:

— Ты поди и спроси у тех казаков: бывали ли они в Петербурге и знают ли они, как должно к государю подходить? Если они скажут, что в Петербурге не бывали и не знают, то прикажи им по приходе ко мне стать на колени и поцеловать мою руку.

Оболяев — первый «церемониймейстер» «государя» — повиновался. Пугачев, сидя за столом, ожидал казаков. Они вошли и сделали так, как им приказали, встали на колени.

— Не прогневайся, Ваше величество, — обратился к «государю» Караваяев, — что мы путем и поклониться не умеем.

Пугачев сказал им, чтобы они встали, и протянул руку. Они ее поцеловали.

— Почему вы, мои друзья, узнали, что я здесь?

— Нам Григорий Закладнов сказал.

Пугачев посетовал, что сам Григорий с ними не приехал (поехал за дровами, по словам казаков):

— Экой безумный: я ему наказывал, чтоб он вместе с вами сюда приехал, а он, смотри, за дровами уехал! Дрова бы не ушли... Говорили ли вы со стариками?

— Сказывали человекам двум-трем, а ныне в городке большого-то числа и нет, все на сенокосе.

— Зачем же вы ко мне пришли и какая ваша нужда?

— Мы, Ваше царское величество, присланы к вам просить милости и заступиться за нас, а мы за вас вступимся. Мы теперь вконец разорены старшинами: детей наших в солдаты хотят брать, а нам бороды брить. Вводят у нас новые штаты, а мы желаем служить по-старому и по грамотам, как при царе Петре Алексеевиче было.

— Хорошо, друзья мои! Если вы хотите за меня заступиться, то и я за вас вступлюсь. Только скажите своим старикам, чтоб они исполнили все то, что я прикажу.

— Изволь, батюшка, надежа-государь. Все, что Вы ни прикажете, будет исполнено.

Все прослезились. Казаки заверили Пугачева, что войско примет его с радостью, если он за них вступится. Емельян Иванович был доволен:

— Ну, детушки мои, соколы ясные, смотрите же, не покиньте вы меня! Теперь у вас пеший сизый орел, подправьте сизому орлу крылья! Сумею я вас нарядить и разрядить!

— Только не покинь ты нас, надежа-государь, а мы с Яицким войском все, что вы ни прикажете и ни потребуете, сделаем.

Этот разговор весьма любопытен и примечателен. И раньше, в беседах с Пьяновым и Закладновым, Пугачев обещал помочь казакам избыть их беду. Но это было, можно сказать, предварительное, первое прощупывание настроений, намерений казаков. Говорилось о бегстве во главе с ним с Яика на Кубань или Лабу. Теперь позиции сторон определились более ясно и четко. Обе стороны не говорят уже ни о каком уходе с Яика. Наоборот, речь идет о том, как лучше устроить жизнь на Яике. Они заключают своего рода договор, и Пугачев впервые формулирует свои взгляды, обещая казакам достичь того (с их же помощью, конечно), о чем они мечтали десятилетиями, что им, вероятно, снилось ночами в эти кошмарные для них годы:

— Я вам даю свое обещание жаловать ваше войско так, как Донское: по двенадцати рублей жалованья и по двенадцати четвертей хлеба. Жалую вас рекой Яиком и всеми протоками, рыбными ловлями, землею и угодьями, санными покосами безданно и беспошлинно. Я распространю соль на все четыре стороны, вези кто куда хочет. И буду вас жаловать так, как и прежние государи, а вы мне за это послужите верою и правдою.

— Довольны, государь, Вашею царскою милостию и готовы Вам послужить.

Пугачев обещал казакам то, что для них было самым насущным и необходимым, чего их лишали или в чем стесняли постоянно и неуклонно. Он, сам плоть от плоти казак, затронул наиболее чувствительную струну казацкой души, и она охотно и благодарно откликнулась на его призыв.

Начались уже хлопоты — приготовить знамена, для чего купить «голи² разных цветов, шелку и шнура», платье и бархатную шапку для «императора». Появились и первые осложнения у неграмотного «государя». Казаки попросили записать на память обо всем, что нужно купить. Пугачев отговорился: нет, мол, бумаги и чернил, и так все упомните! Но казаки заговорили о другом, для них более важном, — об императорском указе в Яицкое войско, в котором, как они, вероятно, ждали, будет затверждено то, что «государь» только что обещал им на словах.

— Хорошо, мы и так упомним, — сказал Карavaев о покупках и продолжал: — Но не можно ли написать какого-либо указа в войско?

— Какой указ? — Пугачев удивился, но тут же вышел из положения: — У меня нет теперь ни писаря и никого здесь нет.

Емельян Иванович в конце приема торопил казаков — надо, мол, быстрее начинать

---

² Голь — шелковая ткань, вид камки.

дело, «чтобы в огласку не вошло», не ждать, пока закончится сенокос (Караваев и Кунишников по этой причине просили повременить неделю), требовал переговорить со стариками и приехать к нему «с ответом как можно скорее». Иначе говоря, двое казаков, получивших аудиенцию у «государя», должны были обговорить его предложение и дать ответ.

— Если вы будете худо стараться о себе, — заключил Пугачев, — и станете мешкать, так меня здесь и не сыщете.

— Как нам не стараться, батюшка, будем.

Обсудили место будущего сбора войска. Перебрали разные места — на Камелях, верстах в 20 от умета, на вершине Таловой речки, но поблизости от этих мест проходили большие дороги. Остановились на том, что будут на реке Узень. На прощание Пугачев обещал в следующий раз показать «царские знаки».

— Почему это, Степан Максимыч, — спросил Чучков у Оболяева, когда они стояли у плетня, а Пугачев ушел в избу, — давеча яицкие казаки величали Петра Ивановича (Емельян иногда называл себя казаком Петром Ивановым. — В. Б.) из Дубовки надежею-государем?

— А вот почему: потому что он государь Петр Федорович.

— Как же это так! Ведь слух был, что государь помер. Да и сам он называется дубовским казаком. Почему ж узнали, что он такой большой человек?

— Сам батюшка мне поведал и сказал, что он, оставив царство, принял на себя странствование, большой труд и бедность. Смотрите же, не болтать никому постороннему! Да и сами называйте его по-прежнему дубовским казаком и обходитесь с ним просто!

Два человека в глухой яицкой степи быстро поверили в истинность того, что говорил Пугачев; они хотели верить в то, что их правда наконец-то восторжествует, им станет легче. В словах Оболяева, одинокого горемыки, видна вся светлая и бесхитростная вера в доброго, сердечного заступника, каким для всех простых людей был царь; он простосердечно и ласково называет его «батюшкой», внутренне, конечно, полон восторга перед ним — тем, который «принял на себя странствование, большой труд и бедность». Еще бы! Такого человека не может не понять бесхитростная и добрая душа Ереминой Курицы, готового помочь всякому проходящему, накормить и успокоить его, хотя бы самого нищего и убогого. Таким видится ему и другим людям и «батюшка»-император, от него, много претерпевшего за народ, ждут они всякого добра и милости народу же. В этих размышлениях явственно вырисовываются извечные мысли, представления угнетенных о добре и зле, о правде и кривде, идущие от первоначального христианства, преобразенные в апокрифы и другие подобного рода сочинения, в легенды, которые имели широкое хождение в массах со времен Киевской Руси вплоть до нового времени. Из столетия в столетие они передавались поколениями русских людей.

Тем временем Пугачев засобирался на Иргиз, хотя это было и опасно — его ведь могли снова поймать. Уговаривал ехать и Оболяева, поскольку у него там много знакомых, да и дорогой вдвоем не страшно. Причина поездки проста — надо найти писаря, грамотного человека, крайне нужного при «государе». Но там грамотея не нашлось, хотя, по словам старца, к которому обратился Оболяев, и «набралось бы человек 20, но и те от команды сыщиков разбежались». Заехали в Мечетную слободу. Здесь Емельян едва избежал ареста — его старый знакомый Степан Косов испугался, увидев Пугачева, разыскиваемого властями, потребовал у него паспорт, а потом — идти к начальству. Его едва не схватили в Пахомиевом скиту, пришлось бежать, переправившись на лодке через Иргиз, и прятаться в дремучем лесу. Оболяева же арестовали, и бедный уметчик оказался в тюрьме. Пугачев вернулся в Таловый умет.

За время его отсутствия в Яицком городке рассказ Караваева и Кунишникова произвел на казаков «непослушной» стороны, кому они доверились, сильное впечатление. Тимофей Григорьевич Мясников, молодой еще казак, пришел к братьям Кочуровым. Застал дома одного из братьев, Петра Тихоновича, и Чику-Зарубива, о котором говорили, что он «у войска причинный человек — был в приводах и не один раз сечен».

— Что, братцы, — Тимофей оторвал обоих от дела — литья пуль, — слышали вы: на Таловой чудо проявляется?

— Слышали.

— Бог знает, — с усмешкой сказал Кочуров, — полно, правда ли? Ведь вот прошлого года тоже слух был, что государь проявился будто бы в Царицыне. И что же вышло? Только народу, сказывают, за ним много пропало!

— Говорят, что подлинно он батюшка, — возразил Мясников.

Чика и Тимофей пошли на базар. По дороге Мясников снова заговорил о «батюшке»:

— Царь ведь приказал прислать к себе от войску двух человек.

— Так что же? — Чика твердо глядел на Тимофея. — За чем дело стало? Я первый поеду!

— Ну а другой-то кто же? Разве мне с тобой поехать?

— Ну и поедем завтра.

— Я слышал от Караваяева, что и он хотел ехать.

— Да мне-то до того какая нужда? — рассердился Зарубин. — Хотя Перекараваев поезжай! Я сам хочу поехать и посмотреть. Ведь почему мы знаем, что они поедут; а может, и не поедут.

Тон Чики выдавал в нем решительного сторонника действий, связанных с появлением на Яике «государя». Он, как видно, не допускал мысли о возможности уклониться от того, что надвигалось. А по всему судя, предстояли дела серьезные и кровавые, и Зарубин, человек, ненавидевший всяких господ и начальников, смело шел навстречу буре, рвался к ней.

На базаре в группе казаков, беседовавших о том же, Андрей Алексеевич Кожевников прямо предложил Чике ехать к государю — «нам надо его до времени спрятать».

— Отчего не съездить, пожалуй, съезжу. Но куда мне его спрятать?

— Вези прямо ко мне на хутор. А там уже не твоя печаль. У нас есть покои, где его спрятать.

— Зачем на хутор? Отчего не в городок? (Зарубин, видимо, хотел, чтобы все шло быстрее).

— В городок теперь привезти нельзя — иные казаки не поверят, а старшинская сторона может его поймать. А как отвезешь на хутор, так мы все туда будем.

Разговоры шли и в других местах, в том числе и в доме М.Г. Шигаева. Ему рассказал о встрече с «государем» сам Караваяев. Они тоже решили к нему ехать.

Из городка выехали к Таловой две пары — Зарубин и Мясников, оба верхом; Караваяев и Шигаев на телеге позже часа на два. К вечеру первые двое подъехали к умету. Встретил их Алексей Чучков, сначала отнекивавшийся, потом сказавший, что «государь приказал, чтобы вы его здесь подождали», он-де вечером или завтра утром будет. Чика и Тимофей переночевали неподалеку, у речки. Но и утром Пугачев еще не возвратился, и казаки ускакали в степь — «не попадетесь ли нам сайгачишка какой».

Приехал и Денис Караваяев. Узнав об отсутствии «государя», они с Шигаевым тоже отъехали в степь, в противоположную от Чики и Тимофея сторону — казаки остерегались друг друга, дело-то ведь было секретное и великое. К тому же войсковые казаки считали изменником Шигаева, который в дни январского восстания спас от смерти капитана Дурново — доверенное лицо самой императрицы. Он полагал, что расправа с ним тяжело скажется на судьбе войска; получил за это прощение. Казаки все это запомнили.

К полудню приехал Пугачев, на одной лошади, без уметчика и кибитки. Встретил его Чучков:

— Где же Еремина Курица?

— Курицу мечетные мужики поймали, да и хохол, чай, уж ей ощипали. Я едва сам убрался на этой лошаденке, а другую не успел захватить... — Емельян переключил разговор на другое, его волновавшее: — Был ли здесь кто из Яицкого войска?

— Есть четыре человека: двое там, — Афанасий махнул в одну сторону, потом в

другую, — а двое тут... Только Караваев пенял, что я про вас сказал Чике.

— И в самом деле, напрасно ты сказывал. Если он придет опять, то про меня не сказывай.

Чучков залез на крышу сарая и помахал шапкой. Прискакал Караваев. Он просил Пугачева поехать к ним в стан. Тот согласился, на лошади Дениса подъехал к Шигаеву. Слез, поклонился ему. Тот ответил тем же и сел с ним на землю, уверенный, что перед ним какой-то мужичок, которого прислал с вестью Караваев. Да и немудрено: приезжий, одетый в простой армяк и толстую холстинную рубашку, с небольшой суконной шапкой на голове, вполне мог сойти за одного из беглых, которых приютил Еремина Курица.

— Вот наш батюшка, — подъехал Денис и указал на мужичка.

Шигаева подбросило вверх, он оробел и не знал, что сказать, верить или не верить. Но, овладев собой, склонился в поклоне, извинился, что вел себя не так, как подобает, по незнанию.

— Ничего, ничего! — ободрил его самозванец. — Ну, как вы, други мои, ныне поживаете? Я слышал, что вы, бедные, вконец разорены. Расскажите-ка, чем решилась ваша тяжба?

Шигаев горестно поведал ему о наказаниях, понесенных казаками, Пугачев — о своих странствиях, преувеличив их дальность (Царьград, Иерусалим, «Некрасовщина», то есть Кубань). Потом подъехал Чика. От него, по предложению Шигаева, Пугачев вместе с ним спрятался в кусты у реки. Но Зарубин, посланный Караваевым на умет («государь»-де там), снова вернулся, очень недовольный тем, что ему не доверяют, обманывают:

— Вот бездельники! Не скажут правду, а ты взад и вперед езд. Чего вы таитесь от меня? Я буду здесь ожидать до ночи и отсюда не поеду, пока не увижу.

— Слушай, Чика, — Караваев смутился, — буде правду сказать, так мы тебя опасаемся. Побожись, что ты ничего дурного с нами не сделаешь, так мы тебе его покажем.

Чика и Тимофей побожились, поклялись перед образом, и Пугачев и Шигаев вышли из камышей.

— Здравствуйте, войско Яицкое! — обратился ко всем Пугачев. — Доселе отцы ваши и деды в Москву и Петербург к монархам езжали, а ныне монарх к вам сам приехал.

Зарубин и Мясников, прижавшиеся к телеге, низко ему поклонились.

— Не кланяйтесь, детушки, а заступитесь за меня. Вы пришли сюда, чтобы видеть государя Петра Федоровича, а я и есть тот, кого вы ищете и теперь своими глазами видите. По ненависти бояр я лишен был царства, долго странствовал, а теперь хочу по-прежнему вступить на престол. Примете ли вы меня к себе и возьмете ли на свои руки?

— Рады, батюшка, тебе служить!

Пугачев, разыгрывая роль государя, импровизировал многое, но говорил, во-первых, давно выношенное, во-вторых, понятное этим людям. Его язык, выражения были их языком. Но тон его высказываний отличался от обычного казацкого наречья, и это скоро казаки почувствовали.

Начали трапезу. Ели арбуз — Пугачев сидя, Шигаев стоял около него, Караваев угощал, а Чика и Тимофей отошли на другую сторону телеги, не смея сесть при «государе».

— Так-то, детушки, — продолжал Пугачев беседу, — еще бог велел по двенадцатилетним странствованиям свидеться с вами. Много претерпел я в это время бедности...

— Ну что, батюшка, — прервал его Караваев, — о прошедшем много разговаривать! Предъяви-ка ты нам лучше свои царские знаки.

— Раб ты мой, — голос Пугачева стал резким и повелительным, — а повелеваешь мною!

— Батюшка! — спас положение Максим Шигаев. — Наше дело казачье, не прогневайся, что мы говорить-то хорошо не умеем.

Разволновавшийся Пугачев взял нож и хотел разрезать ворот рубашки, чтобы явить знаки, но Караваев, и тут невпопад, предложил рубашку не портить, а сбросить ее. Емельян

сделать это никак не мог — казаки увидели бы его исполосованную спину.

— Нет! Не подобает вам, простым людям, видеть все мое тело.

Он разрезал ворот:

— Кто же из вас знает царские знаки?

— Мы не знаем, надежа-государь, — ответили казаки, — наше дело казачье, и мы никогда их не видывали.

— Так вот знайте же!

Четверо казаков увидели два пятна (от заросших ран) на левой стороне груди и одно на правой. Почти все оробели, а Тимофея «такой страх обуял, что ноги и руки затряслись». Только Чика сомневался; он потом говорил следователям: «Видя Пугачева, думал я и рассуждал сам с собою, что ему государем быть нельзя, а какой-нибудь простой человек». Непонятно ему было, например, почему Пугачев острижен по-казацки, имеет бороду, одет в казацкое же платье. Но Карavaев успокаивал его: «государь»-де «так себя прикрывает».

Потом Емельян показал еще один «знак» — шрам на левом виске, прикрытый волосами (следы от золотухи, может быть).

— Что это там, батюшка? — спросил Шигаев. — Орел, что ли?

— Нет, друг мой, это царский герб.

— Все цари с таким знаком рождаются или это после божиим изволением делается?

— Не ваше это дело, други мои. Простым людям этого ведать не подобает.

Казаки испугались и поклонились Пугачеву:

— Теперь верим и признаем в вас великого государя Петра Федоровича.

— Ну, когда признаете меня за государя, так обещайтесь за все Яицкое войско мне не изменять и никому в руки живого не отдавать. Напротив того, и я дам клятву любить вас и жаловать. Сберегите меня, детушки. Если господь допустит меня в свое место (то есть на престол. — *В. Б.*), так я вас не забуду и буду жаловать, как первые монархи. Я сам вижу, что вы, бедные, обижены и разорены, потерпите до времени.

— Хотя мы все, казаки, пропадем, — с волнением, но твердо произнес Шигаев, — но вас, батюшка, не выдадим. А буде не удастся, так выведем тебя на степь и пустим, а в руки не отдадим.

— Ну, друзья, не забудьте же своего слова и будьте мне верны!

— Надеемся на нас, батюшка, крепко, — говорили все четверо, — мы вас не выдадим.

Достали медные складни (походные иконы), и, став на колени, казаки дали присягу:

— Обещаемся перед богом служить тебе, государь, во верности до последней капли крови. И хотя все войско Яицкое пропадет, а тебя живого в руки не отдадим.

Пугачев, тоже на коленях, присягнул:

— Обещаюсь и я перед богом любить и жаловать Яицкое войско так, как и прежние цари. И буду вас жаловать рекою Яиком и впадающими во оную реками и притоками, рыбными ловлями, землю, сенокосными покосами и всеми угодами безданно и беспошлинно. И распространю соль на все четыре стороны; вези кто куда хочет. И оставлю войско Яицкое при прежней их вольности.

Договор был заключен. Снова заговорили об изготовлении «хорунгов» (знамен), одежды для «императора». Зарубин и Шигаев заспорили, кому ехать в городок за всем этим, «взять на руки», то есть охранять, беречь, «государя». Пугачев взял сторону Чики, который резонно заметил, что на хуторе Шигаева многолюдно («к тебе на хутор много людей ездит»), и это решило дело:

— Нет, чадо мое, — Пугачев обратился к Шигаеву, — поезжай-ка ты с Карavaевым в городок, и исправьте все, что я говорил, а Чикю и Мясникова я оставлю при себе. Они повестят вас о месте, куда войску собраться.

Так было положено начало приближению Зарубина к особе «императора». Решающую роль сыграло то, что Чика, несмотря на свои нынешние и более поздние колебания (он видел, что Пугачев никакой не император, а казак, как и он сам), твердо решил примкнуть к начинавшемуся движению. Во время перемолвки с Шигаевым он говорил Емельяну

Ивановичу:

— А я, батюшка, возьму тебя на свои руки; и не опасайтесь ничего, я все здешние места знаю. Ведь я сюда для того приехал, чтобы за тобою следовать.

Чика уже, оказывается, приготовил место, где прятать самозванца. От других казаков он это скрывал. С умета они туда и направились. Емельян приказал Чучкову тоже покинуть умет, куда вот-вот могла нагрянуть команда, чтобы арестовать всех, кто был связан с Пугачевым и Оболяевым. По его совету они поехали на Узени — место в степи, по которому близко друг от друга протекали две узкие речки; между ними помещались неширокая полоса земли, местами островки, заросшие густым камышом; в них можно было надежно спрятаться.

По дороге на хутор братьев Кожевниковых (верстах в 55 от городка, на реке Малый Чаган), куда ехали спутники, Пугачева брали мучительные сомнения: примут ли его казаки? Ведь и Зарубин, несмотря на все заверения, не уверен, что он император; Емельян это чувствовал, понимал. Неужели впереди опять арест и тюрьма, жестокое наказание и ссылка? А то и хуже?..

— Ваш старшина Иван Окутин, — завел беседу помрачневший Пугачев, — должен меня знать. Он, я чаю, не забыл, как я жаловал его ковшом и саблей. Только, братцы, как вы думаете, согласны ли будут принять меня к себе ваши казаки?

— Не знаем, Ваше величество, примут ли, — говорил Чика и Мясников, — однако мы всячески постараемся преклонить их на свою сторону.

— Дед мой, покойный император Петр I, в чужих землях странствовал семь лет, а меня бог привел постранствовать двенадцать.

Спутники его молчали. На душе у Емельяна стало тоскливо, кошки скребли. Версты за две до хутора они остановились, и Чика поехал поговорить с хозяином. Еще не стемнело. Опасаясь постороннего взгляда, Пугачев и Мясников спрятались в ложине. Вечером подъехали к хутору. Их встретил старший из братьев, Андрей. Младший, Михаил, оробел при виде гостя, хотя тот, в своем верблюжьем армяке и крестьянской толстой рубаше, походил «во всем на русского мужика». Здесь же на лавочке сидел отставной казак старик Роман Шаварновский, живший здесь же, у Кожевниковых, в отдельной избе. Михаил явно сомневался в Пугачеве, и тот прошел к Шаварновскому. Емельян снова рассказывал, как его освободил караульный офицер Маслов, как он странствовал, как его арестовывали. Свое повествование заключил словами:

— Хотя в писании и сказано, чтобы мне еще с год не являться, но я принужден явиться ныне для того, что не увижу, как вас всех у меня растащат. Вы держитесь за мою правую полу; и если не отстанете, то будете люди и станете жить по-прежнему. Если ныне меня не примете, я себе найду место, а вы тогда уже на меня не пеняйте. Когда хотите, то ныне помогите; я — подлинный государь Петр III.

Чика и Мясников уехали в Яицкий городок — объявлять надежным людям о «царе», поискать писаря, купить кое-что для Емельяна. Последний сидел безвылазно в избе Шаварновского, оберегавшего его от всех, даже от Кожевниковых, не поверивших в «истинность» «государя». Старший из них, увидев Пугачева, сразу определил, что тот — лицо подставное. Он уехал в городок, встретил Шигаева и жаловался ему:

— Как нам быть, Максим Григорьевич? Вор Чика навязал нам на шею такую беду, что мы не знаем, что и делать!

— Как же это? — Шигаев делал вид, что он ничего не знает. — Зачем он к вам его привел? Ведь он взял его на свои руки!

Жаловался Андрей и свояку — Ивану Харчову. А на хутор меж тем приезжали другие казаки, разговаривали с самозванцем. Они верили ему, и по хуторам и зимовьям ширилась молва о «батюшке». Пугачев сочувствовал казакам, сетовал на их печали, говорил:

— Когда настоящего пастыря не станет, народ всегда пропадет...

Ситуация была еще неясной. Не все верили в «государя», и Пугачев это сознавал. Те, кто верил или делал вид, что верит, смущались, наблюдая, как другие уклонялись от

разговоров о «царе», отмалчивались, отводили в сторону глаза, как братья Кожевниковы. Чика, приехав в городок, направился к Караваеву. Червь сомнения не оставлял и его, точил душу:

— Скажи правду, что это за человек, которого мы почитаем за государя?

— Глупый ты! — Караваев уклонился от прямого ответа. — Разве ты не слышал, что давно идет молва у нас в городе, что он государь?

— Скажи-ка ты мне правду, откройся! Ведь я никому не вынесу, и отныне дело будет общее! — Так как тот отмалчивался, Чика усилил нажим: — Ну что ты, Денис, таишь-то от меня, когда он сам мне открылся, что он донской казак?!

Потом, на допросе, Чика в связи с этой беседой скажет, что Пугачев — «донской казак, намекнул он наугад, потому что за год до сего времени был у них на Яике слух такой, что в Царицыне один донской казак также назывался государем Петром Федоровичем и был пойман, но ушел из-под караула. А потому и думал он: не тот ли самый и у них явился, ибо он о самозванце усумнился, чтоб он подлинный был государь».

Собственно говоря, Зарубин, сразу решивший связать свою судьбу с самозванцем, хотел найти единомышленников, тех, кто, зная истинное положение дела с «царем», несмотря на это, готов был идти до конца. Его расчеты, конечно, не строились на песке, учитывая то, что происходило тогда на Яике. И он не ошибся.

— Слушай, Чика, — сказал ему Караваев, — не сказывай ты ни отцу, ни матери, ни жене, ни детям, ни посторонним людям и дай ты мне пред богом клятву!

Зарубин охотно дал клятву. Денис продолжал убежденно, настойчиво:

— Пусть это не государь, а донской казак, но он вместо государя за нас заступит. А нам все равно, лишь бы быть в добре.

— Ну ладно, так тому и быть, — согласился Чика. — Значит, это всему войсковому народу так надобно.

Зарубин снова ходил по городку, по базару, слушал толки и перетолки про «государя». Одни «непослушные» хотели его принять и объявить. Другие опасались:

— Хорошо, если это подлинный государь. А если не подлинный и часть войска его примет, а другая не согласится? Ведь тогда будет междоусобная брань! А наши дома от мятежа и так вверх дном стали!

Прошло несколько дней. Чика и Мясников вернулись на хутор Кожевниковых. На вопрос Пугачева об отношении к нему в городке Чика откровенно сказал:

— Говорят разно: иные верят, а иные не верят. Я тем, кои согласны принять Вас, велел собираться по нашей повестке на речку Усиху.

— Хорошо, друг мой, увидим, что будет.

Втроем отправились на Усиху, чтобы осмотреть место («караулисто ли оно?») — заметил Пугачев перед отъездом). На хуторе оставаться опасались — могла узнать старшинская партия. Место оказалось удачное — кругом степь, нет ни жилья, ни леса, только высокое дерево одиноко, как сторожевая башня, высилось на берегу. Чика я здесь проявил дальновидность и сноровку. Пугачев отослал Мясникова в городок за представителями войска — поговорить о том, «как бы лучше оповестить войско, чтобы оно собралось ко мне сюда».

Пугачев и Чика остались одни. Они отдыхали перед тем, как возвращаться на хутор. Зарубин, человек прямой и решительный, не скрывая любопытства, прямо спросил Емельяна:

— Скажи-ка мне, батюшка, сущую правду про себя: точный ли ты государь?

— Точный я вам государь!

— Нас, батюшка, здесь немного, только двоечка, а Караваев-то мне все рассказал о тебе, — схитрил Чика, — какой ты человек.

— Что же он тебе сказал?

— Сказал, что ты донской казак...

— Врешь, дурак!

— От людей-то утаишь, да от бога не утаишь, — раздумчиво, медленно говорил Чика. — Я Караваяву дал клятву, чтоб о том никому не сказывать; так и тебе теперь даю. Ведь мне большой нужды нет, донской ты казак или нет: а если мы приняли тебя за государя, значит, тому и быть.

— Если так, то смотри же, держи в тайне. Я подлинно донской казак Емельян Иванов. Я был на Дону, и по всем тамошним городкам, везде молва есть, что государь Петр III жив и здоровствует. Под его именем я могу взять Москву, ибо прежде наберу дорогой силу, и людей будет у меня много. А в Москве войска никакого нет. Не потаил я о себе и, кто я таков, сказывал Караваяву, Шигаеву, а также и Пьянову.

Зарубин откровенно обрадовался тому, что услышал, и рассказал об этом, возбужденный, в приподнятом настроении, Мясникову. Нашел в нем полное понимание:

— Нам какое дело, государь он или нет, — сказал Тимофей. — Мы из грязи сумеем сделать князя. Если он не завладеет московским царством, то мы на Яике сделаем свое царство.

Помимо этих нескольких человек, правда о Пугачеву была известна и другим, от него же самого. Он не скрывал от них, что он простой казак с Дона, их собрат, много пострадавший в жизни; его держали в казанской тюрьме, откуда «ушел» он, скитался по степям, скрываясь от властей, от нового ареста. Емельян Иванович в Тайной экспедиции Сената признался (допрос состоялся 5 декабря 1774 года): яицкие казаки «точно знали, что он не государь, а донской казак, ибо он сам от Шигаева настоящего своего имени не таил».

Истину знали Максим Данилович Горшков, будущий секретарь Военной коллегии у Пугачева, Дмитрий Сергеевич Лысов, Петр Михайлович Кузнецов, впоследствии тесть Пугачева, Илья Иванович Ульянов и другие. Им нравилось, что простой казак выступает в роли «императора». К тому же среди них, как во всем народе, по всей России, давно ходили слухи о том, что Петра III не убили-де в Ропше, на мызе; жертвой заговора пал-де другой человек, какой-то солдат, внешне очень похожий на императора. А он сам скрывается и должен появиться. Это как будто подтверждалось. То Богомоллов, беглый крестьянин, называя себя донским казаком, позднее «объявился» как император Петр III под Дубовкой, потом в Царицыне. То донские казаки выдвинули нового «царя» — Григория Рябова.

Все ждали избавителя, надеялись, что он им поможет. Поэтому и яицкие казаки приняли Пугачева. Как говорили между собой Мясников и Горшков, «когда он (самозванец. — В. Б.) открылся нам, что бежал из Казани и, скитаясь по степям, ищет укрыться от строгих поисков, тогда мы, по многим советованиям и разговорам, заметили в нем проворство и способность. Мы вздумали взять его под свое защищение и сделать над собой властелином и восстановителем своих притесненных и упавших обрядов и обычаев, которые давно стараются у нас переменить. Хотя по бывшим у нас на Яике происшествиям и принуждены мы были остаться безо всякого удовлетворения и, как, может быть, многие думали, в спокойном духе, но искра злобы за такую несправедливость всегда у нас крылась до тех пор, пока изобрели удобный случай и время... Для сих-то самых причин вздумали мы принять его покойным государем Петром Федоровичем, дабы он восстановил прежние наши обряды, а бояр, которые больше всего в сем деле умничают, всех истребить, надеясь на то, что сие наше предприятие будет подкреплено и сила наша умножится от черни, которая тоже вся притеснена и вконец разорена».

Казаки этими словами выразили чаяния и мысли всех притесняемых яицких казаков, их отчаяние и ненависть к властям, беззаконию, надежды и стремления к восстановлению своих прав. Как и многие участники январского восстания, они рассчитывали на то, что их поддержит в новом выступлении «чернь», то есть угнетенный народ всей России, вконец разоренный и стонавший от крепостного ярма. Подобные мысли постоянно бродили в головах, не давали покоя, вселяли упование. Тот же Горшков, Яков Филатьевич Почиталин, отец будущего секретаря «императора», признавались, что яицкие казаки еще при появлении Пугачева у Ереминой Курицы «о подлинности его не рассудили испытывать», сочли возможным и нужным признать его власть над яицкими казаками.

Наконец, сам Пугачев, открывая казакам свое лицо, говорил не только о Яике и его бедах, но и о всей России, о «черни»: «...Приехал к вам и вижу, что вы обижены, да и вся чернь обижена. Так я хочу за вас вступиться и удовольствоваться». Перед мысленным взором Емельяна открывалась широкая картина. «Во всей России чернь бедная терпит великие обиды и разорения», — говорил он. А что творилось в России, Пугачев знал хорошо — немало поскитался казак по градам и весям российским, много всякого люда, забитого и подневольного, повстречал на своих путях, дорогах, перекрестках, немало горьких слов и слез понаслушался и навидался. К ним, угнетенным и страждущим всей России, устремлялись помыслы Пугачева и яицких казаков (не всех, правда); они понимали, что их сил слишком мало, чтобы стать против Петербурга с его армией, против российско-го дворянства. Все они, угнетатели, противостояли «подлому люду», из которого вышел и Пугачев, готовы были на все, чтобы удержать рабов своих в «обыклом повиновении». Чтобы их сломить, добыть правду и волю, необходимо опереться на силу более мощную, чем Яицкое войско. Другой секретарь Военной коллегии, Алексей Иванович Дубровский (под именем которого скрывался мценский купец Иван Степанович Трофимов), говорил, что яицкие казаки обращались с призывом «переводить» всех помещиков, и «тогда будет всем вольность и избавятся от крепостного права, станут вольными казаками. — В. Б.), подушных и продчих податей, рекрутского набору, продажи вина и соли не будет».

Таковы были помыслы и расчеты людей, собиравшихся поднять яицких казаков и массы «черни» на восстание против существующего порядка вещей. Их не смущало то, что они собирались под знамена «императора», о котором знали, что под его именем скрывается простой донской казак. Конечно, они были царистами, наивными монархистами. Иначе и быть не могло. Можно ли от них в тогдашней России ожидать чего-либо иного? Конечно, нельзя. Ведь не только они, люди, в большинстве своем неграмотные, темные, но и более просвещенные дворяне были и не могли не быть теми же монархистами. Но царизм у тех и других имел разное содержание, «наполнение». Монархизм феодалов носил, естественно, продворянский характер, обосновывал права и привилегии помещиков, господ. Монархизм эксплуатируемых был направлен на защиту их классовых интересов. Поэтому «бунтари» и брали его на вооружение во время народных восстаний. Так получилось и при Пугачеве. Российское «шляхетство» опиралось на мощь государства и авторитет монархии в борьбе со «злодеями», как они называли повстанцев. А эти последние во главе со своим «монархом» выступили против крепостного права и его носителей — дворян.

Крепостная Россия

В начале весны, 17 марта 1764 года, на Сенатской площади, недалеко от Зимнего дворца, под рокот барабана палач сжег бумагу с указом. Его текст гласил: «Время уже настало, что лихоимство искоренить, что весьма желаю в покое пребывать; однако весьма наше дворянство пренебрегают божий закон и государственные права и в этом много чинят Российскому государству недобра. Прадеды и праотцы, Российского государства монархи, жаловали их (дворян. — В. Б.) вотчинами и деньгами награждали. И они о том забыли, что воистину дворянство было в первом классе. А ныне дворянство вознеслось, что в послушании быть не хотят. Тогда впредь было в России, когда любезный монарх Петр Великий царствовал, тогда весьма предпочитали закон божий и государственные права крепко наблюдали. А ныне правду всю изринули да и из России вон выгнали, да и слышать про нее не хотят, что российский народ осиротел, что дети малые без матери осиротели. Или дворянам оным не умирать? Или им пред богом на суде не быть? Такой же им суд будет: в ю же меру мерите, возмерится и вам».

Безымянный автор (или авторы) этого указа, ложного, конечно, и рукописного, при всей наивности (что стоит хотя бы «крепкое наблюдение» прав при Петре I!) правильно затрагивает в нем тему лихоимства, отсутствия правды в России («вон выгнали» правду!),

«сиротства» ее народа. Правда, он грозит дворянам божьим только судом — на том свете, не на этом, где они позабыли правду, допускают лихоимство! Но все-таки ложный указ — угроза, причем как бы от имени осиротевшего российского народа, да еще при матушке-то Екатерине Алексеевне, благодетельнице своих верноподданных, о благе которых, как изображали дело придворные льстецы и власть имущие, она пеклась денно и ночью! Неудивительно, что документ сей возмутительный полетел в огонь публично, при народе, при «черни» на одной из главных площадей Российской империи, напротив здания Сената и Синода — главных хранителей порядка и благочиния в народе. А Сенат тому, кто сообщит имя сочинителя продерзостного указа, обещал 100 рублей. Сама же императрица, сильно разгневанная и расстроенная, изволила приказать, и это тоже было объявлено всенародно, чтобы «чернь» сия не верила отныне никаким указам, кроме печатных.

Свора российских дворян, угнетателей и лихоимцев действительно, как говорит автор подметного указа, осиротила народ российский, изгнала правду отовсюду. Хозяйничая в огромной по размерам и богатству стране, они довели народ, им подвластный, прежде всего крестьянство, до крайней степени нищеты, разорения и ожесточения. Оно, крестьянство, составляло подавляющую часть населения страны — до 96 процентов населения во второй половине столетия. Культура сельского хозяйства развивалась, конечно, но медленно. Землю крестьяне обрабатывали преимущественно деревянными орудиями — сохой, косулей, бороной, редко плугом (например, сабаном — деревянным плугом). Лошадей не хватало, к тому же они были слабосильными. Вспашка земли была поэтому неглубокой. Недостаток скота, его падеж приводили к тому, что земля плохо унавоживалась. Следствие всего этого — низкие урожаи (например, в Среднем Поволжье — сам-3; для сравнения: в южных черноземных губерниях Европейской России — до сам-8-10). Частые неурожаи приводили к голодовкам, большой смертности. В целом примерно треть всех годов XVIII столетия отличны неурожаем. Накануне Пугачевского восстания особенно тяжелыми из-за неурожая были 1765—1767 годы.

Крестьяне Поволжья и Заволжья, где развернулись события Крестьянской войны, имели земли побольше, чем в других местах (в Казанской — 7,2 десятины на 1 душу мужского пола по пятой ревизии 1795 года, в Симбирской, Саратовской, Оренбургской — по 6; сравни: в Воронежской — 4,3; Тамбовской — 4,1, в Московской — 3,6; Ярославской — 3,1 десятины). Распахивали обычно не всю землю, а часть (примерно 1/3 или 1/4); земли еще хватало, население не такое густое, как в центре страны.

Хозяевами земли спокон веков, со времен Киевской Руси, оставались государство (главный владелец — вотчинник в лице императорской особы, правительства, опиравшихся на карающую мощь армии, полиции, суда) и феодалы-дворяне, владевшие имениями — землями и крестьянами. Крепостные и монастырские крестьяне, как частновладельческие, подчинялись своим господам — помещикам, монастырям, церковным иерархам. Государственные же (или черносотные) крестьяне принадлежали государству, и власть имущие распоряжались ими так, как им хотелось. С них не только брали налоги, заставляли исполнять разные повинности (служба в армии, строительство городов и крепостей, дорог и каналов и т. д.), но и превращали в крепостных, раздавая их вместе с землями тем же дворянам в награду за различные службы — участие в походах, гражданском управлении и многое другое, вплоть до заслуг в альковах у императриц. В число государственных входили и так называемые ясачные (ясашные иначе) нерусские народы — поволжские (башкиры, татары и др.), сибирские (татары, ханты, манси, якуты), казахи, калмыки и другие. Они платили в казну налог — ясак, несли другие повинности, подвергались поборам и унижениям от своих и русских феодалов и чиновников. Многие попадали в крепостную зависимость.

Бедственное, поистине ужасающее положение русского крестьянства зафиксировано не только в бесчисленных актах, документах, оседавших в Сенате и коллегиях, в губернских и провинциальных канцеляриях и магистратах. О нем немало горьких слов вынуждены сказать современники из самих же дворян, более, конечно, просвещенных и проницательных, чем

основная, подавляющая масса их собратьев, закосневших в сытости и праздности, жестокости и разврате.

Основную часть населения Европейской России составляло крепостное крестьянство. Только на севере (Архангельск) крепостничество или отсутствовало, или было развито мало (Олонец, Вятка); к нему нужно добавить также малонаселенную Сибирь.

По третьей переписи населения — ревизии (1762—1766 годов) — в стране крепостные составили большую половину ее населения — 52,9 процента (5 миллионов 611,5 тысячи человек). Их количество медленно росло. В следующее двадцатилетие, в правление «матушки» Екатерины Алексеевны, их число в сравнении с третьей ревизией возросло более чем на 1 миллион душ! Правда, и общая численность крестьян сильно выросла — до 12 миллионов 592,5 тысячи душ (воссоединение Правобережной Украины, Белоруссии и др., естественный прирост). Значительную долю роста числа крепостных составил перевод в это состояние конфискованных (после разделов Польши) дворцовых (принадлежавших императорскому двору) крестьян. В первую очередь это пожалования «екатерининским орлам», гвардейцам, ставшим государственными мужами или, в значительном числе, ее возлюбленными (иногда и то и другое вместе), другим «калифам на час», вельможам. Со времени ее вступления на трон за десять лет она раздарила более 66 тысяч душ мужского пола (считая членов семей — в несколько раз больше). Даже ее незадачливый супруг, удушенный гвардейцами Петр III Федорович, успел за шесть месяцев царствования раздать в крепостные более 13 тысяч человек. Отдельные лица, особо близкие к Екатерине, обогатились сказочно. Орловы имели 45 тысяч крестьян, на 70 миллионов рублей имущества, один Потемкин — 37 тысяч душ и 9 миллионов. Всех превзошел при «матушке» граф П.Б. Шереметев, владелец имений Останкино, Кусково и многих других; всего у него насчитывалось более чем 78 тысяч крестьян. Список этот длинный и в существе своем ужасный. За этими вельможами — огромная толпа жадных и жестоких помещиков средней руки, мелкопоместных, отличавшихся чаще всего особой изощренностью, упорством в эксплуатации подданных, в насилиях и издевательствах.

От 45 до 70 процентов крестьян по разным губерниям были крепостными, а в иных их процент доходил до 85 и более (например, в Могилевской, Гродненской). Более половины из них состояли в барщине — работали на помещичьей пашне, исполняли разные повинности в господском имении (возводили постройки, копали пруды и др.). Обычно три-четыре дня крестьянин вынужден был, отрываясь от своего поля, от своих дел, ходить на проклятую барщину. Но часто помещики, произвол которых не был ограничен ничем, кроме благих пожеланий царских указов, заставляли крестьян работать и больше — по пять или шесть дней в неделю. Иные же владельцы принуждали крестьян полностью, всю неделю, работать на себя. Получали они в этом случае за свой труд содержание на всю семью от помещика — месячину, своего же надела не имели. Так поступали многие помещики в поволжских губерниях и провинциях, где потом крестьяне массами вставали под знамена Пугачева. В Алатырской провинции, например, помещики в самое жаркое время уборки, в страду, «заставляют беспрерывно на себя работать»; прокурор этой провинции вынужден был признать, что «некоторые помещики чрезмерно крестьян своих употребляют для собственных своих работ». В Казанской губернии мелкопоместные дворяне (имевшие от 1 до 30 крепостных), а они составляли большинство феодалов в крае, держали своих крестьян на «застольной пище», то есть на месячине. Многих крестьян владельцы «жаловали» в дворню, то есть в домашние слуги.

Около половины крестьян сидели на оброке — преимущественно в нечерноземных и северных губерниях. Вести здесь барщинное хозяйство в значительных размерах помещики не хотели — земли плохие, доход небольшой. Поэтому барская запашка занимала обычно 20—25 процентов земель. Крестьяне здесь больше занимались промыслами, на месте и в отход. Они пользовались, конечно, большей свободой, чем барщинный крестьянин. Вносили господину оброк, но непрерывный рост платежей (в 4—5 раз за 1760—1790-е годы!) сильно ухудшил и их положение. Если в 50-е годы поволжский крестьянин платил 1—1,5 рубля в

год, то в 60-е — начале 70-х годов — уже от 2 до 4 рублей. В обширных шереметевских вотчинах, лежавших на Нижегородчине, оброк с 1750 по 1763 год подскочил с 1,5 до 3,4 рубля. Оброчные, как и барщинные крестьяне, помимо основной работы, исполняли много дополнительных — рыли каналы, осушали болота, строили дома и сараи, пряли и ткали, собирали грибы и ягоды и т. д. В барский дом, в имение или в Петербург, Москву возили всякие «столовые запасы» — муку и мясо, масло и яйца, овощи и дары лесные, мед и так далее.

Крестьян все более стесняют в правах, и без того мизерных. Серия указов 30—60-х годов запрещает им иметь недвижимую собственность, брать подряды и отходы, давать векселя и выступать поручителями, торговать без разрешения помещика. В 1760 году указ Елизаветы Петровны разрешил помещикам по их усмотрению ссылать крестьян на поселение, а через пять лет они получили право отправлять их на каторгу. Еще через два года по еще одному указу «матушки» Екатерины II крестьянин потерял даже право подать жалобу на своего господина, за небольшими исключениями: повреждение государственного интереса, укрывательство от службы, лихоимство, корчемство, укрывательство чужих беглых крестьян, блуд с рабю.

Крестьян, эту, как тогда говорили сами помещики, «крещеную собственностью», они продавали и покупали и семьями и порознь, дарили, выменивали на борзых щенков и лошадей.

При таком порядке помещики привыкли смотреть на своих крепостных как на неодушевленные вещи или скот, им принадлежащие. Даже просвещенные люди «золотого века» российского «шляхетства» не считали зазорным, более того — полагали само собой разумеющимся так смотреть на «подлое сословие». Что говорить об остальных чванливых вельможах, фаворитах, попавших «в случай» и хватавших чины, награды, имения и крестьян, золото и бриллиантовые подвески, своре хапуг-чиновников, провинциальных помещиков, с завистью смотревших на петербургских и московских вельмож, петиметров и франтов, подражавших им во всем. Для всей этой оравы господ с их домашними нахлебниками, лакеями, клиентами требовалось много денег и еды, питья и развлечений. И они неистовствовали вовсю, сдирая с крестьян три шкуры, закладывая и перезакладывая имения, продавая налево и направо «крещеную собственностью» и всякую другую — дома и кареты, гончих и гнедых. Главная же забота — выжать из крепостного побольше, подучить деньги, чтобы кутить, развратничать или копить по примеру Коробочки и Плюшкина, тоже имевших в екатерининское время своих предшественников, как и те «негодяи» из фамилий знатных, которых обличал Грибоедов.

Процветали жестокость, самодурство, принимавшие нередко самые циничные, изуверские формы.

В канцеляриях разных учреждений накапливалось большое количество жалоб крестьян на произвол и беззакония помещиков. 22 июня 1767 года Екатерина II на заседании Сената поведала господам присутствующим, что во время ее путешествия в Казань подали ей до 600 челобитных — «по большей части все, выключая несколько недельных, от помещичьих крестьян в больших с них сборах от помещиков». Вяземский в записке Сенату, упомянув, что таких жалоб «от крестьян на помещиков своих подавано было и прежде немалое число», сообщил о беспокойстве императрицы: «посему ее величество сомневаться изволит, чтоб оказывающееся от крестьян на владельцев своих неудовольствие не размножилось и не произвело бы вредных следствий». Во избежание сих «вредных следствий» господам сенаторам предлагалось «в предупреждении сего зла придумать благопристойные средства». И они придумали: на заседании 11 июля того же года записали свое решение — впредь крестьянам запретить жаловаться на помещиков. Это соломоново решение, естественно, обрадовало помещиков; да и матушке будет спокойнее! Что же до крестьян, то их дело — повиновение и труд на господ своих милостивых. Так власть судила и рядила сверху донизу, и это естественно, поскольку держать раба в повиновении — дело общее для всех дворян, вплоть до господ сенаторов, генерал-прокурора и императрицы.

По сути дела, на частновладельческом праве, но полегче, жили дворцовые крестьяне. Принадлежали они двору, точнее правящему семейству, вносили в его пользу разные платежи, несли обычные повинности — пахали пашню, привозили снадь на «столовый запас» и т. д. По второй ревизии их насчитали 429,3 тысячи душ, по третьей — 524,1 тысячи, по четвертой — 635 тысяч.

Немногим в лучшую сторону отличалось положение других категорий крестьян. Это, во-первых, государственные (черносошные) крестьяне, составлявшие (вместе с экономическими) несколько менее 40 процентов сельского населения страны. Сюда же нужно добавить потомков «служивых людей по прибору» XVI—XVII веков — однодворцев, пахотных солдат, «прежних служб служилых людей», приписных к заводам крестьян. К этой группе относятся крестьяне экономические — бывшие монастырские (в 1764 году секуляризовали имущество церкви и монастырей, а их крестьян передали в ведение Коллегии экономии, и они стали платить налоги в казну). Наконец, в Поволжье, на Урале, в Сибири, Казахстане немало было ясачных крестьян из нерусских народов (татары, мордва, чуваша, башкиры, марийцы, удмурты, казахи, ногайцы и др.). Они вносили в казну налог — ясак. Их нередко переводили в крепостные, как, например, в Нижегородской губернии и др.

Нужно отметить, что в Поволжье и соседних местах, где происходило Пугачевское движение, доля государственных крестьян была весьма заметной. Так, в Казанском крае до 4/5 всех крестьян являлись не частновладельческими, а государственными (ясачные, черносошные, экономические, однодворцы). Немало жило их и в других районах восстания рядом с крепостными.

Государственные крестьяне жили под постоянной угрозой перевода в крепостное состояние. С 40-х до 60-х годов в Среднем Поволжье, например, в полтора раза увеличилось число помещиков, а число крепостных и того больше — в два раза. К началу 70-х годов крепостное крестьянство здесь составляло до 46 процентов сельского населения, в Нижегородской губернии и Пензенской провинции Казанской губернии — даже до 75 процентов. Наступление крепостничества, надвигавшаяся страшная угроза не давали им покоя. Они платили более высокую подушную подать — главный налог в казну, вносили всякие другие сборы, несли повинности (делали и ремонтировали дороги, рубили лес и т. д.). Истинным бедствием для них была приписка по распоряжению властей к заводам, уральским и другим. Часто они находились от их сел и деревень за сотни верст, и приходилось, отрываясь от домов и полей, отправляться в даль дальнюю на ненавистную, каторжную работу. Многие десятки тысяч крестьян Поволжья несли эту тяжкую для них повинность. Других приписывали к Адмиралтейству — заготавливать лес для корабельного дела. Условия труда были ужасными, плата — очень низкой.

Появление в XVIII веке категории приписных крестьян связано с быстрым развитием промышленности — мануфактурного производства. В 1767 году в России насчитывалось более 660 крупных промышленных предприятий — железодельных, медеплавильных заводов, суконных, полотняных, хлопчатобумажных, шелковых и иных мануфактур. Русская промышленность достигла немалых успехов — ее заводы поставляли железо в страны Европы; под парусами из полотна русских мануфактур плавали по всем морям морские суда Англии, Франции и прочих стран. По некоторым количественным показателям (по выплавке чугуна и др.) Россия шла впереди всей Западной Европы. Но тогда же началось ее отставание от передовых стран. Массовое применение крепостного труда в промышленности сначала привело к быстрому развитию производства, но впоследствии, и довольно быстро, обусловило его падение. Если в Англии и некоторых других государствах начался промышленный переворот — массовое применение машин, в том числе паровых, то в России промышленная техника оставалась старой. С точки зрения заводчика, вводить ее было незачем — дешевый труд крепостных давал возможность получать неплохую, с его точки зрения, прибыль. И.И. Ползунов, который изобрел паровую машину задолго до Уатта, остался в неизвестности, в то время как его английский коллега произвел настоящий переворот в промышленности, и не только в своей стране, но и за ее пределами.

Промышленность Урала, заводы которого приняли активное участие в Пугачевском движении, можно назвать, по словам В.И. Ленина, «примером того самобытного явления в русской истории, которое состоит в применении крепостного труда в промышленности»³. Она достигла в XVIII веке большого развития, опередив старые промышленные районы Европейской России (тульские, каширские, липецкие, олонечские заводы, появившиеся в XVII — первой четверти XVIII века). К концу 1760-х годов на Урале действовало 84 завода — медеплавильных, доменных, молотовых, железоделательных. На их долю приходилось 90 процентов выплавки меди и 65 процентов производства черных металлов по всей стране. Здесь находились самые крупные в мире доменные печи с лучшей же в мире производительностью. Крупнейшие заводы (Нижне-Тагильский, Ревдинский, Невьянский, Кыштымский, Уткинский и др.) имели технику, стоявшую на современном мировом уровне, наилучшие показатели по количеству выпускаемой продукции. Твердое и антикоррозийное уральское железо на мировом рынке пользовалось большим спросом и ценилось высоко.

На ряде заводов, особенно на Южном Урале (их строили купцы-предприниматели Твердышев, Демидов, Мясников, Осокин и др. главным образом в 1740—1750-е годы), применялся сначала в основном труд наемных рабочих. Но постепенно и здесь увеличивается число крестьян-посессионных⁴, приписных. Вольнонаемных заводчики в основном использовали на вспомогательных, подсобных работах (заготовка и подвозка леса, угля и др.). Решающее значение на Урале в целом имел принудительный труд, и это определило медленные темпы развития местной промышленности, ее последующее отставание.

Положение рабочих людей уральских заводов трудно назвать иначе как ужасным. Среди них большую часть составляли выходцы из крестьян — купленные к заводам (посессионные), приписанные к ним (приписные) из числа государственных крестьян для отработки государственной подати (другое их название — «партичные», их отправляли на заводы партиями). Многих на заводы отдавали по указам (из беглых, нищих, незаконнорожденных, солдатских детей). Все они составляли кадры мастеровых и рабочих людей, квалифицированную рабочую силу, своего рода предпролетариат Урала и других промышленных районов. Вольнонаемные рабочие попадали в своеобразную полукрепостническую зависимость от владельцев.

О приписных к заводам крестьянах (они составляли основную массу рабочих) упоминавший уже капитан-поручик Маврин писал, что они отданы «совершенно в жертву заводчикам», «домишки свои покинули впусе», так как заводчики подолгу, особенно в летнее и осеннее «страдное» время, держат их на мануфактурах, думают «о своем прибытке и алчно пожирают все крестьянское имущество». Оренбургский губернатор Волков добавляет к этому, что владельцы думают только о том, «дабы их заводские крестьяне совсем домостроительства не имели, а единственно от заводской работы питались». Эти крестьяне шли к заводам от своих сел и деревень по несколько сот верст, иногда даже за тысячу и более верст. Продукты брали в заводских лавках по повышенным ценам. Расценки за труд произвольно снижались. Многих крестьян заводчики переселяли на заводы, иногда давая им при мануфактуре клочок пашни, иногда лишая и этого. Они превращались в рабочих людей, трудящихся «безотлучно». На Авзяно-Петровском заводе, например, в 1757 году 96 процентов мастеровых являлись выходцами из приписных крестьян.

Формально приписной крестьянин, чтобы отработать на заводе подать, должен был в 60-е годы пробыть на заводе летом 28 дней — с лошастью, 34 дня — без лошади; зимой

---

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 411.

⁴ *Посессионные крестьяне* (possessio — владение) — крестьяне, купленные владельцами мануфактур и прикрепленные к последним для работы; они могли продаваться только вместе с предприятиями, на которых трудились.

соответственно 17 или 42 дня. Но к ним нужно прибавить время на ходьбу или поездку из деревни на завод. К тому же с 20-х годов, когда были установлены нормы, оброчный сбор увеличился с одной души от 1 рубля 10 копеек до 1 рубля 70 копеек, а стоимость хлеба выросла в три раза. Все это приводило к увеличению срока — фактически приписной терял от 77 до 156 дней в году. Помимо прочего, «партичные» отработывали за больных, увечных, престарелых односельчан.

Особо тяжелую долю имели работные из крестьян, находившихся в полной крепостной зависимости от заводчиков (посессионные и отданные в крепостничество). Из них выходила основная масса мастеровых, постоянных рабочих. Они полностью зависели от произвола владельцев, заводской администрации.

Вольнонаемных, положение которых было, конечно, лучше, тоже безжалостно эксплуатировали — обсчитывали, задерживали сверх срока, указанного в договоре о найме (не выдавали паспорта, «покормежные»), заставляли работать в счет полученных ранее денег (задатки и т. д.), покупать продукты в хозяйских лавках.

Рабочий день на уральских заводах длился зимой 10 часов, осенью и весной — 12 часов, летом — 14 часов. На рудниках работали по 13 часов в день круглый год. На выжиге угля и рубке дров трудились и женщины. Не стеснялись эксплуатировать и детей — на кузницах (мальчики с 10—12 лет), при изготовлении медной посуды (мальчики 7—8 лет).

Оплата труда, весьма низкая, долгие годы оставалась на одном уровне, тогда как цены на продукты питания дорожали непрерывно. «Ослушников», «нерадивых» (а для отнесения к этой категории достаточно было распоряжения хозяина, его управителя или мастера) жестоко наказывали — широко применялись батоги и кнуты, плети и палки, карцер и железные ошейники, заключение в тюрьму на хлеб и воду. Заводчики нередко, чтобы скрыть свои преступления в отношениях с работными людьми, приказывали морить их голодом в подвалах, топить в воде и т. д.

В ряде отраслей промышленности центра Европейской России (например, в текстильной — Иваново-Шуйский, Костромской районы и др.) развивается капиталистическая мануфактура, основанная на вольнонаемном труде. Появляется немало подобных предприятий, принадлежавших купцам, «капиталистам» крестьянам. Многие крестьяне работают на предпринимателей у себя дома, в светелках, другие уходят на промысел в те же мануфактуры. Много наемных трудятся на водном и гужевом транспорте, на погрузочно-разгрузочных работах, ремонте судов, на промыслах (добыча соли, рыбы и пр.). В 60-е годы количество наемных рабочих составляло примерно 220 тысяч человек, к концу столетия их число увеличилось еще на 200 тысяч, то есть почти вдвое. В стране складывается капиталистический уклад в экономике.

Дальнейшее развитие получает всероссийский национальный рынок. Рост промышленности, ремесла, появление новых городов, разложение крестьянства, отрыв многих крестьян от земледелия создавали для этого условия. Многие села превращаются в промышленные, торговые центры. К концу столетия насчитывалось около 1800 ярмарок. Большое число судов, лодок, барок, подчас значительного водоизмещения (большие лады поднимали до 100 тысяч пудов и более грузов), ходило по всем направлениям — Волге, Каме, Оке, Северной Двине, Западной Двине, Вышневолоцкой системе, Ладожскому каналу, Днепру и другим рекам. Оживленными торговыми артериями стали великие сибирские реки — Обь, Енисей, Лена. А по огромному сухопутному Охотскому тракту люди и товары шли от Петербурга и Москвы через всю страну до Охотска.

Оживление торговли внутри страны сопровождается и усилением внешнеторговых связей. Все больше вывозится не только продуктов сельского, лесного хозяйства (лен, пенька, пакля, юфть, ткани, лес, канаты, щетина, сало, пушнина, хлеб и др.), но и промышленных товаров (железо, медь и др.). Ввозили главным образом предметы потребления для двора, всего дворянства. В середине столетия (на 1749 год) оборот составил 12,6 миллиона рублей, на 1765 год — 21,3 миллиона рублей, причем актив баланса (превышение вывоза над ввозом) вырос с 1,2 до 2,7 миллиона рублей.

В целом развитие промышленности, торговли, всего хозяйства страны отвечало интересам дворянства, крепостнического государства. Власти, даже объявляя о свободе промышленной и торговой деятельности (указы 1767, 1775 годов), имели прежде всего в виду интересы дворян — предпринимательской деятельности их самих или их крепостных «капиталистах» крестьян, с которых они получали большие оброчные платежи, одалживали у них немалые деньги или получали последние за выкуп на волю. Тем самым повышались доходы «благородного» сословия. Той же цели служили объявление монополии дворян на винокурение, открытие ссудных банков, контор, касс. Дворяне пользовались всем этим. Доходы они получали от всего, выжимали их из своих крестьян на барском поле, в виде оброков, продавали на внутреннем и внешнем рынке продукцию, которая производилась в их имениях — на полях, в промыслах или вотчинных мануфактурах. Однако самая жестокая эксплуатация не спасала многих из них от разорения, так как доходы они проживали, состояния проматывали. В результате все хуже становилось положение «подлого племени» — крепостных и других крестьян, работных, всякого подневольного люда.

Успехи России во внешней политике служили интересам прежде всего господствующего класса. Но одновременно они содействовали развитию страны, отражали общенациональные интересы — защиту от внешних врагов, обеспечение безопасности границ государства, его нормального развития в будущем. В середине и второй половине столетия страна вела победоносные войны — с Пруссией (Семилетняя война 1756—1762 годов), Турцией (первая в 1768—1774 годах, вторая в 1787—1791 годах). Они прославили русское оружие, приумножили воинскую славу русского солдата и матроса. Расширилась территория государства — по разделам Польши, в которых участвовало и русское правительство, к России отошли Правобережная Украина и Белоруссия — исконные древнерусские земли, утерянные еще в годы Батыева разорения и татаро-монгольского ига, действий польских и литовских великих князей и королей, магнатов и шляхты.

Во внешнеполитических, военных успехах России решающая роль принадлежит русским солдатам и матросам — выходцам из крестьян и горожан. Русские люди, которые вели беспощадную и непрерывную борьбу с угнетателями внутри страны, показывали такие же чудеса храбрости и при защите родной земли от внешнего врага, в борьбе за возвращение древних русских земель, за решение насущных для страны задач. И в этом нет ничего удивительного — несмотря на тяготы и притеснения со стороны угнетателей-дворян, угнетенные вставали всегда, когда это было нужно, на защиту своих очагов, своей родины.

На вновь вошедших в состав России землях, как и в областях, вошедших ранее, в XVI — первой половине XVIII века, новые импульсы получило развитие хозяйства и культуры, сотрудничество и взаимопомощь русского и нерусских народов. Одновременно шло проникновение сюда крепостнических порядков — русское дворянство, церковь захватывали здесь земли, перемещали на них крепостных из центра или превращали в крепостных местных жителей, русских и нерусских. Русские чиновники, губернские, провинциальные, уездные, с их произволом и вымогательствами, священники, проводившие христианизацию мусульман и язычников, нередко насильственную, произвол местных нерусских феодалов, старшин делали жизнь жителей национальных районов очень трудной. Хотя размер ясака с нерусских народов был, как правило, значительно ниже налогов с русских людей, однако всякие дополнительные повинности и поборы, национальное угнетение в области религии, в быту, изъятие земель в пользу феодалов, попов имели естественным следствием недовольство башкир и татар, мордвы и чувашей, казахов и калмыков и др., трения на национальной почве (взаимные нападения, грабежи). Однако совместное проживание, труд на одной земле приводили к укреплению связей, взаимопонимания между социальными низами разных национальностей. Они заключали браки между собой, обменивались хозяйственным опытом, навыками. Вместе отстаивали свои интересы в борьбе с помещиками и заводчиками, как это не раз случалось в ходе многочисленных волнений и восстаний.

Масса «инородцев» Поволжья, Башкирии участвовала в восстании Пугачева. Они

проживали на территории двух губерний — Оренбургской и Казанской. Первая делилась на четыре административно-территориальных

района — Оренбургский дистрикт, или уезд (сюда входили Илецкая и Зелаирская крепости, Сакмарский городок, Бугульминская земская контора с подчиненными ей слободами по большой московской дороге, Яицкое войско), три провинции: Уфимская (Башкирия и уезды Бирский, Мензелинский, Осинский и Куртамышский), Исетская (часть Башкирии и уезды Исетский, Шадринский и Окуневский), Ставропольская (населенная в основном волжскими калмыками). В южной части Оренбургской губернии кочевали казахи (их тогда называли киргизкайсаками), каракалпаки.

В Казанскую губернию входили шесть провинций — Казанская, Свияжская, Вятская, Пермская, Пензенская, Симбирская.

Число жителей в губерниях было неодинаковым. В Казанской губернии насчитывалось до 2,5 миллиона человек, русских и нерусских (не считая башкир, живших на северо-востоке губернии; их число неизвестно); в Оренбургской — тысяч 400—500. В основном это были нерусские ясачные люди (башкиры, татары, чуваша, мордва, удмурты, мари, ногайцы, мещеряки, калмыки, каракалпаки, казахи и др.), русские крестьяне разных категорий, заводские работные люди, казаки, всякие беглые (из крепостных крестьян, солдат и др.), скрывавшиеся от преследований, раскольники.

Характерную черту края составляло наличие военного элемента. Казаки, помимо Яика, жили с семьями по реке Самаре (перволоцкие, новосергиевские, сорочинские, тоцкие, бузулукские, борские и др. — по названиям крепостей), в Уфимской провинции (уфимские, ногайбакские, табынские, елдятские, красноуфимские), в Исетской провинции (челябинские, миасские, чебаркульские и др.). Обычно в каждом городе или крепости их насчитывалось от нескольких десятков до нескольких сот человек.

Почти три с половиной десятка крепостей Оренбургской губернии, где служили казаки, распределились по восьми дистанциям, или линиям: Самарской, Сакмарской, Рижне-Яицкой, Красногорской, Орской, Верхне-Яицкой, Верхне-Уйской и Нижне-Уйской. В них же находились и регулярные части из солдат, драгун — пять гарнизонных батальонов и три драгунских полка, всего более 6,7 тысячи человек. К началу 70-х годов Военная коллегия поставила вопрос об увеличении войск в губернии до почти 10 тысяч человек (пехота, кавалерия, артиллерия) в составе 10 гарнизонных батальонов и трех легких полевых команд (подвижных отрядов — для военных посылок). Переформирование и пополнение этих частей (после утверждения Екатериной II 31 августа 1771 года предложения Военной коллегии) было начато, но не закончено ко времени Пугачевского движения.

Все эти военные команды, иррегулярные казачьи формирования предназначались для охраны границ, отражения набегов кочевников и, конечно, для поддержания внутреннего спокойствия. А оно-то как раз нарушалось, и довольно часто.хлопоты властям доставляли и русские и нерусские участники волнений, восстаний, которые именовались властями и помещиками, попами и заводчиками не иначе как «бунтами», «мятежами» «подлой черни».

Возмущения угнетенных людей, прорываясь то в одном месте империи, то в другом, вовлекая разные слои населения — русских и нерусских, крестьян и работных людей, сельских жителей и горожан, христиан и мусульман, буддистов и язычников, православных и раскольников, заполняют всю вторую половину XVIII столетия — время царствования «дщери Петровой» Елизаветы и Екатерины II, претендовавшей на славу, аналогичную славе Петра Великого; недаром на цоколе «Медного всадника» по ее указанию выбили золотом слова: «Петру Первому Екатерина Вторая». Сама она признавала, что при ее вступлении на престол, в первый год правления, в возмущении находилось 100 тысяч монастырских, 50 тысяч помещичьих и 49 тысяч заводских крестьян.

Протест против социальной несправедливости принимал различные формы. Массы крестьян и других обиженных судьбой людей бежали из родных мест на окраины, в том числе (и особенно) в Поволжье, Заволжье. В 1727—1741 годах, по неполным данным, в бегах скрывалось более 320 тысяч душ мужского пола. В последующие десятилетия побег

продолжались. Нередко бежали не только бедные, но и сравнительно богатые крестьяне, бежали подчас семьями, а то и целыми селами, деревнями.

Беглые крестьяне, солдаты и другие объединялись в отряды (так называемые «разбойничьи партии», по терминологии правительственных документов), вели борьбу с феодалами, со всеми богатыми, притеснителями. Эти «отряды» беглых, или, как их именуют чувашские легенды, «группы беглых», «вольных», расправлялись с помещиками, управителями их имений. За 60-е годы зафиксированы десятки таких случаев в разных местах. Так, в Московской губернии с 1764 по 1769 год жертвой гнева крепостных стали 30 помещиков из 27 имений, в их числе генерал-аншеф Леонтьев, отличавшийся крайней жестокостью. В тюрьме города Шацка в 1763 году находилось 23 колодника по обвинению в убийстве помещиков и их прихвостней. Императрица, знавшая о подобных расправах, однажды в связи с письмом писателя Сумарокова, заявившего, что крестьяне-де любят господ, спокойно проживающих в своих имениях, ответила: «и бывают отчасти зарезаны от своих», то есть от собственных крестьян и дворовых.

Многие беглые, «сходцы», собирались в отряды «понизовой вольницы» на Дону, Волге до, во время и после Пугачева. Отряд «казаков» атамана Иванова насчитывал до 100 человек из беглых крестьян, дворовых, рекрутов, солдат, бурлаков, посадских людей из городов. Имея ставкой Качалинскую пристань на Дону, они действовали с 1771 года на Волге. Из их рядов вышел И. Семенников — активный сторонник самозванного «императора» Богомолова, о котором выше уже говорилось.

В те же годы на Волге стало известно имя «славного разбойника» (так его называли даже в официальных документах) Кулаги — на самом деле крестьянина К.В. Дудкина, крепостного княгини И.Я. Голицыной, бежавшего из ее нижегородского имения. Он собрал отряд в 1770 году, начал выступления против богачей, но его арестовали. В августе 1774 года Кулагу освободили пугачевцы. Другие «понизовые» атаманы (Н. Филиппов, Д. Посконнов) начали свою борьбу со вступления в армию Пугачева, когда она шла вниз по Волге, и продолжили ее после его поражения, сколотив и возглавив действия отрядов «разбойных людей».

Отряды беглых крестьян громили помещиков и их имения по всей Европейской России. Их действия заметно усилились, особенно в Поволжье, в 60-е годы. Неурожаи, дороговизна хлеба в конце этого десятилетия сильно обострили обстановку в Поволжье и по всей стране. О росте числа «разбойных партий» и их действий, увеличении потока беглых, особенно с 1768 года, говорят правительственные акты, сообщения губернаторов (например, казанского фон Брандта, нижегородского Квашнина-Самарина и др.). Губернские и провинциальные канцелярии доносят в Сенат о нападениях на помещиков, старост, приказчиков, заводчиков. Так, в Уфимской провинции «воровские люди», приплывшие на лодках (до 30 человек), напали на имение помещика С. Каблуцкого в селе Лавошном, избили его, взяли имущество и ушли; с ними бежали некоторые помещичьи крестьяне. Нижнеломовские дворяне в наказе для Уложенной комиссии писали о «ворах и разбойниках» из крестьян, что они им «великое злодеяние чинят пожегом, грабежом, денным разбоем и лишением нас жизни».

То, о чем писали эти поволжские помещики, происходило повсюду. Тот же фон Брандт отметил в рапорте Сенату, что в «разбойничьи шайки» вступают многие беспаспортные беглые крестьяне, имевшиеся среди работных людей с «казенных и партикулярных заводов» и речных судов, а грабят и жгут эти «разбойники» тех, «кто деньги имеет»; человек же, «у кого их нет, тот бесстрашным остается». Когда нападают «разбойники», то, продолжает фон Брандт, «работные люди хозяев и приказчиков (которых громят „разбойники“». — В. Б.) и всякую поклажу не будут охранять», а, наоборот, присоединяются к нападшим или разбегаются во все стороны; соседи же (из крестьян) спокойно смотрят, как горят дома помещиков, приказчиков и старост.

Интересно, что в эти годы небывалого усиления действий «разбойников» в Европейской России, прежде всего в Поволжье, ничего подобного не происходит в Сибири.

А ведь там немало было всякого рода «варнаков», действительно уголовных преступников, уголовного сброда, деклассированных элементов, которых правительство, избавляя от них обе столицы и прочие места, высылало подальше на восток страны, в сибирскую глухомань. Конечно, и там отмечены случаи нападений, прежде всего беглых каторжников, на людей. Но они были, во-первых, не так многочисленны; во-вторых, и это главное, их действия носили, как правило, совсем другой характер — не социальный, а типично уголовный. В Европейской же России, наоборот, при наличии акций типично уголовного типа (и таковых тоже было немало) в действиях многих отдельных «разбойников» и целых «разбойничьих шаек» отчетливо видна именно социальная, антифеодалная направленность.

В «разбойных отрядах» участвовали не только крестьяне и дворовые, но и работные люди, солдаты, посадские, бурлаки; вели борьбу они не только по Волге, но и по Каме, Оке, Суре. Нападали на господские имения и суда, на воинские команды, отбивали колодников, громили караваны купцов и заводчиков с товарами, железными и прочими изделиями с мануфактур, нападали на помещиков и заводчиков, купцов и чиновников, на «капиталистских», «первостатейных» крестьян. Отряд атамана И. Колшгаа, посадского человека из города Иаровчата, в 1768 году разгромил более 30 дворянских имений в Симбирском уезде. Многих помещиков и помещиц, старост и приказчиков настигла карающая рука мстителей из колпинского отряда. «Крайнее уныние» охватило местных дворян; те же чувства испытывали и их собратья из соседних мест — Сызрани, Самары. Сами «разбойники»-повстанцы «похвалялись»: «Пусть-де их ищут в городе Сызрани, у воеводы, а то и в Самаре с воеводой повидаемся». Слова эти буквально повторяют слова и мысли Степана Разина, за сто лет до них мечтавшего в Москве «с боярами повидатца», то есть расплатиться с ними за все обиды и неправды. То же делали и его последователи сто лет спустя после гибели удалого атамана-предводителя Второй крестьянской войны в России.

Отряды «разбойников» были вооружены не только холодным оружием (тесаки, пики, копья и др), но имели и ружья, пистолеты, а подчас и пушки; отряд Колшгаа, например, применял в своих налетах четыре пушки.

Новый подъем в действиях отрядов «разбойников» падает на начало 70-х годов. 10 мая 1771 года отряд из 30 человек, приплывший по Волге, «за два часа до ночи» напал на двор помещика Осокина, в городе Балахне, сжег его. Имущество напавшие забрали. Около дома произошло настоящее сражение — помещика бросились защищать купцы и монахи. «Разбойники» убили солдата и купца, 13 человек ранили. «Отважное злодейское предприятие» — так отозвалась Екатерина о событиях в Балахне. С 1769 года и до самого Пугачевского движения действовал в Шацком уезде отряд Рощина, а с его началом влился в ряды восставших.

Примечательный факт русской истории середины, третьей четверти XVIII века — бурный рост числа восстаний. В книге П.К. Алефиренко «Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30—50-х годах XVIII века» (издана в Москве в 1958 году) приведен богатейший материал за середину и начало второй половины века. Он говорит о большом размахе выступлений крестьянства в это время. В 60-х — начале 70-х годов, предшествующих Крестьянской войне, накал народных восстаний еще больше возрастает.

Подсчитано, что только в 1762—1769 годах в Европейской России крестьяне помещичьи, дворцовые, государственные и другие (не считая работных и приписных Урала и Сибири, всех монастырских крестьян) поднимались более 120 раз на открытые восстания. Они отказывались от «послушания» помещикам или же (как это делали бывшие государственные крестьяне, казаки — «черкасы» и др.) требовали, чтобы их по-прежнему сделали государственными крестьянами или определили в военную службу, но освободили от крепостного ярма, в которое они попали.

В 1762 году, во время недолгого правления Петра III, началась подготовка к секуляризации церковных владений, и среди монастырских крестьян поползли слухи о воле. Они не подтверждались, и это создавало нервную обстановку ожидания и нетерпения. При нем же вышел указ, запрещающий владельцам покупать к заводам крестьян; предписывалось

употреблять людей по вольному найму. Тогда же и позднее были сделаны распоряжения, касающиеся раскольников, беглых, — им обещали некоторые послабления, льготы (на время, конечно), если они вернутся на прежние места жительства.

Эти распоряжения, а главное, надежды, которые вызывали разговоры и слухи о них или ожидавшихся других мерах, во-первых, будоражили крестьян, мечтавших об облегчении своей участи, рождали мечты и фантазии, питали их «царистские» иллюзии; во-вторых, давали дополнительный стимул для выступлений против угнетателей. Главная же причина участвовавших в это время восстаний — ухудшающееся положение социальных низов.

На «непослушание» и «противность» крестьян своей вотчины села Никольского (Бани тож) с деревнями в Ветлужской волости Унженского уезда жаловалась в мае 1762 года княгиня Е. А. Долгорукова. О том же в челобитных на имя Петра III и Екатерины II сообщают в 1762 году коллежский советник В.Ф. Шереметев («от послушания... отреклись» крестьяне его вотчин в Волоколамском уезде, всего 1237 чел. м. п.), подпоручик В.Я. Новосильцев (старицкая вотчина), каширский помещик А.В. Чаадаев, Ярославская провинциальная канцелярия, старицкий подпоручик А.И. Змеев и др. Крестьяне не только чинят «неповиновение» владельцам, но и избивают их, приказчиков, оказывают сопротивление воинским командам, берут в плен солдат, прогоняют их из своих деревень.

В конце 60-х годов ряд восстаний происходит в разных селах и деревнях Поволжья. В отдельных случаях, действуя всем миром (собираясь на сходки), они добивались успехов (например, ухода ненавистного бурмистра, отмены недоимок и т. д.). В феврале 1768 года не согласились подчиниться новой помещице А.А. Кротковой крестьяне села Ишевки Симбирского уезда, которое она купила у Долгоруковых. По просьбе владелицы прибыла воинская команда капитана Крапеева. Тот, встретив решительный отказ собравшихся крестьян, приказал стрелять холостыми, затем — боевыми патронами. Но крестьяне не растерялись, перешли в наступление и «обратили в ретираду» солдат, отобрали у них 11 ружей. Потребовалась присылка целого батальона, чтобы привести к покорности крестьян.

За три года до этого то же произошло в селе Ивановском (Одоевщина тож) Пензенского уезда — от князя Одоевского оно перешло к коллежскому секретарю С. Шевыреву. Однако крестьяне встретили его нелюбезно, «учинили... бунт», как писал он сам в Сенат. Они изгнали его из усадьбы, захватили помещичий дом, посадили под караул его дворовых. В апреле прислали из Саратова команду из солдат и казаков с двумя орудиями.

Ни приказ поручика А. Дмитриева — начальника команды, ни чтение сенатского указа на крестьян не оказали никакого воздействия — подчиниться новому барину они не хотели. Обстановка накалялась. Окрестные крестьяне явно сочувствовали восставшим — по всей округе едва удалось найти четверых понятых, которые, по сенатской инструкции, должны были присутствовать при увещании непокорных. По опушке леса, близ Ивановского, разъезжали «конные партии» из крестьян соседних сел. Кроме того, в тех местах действовала «разбойная партия».

Между тем ивановские крестьяне 28 апреля «улицы все загородили и немалые крепости в ночное время утвердили». Поручик отвел команду в деревню Завьяловку, в трех верстах от Ивановского. Но восставшие пошли за нею и окружили ее; они были вооружены ружьями, косами, дубинами, кистенями, колами, луками со стрелами, собирали камни и поленья, рогатины и багры, бердыши и ножи. Своим командиром они избрали Петра Громова, ему в помощники — старого солдата Сидора Сулова.

Пока команда сидела в осаде, к ней шли подкрепления из Пензы и других городов. Крестьяне же готовились к отпору — Громов разбил крестьян на три отряда: главный должен был защищать село, второй Громов укрыл в лесу (для удара по команде с тыла), третий — поставил на плотине.

Соседи-крестьяне, пахотные солдаты шести сел помогали им: хоронили их имущество, не продавали съестных припасов солдатам и казакам.

7 мая Дмитриев начал наступление на Ивановское, но встретил отпор — в карателей полетел град пуль, камней, поленьев. Они отошли. На другой день возобновили атаку,

ворвались в село, по которому был открыт артиллерийский огонь. Крестьяне, захватив своих убитых и раненых, ушли в лес. Село запылало, подожженное крестьянами; сгорели барский дом и церковь. Скот и имущество они загодя переправили в лес.

Подобные локальные восстания происходили в 60-е годы во многих местах. В их ходе крестьяне собирались на мирские сходки, выносили приговоры, например, отстраняли представителей вотчинной администрации (старост, сборщиков податей и др.), выбирали новых. Наказывали тех, кто нарушал приговор. Они выделяют из своей среды руководителей, организаторов. Восставшие иногда добивались смещения ненавистных приказчиков и др. Выступления некоторых крестьян (напр., пензенской вотчины Куракиных, поднявшихся на борьбу в начале 70-х годов) перерастают в участие в Пугачевском восстании.

Против восставших монастырских крестьян в 50-х — начале 60-х годов власти неоднократно применяли вооруженную силу, чтобы привести их к повиновению. А они все чаще отказывались работать на монастыри, вносить платежи, захватывали и засевали землю, урожай делили между собой. Тоже выделяли организаторов восстаний, выборных — «мирских челобитчиков», собирали «мирские» деньги для их посылки с просьбами и жалобами в Петербург и Москву. Наиболее крупные восстания произошли во владениях монастырей Саввино-Сторожевского, Ново-Спасского, Николо-Угрешского и других. Волновались крестьяне ряда сибирских монастырей — тобольских, тюменских, томских.

21 марта 1762 года по указу Петра III монастырских крестьян отобрали у церкви и передали в ведение особой Коллегии экономии. Крестьяне получили всю землю, принадлежавшую раньше монастырям; их обязали платить в казну семигривенную подушную подать и рублевый оброк с тягла. Но прошло немного времени, и 12 августа того же года Екатерина II, которая сменила своего супруга, удушенного «гвардионцами», распорядилась отменить его указ. Крестьяне снова заволновались — не подчинялись монастырям и церквям, отказывались нести повинности и платить оброки. Они стояли «заодин», стойко держались против властей и монастырей, держали связь с соседями, избирали руководителей, составляли документы (например, билеты на право поездки в города и др.).

Повсеместное ожесточенное сопротивление (непослушание, захват монастырского имущества), вооруженная борьба (например, знаменитая «Дубинщина» в вотчинах западносибирского Далматовского монастыря в 1762—1764 годах, участники которого впоследствии влились в пугачевские отряды, осаждавшие тот же монастырь) привели к тому, что правительство Екатерины в 1764 году все же вынуждено было провести секуляризацию церковных имений. Монастырские крестьяне, добившиеся своего, перешли в экономические, то есть составили одну из категорий государственных крестьян. Они и после секуляризации продолжали борьбу (захват земель у соседних помещиков, «непослушание» властям, участие в «разбойных партиях»), но она, конечно, не идет в сравнение с тем, что было до нее.

Особое место в классовой борьбе этого времени занимают волнения и восстания работных людей, заводских крестьян. Они носили во многом крестьянский характер, что неудивительно, если помнить о социальном происхождении большинства мастеровых, работных людей. Поэтому весьма часто они стремились уйти в деревню, вернуться к сельским занятиям. Но появляются и другие требования — об увеличении расценок, заработной платы, улучшении условий труда, жизни на заводе.

Приписные желали возвращения к статусу государственных крестьян. Об этом говорят многочисленные челобитные 60-х — начала 70-х годов — приписных Авзяно-Петровского, Каслинского, Кыштымского, Ижевского и других заводов. Но другие выдвигали профессиональные требования, характерные для наемных работников (повышение расценок, снижение норм выработки, продолжительности рабочего дня, ликвидация или уменьшение штрафов, отмена побоев, истязаний, улучшение качества сырья и др.). Правда, они существенно не отличались по своему сознанию от крестьян, работавших на тех же заводах, но все же считать их выступления чисто крестьянскими было бы неправильно. В ряде

случаев (например, восстания работных людей Московского суконного двора) эти выступления исходят от людей, порвавших связи с сельским хозяйством или ремеслом, полностью или почти полностью пауперизованных, выдвигающих профессиональные требования наемных рабочих.

В начале 50-х годов волнения происходят на ряде демидовских заводов по Оке-реке в Ромодановской волости и полотняной мануфактуре А. Гончаровой, расположенной неподалеку. Восставших, которых поддерживали окрестные крестьяне, горожане Калуги (посадские люди, купцы, духовенство), пытались сломить вооруженной силой. Четыре роты Рижского драгунского полка, присланные для усмирения демидовских крестьян Ромодановской волости, последние встретили с оружием в руках. Разгорелся настоящий бой — с обеих сторон на поле сражения остались лежать десятки убитых и более двухсот раненых; в плен к крестьянам попал командир полка полковник П. Олиц. Восставшие захватили 210 ружей, 20 пистолетов, 180 шпаг. Правительственные войска в конце концов разбили и рассеяли восставших. Гончаровские крестьяне захватили в местном амбаре ружья, пять небольших пушек, взяли в осаду барский двор, где заперлась воинская команда.

Эти волнения перебрасываются в соседние села и деревни, населенные крепостными крестьянами, работными людьми, мастеровыми. Их участники выделяют из своей среды энергичных организаторов, авторов челобитных, обращенных к властям. Работные люди поддерживают связи между собой, с окрестными крестьянами, «разбойническими партиями». Их выступления энергичнее и активнее крестьянских. Характерно, что воевода Хвоцинский и секретарь Неронов, присланные на гончаровскую мануфактуру в 1752 году, так писали о ее работных людях: «Оные люди против крестьян со многим преимуществом к дракам весьма склонны».

Долго и упорно боролись мастеровые и работные люди Липецкого, Козминского и Боренского заводов. Они отказались считаться крепостными Репнина и считали себя однодворцами, внося соответствующую подушную подать в казну. В ответ на присылку из Воронежа (октябрь 1761 г.) воинской команды и попытку подвергнуть экзекуции Г. Куприянова и 18 других работников они освободили всех их, «били немилостиво и смертно» Егорова — поверенного Репнина. Остановили работы, вместо заводской конторы, которую называли «хлебом и воровской избой», создали «станичную избу» во главе с Куприяновым, и она стала их органом управления на заводах (сбор средств, наказание изменников, выдача отпускных писем и др.). Их поверенные подают одну за другой челобитные в Сенат, императрице. Но это не помогало. Волнения продолжались. В 1766 году десять человек, в том числе Куприянова, наказали и сослали в Нерчинск. Но рабочие не сдавались, держались стойко и сплоченно. К тому же выявились страшные злоупотребления заводчика, и в 1769 году заводы были переданы в казну. Работные люди, таким образом, добились своего.

В 60-х — начале 70-х годов восстания поднимают работные люди и приписные крестьяне Суздальского уезда, на олонечких заводах (Кижское восстание с его «всенародными собраниями» и «суёмами» — сходами, исполнявшими функции управления, подачей челобитных, смещением с «мирских» постов богатых крестьян-подрядчиков, выступлениями энергичного руководителя Клина Соболева на сходах в разных погостах и селениях, изгнанием воинских команд; началось оно в 1769 году и закончилось в июле 1771 года, когда было подавлено с помощью картечного огня), в Москве и Петербурге, Приуралье и Прикамье, на Урале и в Западной Сибири, на Нижней Волге.

На Ижевском и Боткинских заводах Шувалова в 1761—1762 годах волновались приписные крестьяне, всего 1852 души м. н. из 13 деревень (Сарсассы, Сенекексы, Акташ, Маврино и др.). Они в челобитных, направленных в Казань, просили разрешения по-прежнему вносить подать деньгами, а не обрабатывать ее на заводе. Не слушали увещания властей, оказывали вооруженное сопротивление командам. Расправы карателей делали свое дело, но восставшие снова и снова отказывались от работы на заводах, спасались бегством.

На Каслинском, Нижне— и Верхне-Кыштымских заводах Н. Демидова приписных крестьян, и так обрабатывавших по два-три подушных оклада, причем в пять-восемь раз

больше за каждый, чем полагалось, вконец разоренных (они «домишки свои покинули впусе»), отправили весной 1760 года на строительство нового Азям-Уфимского завода. Крестьяне Масленского острога и Барневской слободы, под Шадринском, отказались. К ним присылали летом и осенью небольшие воинские команды, но те успеха не добились. «Мы готовы все помереть, а на заводы не пойдем», — отвечали они тем, кто их уговаривал. Вооруженные ружьями, кольями, дубинами, бердышами и луками, крестьяне (а их насчитывалось до 900 человек) готовились к отпору, делали смотры, ученья, организовали караульную службу, посылали грамоты властям. Они тоже создали свой орган управления — мирскую избу.

Власти сосредоточили в окрестных селах и деревнях внушительные силы — более одной тысячи солдат, драгун, казаков. Штурм двора мирской избы, где засели восставшие, огонь из ружей и пушек, ручные гранаты заставили их бежать. Начались репрессии. Но крестьяне, сломленные, но непобежденные, продолжали бороться в 1764—1765 годах. Среди них ходили слухи о Петре III — тот якобы остался жив, приезжает тайно в Троицкую крепость, чтобы узнать об обидах, которые чинят местным жителям.

В 1762—1763 годах прекратили трудиться на хозяина работные люди, мастеровые и приписные крестьяне демидовских Нижне-Тагильского и Невьянского заводов. Избрали «по своему своеволию» мирскую избу, «которой до сего не было», старостой — Маркела Молева, «мирским пищиком» — токаря по меди Романа Олонцова. Мирская изба вела переговоры с заводским начальством, защищала работных людей, наказывала прежних выборных, предателей, «несогласных». Работные люди проводили «всегдашние», то есть постоянные, совещания, собрания, обсуждавшие их нужды и требования. Их стойкость и спокойная уверенность привели к тому, что часть их требований П. Демидов, владелец заводов, и начальник команды А.А. Вяземский удовлетворили (оплатили труд мастеровых, часть работных признали не крепостными людьми хозяина, а государственными крестьянами).

В 60-х годах волновались приписные крестьяне Авзяно-Петровских заводов, перешедших в 1760 году от Шувалова к Е. Демидову, и многих других уральских заводов. На них тоже происходили сходы, выбирались «мирские избы», руководители, нередко стойкие и энергичные, участвовавшие впоследствии в Пугачевском восстании.

Классовая борьба заводских работных людей во многом, в главном сходна с выступлениями крестьян. Для всех них характерны локальность, разрозненность, стихийность, политическая неразвитость, монархизм. Но все же появлялись отдельные проблески организованности, солидарности, стойкости, особенно у работных людей.

Их выступления отличались в сравнении с чисто крестьянскими большей настойчивостью, упорством, сплоченностью. С решениями их сходов, суймов, мирских и станичных изб иногда вынуждены были считаться власти и заводское начальство, владельцы. Именно упорные выступления приписных крестьян в 1762 году заставили правительство Петра III издать указ с запретом покупки крестьян к заводам с землей и без земли. А работные Ижевского, Боткинского и некоторых других заводов добились составления А.А. Вяземским (см. выше) специальных «Правил» или «Учреждения чиненном на Ижевском и Боткинском заводах».

Городских восстаний Россия этого времени в отличие от бунташного XVII века знала сравнительно мало. Тем не менее в 40—60-е годы в ряде городов посадские люди проявляли недовольство, оказывали сопротивление феодалам (например, монастырям), покушавшимся на их права.

Наиболее сильное городское движение этого времени — Московское восстание 1771 года («Чумной бунт») — вызвано было нерасторопностью властей и врачей в связи с начавшейся эпидемией чумы. Дворяне и купцы покидали первопрестольную, спасая свои жизни от косившей людей заразы, бросая на произвол судьбы дворню. Фабрики закрывали, и многие работные люди без куска хлеба и крыши над головой (им велели выехать из Москвы) бродили по городу. В Москве умирало по 400—500 человек в день, свирепствовали чума и

голод. Действия полиции носили противоречивый характер. В середине сентября стихийно вспыхнуло восстание; его участники громили карантинные и монастырские дома московских вельмож и купеческие погреба. У Спасских ворот Кремля 16 сентября расстреляли ядрами и картечью из пушек толпу восставших на Красной площади. Часть их арестовали. На следующий день, когда тысячная толпа восставших снова появилась у Спасских ворот, требуя выдать арестованных и ликвидировать карантинные пункты, повторилось то же самое — солдаты Великолукского полка стреляли в восставших, рубили их саблями.

Власти подтянули войска и артиллерию, и восстание 18 сентября затихло. Прибыли генеральная комиссия во главе с самим Г.Г. Орловым и четыре гвардейских полка. Начались репрессии — трех дворовых и одного купца повесили, 72 человека били кнутом и сослали в Рогервик на галеры, 89 человек наказали плетью, 12 подростков — розгами. В восстании, в котором участвовали дворовые, ремесленники, купцы, всякие разночинцы, крестьяне, солдаты, чиновники и другие, особо активную роль сыграли московские «фабришны». Именно они выступали зачинщиками и наиболее стойкими, упорными участниками восстания, «лезли на штыки без боязни», требуя выдачи схваченных товарищей, с «отчаянной буйностью» приходили к Кремлю.

В другой, главной, столице российской — Петербурге тоже временами было неспокойно. Хотя до открытого восстания дело не доходило, однако недовольство простого люда прорывалось то по одному случаю, то по другому. То один солдат заговорит о Петре III, что он «жив». А другой, как, например, Иван Михайлов (Евдокимов) из Выборгского полка, объявит самого себя «Петром Федоровичем» (в Нижегородской губернии, 1765 год). То распространяются анонимные «пасквили» на власти или подложные указы по поводу тяжелого положения народа российского. Волновались работные люди Петербурга и его губернии (в 50-е годы — 5 выступлений, в 60-е — 12, в 70-е годы — 46), крестьяне той же губернии.

Поднимаются на борьбу нерусские народы. На Украине ряд восстаний поднимают рядовые бедные казаки, посполитые (крестьяне), разные наймиты, которых источники именуют «серомой», «голотой». Особенно сильным было восстание в Запорожской Сечи в конце 1768 — начале 1769 года. Его участники выступают против старшины и богатых казаков — своих эксплуататоров. Гайдамаки — народные мстители, собираясь в отряды («ватаги») по несколько десятков, даже сотен человек, нападали на феодалов, всех богачей. Их действия сходны с движением русских «разбойных партий». При поддержке серомахи они наводили страх на угнетателей. Огромное по масштабам движение гайдамаков «колиивщины» (1768 год) во главе с наймитом Максимом Зализняком (Железняком) и сотником Иваном Гонтой прокатилось по всей Правобережной Украине. Они разгромили много панских имений, взяли ряд городов (Канев, Умань, Черкассы и др.). Среди повстанцев были русские люди — крестьяне, посадские люди, солдаты и др. После подавления «колиивщины» многие ее участники перебрались в Россию — на Дон, в Поволжье, участвовали в Пугачевском движении.

И после «колиивщины» гайдамацкие отряды продолжали борьбу, в частности на территории Слободской Украины, где в 1765 году царизм ликвидировал казачий полковой строй, превратил украинские полки в гусарские, образовал Слободскую Украинскую губернию. Протестуя против нового устройства, трудной службы, захвата казачьих земель и угодий, местные жители — казаки и крепостные крестьяне — не подчинялись своему начальству и владельцам, выступали против воинских команд. Эта борьба тянулась долгие годы.

Участники движений на Украине хотели, как правило, вернуться к прежнему казачьему состоянию.

Появлялись на Украине и самозванцы. В 1765 году в Яготине прошел слух, что в гусарской команде под видом вахмистра служит «бывший император Петр Федорович» — он-де «не умре», в «живых точно... и ныне идет в Киев... рассматривать Малую Россию». За Петра III в 1764 году выдавал себя в Ахтырском полку Николай Колченко — беглый

крестьянин полковника Галагана.

В Поволжье и Приуралье долгую и упорную борьбу вели нерусские народы. Нередко в их движениях, особенно в башкирских, заметную роль играют местные феодалы, старшины, выдвигавшие порой лозунги отделения от России. Но главное в них — борьба против социального гнета русских и своих феодалов, против национального угнетения. Часто вместе выступали и нерусские и русские эксплуатируемые массы.

В 60-е годы в Среднем Поволжье татары, мордва, марийцы, чуваша, удмурты составляли 30 процентов населения. Жили они в нищете, земли захватывали у них русские феодалы и заводчики, ясаших превращали в монастырских, помещичьих крестьян (например, 10 процентов мордвы стали крепостными). Многих «приписывали» к заводам, давали в долг деньги, заставляя их отрабатывать. Эксплуатация, обшеты, наказания — все шло в ход.

Помимо подати, местных жителей обязали исполнять различные повинности (строительную, рекрутскую, подводную, постоянную, рубка и доставка корабельного леса), взимали многие сборы. К этому нужно добавить вымогательства чиновников, притеснения священников.

Относительно большей самостоятельностью пользовалась Башкирия. Здесь большое влияние имела феодальная знать (князья, тарханы⁵; старшины, муллы и другие), эксплуатировавшая своих соплеменников — рядовых общинников (туснаков) и пришлых «припущенников» из татар, чувашей, мишарей (мещеряков), марийцев, удмуртов, русских, мордвы. Местное население тоже было обложено различными налогами, сборами, повинностями, которые быстро росли. Земли у башкир захватывали для заводов, крепостей, поместий. Все это в соединении с произволом властей, полным бесправием жителей делает понятными их непрерывные восстания против гнета, социального и национального.

В сходном положении находились казахи (киргиз-кайсаки). Помимо эксплуатации рядовых казахов феодальной знатью, недовольство вызывали захваты земель русскими помещиками и яицкими старшинами в низовьях реки Яика, то есть в местах кочевий казахов. Кроме того, указ оренбургского губернатора И.И. Неплюева 1756 года запретил казахам пасти скот на правой стороне Яика. Это привело к многолетней «пограничной барымте» — взаимным нападениям.

В таком же положении находились и калмыки (захват земель, стравливание с казахами и казаками). В 1771 году часть калмыков, не выдержав нищеты и притеснений, направилась в Джунгарию через яицкие и казахские степи, по пути многие погибли. До Джунгарии добрались очень немногие.

Жители Поволжья и других районов неоднократно поднимали восстания в течение всей третьей четверти XVIII века. Они протестовали против гнета, притеснений феодалов и чиновников, насильственного крещения. Крупные движения происходят в Терюшевской волости Нижегородского уезда («Терюшевский бунт» начала 40-х годов; здесь к мордве присоединились русские крестьяне, солдаты, работные люди, бурлаки), в Башкирии в 1755 году (восстание Батырши) и др. Волновались приписные крестьяне из удмуртов (1758, 1761, 1762 годы) и др.

Среди башкир после поражения восстания Батырши в обстановке дальнейших захватов земель, роста гнета и притеснений распространяются слухи и разговоры о каких-то грядущих переменах: «Ныне женский пол государствует, и потому надо иметь терпение. Слух такой носится, что на государственный престол мужеский пол возведен будет, и в то время какой ни есть милости просить постараемся».

Вскоре после описанных событий и речей в 1763 году в селе Спас-Чесноковке заговорили, что Петр III жив. Местные священник и дьячок вознесли в церкви хвалы за

---

⁵ *Тархан* — лицо, освобожденное от налогов (в данном случае прежде всего феодал), имеющее другие привилегии.

спасение государя. Все окрестное население воспрянуло духом — надежды на прекращение произвола, беспорядков вновь расцвели пышным цветом в сознании простых людей.

Самозванцы под именем Петра III Федоровича появляются, таким образом, в разных местах, под разными обличьями. Разговоры о спасении императора начались сразу после его гибели в 1762 году. Об этом люди говорили, передавали из уст в уста слухи в самом Петербурге и далеко от него. Помимо тех, о которых выше упоминалось, можно назвать других, например проторговавшегося купца Антона Асланбекова, который выдавал себя за Петра III в 1764 году в районе Курска, Обояни, Мирополья, Суджи; его поддержали местные однодворцы. Беглый рекрут Иван Евдокимов выдавал себя за Петра III в Нижегородском уезде. Гаврила Кремнев, однодворец села Грязновка Лебедянского уезда, действовал в 1765 году под именем Петра III в Воронежской губернии и Слободской Украине. С двумя беглыми крестьянами (одного он назвал генералом Румянцевым, другого — генералом Алексеем Пушкиным) он ездил по селам и приводил население к присяге «императору» — самому себе.

Самозванничество — характернейшее явление той поры — питалось чаяниями и надеждами социальных низов. Из их рядов вышли и сами «императоры»; это помещичьи крестьяне, казаки, беглые солдаты, однодворцы. Ожидание «доброе» Петра Федоровича, действия самозванцев — все это говорило наряду с выступлениями угнетенных, которые приняли такой затяжной и массовый характер в 50 — начале 70-х годов, о том, что классовая борьба, принимавшая самые различные формы, достигла в это время высокого накала, должна была прийти к своей кульминации. Этот пик настал, когда на борьбу поднялись огромные массы людей на большой территории, а во главе их встал «набеглый царь», самый популярный из самозванцев — Емельян Пугачев.

Начало восстания. Первые успехи

На Усихе Пугачев провел недели полторы. Казаки (а их число при нем увеличилось) разбили для него палатку, сами же жили биваком под открытым небом. К стану приезжали новые люди — одни, посмотрев «государя», уезжали, другие оставались служить ему. Иван Харчев привез четыре знамени и полведра водки. Пугачев остался доволен. Сели обедать. Емельян Иванович провозгласил:

— Здравствуй я, надежда-государь!

Все выпили. Казаки хотели было поднять тост за здоровье императрицы. Но он запретил:

— Нет! За здоровье ее не пейте! Я не велю! А извольте кушать за здоровье Павла Петровича!

И поднял тост:

— Здравствуй, наследник и государь Павел Петрович!

Когда все опрокинули чарки, «государь» прослезился:

— Ох! Жаль мне Павла Петровича!

Казаки с умилением и радостью глядели на «родителя».

В Яицком городке все эти дни разговоры об «императоре», о том, что его нужно «принять», продолжались. Войсковые остерегались происков казаков «старшинской руки». Казак Яков Почиталин в разговоре с Василием Плотниковым выразил уверенность:

— Без сомнения, старшины и их казаки не согласятся его принять по своей к нам ненависти, хотя бы и вся наша войсковая сторона его приняла.

Оба казака пришли к единодушному выводу:

— Как можно сего случая не упускать и делать, что надобно, общим старанием, не мешкавши, дабы таким промедлением не упустить из рук государя.

Между казаками в Яицком городке и «государем» шли переговоры: где ему лучше явиться — в городке или на плавне? Вскоре на Усиху с Мясниковым приехали как представители Яицкого войска Кузьма Фофанов и Дмитрий Лысов. Пугачев ждал их:

— Здравствуйте, други мои, войско Яицкое!

Они низко поклонились и поцеловали ему руку.

— Зачем вы сюда приехали?

— Мы приехали, — сказал Фофанов, — для отдания Вашему величеству поклона и для уверения, подлинно ли Вы здесь?

— Благодарствую, что вы меня нашли. Я, великий государь Петр Федорович, пришел к Яицкому войску с тем, чтобы вы меня приняли и возвели на царство по-прежнему, а я за вас вступлюсь. Слышал я, что вы, бедные, разорены.

— Подлинно, батюшка, — в разговор вступил Лысов, — мы все обижены, и заступиться за нас некому. Не оставь нас!

Пугачев высказал пожелание, чтобы казаки, «сот до пяти», собрались к нему на Усиху, откуда он придет в городок. Оба согласились:

— Хорошо, Ваше величество, мы будем повешать об этом войско.

— Мне теперь, други мои, надобен письменный человек. Так сыщите и пришлите его ко мне.

— Есть у нас такой на примете, — Фофанов посмотрел на Тимофея, — пошлите за ним Мясникова, он вам его привезет.

— Ну, хорошо, поезжай с ними, — Пугачев тоже обратился к Мясникову, — и привези мне грамотея. А вы повешайте в войске надежным людям, чтобы скорее сюда ко мне выезжали... Вот у меня одежишка плоха, так привезите получше.

— Когда съедем, — сказал Лысов, — то привезем.

Между тем в городке о появлении «государя» узнала и «послушная» сторона. Это обеспокоило войсковых казаков. Они спешили выполнить приказ Пугачева, в первую очередь искали «грамотея». В разговоре с Почиталиным Фофанов, вернувшийся от «императора», нашел выход:

— Чем далеко ходить да искать, у тебя есть свой грамотей, сын Иванушка! Так пошли ты его!

— И впрямь так! — поддержали Плотников и Мясников. — Чего же лучше? Благословясь, и посылай с богом!

— Как его послать? — Яков в сомнении показал головой. — Он человек еще молодой, небывалый при таких делах. Где ему справиться?

— Вот пустяки какие! Как не справиться! Ведь на нем государь строго взыскивать не будет. Он знает, что сын твой в таких делах небывалый. Он же человек молодой, так лучше и скорее понатореет. А за то, сам знаешь, будет человек; и не будет оставлен.

Казак согласился.

— Вот тебе бумажный человек, — сказал он Мясникову, — отвези его к государю. Теперь, что ли, ты его с собою возьмешь?

— Пускай едет на Сластины зимовья⁶ и там меня дожидается.

Отец послал с сыном дары Пугачеву — новый зеленый зипун с золотым позументом, подержанный бешмет, шелковый кушак, черную бархатную шапку, «чтоб он изволил носить оное на здравие». Сыну же дал, как сам говорил, «чистое свое родительское благословение, приказывая верно служить государю и все делать, что заставит, учиться к добру и привыкать к делам». На прощание же говорил ему:

— Смотри же, Иванушка, как придешь пред государя, то поклонись в землю, стань пред ним на колени, поцелуй ручку и называй его Ваше величество.

На Усихе, помимо Пугачева и казаков, их встретили и новые люди — татары Барын Мустаев (Баранга), Идыр (Идыркей, Идорка), Баймеков (Бахмутов, Алметьев), ставший пугачевским «толмачом», «писцом татарского языка», его приемный сын туркмен Балтай, тоже «писец», калмык Сюзюк Малаев.

---

⁶ Сластины зимовья находились в 10 верстах от Яицкого городка.

Вошли в палатку к «императору». Плотников и Почиталин встали на колени, поцеловали ему руку.

— Вот, Ваше царское величество, — Мясников указал на молодого Почиталина, — этот яицкий казак грамотный человек.

— Очень хорошо. — Пугачев внимательно посмотрел на Ивана. — Будь при мне и пиши что я велю.

— Ваше величество, — Почиталин несмело взглянул на «государя», — я пишу худо.

— Ничего, письма будет мало. Ты человек еще молодой, выучишься. Послужи мне верой и правдой, я тебя не оставлю.

Почиталин передал подарки. Поговорили о толках в городке, и скоро Мясников отпросился домой — надо, мол, сапоги сшить. Пугачев посмеялся: «А еще чеботарь, а без сапогов!» — но отпустил. Но дома его встретили слезами мать и прочие — оказывается, его искали, но, не найдя, арестовали младшего брата Гаврилу. Тимофей понял, что власти узнали об его поездках к «царю». Старшина Мартемьян Бородин с отрядом уже выехал на Усиху. Он спрятался у знакомого казака, послав Степана Кожевникова к «императору».

Яицкий комендант полковник Симонов и старшины давно уже догадывались обо всем. Таинственные исчезновения из городка некоторых казаков, разговоры на базаре, по улицам, около домов показали им: происходит что-то «неладное». Слухи о появлении в степи под городком «императора» дошли до них. Еще в конце августа арестовали Д. Караваева, вернувшегося из второй поездки на Таловый умет. Его жестоко били плетью, но он не выдал тайну, «всю сию злость скрыл».

9 сентября пьяный Петр Кочуров проболтался о «царе» крестному отцу отставному казаку Степану Кононову. Тот высказал сомнение:

— Это дело важное, надежно бы было донести об этом командирам.

— Да как донести? — отвечал крестник. — Я и сам не знаю: подлинный ли он царь или другой какой человек? Я его не видал. Как тут объявить? Можно напрасно пострадать, потому что к этим словам сделают прицепку, а доказать мне будет нечем. Я слышал от Мясникова, что он на Усихе. Место недалнее, можно было бы съездить и посмотреть, какой он подлинно человек.

— Ты ведь в Петербурге не бывал и государя не видывал! Так тебе скажут, что он подлинный государь, ты поверишь и пристанешь к нему. А потом как окажется, что какой-нибудь обманщик, то пропасть можешь. Будь он подлинный государь или неподлинный, а ехать туда все-таки незачем. И признать нам его ни по чему не можно.

Кочуров послушал крестного отца и не поехал на Усиху, пошел домой. А тот поспешил с известием о «государе» к Симонову. Комендант послал Бородина с казаками и поручика Иглина с солдатами. Те должны были поймать самозванца. Но они, доехав до Чаганского форпоста, выслали сотника Якова Витошнова на хутор Кожевниковых — узнать о самозванце: где он находится. На хуторе оказался один из братьев, Михаил, которого Витошнов и привез на форпост. На вопрос Бородина о «воре» тот ответил:

— Ничего знать не знаю!

Преследователи вернулись с Михаилом в Яицкий городок. В это время на хутор прискакал его брат Степан. Узнав об аресте Михаила, он засомневался — ехать ли на Усиху? Но старый Шаварновский возмутился:

— Что ты вздумал?! Хочешь, что ли, погубить всех? Скачи скорее!

Степан Кожевников прискакал в стан на Усиху. Это было 15 сентября. Он нашел Пугачева одетым в новое платье, которое привез Иван Почиталин.

— Меня прислал Мясников сказать вам, — с ходу говорил Степан, — что старшина Бородин выступил уже в поход и чтобы вы отсюда убирались.

Пугачев и его товарищи, подумав, вероятно, что погоня близка, растерялись. Емельян бегал по стану, кричал: «Казаки, на кони!» Все быстро оседлали коней, бросили все имущество и припасы, поскакали в степь вниз по реке.

— Куда мы теперь поедем? — спросил Пугачев.

— Почто, бачка, — ответил ему Идыр, — нам по степи ездить? Поезжайте лучше Вы в Бударинские зимовья, на хутор к Толкачевым, там людей наберете. А я пойду к татарским кибиткам, скажу о Вас своей братии татарам, наберу себе людей, выеду с ними на дорогу и буду Вас ожидать. Если Вы пойдете в городок, так мы Вас увидим и с Вами вместе войдем. Если же Вы в городок не пойдете, то и мы останемся в своих кибитках.

— Ехать более некуда, — поддержали Идыра Чика и Почиталин. — Если там удастся собрать столько людей, что можно будет появиться у городка, так и думать нечего: поедем туда со славою. Когда же увидим, что не с чем, то скроемся на Узени.

— Сколько бы на хутор людей ни собралось, мало или много, — убеждал Пугачев, — но непременно надо ехать в городок. И если удастся завладеть им, то всех противников наших непременно перевяжем. А если удачи не будет и нас мало будет, тогда бежать, кто где спастись может.

— Я думаю, — убежденно произнес Чика, — что когда мы подъедем к Яицкому городку, то многие к нам пристанут: ведь не захотят быть замучены, когда будет донесено, что были с нами согласны.

— Мне бы только набрать человек триста казаков, — сказал Пугачев, — так и довольно бы было. Мы пошли бы тогда прямо в городок.

В Яицком городке в это время допрашивали Михаила Кожевникова. Он сначала повторял то, что говорил и на хуторе, но после плетей рассказал все, что знал. Собрали новый отряд в 30 человек, и Симонов снова послал на Усиху погоню. Здесь, в заброшенном стане, оставался только Василий Плотников: не имея лошади, он не смог уехать с Пугачевым. После отъезда «императора» сюда прибыл посланец казахского хана Младшего жуза Нура-лы (Нур-Али) — казанский татарин Забир, ханский писец. Хан, кочевавший в степи в трех верстах от левого берега Яика, прислал в подарок саблю, чакан⁷, шелковый бухарский халат и гнедую лошадь. Забир должен был узнать: подлинный ли государь объявился на Яике? Верны ли слухи о нем?

Забир попросил яицкого казака Уразгильды Аманова, туркмена родом, несколько раз бывшего у Пугачева, провести его к «императору». Но его они не застали, узнав только от Плотникова, что «царь» уехал вниз по Усихе. Увидев приближавшуюся команду, Забир и Уразгильды ускакали. Сержант Иван Долгополов, подъехав с отрядом к стану, услышал от Плотникова об исчезновении Пугачева.

— Много ли с самозванцем людей?

— Человек до ста будет.

Плотников, конечно, сильно преувеличил (с Пугачевым было, не считая его самого, 9 человек!), и командир огрел его плетью. Тот назвал новую цифру (12 казаков и 12 татар). Долгополов решил, что его сил недостаточно и потому лучше остаться на месте, а для «поиска» послал в городок за подкреплением. Уловка Плотникова сыграла свою добрую роль — пока отряд ждал на Усихе (посланный в городок казак Тимин не возвращался двое суток), Пугачев действовал.

Хутор Толкачева лежал верстах в сорока от Усихи и в ста от Яицкого городка. По дороге к нему Пугачев говорил Чике и Почиталину:

— Мы едем на хутор к Толкачеву, чтобы собирать казаков, а у нас нет ничего письменного, чтобы мы могли объявить народу. Ну-ка, Почиталин, напиши хорошенько!

Все остановились, и здесь, в степи, Почиталин, на земле сидя, трудился, составлял первый манифест «императора». Все стояли в стороне, молча ждали. Наконец секретарь закончил и, встав, прочитал написанное им воззвание. Все одобрили:

— Ты, брат Почиталин, горазд больно писать!

— Это манифест, — довольный Иван обратился к Пугачеву, — и Вашему величеству необходимо подписать его.

---

⁷ Чакан — маленький топорик, оправленный серебром.

— Нет, подпиши ты сам, — нашелся «величество», — а я до времени подписывать не буду. До самой Москвы мне подписывать невозможно для того, что не надобно мне казать свою руку; и есть в оном великая причина.

Почиталин подписал манифест-воззвание. Путники сели на коней, и в полночь с 15 на 16 сентября показался хутор Михаила Толкачева. Но хозяина они не застали дома, встретил их его брат Петр. К утру собрались созванные Чикой 30—40 человек из окрестных хуторов — беглые русские люди, казаки, калмыки. Те, кто входил в дом, видели человека, сидящего за столом, свиту за ним.

— Опознайте меня, — говорил Пугачев входящим, — и не думайте, что я умер. Вместо меня похоронили другого. А я одиннадцатый год странствую.

В месте, определенном Чикой, около дома Толкачева ждал народ.

— Зачем ты нас созвал? — спрашивали Чику. — И кто с тобою незнакомый нам человек?

— Братцы! — Голос Чики звучал торжественно и строго. — Нам свет открылся: государь, третий император Петр Федорович с нами присутствует!

Вышел из дома Пугачев, и толпа молча, с почтением и удивлением расступилась перед ним, слушая его слова:

— Я ваш истинный государь! Послужите мне верою и правдою, и за то жалую вас рекой Яиком с вершины до устья, жалую морями, травами, денежным жалованьем, хлебом, свинцом, порохом и всею вольностью. Я знаю, что вы всем обижены, что вас лишают привилегий и истребляют вашу вольность. Бог за мою прямую к нему старую веру вручает мне царство по-прежнему, и я намерен восстановить вашу вольность и дать вам благоденствие. Я вас не оставлю, и вы будете у меня первые люди.

Все упали на колени, слышались голоса:

— Рады тебе, батюшка, служить до последней капли крови!

— Не только мы, но и отцы наши царей не видывали, а теперь бог привел нам тебя, государя, видеть!

— Мы все служить тебе готовы!

По приказу Пугачева принесли икону, и присутствующие в торжественном молчании целовали крест, присягая «императору». По окончании церемонии Пугачев заговорил о ближайших делах:

— Есть ли у вас, други мои, лошади?

— Есть!

— Ну, теперь, детушки, поезжайте по домам и разошлите от себя по форпостам нарочных с объявлением, что я здесь.

— Все исполним, батюшка!

— Пошлем к казакам и к калмыкам!

— Завтра же рано, — продолжал Пугачев, — сев на кони, приезжайте все сюда ко мне. Кто не приедет, тот моих рук не минует!

— Власть твоя! Что хочешь, то над нами и сделаешь!

Люди разошлись. Утром следующего дня, 17 сентября, появились вновь. Были и новые — казаки с Кожехаровского и Бударинского форпостов, татары, пришедшие с Идыром и Балтаем. Всего набралось до 80 вооруженных людей.

Они услышали слово указа:

— Самодержавнаго амператора нашего, великого государя Петра Федоровича всероссийскаго и прочая, и прочая, и прочая!

Во имянном моем указе изображено Яицкому войску: как вы, друга мои, прежним царям служили до капли своей до крови, деды и отцы ваши, так и вы послужите за свое отечество мне, великому государю амператору Петру Федаравичу. Когда вы устоити за свое отечество, и ни истечет ваша слава казачья от ныне и до веку и у детей ваших. Будити мною, великим государям, жалованны: казаки, калмыки и татары. И каторые мне, государю, амператорскому величеству Петру Федаравичу винния были, и я, государь Петр Федаравич,

во всех винах прощаю и жаловаю я вас: рякою с вершин и до устья и землю, и травами, и денежным жалованьям, и свинцом, и порахам, и хлебным правиянтам.

Я, великий государь амператор, жалую вас, Петр Федаравич.

1773 году синтября 17 числа.

— Ну что? Хорошо? — спросил Пугачев. — Все ли вы слышали?

— Хорошо!

— Мы все слышали и служить тебе готовы!

— Поведи нас, государь, куда тебе угодно.

— Мы вам поможем!

Пугачев подал знак, и развернули знамена разных цветов с восьмиконечными раскольничьими крестами. Знаменосцы (это были Алексей Кочуров, Федор Буренин, Максим и Иван Морковцевы, калмык, имя которого неизвестно) двинулись вперед, за ними — Пугачев со свитой, остальные казаки, калмыки, татары. Толпа людей провожала первых воинов-пугачевцев. По окрестным хуторам гонцы звали казаков послужить государю.

Крестьянская война началась. До сих пор действия Пугачева и его ближайших сподвижников носили предварительный, разведывательный характер. Встречи отдельных казаков с Пугачевым, его признание «государем», переговоры с другими казаками войсковой стороны в Яицком городке, надежды и колебания, разочарования и опасения — все было позади. Несмотря на то что судьба Пугачева и того огромного дела, которое они начинали, не раз висела на волоске, большинство из них не дрогнуло, не отступило, а смело шло, рвалось вперед — до того сильны были стремление, желание изменить порядок, который придавил их к земле сырой, бросить вызов всем врагам угнетенного и забитого народа, потряхнуть как следует и ударить по старшинам, командирам, вельможам, всем барам и притеснителям.

Больше всего поражает сам Пугачев — его смелость, неустранимость, находчивость, целеустремленность. На каждом шагу его подстерегала опасность ареста и пытки, ссылки или смертной казни. Тем не менее, переходя с места на место, встречаясь с разными людьми, одни из которых понимали его, сочувствовали ему, другие, наоборот, с ненавистью реагировали на его слова и поступки, этот простой русский человек, донской казак, плоть от плоти народной, смело шел навстречу своей цели — поднять людей против гнета и произвола, царивших в России. Вглядываясь в его внутренний облик, видишь в нем многое — и понимание того, что дальше таким, как он (а их миллионы в огромной стране), терпеть невозможно, и стремление как-то вырваться из пут, в которые все они попали, и желание «отличить себя от других», приказывать этим «другим», повелевать ими, побыть, хотя бы и недолго, «калифом на час», то есть императором. Во всем этом видна натура бесстрашная и бесшабашная, удаль и молодечество, исстари присущие казакам, помнившим вольнолюбивые традиции гордых и отважных сынов вольного Дона и его собратьев на других казачьих реках. Погулять вволю, потешить душу молодецкую! Пусть поудивляются кругом — на Дону или Яике, а то и во всей империи Российской! Вот каковы казаки! Под свист ветра степного, звон сабель рождались и возрастали! Такие или подобные мысли, воспоминания о славном прошлом жили, конечно, в душе казака. Особенно волновали они натуры беспокойные, честолюбивые, а к таким и относился, несомненно, Емельян. Невмоготу было ему сидеть на месте и терпеть унижения от старшин и командиров. К тому же и жизненные обстоятельства сложились неудачно. Вот и пошел летать сизый орел по поднебесью, искать свою долю. Свирепый ветер бросал его туда и сюда, он падал, попадал в тенета, но снова и снова вставал, вырывался на волю. И вот оказался на яицких просторах, где нашлись люди, его братья казаки, готовые подправить сизому орлу крылья. Одинаковая тяжкая доля-судьба повязала вместе крепко-накрепко орла и орлят, вместе они и решили взмыть в небеса, поднять карающий меч против всех тех, кто терзал их и мучил.

И Пугачев и первые казаки, калмыки, татары, пошедшие за «императором», хорошо знали, что они хотели. Емельян Иванович не раз в беседах с казаками, держа речи перед ними, формулировал просто и ясно их требования, желания — жить свободно, без

притеснений на своем Яике, владеть землями, получать жалованье, всякие припасы, «хлебный правиянт». Именно эти мысли и легли в основу первого манифеста, написанного Иваном Почиталиным 15 сентября и зачитанного через два дня перед первым военным отрядом Пугачева на хуторе Толкачева.

Сам Пугачев на допросе в Москве (4 ноября 1774 года) говорил, что первый манифест писал Почиталин, а он сам «не одного слова не знал, как бы написать надобно»; более того, Почиталин «писал, что хотел». На самом деле это совсем не так. Почиталин писал то, что Пугачев и казаки не раз обсуждали между собой, да, собственно говоря, все эти мысли, слова, как говорится, носились в воздухе — подобное было по Яицкому городку и всем форпостам, крепостям у всех на устах. Слова первого манифеста точно, почти дословно совпадают с речами Пугачева; сказанными до его составления. И он сам на более раннем допросе в Яицком городке (16 сентября 1774 года) признавался: «Указ, который велел я написать Почиталину, в той силе, что государь Петр Третий император принял царство и жалует реками, морями, лесами, крестом и бороною», был написан потому, что «сие для яицких казаков было надобно». Как видим, Пугачев не просто сидел в сторонке в степи, когда молодой его секретарь писал «указ», «писал, что хотел», — нет! Первый манифест повторял те обещания, которые он давал ранее казакам. Он точно соблюдал договор с ними! К тому же он дерзко и уверенно играл роль «императора», и это, очевидно, нравилось казакам. Да многие из них тоже ведь играли свои роли, зная правду об Емельяне.

Смелость, энергия, даже дерзость, проявленные Пугачевым в эти дни, как видно, подкупали окружавших его людей, вселяли веру в успех начинавшегося восстания. Впереди — сражения за правое дело, на которое предстояло поднять многих людей. Гонцы по форпостам это и делали. Тогда же, не позднее 17 сентября, возникла мысль обратиться за помощью к Нуралы-хану. Высказал ее Пугачеву Идыр Баймеков:

— Не изволишь ли, государь, написать, што Вы здесь находитесь и штобы он прислал к Вам на помощь войска? А я думаю, что он пришлет человек сто.

— Хорошо послать, да кто же письма-то напишет?

Балтай взялся это сделать, и письмо отослали к хану. Более того, какой-то «яицкий атаман» с двадцатью казаками приезжал к Нуралы. По словам ханского посланца Урмана, среди приехавших к Нуралы «один был неведомо какой человек, похож на бурлака, в черном худом кафтане, в шляпе, в лаптях, лицом смугловатый, борода темно-русая, возраста среднего». Атаман имел с ханом тайное свидание, после него к Пугачеву ездил от Нуралы мулла Забир. Сам Иуралы был уверен, «что бывший при вышеупомянутом атамане бурлак в худой одежде, конечно, был он, самозванец».

Мулла (он же писарь) Забир догнал Пугачева на дороге в Чаганский форпост. Его отряд, выросший уже до 200 человек, направлялся туда 18 сентября после ночевки на реке Кушуме. Забир поднес ему подарки Нуралы-хана:

— Киргиз-кайсацкий хан, — переводил его слова Идыр, — приказал вам кланяться и прислал вам подарки.

— Что ты за человек и зачем прислан?

— Я мулла и прислан поклониться и Вас посмотреть, потому что я бываю в Москве и Петербурге и государя видел.

— Узнаешь ли меня?

— Как не узнать! Я узнал, что ты государь. Нуралы-хан приказал Ваше величество просить, чтобы Вы написали к нему письмо.

Ответ написал Балтай, приемный сын Идыра, «в такой же силе, как и первое к нему (хану. — В. Б.) было послано»:

«Я, ваш всемилостивейший государь, купно и всех моих подданных и прочая и прочая Петр Федорович.

Сие мое именное повеление киргиз-кайсацкому Нуралы-хану для отнятия о состоянии моем сомнения. Сегодня пришлите ко мне одного Вашего сына солтаыа со ста человеками в доказательство верности Вашей с посланными с сим от нашего величества к Вашему

степенству ближними нашими Уразом Лмановым с товарищи. Император Петр Федорович».

Однако и письмо, и посещение Забира «сомнения» Нуралы-хана не развеяли, и он от помощи Пугачеву уклонился. Аманова, поехавшего к хану с письмом, задержали казаки из отряда старшины Ивана Акутина, который шел на помощь сержанту Долгополову. От Уразгильды старшина узнал о местонахождении и численности пугачевского отряда:

— Где стоит самозванец? Сколько при нем людей и кто они?

— Государь, — ответил Уразгильды, не принявший старшинского «самозванец», — находится между Кош-Яицкого и Чаганского форпостов, и при нем яицких казаков человек триста. Они хотят идти прямо в городок.

Акутин, получив эти сведения, тоже преувеличенные раза в полтора, поспешно отступил в городок. Комендант Симонов, имевший более тысячи солдат и казаков, не осмелился выйти из городка навстречу Пугачеву — он хорошо понимал, что яицкие жители на стороне самозванного «государя».

К Пугачеву по пути к городку присоединялись казаки с форпостов и зимовий. Он «всем пристававшим к нему приказывал, чтобы никто не отставал, и страшал смертью, если кто отстанет или уйдет». Предводитель, как видно, вел себя очень строго и требовательно, да и сан «государя» к тому подвигал.

На дороге к ним попал в плен сержант Дмитрий Кальминский, посланный Симоновым по форпостам сообщить о Пугачеве. Схватившие подвели его к Пугачеву.

— Ты откуда?

— Из Яицкого городка. Послан от коменданта до Астрахани курьером.

— Есть у тебя бумаги?

— Бумаг нет, еду я по форпостам сказать караульным, чтобы стояли осторожно, потому что орда (казахская или киргиз-кайсацкая. — В. Б.) пришла к Яику.

— Если за этим послан, то поезжай.

Кальминский отправился в путь, но отъехал недалеко, как вмешался один подводчик:

— Этот сержант государя-то обманул: он везет указы во все места, чтобы государя ловить. В указах называют его не государем, а донским казаком Пугачевым.

Казак Яким Давилин задержал Кальминского, и тот снова оказался перед Пугачевым. Отобранные у него пакеты распечатал и прочитал Иван Почиталин. В них начальникам форпостов давался приказ ловить донского казака, присвоившего имя императора.

— Зачем Пугачева ловить? — Емельян спокойно приказал разорвать и бросить бумаги. — Пугачев сам идет в городок. И если я Пугачев, как они меня называют, так пусть возьмут и свяжут. А если я государь, так с честью примут в город.

Затем повернулся к сержанту:

— Для чего ты обманул меня и не сказал правды? Приготовьте-ка виселицу!

— Виноват пред Вашим величеством! — Дмитрий упал в ноги. — Я вину свою заслужу вам!

— Добро, господа казацкое войско, — вроде бы согласился вначале Пугачев, но решил по-своему. — Я его прощаю. Пусть вам и мне служить станет. И отдам его под команду Ивана Почиталина.

Так Пугачев принял к себе на службу первого дворянина, который, как он узнал, «писать умеет» — потому и определил его в помощники, писари к своему секретарю.

Подшли к Сластиным хуторам братьев Мясниковых. Здесь захватили другого пленного — казака Алексея Скворкина, старшинской партии соглядатая, зятя бывшего войскового атамана Тамбовцева. О чем тут же доложили Емельяну:

— Этот казак послан из городка шпионом — разведать о Вашем величестве.

— Зачем ты здесь по хуторам, — спросил его Пугачев, — позади моего войска едешь? Откуда ты послан?

— Я послан от старшины Мартемьяна Бородина из городка проведать о вас: где идете, сколько у вас силы, чего ради стороною мимо вашей команды и пробирался с тем известием, что вы идете в городок.

— Ты человек молодой, тебе бы надо служить, а ты поехал против меня шпионничать!

Вмешались в разговор казаки Давилин и Дубов:

— Надежа-государь! Прикажи его, злодея, повесить! Отец его делал нам великие обиды, да и он даром что молод, по так же, как и отец, нас смертельно обижал.

— Подлинно он, батюшка, плут! — поддержали другие казаки. — Прикажи его повесить! Таковский!

— Если он такой худой человек, так повесьте его!

Скворкина повесили тут же у хуторов. Здесь же объявился долго прятавшийся Тимофей Мясников. Пугачев обрадовался, спросил его:

— Что делается в городке?

— Я, батюшка, сам едва-едва уполз и не знаю, что теперь там делается.

— Однако же, — решил Пугачев, — пойдем к городку! Вечером того же дня Пугачев занял Бударинский

форпост и вскоре подошел к Яицкому городку. У Чаганского моста стояли пехотная команда секунд-майора Наумова и казачий отряд того же Акутина. Обе стороны не решались перейти к действиям. Обсудив ситуацию, Пугачев приказал Почиталину прочесть указ, который его сотоварищи уже слышали. Тот быстро исполнил распоряжение «императора».

Пугачев приказал Петру Быкову отвезти указ Акутину и убедить казаков из его команды перейти к нему, добавил в конце:

— Если же они во мне сомневаются и за точного государя не признают, то приняли бы меня с тем, чтоб отвезти в Петербург и спасти мою жизнь.

Быков поскакал к мосту, держа манифест над головой. Подъехал к Акутину:

— Вот вам указ от государя, прочтите его всея!

— У нас есть государыня, а государя Петра Федоровича пет давно на свете!

Посланец вернулся, а бумагу старшина передал капитану Андрею Прохоровичу Крылову, отцу будущего баснописца. Но казаки, подчиненные ему, потребовали, чтобы прочитали указ. Старшина отказался, и тогда человек пятьдесят, среди них Яков Почиталин, отец пугачевского секретаря, Андрей Афанасьевич Овчинников, Дмитрий Сергеевич Лысов, Кузьма Иванович Фофанов, зашумели, возмущенные, и ускакали к Пугачеву, как и было договорено между ними заранее. Многие упали перед ним на колени, Яков же подошел к нему и поцеловал руку.

— Ты что за человек?

— Я, батюшка, отец Иванушки, писаря, который при Вашем величестве.

— Иван, это твой отец?

— Точно так.

— Ну, старик, коли хочешь мне служить верой и правдой, то садись на лошадь и ступай со мною!

Овчинникова и Лысова он спросил:

— Что думают обо мне остальные казаки?

— Почти все желают служить тебе! Но манифеста твоего не читали, хотя казаки сильно того просили!

Отряд восставших двинулся к мосту. Акутин отступил к пехоте.

— Пропало теперь, — капитан Крылов обратился к оставшимся казакам, — все Яицкое войско!

Казаки сказали Пугачеву, что на мосту приготовлены против них пушки, и он решил идти не к городку, а вверх по Яику-реке:

— С голыми руками не сунешься на пушки, а у нас их нет. Чем терять напрасно людей, пойдем теперь вверх. Авось либо завтра одумаются и, когда подъедем, примут.

Отряд Пугачева пошел вверх по Чагану. Искали брод. Майор Наумов, чтобы этому помешать, выслал отряд казаков в 100 человек во главе со старшиной Андреем Ивановичем Витошновым; в нем был и Шигаев, которого выделили для того, чтобы он увещевал казаков — сторонников самозванца. Пугачев ждал и, когда отряд Витошнова подошел ближе, быстро

скомандовал, и он оказался окруженным со всех сторон. Казаки войсковой стороны тут же перешли к пугачевцам, а немногих из послушной стороны, 11 человек, последние просили наказать. Пугачев отложил решение их судьбы:

— Держите их до завтра под караулом, а завтра будет резолюция.

Пугачев узнал, что среди захваченных казаков старшинской партии находится Витошнов, не раз бывавший в Петербурге и видевший Петра III. Его привели к «императору»:

— Знаешь ли ты меня?

— Видал еще маленьким, — уклончиво ответил хитрый Витошнов, спасая свою жизнь.

— Вот спросите, — довольный Пугачев бросил взгляд на своих сторонников, — он меня знает.

Расположились на ночлег на другой стороне Чагана. Наумов отступил, приказав уничтожить мост, в Яицкий городок. Непослушные волновались, поодиночке тайно убегали к Пугачеву. Предпринять что-либо открыто опасались — Симонов угрожал, что если в городке произойдет замешательство, то он прикажет поджечь его со всех сторон, а с их женами и детьми поступит как с «сущими злодеями».

В лагере восставших к утру 19 сентября насчитывалось уже до 500 человек, но не было ни одной пушки. У Симонова же они имелись, и немало. Да и людей он имел вдвое больше. Пугачев даже опасался вылазки из городка, погони. Но комендант, растерянный и нерешительный, окруженный всеобщим недовольством и ненавистью большинства жителей городка, опасался выйти из него на бой с самозванным «государем».

Утро третьего дня восстания началось с решения судьбы пленных. К Пугачеву снова приступили его сподвижники:

— Что, Ваше величество, прикажете с ними делать?

— Надобно их уверить и привести к присяге.

— Мы им не верим!

— Мы знаем, кого можно простить и кого повесить. Тут есть великие злодеи.

Предводитель согласился, и тут же одиннадцать человек казнили. Помиловали только Витоншова (помог ему удачный ответ на вопрос «императора»!) и Григория Семеновича Бородина, племянника бывшего атамана. Затем Д.Н. Кальминский по приказу Пугачева написал новый манифест — «еще в войско Яицкое указ». В нем он требовал, чтобы оно встречало его, «яко великого государя». Подписал указ Почиталин, в городок с ним поехал казак Алексей Борянов, но не вернулся.

Пугачевцы подошли к Яицкому городку. Оттуда раздались выстрелы из пушек. Пугачев снова отказался штурмовать город, сильно защищенный:

— Что, други мои, вас терять напрасно?! Видно, они мне не рады. Так пойдем мимо, туда, где нас примут.

— Пойдем, Ваше величество, — отвечали казаки, — по линии до Илецкой станицы!

— А есть ли там форпосты и на них пушки?

— Есть!

— Ну, так пойдем!

Вверх по Яику рекомендовали направиться Овчинников, Витошнов, Шигаев, Лысов. Не слезая с лошадей, двинулись на северо-восток от города. От него до Оренбурга считалось 300 верст, и здесь, вдоль реки, находились два городка, одна слобода, четыре крепости, два хутора, девять форпостов и редутов. Там, где имелся лес, ставили бревенчатые стены или срубы, где не было — форпосты и крепости огораживали плетнями и земляными валами. На форпостах стояли одна-две пушки, каланчи⁸, маяки. Имелись гарнизоны из казаков и солдат.

Отряд прошел верст 20, остановился у озера Белые Берега на отдых. К тому времени он уже взял Гниловский форпост, из которого казаки вместе с пушкой перешли к Пугачеву. Он

---

⁸ Каланча — наблюдательная вышка.

приказал собрать круг, по древнему обычаю. Казаки избрали командиров: Овчинникова — атаманом, Лысова (Сергеева) — полковником, Витошно-ва — есаулом, Кочуровэ и других — сотниками и хорунжими. Все они пошли к «императору», целовали ему руку. Когда церемония закончилась, он вызвал к себе Кальки некого:

— Умеешь ли ты написать присягу?

— Умею.

— Так поди же напиши.

Сержант написал текст, вручил Пугачеву. Тот приказал Почиталину прочитать вслух всем казакам в круге. Она гласила:

— Я, нижеименованный, обещаюсь и клянусь всемогущим богом, перед святым его Евангелием, что хочу и должен всепресветлейшему, державнейшему, великому государю императору Петру Федоровичу служить и во всем повиноваться, не щадя живота своего, до последней капли крови, в чем да поможет мне господь бог всемогущий.

— Готовы тебе, надежа-государь, — кричали казаки, — служить верою и правдою!

— Куда же мы пойдем? — спросил Пугачев своих сподвижников.

— Пойдем мы отсюда, — отвечал новый войсковой атаман Овчинников, — через все форпосты нашего Яицкого войска, как всем нам согласны, и заберем их с собою (то есть форпостных казаков. — *В. Б.*). А, не доходя до Илецкого городка, я поеду туда один и наведу, примут ли вас илецкие казаки.

— Как не принять! — вступил Лысов.

Отряд продолжил свой путь, заняв форпосты Рубежный, Генварцовский, Кирсановский, Иртекский. Все казаки с них пополнили ряды приверженцев «императора», привезли в его лагерь три пушки и боевые заряды. Заночевали верстах в 50 от хутора бывшего войскового атамана Андрея Бородина, к которому Пугачев послал казака Дмитрия Дубова с приказом встретить его как государя, с почестями. Тот обещал, но, как только посланец скрылся из глаз, поскакал в Оренбург, по пути предупредив илецкого атамана Лазаря Портнова.

На следующий день, 20 сентября, пугачевцы, снова без всякого сопротивления, захватили несколько форпостов — Кондуровский, Студеный, Мухранов. К вечеру подошли к Илецкому городку, у впадения реки Илек в Яик. Он стоял на левом, высоком, берегу Яика, его окружала четырехугольная деревянная стена, на батареях стояли 12 пушек. В городке имелось до 300 домов, гарнизон состоял из 300 казаков. Портнов, извещенный Симоновым и Бородиным, накануне приготовился к защите — велел разобрать мост, привел казаков к присяге. Они дали обещание, но думали свое. Еще в круге, когда им читали приказ Симонова, казак Потап Дмитриев говорил товарищам:

— Что вы это слушаете? Какой он Пугачев! Он, сказывают, точный государь. Он скоро сюда будет с яицкими казаками. Как тут станешь противиться!

А день спустя Афанасий Новиковский, другой казак, побывавший в Яицком городке, еще больше подлил масла в огонь:

— Нам, братцы, открывается свет! Сказывали, что государь Петр Федорович умер, а он жив и идет к нам на Илек! Я сам его видел, и он пожаловал мне лошадь!

Он уговаривал казаков не противиться государю, встретить его хлебом-солью. Те волновались, по пребывали еще в нерешительности. Но вот в городке появился Овчинников со свитой и указом «императора».

Казаки поспешили к нему навстречу. Прочитали указ:

— От великого государя императора Петра Федоровича всероссийского и прочая, и прочая, и прочая.

Сим моим именным указом Илецкой станицы атаману Лазарю Портнову, старшинам и казакам повелеваю: как вы служили мне и предкам моим до сего времени, так и ныне, верные мои рабы, мне послужите верно и неизменно и докажите мне свою верноподданническую ревность тем, что, во-первых, ожидайте меня, великого государя, к себе с истинною верноподданническою радостью и из городка навстречу мне с оружием

своим выдьте и в доказательство своей мне верноподданнической верности положите оружие свое пред знаменами моими. Почему и приму я вас с великою честью и удостою службы мне, которую ежели так будете продолжать, как присяжный долг требует, и так, как мне приятно может быть, то столько награждены будете, сколько заслуги ваши достойны.

Далее следовали обещания выгод — жалованья, провианта, свинца, пороха («чего вы ни пожелаете»), «и слава ваша не истечет до веку». Тот, кто не послушает «повеление», «тот вскоре почувствует, сколь жестоки приготовлены муки изменникам моим». Атамана, старшин, казаков, которые «попрепятствуют», повелевалось приводить к «государю» («пред меня»), «за что награжден тот, кто приведет их, будет».

После заказа илецкие сидельцы, окружившие Овчинникова и его спутников, слушали теперь его самого. Атаман восставших горячо убеждал их:

— Государь с великою силой идет к Илеку и, остановившись всего в семи верстах отсюда, послал меня к вам сказать, чтобы вы встретили его с хлебом и солью. Это — истинный государь. И смотрите, атаманы-молодцы, не дурачьтесь, а встретьте его с подобающею честью! Ежели же вы хотя мало воспротивитесь, то государь приказал вам сказать, что вас он станет вешать, а ваш город выжжет и вырубит.

Казаки, собравшись в круг, долго шумели, спорили, не знали, на что решиться. Рассуждали и так и этак, одни кричали одно, другие — иное:

— Если его не встретьте, то он нас перевешает!

— А буде встретим, то чтобы потом не было хлопот каких!

Большинство решило принять «императора» с честью. Овчинников с этим известием отправился к Пугачеву. Илецкий атаман хотел было уехать из городка, но за ним уже следили, и он вынужден был остаться. К утру 21 сентября казаки уже исправили мост и во главе с духовенством, с крестами и образами, хлебом-солью и знаменами вышли навстречу Пугачеву. Овчинников тут же поскакал в город и арестовал Портнова. «Император» тем временем приближался к шествию. Медленно слез с лошади, подошел, поцеловал крест. Священники прикладывались к его руке, казаки преклонили к земле знамена. Момент был торжественный, праздничный, «государь» обратился к новым «верноподданным»:

— Я подлинный государь, служите мне верою и правдой! За верную службу я буду награждать, а за неверную казнить смертью!

Он принял хлеб-соль, сказал ласковые слова илецким жителям и пешком, под колокольный звон, прошел в церковь. Духовенство шло за ним. Приказал отслужить молебен, причем на эктениях⁹ имя Петра Федоровича велел упоминать, а Екатерины Алексеевны запретил:

— Когда бог донесет меня в Петербург, то зашлю ее в монастырь. Пускай за грехи свои богу молится. А у бояр села и деревни отберу и буду жаловать их деньгами. А которыми я лишен престола, тех безо всякой пощады перевешаю! Сын мой человек молодой, так он меня и не знает. Дай бог, чтоб я мог дойти до Петербурга и сына своего увидел здоровым!

Высказывая, и не раз, подобные мысли, Пугачев не только разыгрывал, причем очень ловко и «проворно», роль заботливого родителя и строгого супруга, обиженного императрицей и ее присными, не только снова и снова старался убедить окружающих, что он император «истинный», хотя и строгий (таким и должен быть император!). Нет, находясь среди таких же, как и он сам, простых людей, задавленных жизненными невзгодами, обстоятельствами, Пугачев показывал всем им, что если с их помощью возьмет верх над боярами, всеми обидчиками, то устроит другие, лучшие порядки — даст им свободу, волю, уничтожит неправду, пожалует их всеми благами, о которых они мечтают (земля, вода, сенокосы, жалованье, провиант, свобода вероисповедания и прочее). Что касается бояр, то, как он объявил в Илеке, хотел отобрать у них села и деревни, то есть имения, лишить их тем самым права владеть крепостными крестьянами, эксплуатировать их. Тем самым крестьяне,

---

⁹ *Эктения* — молитвенное прошение, обращение к богу, возглашаемое дьяконом и священником.

по его мысли, это очевидно, должны стать собственниками земли. Правда, он тогда думал «жаловать их деньгами», то есть давать дворянам жалованье за службу. Но это было тогда, в сентябре, позже он свои намерения изменит...

...Молебен закончился. Началась присяга «императору». Первым это сделал священник, затем он стал приводить к присяге своих прихожан — казаков. Когда все присягнули, Пугачев вышел из церкви. Обратился к народу, обещал ему избавить всех от «утеснений и бедностей», приказал по случаю радости открыть питейный дом для желающих. Сам же направился в дом казака Ивана Творогова, приготовленный для него Овчинниковым. Шел под орудийные и ружейные выстрелы — казаки чествовали своего «царя-батюшку». Вспомнил и спросил Овчинникова:

— А где здешний атаман Лазарь Портнов?

— Я его арестовал.

— За что?

— Ваше величество приказали, чтобы посланный от Вас манифест он прочел казакам. А он читать его не стал и положил в карман. Он же приказал разломать через Яик мост и вырубить два звена, чтоб Вам с войском перейти было нельзя. А напоследок хотел бежать.

Несколько яицких казаков добавили к этому, что атаман сильно и постоянно их притеснял, разорил вконец.

— Коли он такой обидчик, — решил Пугачев, — то прикажи его повесить.

Приказание исполнили немедленно. «Император» два дня жил у Творогова, который на правах радушного хозяина угощал его чем только мог. Пугачев остался доволен:

— Будь же ты у меня полковником и командиром над илецкими казаками.

Так и решил казачий круг. На нем же Федора Чумакова избрали начальником артиллерии, Максима Горшкова — секретарем. К четырем годным пушкам приделали лафеты, как приказал Пугачев. Выйдя из городка, он забрал с собой казну, порох, свинец, ядра.

Следующей на пути пугачевского войска, которое увеличилось до 700 человек, стояла крепость Рассыпная. Ее охраняли 50 оренбургских казаков и гарнизонная рота во главе с комендантом майором Ведовским. Но на помощь ему из Нижне-Озерной крепости уже спешил новый отряд — солдатская рота капитана Сурина и сотня казаков. Но Пугачев оказался проворнее — 24 сентября его посланец появился в крепости с новым манифестом, в котором обитателям, как до этого жителям других мест, призывалось быть верными и послушными, стремиться к «государю» с радостью и «детскою ко мне, государю вашему и отцу, любовью». Обещались те же блага, что ранее другим (новое здесь — «чинами и честью, а вольность навеки получают»), и «праведный гнев противникам моим».

Веловский манифест не принял и приказал открыть огонь из ружей. Восставшие 25 сентября, сломав ворота, ворвались в крепость. Комендант с несколькими офицерами и солдатами отстреливался из окон своего дома. Его взяли штурмом, выломав перед тем дверь. Веловского, нескольких других офицеров и священника тут же повесили. Крепостных солдат зачислили в казаки. Повстанцам достались три чугунные пушки, пять бочонков пороху, ядра.

На следующий день направились к Нижне-Озерной (Столбовой). Встретив отряд капитана Сурина, разгромили его, командир разделил участь офицеров Рассыпной крепости. Подошли к крепости поздно вечером. Здесь было с 50 оренбургских казаков, небольшое число солдат и драгун. При подходе пугачевцев казаки ночью перебежали к ним. Комендант майор Харлов за недостатком защитников сам стрелял из пушек. Но гарнизон бодрым назвать было невозможно — его подчиненные со страхом ожидали восставших. Те утром 26 сентября подошли к крепости. Комендант с зажженным фитилем бегал от пушки к пушке. Стрельба продолжалась около двух часов, но пугачевцам никакого вреда не причинила. Она разбили ворота, и в последовавшей затем схватке погибли комендант, несколько офицеров, до десятка солдат. Оставшихся в живых солдат, как и других, поверстали в казаки. Годные пушки, пять бочек пороха, ядра забрали с собой.

Войско Пугачева направилось к Татищевой крепости, более крепкой и защищенной, чем большинство тех, которыми повстанцы уже овладели. Крепость лежала недалеко, в 64 верстах от Оренбурга — центра обширного края, юго-восточных пределов Европейской России. Губернатор Рейнсдорп не знал об успешных действиях Пугачева до 21 сентября. В этот день прискакал илецкий казак и принес весть о падении его родного города. Хотя губернатор посчитал известие «невероятным», но меры принял — сразу же направил «увещание» яицким и илецким казакам. Но в Илецкий городок оно не попало — там уже находились восставшие. В Яицком же городке несколько дней спустя письмо Рейнсдорпа читали вслух всем казакам, но лишь немногие показали «явное к известному самозванцу отвращение»; другие же казаки, а их было большинство, «расходились молча, с видом якобы некоторого уныния или задумчивости».

Оренбургский обер-комендант генерал-майор Валленштерн по тайному приказу губернатора возвращал солдат и офицеров из отлучек, готовился к обороне города. Рейнсдорп же, скрывая от всех истинное положение дел, не желая вызывать паники в Оренбурге и неудовольствия в Москве и Петербурге, не показывал свое беспокойство. Более того, 22 сентября устроил бал по случаю дня коронации императрицы. В течение нескольких дней он получил донесения от комендантов — яицкого Симонова, татищевского Елагина, письма от Нуралы, не поверившего в «истинность» Пугачева-«императора» и предлагавшего помощь в его поимке. Губернатор ответил: «Бывший император Петр III, как всему свету известно, в С.-Петербурге скончался, и тело, в засвидетельствование кончины его, нарочно дней с семь в парадном месте лежало, которое я сам видел и руку его целовать удостоился. А тот, который в войске Яицком проявился, плут и злодей, беглый донской казак именем Емельян Пугачев, коего указом ея императорского величества сыскивать и поймать велено».

Против Пугачева из Оренбурга направили отряд бригадира барона Билова — 410 человек (200 солдат, 150 оренбургских казаков, 60 ставропольских калмыков), 6 орудий. За Пугачева, приведенного живым, Рейнсдорп обещал вознаграждение — 500 рублей, за мертвого — 250 рублей. Биллов мог брать по пути в форпостах нужных ему людей. Задача его состояла в том, чтобы идти к Илецкому городку, догнать и разбить «злодейскую толпу». Приняли и другие меры — на помощь Биллову должны были выделить отряды Симонова (во главе с майором Наумовым), ставропольских калмыков (500 человек, командир — майор Семенов). В Оренбург приказывалось прислать 500 башкир во главе с Мендеем Тупеевым и 300 сеитовских татар походного старшины Ахмера Аблязова.

Биллов вышел из Оренбурга 24 сентября и к ночи следующего дня пришел в Татищеву крепость. Наутро двинулся к Нижне-Озерной, но, пройдя 18 верст, получил рапорт от Харлова с известием о разгроме мятежниками отряда Сурина и просьбой о помощи. Но бригадир, узнав о приближении Пугачева к Нижне-Озерной, действовал по принципу: своя рубашка ближе к телу. Харлову же рекомендовал спастись так, как сможет, что ему, как нам уже известно, не удалось. Бригадир в нерешительности стоял в поле. Тут и узнал о падении Нижне-Озерной. Испуганный командир, которому сказали, что у Пугачева 3 тысячи человек, приказал оренбургскому казачьему сотнику Падурову «сделать из обоза осаду», опасаясь внезапного нападения. Стояли до полуночи, без сна, а лошади — без корма. Посоветовавшись с офицерами, бригадир приказал идти в Татищеву.

Татищева крепость, построенная неправильным четырехугольником на возвышенности, недалеко от впадения в Яик реки Камыш-Самары, обнесенная бревенчатой стелой, рогатками¹⁰, имела по углам батареи. С приходом Билова гарнизон ее увеличился до одной тысячи человек при 13 пушках. В ней находились денежная казна, склады амуниции и других припасов. Сильная крепость считалась опорным пунктом этой части Яицкой линии, служила связующим звеном между Оренбургом, Яицким городком и его крепостями и

---

¹⁰ *Рогатка* — оборонительное ограждение в виде продольного бруса на крестообразных стойках или в виде скрещенных и соединенных между собой кольев.

форпостами и Самарской линией крепостей, начинавшихся верстах в 30 к северу от Татищевой и тянувшихся цепочкой по реке Самаре на северо-запад, к городу того же наименования.

Пугачев подошел сюда утром 27 сентября. Накануне ночью из крепости ушли калмыки. Комендант крепости полковник Елагин предложил Билову выйти в поле и биться с мятежниками, но тот отказался. Тогда комендант выслал из крепости отряд в 50 солдат и казаков с одним орудием. Но его тут же разгромили пугачевцы, лишь четверо солдат успели увезти в крепость пушку. Шесть казаков из лагеря «государя» подъехали к крепости и потребовали выслать к ним кого-либо для переговоров. Билов велел сотнику Падурову послать человек десять своих подчиненных. Переговоры ни к чему не привели. Но как только бригадир приказал, чтобы попугать пугачевцев, выехать в поле всем оренбургским казакам, те во главе с Тимофеем Ивановичем Падуровым перешли на их сторону. Силы гарнизона таяли. Но он еще держался, обстреливал восставших из орудий.

Пугачев разделил свое войско на две части. Во главе одной из них бросился на штурм с верховой стороны реки, а Витошнов с другой частью — с низовой ее стороны. Но атаку отбили. Тогда Пугачев, увидев стога сена около крепостной стены, приказал их зажечь. Ветер дул на крепость. Начался пожар — со стогов перебросился на сараи, крепостную ограду, потом — на дома внутри крепости. Жителей охватила паника, осажденные бросились спасать семьи и имущество. Пугачевцы же через ограду и рогатки перелезали в крепость и скоро захватили ее. Оба командира — Елагин и Билов — были убиты. Солдаты побросали ружья. Их, числом до 300 человек, вывели в поле.

Пугачев в это время объезжал взятую крепость, приказал потушить пожар. По его же указанию сняли годные пушки, забрали порох. Перед ним бежали яицкие казаки и кричали:

— Становитесь на колени!

— Государь едет!

Солдаты опустили на колени. К ним подъехал человек в казачьем красном кафтане, обшитом галунами, смотрел грозно:

— Что вы наделали? Разве вы меня не знаете? Ведь я ваш император Петр III! Станете ли вы мне служить верою и правдой?

— Станем, Ваше величество!

— Если так, то бог вас простит! И я, великий государь, вас прощаю! Ступайте за мною!

Отошли с полверсты от крепости, остановились на лугу. Пугачев приказал позвать своего секретаря и священника. Иван Почиталин и поп Симеон явились. Первый прочитал текст присяги, второй — с крестом и Евангелием — приводил к присяге солдат; им тут же остригли волосы по-казацки, звать стали государевыми казаками.

Взятие Татищевой крепости усилило войско Пугачева. В его руки попали хорошие пушки, немалая казна, большой склад с амуницией, провиантом, солью. Его войско, сильно увеличившееся, отдыхало здесь три дня.

Встал вопрос: куда идти дальше? На Казань по Самарской линии и далее по Волге? Или к Оренбургу? Второй вариант победил — яицкие казаки, игравшие на первоначальной стадии движения, ведущую роль, видели в Оренбурге главный центр, откуда исходили притеснения и обиды. К тому же отсюда в случае поражения легко было скрыться — в казахские степи, Среднюю Азию или куда-нибудь еще дальше, в Персию или Турцию, о чем ранее не раз говорили и сами казаки, доведенные до отчаяния, и Пугачев.

30 сентября, овладев Чернореченской крепостью, Пугачев стоял уже в 28 верстах от Оренбурга. К этому времени на его сторону перешли 500 башкир, предназначенных губернатором для защиты Оренбурга, а 300 сеитовских татар ушли из города в свою слободу (Сеитовская или Каргалы), жители которой просили Пугачева прибыть к ним. Он так и сделал, не решившись идти ни на Казань, ни (сейчас, немедленно) на Оренбург.

Оба города были плохо подготовлены к обороне, имели мало войск (шла война, и многие части со всей империи стянули на театр военных действий). Восставшие, вероятно, могли бы с ходу взять Оренбург, но их предводитель имел неправильную информацию о

степени его готовности к отпору. Один его посланец, Семен Демидов, из ссыльных, попросту обманул его: испугавшись опасности, он побоялся пробраться в город и, вернувшись в лагерь, сообщил Пугачеву, что якобы был в нем, что оренбуржцы не хотят «принять государя». Другой посланец, отставной сержант Иван Костицын, наоборот, смело проник в город, говорил с жителями, но его арестовали.

Конечно, можно говорить о просчете Пугачева и его сподвижников — они могли бы действовать иначе, решительнее и дальновиднее в данном случае (как и в ряде других), направить шедшие за ними массы людей, причем еще быстрее и энергичнее, и на Оренбург, и на Казань, причинить властям еще больше хлопот, внести большее замешательство в ряды врага и достичь большего. Все это так. Но нужно хорошо представить себе людей, которые в те дни, можно сказать, делали, сами того не сознавая, огромной исторической важности дело, и обстановку, в которой они действовали. Прошло всего две недели с начала восстания, события происходили одно за другим с быстротой калейдоскопической — восставшие, сначала небольшая горсточка людей, быстро увеличиваясь численно, брали форпосты и крепости, впрочем, плохо, как правило, укрепленные, с небольшими гарнизонами, большая часть которых им сочувствовала и при первом подходящем случае переходила на их сторону. Войско повстанцев росло, как снежный ком в сырую зимнюю погоду. Это были, с одной стороны, самые разные по положению, происхождению, национальности люди; с другой — всех их объединяла привязанность к своему месту жительства, к яицким местам, Оренбургскому краю. Они хотели быстро решить свои наболевшие вопросы — расправиться с командирами и старшинами, чиновниками и попами, которые досаждали им, причем жестоко и долгие годы, здесь, в этих городках и форпостах, в этом проклятом Оренбурге, откуда исходило изо дня в день насилие и несправедливость, посылались команды, убивавшие, насилувавшие, грабившие их, как это было хотя бы год с лишним назад, после январского восстания на Яике, когда Фрейман, генерал-вешатель и каратель, неистовствовал по всей линии, прежде всего в центре войска Яицкого.

Эта локальная ограниченность кругозора повстанцев свойственна им везде и всюду в феодальные времена, будь то на заре средневековья или на закате крепостнического строя, на востоке или западе Европы; это общее явление, характерное для всех крестьянских движений, массовых гражданских войн, каковой и являлось начавшееся в сентябре 1773 года движение.

Другое, о чем тоже следует помнить, — стихийность подобных восстаний, несмотря на отдельные элементы, проблески организованности. Выше мы уже видели, что в ряде местных, небольших, как правило, восстаний, волнений 50 — начала 70-х годов проявлялись эти черты — созыв кругов или сходов, суймов, решение на них вопросов, касающихся управления всеми делами, в том числе выбор должностных лиц, предводителей, командиров, организация военных сил, отпора карателям и т. д. Во многом эти опыты народной власти, пусть несовершенные и кратковременные, копировали порядки или крестьянской общины, или «казацких христианских республик» (так К. Маркс называл Запорожскую Сечь, устройство которой было аналогично тому, что имело место и на Дону и Тереке, Яике и Волге). Все они, эти порядки, уходят корнями в глубокую древность и часто находили применение в годы народных восстаний со времен Киевской Руси, а в Новгороде Великом и Пскове лежали в основе вечевого республиканского строя в течение нескольких столетий, вплоть до его ликвидации в конце XV — начале XVI века. Применялись они и в ходе Пугачевского восстания, тем более что застрельщиками, организаторами его на первых порах стали яицкие казаки. А ведь они представляли собой внушительную военную силу, хотя и иррегулярную, имели прекрасные боевые навыки и традиции, вносили все это в ряды восставших. Но в сравнении с крепко организованными, хорошо обученными, дисциплинированными царскими полками даже эти казачьи сотни и полки, не говоря уже о нестройной и необученной, темной массе других людей, встававших под знамена восстания (а они по числу довольно быстро и намного опередят яицких и прочих казаков), одним словом, все они выглядели несравнимо хуже, хотя и воодушевлены были идеями борьбы за

правое дело, с насилием и произволом.

Стихийность, плохая организованность и сознательность постоянно подвели повстанцев, мешали осуществлению их планов, не очень ясных, расплывчатых, смутных в том, что касалось стратегии и тактики восстания. Всего ясней были непосредственные задачи — уничтожение или устранение плохих начальников, командиров, чиновников, помещиков (дойдет дело и до них!), бояр (вельмож), выбор новых руководителей, устранение несправедливостей, устройство свободной и вольной жизни. Но что будет дальше? Этого четко себе никто, пожалуй, не представлял. Понятно, «император», то бишь Пугачев, сядет на престол, точнее, «вернет» его, затем яицких казаков во всем «удовольствует», другим даст всякие блага — в первую очередь землю крестьянам, освободит их от крепостной неволи, а дворян пожалует (так он пока считает) жалованьем. А они, в том числе и бояре, как и все прочие, будут служить ему как верноподданные, с верностью и «детскою радостью». Получается, что-то вроде большой, на всю страну, «казацкой христианской республики» во главе с «государем», но своим, близким, хорошим и добрым. Нет ничего проще и яснее! Так, вероятно, думали и Пугачев, который к тому же, несомненно, тешил свою честолюбивую и беспокойную натуру, принимая знаки почтения и поклонения, мечтая получать их еще больше в будущем, и все окружавшие его — ведь должно же все устроиться по божьей правде, по христианскому уставу, как в Евангелии написано, по справедливости и милостивому рассуждению. А пока можно порадоваться успехам, попиловать на славу, что они и делали три дня в Татищевой крепости, торжествуя и отмечая очередную, да такую славную викторию!

Враг же, а главным и ближайшим для них был тот, кто сидел в Оренбурге, не дремал. Рейнсдорп 28 сентября, день спустя после падения Татищевой, созвал совет. Собрались обер-комендант генерал-майор Валленштерн, войсковой атаман оренбургских казаков Могутов, действительный статский советник Старов-Милюков, коллежские советники Мясоедов и Тимашев, директор пограничной таможни Обухов. Решили подалее удалить конфедератов¹¹ — поляков, участников освободительного движения в Польше, разрушить мосты через Сакмару — северный приток Яика, привести в порядок артиллерию и укрепления, особенно в слабых, обветшавших местах, расставить людей, где нужно: кого для военного отпора, кого для тушения пожаров.

По приглашению каргалинских татар Пугачев 1 октября прибыл в их слободу. Богатые жители загодя бежали в Оренбург. Большинство же приняло его «с честью» — на большой площади расстелили ковер, на нем стояло кресло, которое сошло за императорский престол. Два татарина, как только он сошел с лошади, подхватили его под руки. Все лежали ниц, сняв шапки.

— Вставайте, детушки! — обратился он к ним ласково. — Где у вас люди хорошие?

— В Оренбург все забраны!

Пугачев протягивал руку, и все прикладывались к ней. Первой его заботой по-прежнему оставалось увеличение рядов восставших. Он и в Сеитовскую слободу затем приехал — почти все местные татары влились в его войско. Отсюда в тот же день поскакал его гонец, каргалинский же татарин, в Башкирию с указом, написанным стилем цветистым, восточным:

«Я во свете всему войску и народам учрежденный великий государь, явившийся из тайного места, прощающий народ и животных в винах, делатель благодеяний, сладоязычный, милостливый, мягкосердечный российский царь император Петр Федорович, во всем свете вольный, и усердии чист и разного звания народов содержатель и прочая, и прочая».

Далее столь же пространно, витиевато жителям Башкирии манифест передавал

---

¹¹ *Конфедераты* — участники шляхетского союза (конфедерации), организованного в Баре на Подолии (1768—1772 гг.), который выступал против русского правительства и короля Станислава Понятовского.

«поздравления» от «императора», «как гостинец», повелевал им идти к нему «для похода»: «Мне, вольному вашему государю, служба, душ ваших не пожалейте, против моего неприятеля проливать кровь, когда прикажется быть готовым, то изготовьтесь». Указом все башкиры жаловались «даже до последка землями, водами, лесами, жительствовами, травами, реками, рыбами, хлебом, пашнями, денежным жалованьем, свинцом и порохом, как вы желали, пожаловал по жизнь вашу. И пребывайте так, как степные звери в благодеяниях и продерзостях; всех вас, пребывающих на свете освобождаю и даю золу детям вашим и внучатам вечно».

Подобный манифест, пункты, в нем обозначенные, отвечали самым сокровенным желаниям и чаяниям башкирского и всех народов, обитавших в Приуралье, на Урале, в Поволжье. Он и другие подобные указы найдут немедленный и благодарный отклик у башкир, татар и других нерусских людей тех мест. Такие же указы получили татары, калмыки, казахи и др., которых Пугачев награждал «землею, водою, солью, верою и молитвою, пажитью и денежным жалованьем». Именной указ получили «рядовые и чиновные солдаты», «регулярная команда» — их призывали не подчиняться командирам, обещали «денежное и хлебное жалованье и чины», «первые чипы... в государстве». Эти манифесты были написаны на русском, татарском, арабском, турецком (тюрки) языках. Составляли их писцы, имевшиеся у Пугачева, а развозили и распространяли многие десятки, а потом и сотни людей по обширной территории. Как потом отмечали в правительственных документах, самозванец везде «рассеивает листы свои», «поколебал» большое количество людей. Все манифесты написаны простым народным языком, доходчиво, ярко; недаром А.С. Пушкин говорил о некоторых из них, что они «удивительный образец народного красноречия». А упоминавшийся уже историк В.И. Сенецкий не менее верно отметил: «Пугачев и окружающие его люди умели в каждом из разнородных элементов населения... затронуть самую чувствительную струнку». Пугачев, пробыв один день в Сеитовской слободе, уже 2 октября вступил в Сакмарский городок, расположенный от нее к северо-востоку на той же реке Сакмаре. Сделал это все с той же целью — привлечь на свою сторону новых людей, на этот раз — местных казаков. Так и случилось, хотя в городке оставалось их немного — по приказу Рейнсдорпа большую часть перевели в Оренбург и Красногорскую крепость. Но оставшиеся все «к нему пристали» и, как сеитовские татары, были при нем «неотлучны» во время всего восстания.

На следующий день отряд Творогова, посланный Пугачевым, взял Пречистенскую крепость. Некоторые офицеры, попавшие здесь в плен (Астренев и Попой), были помилованы и даже стали атаманами у Пугачева в войске. Сержанта Плешивцева оставили в крепости «у приходу и расходу казенного провианта».

Заняв слободу, городок и крепость, Пугачев как бы отрезал Оренбург от центра России, имея возможность следить за присылкой подкреплений оттуда, из Сибири, Верхне-Яицкой линии. Рейнсдорп сознавал, насколько сложным стало положение города и его самого как губернатора. Он принимает дополнительные лихорадочные меры. В его распоряжении для обороны было примерно

3 тысячи солдат, казаков, татар, городских обывателей, 70 орудий. Губернатор приказал собирать людей из крепостей и форпостов вверх по Яику и посылать в Оренбург. Но не всегда можно было это сделать. Например, калмыки самовольно покидали форпосты. О появлении Пугачева, его действиях Рейнсдорп сообщил губернаторам — сибирскому Д.И. Чичерину, казанскому Я.Л. Брандту, астраханскому П.Н. Кречетникову.

В городе не хватало продовольствия. Среди жителей толковали о Пугачеве, что он не простой казак, а «другого состояния»; Петр III жив-де, куда-то скрылся из Петербурга.

По указанию Рейнсдорпа в губернской канцелярии написали воззвание. 30 сентября его читали во всех церквях после службы. Пугачева изобличали как беглого преступника, «который за его злодеяния наказан кнутом с доставлением на лице его знаков; но, чтоб он в том познан не был, для того перед предводительствуемыми им никогда шапки не снимает». Затем воззвание объявили и военным чинам, которых еще раз оозяли исполнять

«присяжную свою должность». Но оно не до конца убеждало жителей. Людей же, окружавших Пугачева, оно немало позабавило — никаких «знаков» наказания на лице его не было (имелись в виду, вероятно, вырванные ноздри или выжженные на лбу буквы, как тогда делали). Более того, как потом говорил Пугачев на допросе, «сие не только в толпе моей разврату (то есть сомнения, разногласия. — В. Б.) не причинило, но еще уверение вселяло, ибо у меня ноздри целы; и потому еще больше верили, что я государь».

Губернатор допустил еще один промах. По совету Тимашева и Мясоедова он вызвал к себе в дом ссыльнокаторжного Хлопушу (Афанасия Тимофеевича Соколова), человека трудной, сложной судьбы, перенесшего много испытаний на своем веку. Тверской крестьянин села Машковичи, вотчины тверского архиерея Митрофана, он жил в Москве, работал извозчиком. За соучастие в краже серебряных вещей его арестовали и, поскольку он назвался беглым солдатом Черниговского полка, прогнали сквозь строй через тысячу человек шесть раз. Затем отослали в военную команду. Бежал оттуда и года три жил дома. Здесь его несправедливо обвинили (он выменял лошадь, оказавшуюся краденой) и после наказания кнутом сослали в Оренбургскую губернию на жительство. Поселившись в Бердской слободе, недалеко от Оренбурга, он женился. У него появился сын. Работал много лет у Тимашева, затем на Ашкадарском руднике при Покровском медеплавильном заводе графа А.И. Шувалова. Затем снова арест (за дорожный грабёж), наказание кнутом с вырыванием ноздрей, постановлением знаков на лице, ссылка на каторжные работы в Тобольск. Бегство оттуда, поимка а Сакмаре, снова битье кнутом. Орская крепость — бегство — битье кнутом — заключение в Оренбургскую крепость в кандалах на руках и ногах. В них и привели его к Рейнсдорпу. Тот вручил ему несколько бумаг:

— Я посылаю тебя, Хлопуша, на службу. Возьми ты четыре указа и поезжай в толпу Пугачева. Один отдай яицким казакам, другой — илецким, третий — оренбургским, а четвертый — самому Пугачеву. Рассказывай всем, что он не государь; и если подберешь партию, то постарайся увести Пугачева в Оренбург.

Губернатор, прельщая каторжника свободой, хотел, как видно, быстро и легко разделаться с самозванцем. Что говорить, поймать и привезти Пугачева в Оренбург было бы эффективным концом этой «невероятной», как он вначале считал, истории. Такой хитрый ход и тем более удачный финал замешательства, начавшегося в подведомственной ему губернии, могли бы получить одобрение в столичных сферах и, может быть, самой всемилостивейшей государыни.

Рейнсдорпа радовало, что Хлопуша охотно согласился выполнить поручение — взял указы, точнее, увещательные послания оренбургского начальства — и направился к лагерю восставших. Письма, чтобы их не перепутать, разложил по разным карманам. Вышел из города ночью, направляясь в Берду. По дороге встретил знакомого кузнеца Сидора, спросил у него:

— Не знаешь ли, где стоит Пугачев?

— Он стоит на старице¹² реки Сакмары, на самом берегу. А чтобы тебе приметно было, то увидишь повешенных трех человек.

Хлопуша, только что освободившийся от тюремных кандалов, направился вверх по Сакмаре. Вскоре он действительно увидел виселицу — накануне на ней повесили трех пойманных лазутчиков, посланных из Оренбурга в пугачевский лагерь. Пришел в него утром 5 октября и вскоре увидел Шигаева, с которым однажды сидел вместе в оренбургском остроге, и Пугачева. Понял, кто перед ним, подошел. Пугачев внимательно смотрел на него:

— Ты что за человек и откуда?

— Это, Ваше величество, — Шигаев тронул его за локоть, — самый бедный человек.

«Государь» взял из рук Хлопуши четыре пакета, приказал положить на стол в своей кибитке, а Хлопушу — накормить. Ему было недосуг с ним разговаривать — отправлялся в

---

¹² *Старица* — старое, высохшее русло реки.

степь с молодыми казаками на скачки, джигитовку, в чем был большим мастером. По возвращении оттуда к нему снова привели Хлопушу. Последовал тот же вопрос:

— Кто ты и откуда?

— Я оренбургский ссыльный, прислан к тебе от оренбургского губернатора с тем, чтобы в толпе Вашей людям отдать указ, коим поведено, чтоб от тебя народ отстал и пришел к ее величеству с повинностью; да и тебя бы изловили. Мне приказано также, чтоб у тебя сжечь порох и заклепать пушки. Но я этого делать не хочу, а желаю послужить Вам верою и правдой.

— Разве лучше тебя, — пошутил Пугачев, — некого было губернатору послать?

— Я, Ваше величество, этого не знаю.

— Знать, у губернатора только и дела, что людей бить кнутом да ноздри рвать.

Пугачев вызвал Почиталина с пакетами, развернул их, покрутил перед глазами, делая вид, что читает их, потом разорвал и бросил в огонь. Повернулся к прибывшему:

— Что же ты, Хлопуша, в Оренбург хочешь ехать обратно или у меня служить?

— Зачем мне, батюшка, в Оренбург ехать, я желаю Вашему величеству служить.

— Полно, ты подослан к нам, — подал голос Овчинников, — и, подметя все, уйдешь отсюда. Лучше скажи правду, а то повесим.

— Я всю правду сказал.

— Есть ли у тебя деньги?

— Четыре алтына только.

Пугачев дал ему семь рублей, велел купить платье.

— Как издержишь, приходи опять ко мне. Также скажи, когда не будет у тебя хлеба.

Хлопуша ушел. Овчинников никак не мог успокоиться, поверить тому, что он сказал. Советовал «государю» не верить (недавно ведь схватили трех губернаторских шпионов):

— Воля твоя, прикажи его повесить! Он — плут, уйдет и все, что здесь увидит, там перескажет, а притом и людей наших станет подговаривать.

— Пусть его бежит и скажет, в этом худого нет. Без одного человека армия пуста не будет.

Пугачев в отличие от происшествия с тремя лазутчиками, которых приказал немедленно повесить, в случае с Хлопушей поступил иначе и не ошибся. Видно, почувствовал в нем человека, много пострадавшего и неспособного на предательство. Правда, он велел следить за ним, но скоро отменил распоряжение, убедившись, что оно ни к чему. Хлопуша действительно не за страх, а за совесть начал служить делу движения. Как и Овчинников, не доверявший ему поначалу, Чика-Зарубин и многие другие, он стал вместе с ними одним из ближайших сподвижников Пугачева.

В тот же день, когда в лагере появился Хлопуша, Пугачев направил свое войско к Оренбургу. За несколько дней до этого он послал туда два указа — один Рейнсдорпу, другой подполковнику Могутову — с приказом служить ему, «государю», обещанием награды, если их исполнят, и наказания в случае противном. В ответ оренбургские власти переслали в стан восставших свой указ с обличением самозванца и увещанием к казакам, которые «отважились на такое злое и богомерзкое дело, о коем всяк, разум имеющий, без внутреннего содрогания пребыть не может, что вы, пристав к нему, как ослепленные, погружаете себя у бога и у целого света во глубину погибели». Их призывали отстать от восстания, «реченного самозванца постараться поймать и представить, через что можете удостоить себя в том вашем злодеянии здешняго у ея императорского величества предстательства, которое, конечно, учинить не оставлено будет. А ежели сердце ваше так ожесточилось, что сие увещание не проникнет, то остается непременно погибать вам как в сем веке, так и в будущем».

Но восставшие не слушали подобных увещаний. Их сердца действительно ожесточились давно и сильно; они не верили тем, кто не раз их обманывал, обкрадывал, посылал на виселицы, под кнуты и розги, отдавал в руки палачей.

К вечеру 5 октября, растянувшись в одну шеренгу, чтобы показать свою силу,

устрашить защитников города, Пугачев подвел войско к стенам Оренбурга. Началась его осада, долгая и упорная, наполненная многими событиями и делами, и важными, и мелкими, повседневными, всем тем, что составляет будни и героике народного восстания, тем более такого мощного и грозного, как Крестьянская война.

Осада Оренбурга

Почти полгода восставшие осаждали центр обширного края, который олицетворял здесь режим крепостнического гнета, произвола чиновников, военных командиров. Город подготовился к обороне. Его укрепления власти обновили, привели в порядок в суматошные дни конца сентября и начала октября. Крепость имела овальную форму, была окружена крепостным валом высотой более 3,5 метра (в низких местдх — выше, в высоких — пониже) и рвом такой же глубины, шириной более 10 метров. На валу имелось 10 бастионов и два полубастиона для пушек. По валу окружность города составляла более 5 верст, ширина — более километра (в самом просторном месте), длина — более 1,3 километра. Четверо ворот вели из города в разные стороны — Яицкие, Самарские (Чернореченские), Сакмарские, Орские.

Накануне прихода Пугачева в город 4 октября вошел отряд премьер-майора Наумова, посланный Симоновым на помощь Рейнсдорпу. Он состоял из 666 казаков и солдат, имел 3 пушки. Его прибытие сильно укрепило местный гарнизон. Рейнсдорп обрадовался: «Оренбургская крепость, в случае атаки, в состояние пришла».

Овладеть таким городом и трудно и почетно. Пугачев, приступая к решению важной, в данных обстоятельствах неотложной, задачи, понимал это. Он, конечно, желал овладеть городом, чтобы удовлетворить просьбы и требования всех, кто пошел за ним в начале восстания. Но не только поэтому. Здесь, в Оренбурге, в случае его захвата, можно было взять много пушек, другого вооружения, всяких припасов, пополнить войско живой силой. Затем, обеспечив тыл, Пугачев хотел идти в центр страны, к Москве и Петербургу. Еще на хуторе у Кожевниковых он говорил казакам, что, «взяв Оренбург, пойдет на Москву». Теперь его войско стояло под его стенами, и здесь он тоже не раз говорил о своих дальнейших планах: «пойдет со своими силами прямо к Москве»; «надо ж прежде взять Оренбург, а там будет другое дело. Пойду на Казань, оттуда на Москву, приму там царство»; «дай сроку, будет время, и к ним в Петербург заберемся».

Под Оренбургом войско Пугачева насчитывало уже около 3 тысяч человек при 20 орудиях, к которым имелось 10 бочек пороху. 5 октября штурма не было. Лишь некоторые смельчаки из повстанцев приближались к валам в предместье. Рейнсдорп приказал стрелять из орудий и зажечь предместье.

Восставшие разбили лагерь в Казачьих лугах, в пяти верстах от города. Казак Иван Солодовников подъехал к городскому валу и воткнул рядом с ним деревянный колышек с защемленным наверху указом «государя». В нем оренбургских солдат призывали не слушать командиров, переходить под знамена «императора».

Рейнсдорп привел войска в полную боевую готовность, распределил их по участкам крепостного вала и по городу в заранее намеченных местах. Однако, на вылазку не решился, ограничившись стрельбой из орудий («страшная и сильная пушечная пальба»). Повстанцы тоже не пошли на штурм, даже из пушек не стреляли.

На следующий день, 6 октября, произошла первая стычка. Пугачевцы стали жечь запасенные на зиму скирды сена, которые стояли около города. Из него вышел большой отряд Наумова в тысячу триста человек при 4 орудиях. Но действовал командир нерешительно, не атаковал, только приказал открыть огонь из пушек. Пугачевцы сделали то же самое, а их войско рассыпалось по степи и урона не потерпело. Артиллерийская дуэль продолжалась часа два. Наумов приметил в своих подчиненных «робость и страх», к тому же конница Пугачева насадала на левый фланг его отряда, и он поспешил «ретироваться в город».

Первый успех в стычке с крупной командой воодушевил восставших. Вечером, в 11 часов, «когда была великая ночная темнота», они подвинули к городскому валу настолько, насколько это было можно, две пушки. Их выстрелы были меткими — ядра падали посередине города. Другие стреляли из ружей по его защитникам. В ответ зазвучали орудия и ружья из крепости. Сила огня была неравной, и восставшие отступили. Но они остались довольны — горожане «были все в великом и неопisanном страхе».

Однако через день, 8 октября, неожиданная вылазка из города отряда в 300 человек закончилась успехом — нападавшие выбили повстанцев из менового двора, где хранились купеческие товары, захватили пленных. Начальство решило на следующий день атаковать Пугачева силами в 2 тысячи человек с несколькими пушками. Выделили части в состав «корпуса». Но наутро все командиры частей заявили, что заметили среди подчиненных «роптанье, изъявляющее великую робость и страх», и поэтому «отзываются невозможностью» идти против мятежников.

Обеспокоенный Рейнсдорп отложил вылазку и срочно в тот же день рапортовал в Петербург, в Военную коллегию, о плохом положении дел в Оренбурге, просил присылки войск и хороших командиров. В частном письме (того же 9 октября) к графу Чернышеву он делал примечательные признания: «Состояние Оренбургской губернии весьма жалкое и более опасное, чем я могу Вам описать. Регулярная армия силой в 10 тысяч человек не испугала бы меня, но один изменник с тремя тысячами бунтовщиков заставляет дрожать весь Оренбург».

Ситуация складывалась так, что губернатор не решался на активные действия, ограничиваясь обороной и лишь изредка отваживаясь на вылазки.

Повстанцы Пугачева продолжали расширять сферу своих действий. Они захватили Нежинский и Вязовский редуты. Командир же Красногорской крепости капитан Уланов сдал ее без боя и перешел к Пугачеву.

Вокруг лагеря предводители выставили разъезды казаков. Усиливали блокаду Оренбурга, отбивали вылазки. Сами делали атаки, державшие «денно и ношпо» в напряжении осажденных.

Рейнсдорп принял все меры к тому, чтобы организовать новую вылазку. Он сам ходил по укреплениям, уговаривал офицеров, которые «по довольном увещании одумались и к той атаке готовыми себя представили». Одновременно губернатор старался собрать побольше сил из подчиненных ему крепостей. Бригадир Корф, комендант Верхне-Озериной крепости и начальник Верхне-Яицкой дистанции, получил от него приказ собрать команды с артиллерией и боеприпасами из всех крепостей и постов и, оставив часть сил в крепости, идти с основными силами к нему на помощь. О помощи просил Рейнсдорп и казахского хана Айчувака. Правда, он не писал о том же сибирским губернатору Чичерину и военным командирам, например, генералу Деколону и полковнику Ступишину; более того, двух последних он уверял, что собственными силами разгромит мятежников, «над злодеем атаку учинит». Но Корф не спешил, так как не надеялся на верность солдат и казаков.

Пугачев заранее узнал о готовящейся вылазке и сделал приготовления — на высотах расставил свое войско, артиллерию расположил тоже в удобных местах. Когда премьер-майор Наумов вышел 12 октября из Оренбурга, повстанцы встретили его отряд огнем из пушек самых крупных калибров. Корпус Наумова остановился, среди его солдат от «робости» началось «замешательство». Пугачев приказал своим частям рассеяться по степи, чтобы окружить противника. Они начали это делать, но Наумов, разгадав его маневр, построил свой корпус в каре и, скрыв в нем орудия, отступил в город. Эта стычка, продолжавшаяся часа четыре под непрерывную артиллерийскую дуэль, закончилась неудачно для осажденных. Они потеряли около 150 человек убитыми, ранеными, пленными и перешедшими на сторону восставших.

Рейнсдорп в рапорте Военной коллегии (16 октября 1773 года) писал: «Регулярные войска столь крепко наступали, что ежели бы нерегулярные им соответствовали и по предписанию моему учинили, то бы желаемого успеха весьма достигнуть было можно, а то

последние по робости их против рассеянного неприятеля почти ничего не действовали, а стояли под защитой пушек». Безрезультатность «атаки» заставила оренбургские власти отказаться от активных действий. Они возложили надежды на прибытие подкреплений от Корфа или из центра страны.

Восставшие обстреливали Оренбург, готовили шанцы — укрытия для своих пушек. Пугачев рассылал во все стороны воззвания — крестьяне, работные люди, казахи, ногайцы и другие приглашаются в них присоединиться к повстанцам. Всех колодников и «у хозяев имеющихся в неволе людех» велено было освобождать. «Приказание от меня такое, — слушали окрестные жители, ближние и дальние, слова пугачевских манифестов. — Если будут оказываться противники, таковым головы рубить и кровь проливать, чтобы детям их было в предосторожность. И как ваши предки, отцы и деды, служили деду моему блаженному богатырю государю Петру Алексеевичу и как вы от него жалованье (получали), так и я ныне и впредь вас жаловать буду и пожаловал землю, водою, верою и молитвою, пажитью и денежным жалованьем, за что должны вы служить до последней гибели. И буду вам за то отец и жалователь, и не будет от меня лжи много, будет милость, в чем я дал мою пред богом заповедь».

Подобные призывы быстро находили отклик среди тех, к кому они были адресованы. Получение земли, освобождение от крепостного ярма, свобода религиозных верований — все это не могло не волновать и не воодушевлять простых людей. Они массами переходили к Пугачеву и его атаманам, которые появлялись то там, то тут, собирали и возглавляли повстанческие отряды. К примеру, оренбургские власти затребовали себе на помощь отряд башкир, и 400 человек отправились к Оренбургу, но явились на службу не к Рейнсдорпу, а к Пугачеву. Вскоре туда же, в Башкирию, приехал сержант Белов из Таналыкской крепости по приказу Корфа. Ему предстояло собрать башкир для защиты Верхне-Яицкой линии. Сержант застал местные селения в состоянии сильного брожения — всюду читали пугачевский указ, привезенный из Каргалипской слободы. Многие были вооружены. В ответ на требования Белова жители отвечали, что идут не к Корфу, а к самому «государю». Действительно, вскоре в повстанческий лагерь явились Емансары Епаров (Еман-Сарай), 500 воинов и Кинзе Арсланов с таким же отрядом. Пугачев наградил всех башкир, приказав выдать им по рублю, и обоих командиров — башкирских старшин.

Указы Пугачева появлялись в крепостях и форпостах. Их читали в народе, и от этого происходило немало волнений. Многие казаки, башкиры не слушали командиров, бежали к восставшим, отказывались идти на соединение с назначенными против Пугачева отрядами. Даже Корф, получив указ Пугачева с требованием о подданстве, пришел в некоторое смущение — сообщая о нем коменданту Верхне-Яицкой линии Е.А. Ступишину, он писал: «а как штиль в оном (указе. — В. Б.) явствует на склад крестьянский, следовательно, потому и надобно думать: сие несправедливо». Интересно, что среди команд, прибывших к Корфу в Верхне-Озерию крепость, тоже появился указ Пугачева. Его привез Тимофей Красильников, казак из городка Табынска, сумевший съездить в стан к повстанцам. По дороге в Верхне-Озерную он ехал впереди всего казачьего отряда, показывал всему народу указ «императора». По прибытии в крепость его отобрал силой сам Корф, у которого Красильников потребовал прочитать указ всему народу. Собравшаяся толпа бросилась из крепости в лагерь, разбитый казаками под ее стенами. Табынцы кричали:

— Ступай на конь и бери ружья!

Корф послал вдогонку регулярный отряд, и тот атаковал казаков. Двух табынцев арестовали. Остальные ускакали в разные стороны — некоторые совсем не возвратились, других вернули «ласкательством» — с помощью уговоров и обещаний. Но, поскольку побег продолжались, бригадир приказал всю иррегулярную команду ввести в крепость, перемешать ее с солдатами. Но и после этого беспокойство его не оставляло — в крепостном гарнизоне находилось около двух сотен польских конфедератов, на которых, естественно, положиться было трудно; начались набеги казахских отрядов, один из них даже штурмовал Губерлинскую крепость. Непокойно было в других местах. Комендант Зелаирской крепости

поручик Долгоносое сообщал Ступишину, что в его гарнизоне — всего одна рота Озерного гарнизонного батальона, более половины чинов ее составляют те же польские конфедераты, «на коих надежды верной к сохранению верноподданных уповать невозможно, ибо они, как я разведал, не хотят за Россию стоять».

Представители Пугачева появлялись в крепостях, селениях, на заводах, население которых, отвечая на его призывы, поднималось на борьбу. Помещики и заводчики, приказчики и управители бежали, спасаясь от гнева восставших.

Уже к началу октября опустели помещичьи имения в окружности 100 и более верст от Оренбурга. Повстанческие отряды разоряли дворянские владения, призывали делать то же самое крепостных крестьян. Один из башкирских предводителей убеждал их не слушать помещиков и от имени Петра III обещал: «Ежели кто помещика убьет до смерти и дом его разорит, тому дано будет жалованья 100 рублей. А кто десять дворянских домов разорит, тому тысяча рублей и чин генеральский».

Верстах в 250 от Оренбурга располагались селения Ляховка, Михайловна и другие — имения отставного капитана Ляхова, отставного майора Кудрявцева, капитана Карамзина, отца известного писателя и историка, прапорщика Куроедова. Как только они услышали о появлении Пугачева под Оренбургом, сразу же бежали и тем спасли свои жизни. Вскоре в их имения прибыл отряд яицких казаков. Впоследствии Сидор Колесников рассказал (на допросе 18 декабря 1773 года) о событиях в Михайловне:

— Дома помещик? — спросили прибывшие у крестьян, работавших у церкви.

— Нет дома...

— Мы посланы, — объявили казаки всем крестьянам, собранным на господском дворе, — из армии государя Петра Федоровича разорять помещичьи дома и давать крестьянам свободу. Смотрите же, мужики, отнюдь на помещика не работайте и никаких податей ему не платите. А если мы вперед застанем вас на помещичьей работе, то всех переколем!

Казаки забрали господское имущество и уехали, пригласив на прощание приехать к ним в лагерь и посмотреть на «государя». Подобные же сцены происходили и во многих других местах — по инициативе пугачевских эмиссаров или самих местных жителей. Обещания воли, освобождения от власти помещика, которых в случае сопротивления полагалось казнить, конфискации их имущества, добытого с помощью труда тех же крестьян, мало кого оставляли равнодушным, не поднимали на борьбу.

Один из пугачевских отрядов появился на Воскресенском медеплавильном заводе, принадлежавшем Твердышеву. Управляющий был убит, его дом сожжен. Большинство заводских крестьян повстанцы поверстали в казаки, и они тем самым стали свободными людьми. Казну, пушки, всякие припасы (порох, снаряды) пугачевцы увезли под Оренбург. Происходило это около середины октября. Несколькими днями позже, 18 октября, другой отряд (пять яицких казаков, 50 калмыков) подошел к Сорочинской крепости, в 170 верстах восточнее Оренбурга. Тимофей Чернов, сорочипский казак, тайком пробрался к восставшим и, вернувшись в крепость, заявил, что с ними идет сам «император». Он призывал встретить их за городом с иконами и колокольным звоном. Его поддержал атаман Никифор Чулошников, приехавший из Тоцкой крепости за порохом. А Петр Бабаев, отставной сержант Измайловского полка, проживавший в Сорочинской, убеждал всех, что он был в стане у Оренбурга, видел предводителя, который-де по лицу и росту — точно «император» Петр Федорович. Это свидетельство уверило всех. Смутило оно даже капитана Брейтигама, командира гарнизона — по его приказу сняли с крепостных стен все пушки и свезли на склад. Утром 20 октября пугачевский отряд под белым знаменем вступил в крепость. Звонили церковные колокола. Все жители с иконами и хоругвями во главе с Брейтигамом встретили повстанцев, вручили хлеб-соль. По распоряжению полковника — командира отряда в церкви отслужили молебен за здоровье государя-императора. В его честь дали салют. Затем всех привели к присяге. Большим успехом закончилась миссия Хлопуши, посланного на уральские заводы, которые он очень хорошо знал по своим прошлым скитаниям. По

приказу Пугачева его сыскал Шигаев:

— Снаряжайся-ка в дорогу!

— У меня хлеба нет.

— О хлебе не пекись, а пойдем-ка к государю.

Они пришли к Пугачеву в кибитку, и самозванец тут же дал ему инструкции:

— Возьми ты двух казаков да провожатого с Авзяно-Петрозского завода, крестьянина Дмитрия Иванова, поезжай туда и объяви заводским крестьянам указ. И если будут согласны мне служить, то посмотри: есть ли мастера лить мортиры? И если есть, то прикажи лить.

Авзяно-Петровский завод (основан в 1753 году на реке Авзяне), принадлежавший Демидову, одному из представителей знаменитой семьи заводовладельцев, отстоял от Оренбурга в 330 верстах. На нем работало около 300 собственных крестьян Демидова, которых перевезли на Урал из его вотчин, и более 4,7 тысячи приписных крестьян, всего около 5 тысяч человек. Хлопуша, которому выдали деньги на дорогу, выехал на завод. За ним туда же направился Шигаев с указом Пугачева, титул которого выглядел очень пышно: «Всеим армиям государь, Российскойю землею владетель, государь и великая светлость, император российский, царь Петр Федорович, ото всех государей и государыни отменный...» и т. д. Заводских работников указ призывал: «Никогда и никого не бойтесь и моего неприятеля, яко сущаго злодея, не слушайте; кто меня не послушает, тому за то учинена будет казнь».

Вскоре от Хлопуши пришли в повстанческий лагерь 83 крестьянина с Преображенского (Зилаирского) завода. Они привезли пять пушек, порох, много денег. Еще 100 человек привел Шигаев. Затем силы Пугачева пополнили 100 казаков, бежавших из Яицкого городка. Они привезли с собой сотника Копеечкина, который во время восстания против Траубенберга держал сторону старшинской партии, а затем, после появления Пугачева, по указанию властей ездил с целью его поимки. Теперь он оказался в стане Пугачева, и тот по просьбе казаков приказал его казнить четвертованием. Несколькими днями позже пришли 500 человек во главе с черемисским старшиной Мендеем, башкирским старшиной Алибаем Мурзагуловым и 600 человек, калмыцкий старшина с 300 ставропольскими калмыками.

Люди шли к Пугачеву со всех сторон, с сочувствием встречали его эмиссаров, призывы его манифестов. Того же Хлопушу с воодушевлением принимали на заводах Урала, в которых он появлялся. На Авзяно-Петровском заводе прочитали манифест Пугачева, раздались крики:

— Рады ему, государю, служить!

Работные люди решили собрать отряд («партию»); в нем насчиталось до 500 человек. Они же сковали приказчика и шесть расходчиков, повезли с собой в пугачевский лагерь. Рабочие выделили человека, который должен был сопровождать отряд; в постановлении об этом говорилось: «И притом избрали мы от себя для препровождения оной нашей партии тебя, Степана Понкина, ехать дорогой до своих жительство и в проезде нашем никаких обид, ни налогов в жительство не чинить. В том тебя и утверждаем». Собранных в поход работников Хлопуша спросил:

— Есть ли у вас на заводе пушки?

Из 40 орудий, имевшихся на заводе, годными оказались только шесть, и их взяли с собой. Захватили также заводские деньги — 7 тысяч рублей из конторы, 120 лошадей, некоторое количество скота. Хлопуша с отрядом направился к Оренбургу.

Между тем под Оренбургом начались морозы, выпал снег. Лишения испытывали обе стороны — и осажденные и осаждающие. Повстанцы прятались по кустам, многие терпели холод в открытой степи. «Император» жил в калмыцкой кибитке. Так долго продолжаться не могло, и 18 октября Пугачев распорядился, чтобы его войско отошло от Яика к Сакмарю. Верстах в пяти от города, между Маячной горой и Бердской слободой, и расположились пугачевцы — одни в домах и сараях, другие в отрытых тут же землянках.

Рейнсдорп бездействовал, Пугачев же рассылал во все стороны воззвания и эмиссаров.

Его повстанцы постоянно обстреливали город. По ночам они подвозили тайно пушки, подтягивали стрелков, и начиналась канонада с обеих сторон. Осаждающие из казаков кричали защитникам города, среди которых были и их земляки:

— Господа яицкие казаки! Пора вам одуматься и служить государю Петру Федоровичу!

— У нашего батюшки вина много!

— Приезжайте-ка вы к нам, — отвечали им с городского вала, — со своим царем обедать! У нас в городе вина больше!

— Погодите, приедем!

У Пугачева насчитывалось до 4 тысяч человек, а с башкирами еще больше; но «дельных и оружейных людей» было среди них не более 2 тысяч человек, остальные имели не огнестрельное, а разное холодное оружие — сабли, пики, тесаки и прочее. В его войске находились приведенные Хлопушей «заводские многие служители, в том числе несколько довольно обученных пушечной пальбе»; с заводов получили «более трех тысяч зарядов с ядрами, самого лучшего пороху и немалое число ружей».

...22 октября над землей расстился сильный туман. Воспользовавшись им, пугачевцы подтянули к валам четыре единорога и четыре медные пушки — лучшие свои орудия. Под прикрытием кирпичных сараев на расстоянии пушечного выстрела от города они расставили пушки и открыли сильный огонь. Сделали до тысячи выстрелов. Ядра падали в центре Оренбурга, но большой урон не приносили — в городе хорошо организовали борьбу с пожарами, многие ядра и гранаты не взрывались (артиллеристы из пленных забивали в них отверстия деревянными гвоздями). Действовали восставшие не очень умело и решительно.

За этой попыткой последовали другие. 27 октября Пугачев с войском подошел к городу, но, встретив отпор с валов, на штурм не решился:

— Не стану тратить людей, а выморю город мором!

Благодаря мерам Пугачева и его помощников блокада Оренбурга усилилась — восставшие активно противодействовали фуражирам осажденного гарнизона, брали в плен курьеров, захватывали или уничтожали припасы, организовывали нападения на крепость. Подготавливая новый штурм, Пугачев приказал прислать с уральских заводов разный шанцевый инструмент — лопаты, кирки и прочее. Это было сделано, и повстанцы вырыли вокруг города укрытия для пехоты и орудий. 2 ноября утром начался штурм. Огонь из орудий продолжался весь день, причинил городу некоторый ущерб, хотя и не очень значительный — до полутора десятков горожан были убиты или ранены, ядра попали в губернаторский дом, судейскую камеру, палату, где хранилась казна. Обстрел сильно напугал осажденных. Они отвечали сильным огнем (около 1800 выстрелов).

Пугачев сам повел свою рать на штурм. Под прикрытием огня повстанцы ворвались на крепостной вал. Начались рукопашные схватки, оборонявшиеся вели скорый огонь из ружей. В самый драматический момент схватки егерская команда, действуя по приказу губернатора, зашла в тыл нападающим и открыла по ним губительную пальбу. Повстанцы смешались, а в это время перешли в штыковую атаку защитники вала. Пугачевцы отступили, их предводитель чуть было не попал в плен. И в этот день восставшие, несмотря на стойкость, мужество, бесстрашие, проявленные во время боя, не смогли одолеть более организованного и опытного противника, хотя оренбургские власти признавали, что штурм 2 ноября отличался особой решительностью пугачевцев: «Как не сильно было означенное, но 22 число октября, злодейское устремление к городу, но сего 2 числа ноября произведенное ими несравненно было сильнее и отважнее»; в Оренбурге, по их же сообщению, «народ был отчаян в жизни».

Неудачный штурм не внес уныния в ряды восставших. Пугачев думает о том, чтобы взять город с помощью казаков, яицких и оренбургских, служивших у Рейнсдориа. Он вызвал к себе Падурова, одного из влиятельных на Яике казаков. В разговоре с ним обрисовал свой план:

— Я намерен к городу послать казаков на переговоры, чтобы жители, не доводя себя

до конечной гибели, сдались мне. Напиши-ка ты от себя к оренбургскому атаману Василию Могутову да к яицкому старшине Мартемьяну Бородину, чтоб они, если желают получить от меня за противность их прощение, уговаривали бы городских солдат и казаков, а равно губернатора и всех командиров сдать город и покориться мне в подданство. Ты их обнадежь, что я, право, ничего им не сделаю и прощу. Если же они не сдадутся и мне удастся штурмом город взять, то тогда я поступлю с ними безо всякой пощады. Ты уверяй их в тех письмах, что я точно Петр III, да опиши притом и мои приметы, вот какие: верхнего напереди зуба нет, правым глазом прищуриваю (именно так говорили в народе о покойном императоре. — *В. Б.*). Они меня видели и помнят оные приметы. Да напиши Могутову и то: разве ты, мол, забыл государевы милости? Ведь он сына твоего пожаловал в пажи!

Падуров написал оба письма. Принес их к Пугачеву. Емельян покрутил их перед глазами, передал Почиталину.

— Почитай! — И продолжал, когда тот исполнил приказание: — Очень хорошо! Ты оставь их у меня, я сам запечатаю и отошлю в город с казаками.

Вскоре Могутов и Бородин получили эти послания. Первого Падуров уговаривал не оказывать сопротивления, поскольку оно только разорит жителей; «государь»-де будет штурмовать город, к нему привезли с Урала такие огромные бомбы (пять штук), «что оне чинятся пороху по два пуда с лишком». «Чем то допустить и всем разориться, то не возможно ли, батюшка, уговорить его превосходительство Ивана Андреевича (губернатора Рейнсдорпа. — *В. Б.*), чтоб он склонился и по обычаю прислал бы к нему письмо с прописанием тем, чтоб он вас простил и ничего бы над вами не чинил». Написал Падуров и о сыне Могутова, которого «государь» произвел в пажи, и о приметах царских.

Письмо Бородину характерно разговорными интонациями: «Удивляюсь я вам, братец Мартемьян Михайлович, что вы в такое глубокое дело вступили и всех в то привлекли. Сам ты знаешь, братец, против кого идешь! Ежели бы не вы с дядею, то б и разорения на народ того не было. Известен ты сам, как наш государь Петр Федорович умре, а ныне вы называете его донским казаком Емельяном Пугачевым и якобы у него ноздри рваны и клейменный. А по усмотрению моему, у него тех признаков не имеется». Автор письма намекал на то, что Бородины виновны в событиях, приведших к восстанию на Яике в январе 1772 года, их трагическому для казаков исходу. Не очень ясно упоминание об обстоятельствах смерти Петра III, которые знает-де Бородин. Но далее Падуров ясно говорит об императоре как живом, ныне сущем, опровергает явно неверные сведения о самозванце, распространявшиеся правительственным лагерем (рваные ноздри, клеймо, которых у Пугачева действительно не было).

Одновременно с письмами Пугачев приказал отправить в Оренбург свой «именной указ». Адресован он губернатору «и всем господам и всякого звания людям», которым предписывалось: «Выдите вы из града вон, выпишите знамена и оружие, приклоните знамена и оружие пред великим государем. И за то великий государь не прогневался, што вы учинили великую палбу, и в том великий государь прощает чиновных и солдат, и казаков, и всякого звания людей». И на указ, и на письма ответа, конечно, не было.

Между тем морозы крепчали. Активных действий не было с обеих сторон, и Пугачев приказал сняться с лагеря (где остались башкиры и калмыки, попросившие сами об этом) и перебраться в слободу Берду. Ее жители разместили восставших. В самом лучшем доме казака Константина Егоровича Ситникова, который стали называть «дворцом государевым», поселился Пугачев. При нем состояли дежурный Яким Васильевич Давилин, яицкий казак, «непременный караул... из лучших 25 яицких казаков, называемых гвардиею». В пугачевском «пкое» стены были обиты «вместо обоев шумихою»¹³, по ним навешаны зеркала. Здесь же — портрет «сына» цесаревича Павла Петровича.

Восстание продолжалось более полутора месяцев, и Пугачев, несмотря на то, что осада

---

¹³ *Шумиха* — сусальное золото.

Оренбурга затягивалась, был, вероятно, доволен развитием событий. В руки восставших уже попало немало крепостей и заводов. Они стояли под стенами столицы обширного края, в котором ширилось народное движение. Под знамена Пугачева вставали массы людей — казаков, крестьян, заводских работников, русских и нерусских людей. Его манифесты, как спичка, поднесенная к стогу сухого сена, зажигали огонь протеста и борьбы.

Манифесты и указы рассылались в большом количестве во все стороны. Составлялись они не только на русском, но и на других языках — «по-арапски, персиски, турецки и по-татарски». Пугачевский штаб, формировавшийся в самом начале движения, предписывал местным представителям, эмиссарам: «...Списывая копии, имеете пересылать из города в город, из крепости в крепость»; «сии мои указы во всех сторонах, как то: на всех дорогах, местах, деревнях, на перекрестках и улицах публикуются».

Первые манифесты населению Башкирии были составлены 1 октября в Каргалинской слободе. Оно призывалось служить «государю», ему обещались земли, воды, леса, «всякая водность», свобода веры, местных обычаев, соль и денежное жалованье. Все эти пожалования отвечали самым насущным стремлениям и желаниям башкир, которые из рук «императора» получали все, что им требовалось для вольной жизни, освобождаясь от тягот, налагавшихся царскими властями. Им были понятны и близки заветные слова манифеста: «И пребывайте так, как степные звери». Интересно также, что Пугачев обещал башкирам облегчить положение с солью. Дело в том, что с 1754 года их вместо ясака (налога), который власти отменили, заставили покупать соль из казны по очень высокой цене (35 копеек за пуд) Теперь этот порядок, существовавший почти два десятка лет, отменялся. Важный момент пожалований, означенных в одном из манифестов, — требование отпускать на волю всех «содержащихся в тюрьмах и у прочих хозяев имеющихся в неволности людей всех без остатку». Причем в подлиннике русскому слову «хозяин» соответствует слово «бай» — «хозяин», «богатый», «имущий». Тем самым здесь подразумеваются не только русские помещики, но и башкирские феодалы, эксплуататорская верхушка башкирского общества.

Как уже отмечалось выше, в пугачевский лагерь под Оренбург явились несколько отрядов башкир общей численностью, вероятно, до одной тысячи человек. Один из их предводителей, старшина Кинзя Арсланов, сразу стал полковником, вошел в штаб Пугачева как один из его ближайших сподвижников. Столь же активную роль играл его сын Сляусин (Селявчин, Сюлявчин), тоже пугачевский полковник. Кинзя, человек грамотный, знавший русский язык, по существу, ведал у Пугачева всеми делами, связанными с башкирами (организация повстанческих отрядов, координация их действий в рамках всего движения). По поручению «государя Петра Федоровича» он пишет письма башкирским старшинам, в агитационных целях преувеличивает число людей, принявших сторону «императора», посылает сына Сляусина на Ногайскую дорогу «с прочими согласниками с объявительными от изменнической толпы (то есть от восставших. — В. Б.) письмами». Благодаря агитационной деятельности К. Арсланова и его помощников их соплеменники, как сообщал в Военную коллегию один из генералов, находятся «через разсеяние во всю Башкирию злодейских возмутительных писем в великой колеблмости».

Жители Башкирии, узнававшие разными путями о действиях Пугачева, его намерениях, с самого начала восстания встали в большинстве своем на его сторону. Царские же власти, надеявшиеся на Башкирию, как на оплот, резерв в борьбе с восстанием, ошиблись в расчетах. Правда, часть местных старшин поддерживала их сторону, пыталась организовать сбор башкир на помощь правительственным силам, но большею частью безуспешно. Так, в начале октября старшины Кулей Балтачев и Юсуп Шарыпов направились с «увещеваниями» в том, «чтоб они, башкирцы, лестного его, Пугачева, разглашению не верили и в верности своей не изменяли». Но попытка эта окончилась для них плачевно — Ю. Шарыпова вместе с 12 другими «башкирцами», очевидно его помощниками, восставшие схватили и повесили. Другой старшина, Мендей Тупеев, собиравший по приказу Рейнсдорпа отряд в одну тысячу человек, набрал какое-то число башкир, юртовских татар, но последние вскоре вернулись к Оренбургу (это происходило во время событий у Татищевой крепости), а башкиры перешли

к Пугачеву. Так же поступали и другие башкирские отряды.

В конце концов вербовку башкир и мишарей (мещеряков) стала проводить сама русская администрация. Удалось собрать около 1300 человек. Но этот отряд (командовал им капитан князь Иван Ураков) во второй половине октября долго оставался у Стерлитамакской пристани, места своего формирования, затем у Бугульчанской пристани, «но далее следовать, — как сообщал в донесении командир, — в рассуждении колебимости башкирцев не имеет; да и старшины их по той же самой причине, а особливо не имея к подкреплению регулярных команд, сумнительны». Насколько нерешительно вели себя Ураков и его отряд, можно заключить из того, что они ничего не смогли сделать против «партии» восставших, проходивших мимо Стерлитамакской пристани с Авзяно-Петровского завода «в злодейскую толпу», то есть к Пугачеву. Столь же безуспешными были действия других команд, набранных властями из башкир и мишарей.

В октябре же башкиры начинают (иногда вместе с русскими) нападения на уральские заводы — Покровский медный, Авзяно-Петровский, Уртазымский медный рудник Кананикольского завода. Они сжигали здания заводов, наказывали представителей заводской администрации (приказчиков, конторщиков), попов, брали «заводчиковы пожитки»; имущество же местных работников не трогали. Конечно, среди башкир имелись антирусские настроения, и это сказывалось на их намерениях и действиях, по они в ряде случаев, хотя и не без труда, преодолевались; более того — нередко башкиры действовали вместе с русскими.

Так же примерно развивались события к югу и востоку от Яика-реки, в казахских степях, прилегавших к району разгоравшегося восстания. Пугачевские призывы способствовали тому, что кочевавшие поблизости от Яика казахи уже с конца сентября стали более часто, чем раньше, совершать набеги на правительственные крепости и форпосты, отгонять табуны лошадей, скота, уводить пленных. Появляются они и у стен Оренбурга и, как сообщал Рейнсдорп султану Айчуваку, «к дальнейшей здешней досаде, разъезжая около меновнаго двора, производят великие пакости и делают вред». Еще более усилилась активность казахов Малого жуза¹⁴ с появлением Пугачева около Оренбурга. Рейнсдорп в связи с этим сообщал: «Обстоятельства здешния не только сумнительны, но и опасны, потому наипаче, что и киргисцы (казахи. — *В. Б.*), услыша от оных, находятся в смятении и, разъезжая при крепостях большими кучами, заставляют иметь от себя предосторожность. Словом, во всем обитающем в здешней губернии народе зделалось генеральное колебание».

Казахи совершают набеги на крепости Озерной линии к востоку от Оренбурга. Подполковник Симонов из Яицкого городка сообщает о намерении султана Ералы с 10 тысячами человек переправиться через Яик и идти набегом к Волге.

Пугачев посылает в степь манифесты. Султан Дусалы в октябре сначала посылает на помощь Пугачеву отряд джигитов во главе со своим сыном Сейдали-султаном. За ним последовал его брат. Наконец пришел сам Дусалы-султан. Казахи участвовали в осаде Яицкого городка, взятии Кулагинской крепости. Под Татищевой в марте 1774 года погиб «киргизского хана сын». Под Оренбург в стан Пугачева пришло до двухсот казахских джигитов.

Казахи Малого жуза (хан Нуралы) и Среднего жуза (султан Аблай) массами переправляются через Яик на «внутреннюю сторону», пасут там свой скот, усиливают натиск на крепости и форпосты у Яика и Волги. Их «продерзости», «злодейские нападения» сильно беспокоят царскую администрацию и способствуют делу восстания. А действия казахов, по существу, одобряют и как бы санкционируют манифесты и указы Пугачева, отменяющие ограничения, введенные для них царскими распоряжениями. Правительство вынуждено маневрировать. Оно предписывает местным властям «содержать киргиз-

---

¹⁴ Жуз — административно-территориальное объединение (орда) казахских родов. Малый жуз располагался в западной части казахской степи, Средний жуз — восточнее, в центральной ее части.

кайсацкий народ сколько можно в ласковости, дабы опой при здешнем с известным государственным злодеем самозванцем Пугачевым упражнении не отважился поступать в вящее предосуждение на злодеянии».

Но нападения казахов на крепости по Яику, а также в районе Сибирской пограничной линии продолжались. Один из командиров последней генерал А.Д. Скалон, его подчиненные в крепостях (например, комендант Троицкой крепости бригадир А.А. Фейервар) запрашивают помощь у сибирского губернатора Чичерина. Но тот ничего не может сделать, поскольку сам боится нападений башкир с запада и казахов с юга. Действительно, пожар Крестьянской войны приближался к Сибирской губернии, и тобольские власти не могли не испытывать беспокойство и страх, тем более что войск в их распоряжении было недостаточно. Вскоре они получили известия о вторжении казахов в пределы губернии — «идут Сибирью по Куртамышскому ведомству».

В казахском обществе неодинаково относились к Пугачеву и тому делу, которое он начал и возглавил. Рядовые соплеменники с сочувствием восприняли известия о восстании, участвовали в нем или помогали ему в той или иной мере. Верхушка же, казахские ханы, султаны и прочие феодалы, проявляли нерешительность, настороженно следили за развитием событий. Они были склонны поддерживать ту из двух борющихся сторон, которая одерживала верх в данный момент. Но, быстро поняв антифеодальную направленность действий и стремлений Пугачева, они постарались уклониться от поддержки, заверить правительство, Екатерину II в своей лояльности. В этом позиции и казахских и русских феодалов полностью совпадали. Императрица в одной из грамот, соглашаясь с мнением Нуралы-хана, писала, что причинами нападений казахов на пограничные города и укрепления было не одно «обыкновенное каргиз-кайсак своевольство, но больше еще подвиглись они к тому и смутными обстоятельствами, в каких Оренбургская губерния находилась, и коснувшись и до них, киргиз-кайсак, злодейским развратом». Да и сами казахи, участники нападений, открыто признавали, что они действуют так под влиянием восстания Пугачева. Казахи согласно правительственной версии «русских людей воюют и в плен берут потому, что-де им сие чинить велел оказавшийся в России злодей самозванец Пугачев, которого они называют государем». И Нуралы-хан, и местные власти отдавали себе отчет в том, что рядовые казахи во многих случаях игнорируют их приказы и «многократные запрещения». «Киргизы, — говорил хан, — меня не слушают, а причиною того злодей, именующий себя императором Петром III». Их нападения продолжались и позднее.

Разгром Кара и Чернышева

Рейнсдорп, вначале не придававший серьезного значения начинавшемуся «бунту», отказывавшийся от помощи соседей, сибирских военных командиров, с появлением Пугачева под стенами Оренбурга свое суждение о нем изменил. Такую же эволюцию претерпели и взгляды властей в соседних губерниях. Позже всех поняли суть происходящего в Петербурге.

Уже в конце сентября оренбургский губернатор известил о появлении Пугачева и его «злодейской толпы» казанского губернатора фон Брандта. Он же высказал предположение, что восставшие пойдут именно в Казанскую губернию «помещичьими жительствовами, преклоняя на свою сторону крестьян и обольщая их дачею вольности». Брандт испытывал явное беспокойство, даже смятение. В губернии, ему подчиненной, имелось всего три гарнизонных батальона, да и из тех большая часть солдат была занята — кто набирал рекрутов, кто конвоировал арестантов; в наличии оставалось мало. Правда, в губернии имелись поселения отставных солдат, но последние давно уже не служили и, по существу, превратились в крестьян. Положение затруднительное...

Местное население доверия властям не внушало. «Земледельцы разных родов, — как писал Брандт в Петербург, — а особливо помещичьи крестьяне по их легкомыслию в сем случае весьма опасны, и нет надежды, чтобы помещики крестьян своих с пользой могли

употребить себе и обществу в оборону».

Генерал-майор Миллер, начальник солдатских поселений, получил приказ губернатора собрать от 200 до 500 солдат и расставить их по реке Черемшану, где проходила граница двух губерний. По указанию того же Брандта архиепископ казанский Вениамин 5 октября после торжественного богослужения в соборе при всем народе предал Пугачева проклятию и анафеме. По всем селениям священникам приказали убеждать прихожан, что Пугачев — это самозванец, беглый с Дона казак; тем же, кто склонится на его сторону, грозить вечным проклятием.

Миллер собрал больше, чем требовал губернатор, — 730 человек, из них — 170 конных и 560 пеших. Разделив их на два отряда, расположил один в Черемшанской крепости, другой — в Кичуевском фельдшанце; к ним вскоре поспешило подкрепление из 224 человек; всего их стало почти тысяча человек. 700 солдат оставили охранять свои жилища. Кроме того, в Таинск и Ерыклинск послали 60 человек, в устье Черемшана — 30 человек. Все оружие (ружья и пистолеты), хранившееся в казанских складах и годное к употреблению, отправили в войска; негодное срочно ремонтировали местные слесари. По запросу Брандта Волконский направил из Москвы ему на помощь 300 солдат Томского полка и одно орудие.

В Казань вызвали команды, посланные для набора рекрутов в Кунгур и Хлынов; в Симбирск — команду из Пензы. По реке Каме расставили вооруженных дворовых, собранных местными помещиками. Хотели было привлечь польских конфедератов, но, «известись, что они в Оренбурге неверность оказали, оставили их в покое» (так об этом писал 24 октября спасо-казанский архимандрит Платон Любарский Н.Н. Бантыш-Каменскому). Успокаивало то, что башкиры как будто вели себя спокойно...

Но Брандт и другие понимали все же шаткость своего положения. Главная ее причина заключалась в лозунгах разгоравшегося восстания, обещаниях Пугачева. Губернатор в письме от 3 октября М.Н. Волконскому, московскому главнокомандующему, признавал: «Удивления достойно, что сей злодей такую на себя, как говорят, важность принял, что куда в крепость ни придет, всегда к несмысленной черни оказывает свое сожаление, якобы и подлинно государь о своих подданных, что он ничего доньше не знал, в каком они утеснении и бедности находятся. Теми своими льстивыми словами и об-надеживаньями и уловляет глупых сих людей. Почему, по легкомыслию подлаго народа, если он скоро не истребитя и ворвется в Казанскую губернию, небезопасно есть».

Рейнсдорп, Брандт, Волконский один за другим извещали Петербург о Пугачеве, просили прислать войска и вооружение. 14 октября узнала об «оренбургских замешательствах» императрица.

Положение в империи было довольно сложным. Война с Турцией, начатая в 1768 году, продолжалась пятый год. Тяготы, с ней связанные (рекрутские наборы, налоги, потери), вызывали ропот среди населения. Велись переговоры о мире, но турки, подстрекаемые французским двором, не шли на уступки. Он же настраивал против России Швецию. Правители этой страны не могли смириться с итогами Северной войны; в их расчеты не входило, естественно, дальнейшее усиление своего и без того грозного соседа (после побед над Турцией, недавнего первого раздела Речи Посполитой, по которому Россия получила часть земель, входивших в свое время в состав Древней Руси и захваченных у нее великими князьями литовскими и королями польскими во времена татаро-монгольского нашествия и ига). При дворе Екатерины II ожесточенную борьбу вели между собой две «партии» — одна, во главе с Н.И. Паниным, держала сторону подраставшего цесаревича Павла Петровича, которому и прочила вручение власти над Российской империей; другая, возглавлявшаяся братьями Орловыми, сыгравшими немалую роль в возведении на трон Екатерины Алексеевны, хотела бы сохранить реальную власть именно в ее руках, поскольку из «матушкиных ручек» на них, как из рога изобилия, сыпались блага — награды и чины, земли и крепостные крестьяне.

Но Екатерина сумела устроить свои дела — сына женила (16 августа 1773 года — обручение с принцессой гессен-дармштадтской Вильгельминой, получившей в России имя

Натальи Алексеевны, 29 сентября — бракосочетание), руководителей «партий» осыпала милостями. Власть, причем на долгие годы, до кончины, осталась у нее. Другие дела тоже постепенно улаживались неплохо. Но впечатление портили не совсем удачный поход фельдмаршала графа П.А. Румянцева за Дунай против турок и особенно внутренние неурядицы. «Маркиз Пугачев», как насмешливо изволила Екатерина именовать самозванца, сильно мешал ей в общественном мнении страны, которую судьба вручила ей во владение и управление, и за ее рубежами. Слухи о действиях и успехах «злодея» распространялись повсюду и очень быстро, иностранные дипломаты при петербургском дворе отправляют домой донесения с вестями о Пугачеве. Сведения о нем, о выступлении в далеком Оренбургском крае власти вынуждены были обнародовать в печати. Естественно, в их глазах, как и в интерпретации местных губернаторов, Пугачев и его дело изображались самыми черными красками. «Глупый фарс», «глупая казацкая история», «злодейская толпа», «изверги» — таковы были оценки правительственного, дворянского лагеря.

Все же Екатерина II сильно обеспокоилась «замешательствами», которые начались под прикрытием имени ее мужа, задушенного гвардейцами. Она даже засомневалась — хватит ли для их подавления тех войск, которые высланы против Пугачева. Но ее успокоили: на Государственном совете 15 октября «матушка» получила заверения, что «бунт» донского беглеца «не может иметь следствий, кроме что расстроить рекрутский набор и умножить ослушников и разбойников». Днем раньше, то есть сразу же по получении вестей о Пугачеве, официальный Петербург зашевелился. Посыпались распоряжения — в Казань направляли гренадерскую роту Вятского пехотного полка, стоявшего в Новгороде, генерал-майора Фреймана, душителя Яицкого восстания 1772 года, и три пушки из Калуги; царицынского и Дмитриевского комендантов обязали не пропускать Пугачева через Волгу на Дон. Наконец, «ныне же наскоро» (по выражению Чернышева, вице-президента Военной коллегии) послали в качестве главнокомандующего войск против Пугачева генерал-майора Кара.

Генерал был военным опытным — участвовал в ряде сражений времен Семилетней войны, выполнял сложные дипломатические поручения в Польше; в 1769 году его назначили командиром Иностранного легиона, переименованного потом в Санкт-Петербургский легион. По случаю нового назначения, очень важного в глазах властей, императрица дала 14 октября собственноручный указ: «...Повелеваем вам, как наискорее, туда отправиться и, приняв в свою команду как там находящиеся войска, так и отправленных с Москвы 300 человек рядовых при генерал-майора Фреймане да из Новгорода гренадерскую роту, равномерно и, если в том нужду усмотрите, башкирцев и поселенных в Казанской губернии отставных столько, сколько надобность потребует, учинить над оным злодеем поиск и стараться как самого его, так и злодейскую его шайку переловить и тем все злоумышление прекратить». Рейнсдорп и Брандт должны были оказывать во всем содействие главнокомандующему.

Кар спешно выехал из Петербурга. По дороге, в Вышнем Волочке, его догнал курьер и вручил ему манифест, составленный по поручению императрицы в Государственном совете (решение об этом приняли на заседании 15 октября). В нем излагалась история самозванца Пугачева, его выступления с «шайкой» собранных им «воров и бродяг из яицких селений»; говорилось, что он «дерзнул принять имя покойнаго императора Петра III, произвел грабежи и разорения в некоторых крепостях по реке Яику, к стороне Оренбурга, и сим названием маломысленных людей приводит в разврат и совершенную пагубу. Мы, о таковых матерински сожалея, чрез сие (то есть этим манифестом. — *В. Б.*) их милосердно увещеваем, а непослушным наистрожайше повелеваем от сего безумия отстать...». Ослушникам манифест от имени Екатерины угрожал всякими карами и призывал всех споспешествовать генералу Кару «к прекращению сего безбожнаго между народом смятения и к доставлению скорейшаго способа тому нашему генерал-майору к истреблению упорственуых и к доставлению в его руки самого того главного вора, возмутителя и самозванца».

Стремясь скрыть от населения происходящее, манифест отпечатали в типографии Сената тайно, в количестве 200 экземпляров. Текст его Кар должен был публике именно в ее

руках, поскольку из «матушкиных ручек» на них, как из рога изобилия, сыпались блага — награды и чины, земли и крепостные крестьяне.

Но Екатерина сумела устроить свои дела — сына женила (16 августа 1773 года — обручение с принцессой гессен-дармштадтской Вильгельминой, получившей в России имя Натальи Алексеевны, 29 сентября — бракосочетание), руководителей «партий» осыпала милостями. Власть, причем на долгие годы, до кончины, осталась у нее. Другие дела тоже постепенно улаживались неплохо. Но впечатление портили не совсем удачный поход фельдмаршала графа П.А. Румянцева за Дунай против турок и особенно внутренние неурядицы. «Маркиз Пугачев», как насмешливо изволила Екатерина именовать самозванца, сильно мешал ей в общественном мнении страны, которую судьба вручила ей во владение и управление, и за ее рубежами. Слухи о действиях и успехах «злодея» распространялись повсюду и очень быстро, иностранные дипломаты при петербургском дворе отправляют домой донесения с вестями о Пугачеве. Сведения о нем, о выступлении в далеком Оренбургском крае власти вынуждены были обнародовать в печати. Естественно, в их глазах, как и в интерпретации местных губернаторов, Пугачев и его дело изображались самыми черными красками. «Глупый фарс», «глупая казацкая история», «злодейская толпа», «изверги» — таковы были оценки правительственного, дворянского лагеря.

Все же Екатерина II сильно обеспокоилась «замешательствами», которые начались под прикрытием имени ее мужа, задушенного гвардейцами. Она даже засомневалась — хватит ли для их подавления тех войск, которые высланы против Пугачева. Но ее успокоили: на Государственном совете 15 октября «матушка» получила заверения, что «бунт» донского беглеца «не может иметь следствий, кроме что расстроить рекрутский набор и умножить ослушников и разбойников». Днем раньше, то есть сразу же по получении вестей о Пугачеве, официальный Петербург зашевелился. Посыпались распоряжения — в Казань направляли гренадерскую роту Вятского пехотного полка, стоявшего в Новгороде, генерал-майора Фреймана, душителя Яицкого восстания 1772 года, и три пушки из Калуги; царицынского и Дмитриевского комендантов обязали не пропускать Пугачева через Волгу на Дон. Наконец, «ныне же наскоро» (по выражению Чернышева, вице-президента Военной коллегии) послали в качестве главнокомандующего войск против Пугачева генерал-майора Кара.

Генерал был военным опытным — участвовал в ряде сражений времен Семилетней войны, выполнял сложные дипломатические поручения в Польше; в 1769 году его назначили командиром Иностранного легиона, переименованного потом в Санкт-Петербургский легион. По случаю нового назначения, очень важного в глазах властей, императрица дала 14 октября собственноручный указ: «...Повелеваем вам, как наискорее, туда отправиться и, приняв в свою команду как там находящиеся войска, так и отправленных с Москвы 300 человек рядовых при генерал-майора Фреймане да из Новгорода гренадерскую роту, равномерно и, если в том нужду усмотрите, башкирцев и поселенных в Казанской губернии отставных столько, сколько надобность потребует, учинить над оным злодеем поиск и стараться как самого его, так и злодейскую его шайку переловить и тем все злоумышление прекратить». Рейнсдорп и Брандт должны были оказывать во всем содействие главнокомандующему.

Кар спешно выехал из Петербурга. По дороге, в Вышнем Волочке, его догнал курьер и вручил ему манифест, составленный по поручению императрицы в Государственном совете (решение об этом приняли на заседании 15 октября). В нем излагалась история самозванца Пугачева, его выступления с «шайкой» собранных им «воров и бродяг из яицких селений»; говорилось, что он «дерзнул принять имя покойнаго императора Петра III, произвел грабежи и разорения в некоторых крепостях по реке Яику, к стороне Оренбурга, и сим названием маломысленных людей приводит в разврат и совершенную пагубу. Мы, о таковых матерински сожалея, чрез сие (то есть этим манифестом. — В. Б.) их милосердно увещеваем, а непослушным наистрожайше повелеваем от сего безумия отстать...». Ослушникам манифест от имени Екатерины угрожал всякими карами и призывал всех споспешествовать генералу Кару «к прекращению сего безбожнаго между народом смятения и к доставлению

скорейшего способа тому нашему генерал-майору к истреблению упорственных и к доставлению в его руки самого того главного вора, возмутителя и самозванца».

Стремясь скрыть от населения происходящее, манифест отпечатали в типографии Сената тайно, в количестве 200 экземпляров. Текст его Кар должен был публиковать на месте «обще с губернаторами», то есть с Брандтом и Рейнсдорпом.

23 октября в Петербурге получили новые донесения (от 7 и 9 октября) из Оренбурга. Узнав о взятии липких крепостей Пугачевым, тяжелом положении города, Екатерина тут же потребовала, чтобы архиепископ казанский Вениамин обратился с увещанием к прихожанам не приставать к самозванцу под страхом вечного проклятия. Курьеры Военной коллегии поскакали в разные места: Волконскому приказывалось срочно, на ямских подводах, отправить в Казань гренадерскую роту Томского полка, генерал-аншефу князю В.М. Долгорукову — два гусарских эскадрона из Бахмута в Царицын; генерал-майору Кречетникову и генерал-поручику Каховскому, псковскому и могилевскому губернаторам, — четыре легких полевых команды (22-я — 25-я) в Саратов (причем делать это «в наивысшем секрете»). Князь Орлов, генерал-фельдцейхмейстер, должен был срочно отослать 2 тысячи ружей в Казань, два орудия — в Москву. 700 башкирам, пришедшим из Польши в Смоленск, приказали следовать в Оренбург. Астраханскому губернатору П.Н. Кречетникову предписали иметь пребывание в Саратове, чтобы предотвратить переход на сторону Пугачева «инородцев» Нижнего Поволжья, генералу Деколонгу — принять меры к охране рудокопных заводов Сибири.

Сибирские власти — губернатор Чичерин, комендант Троицкой крепости бригадир де Фейервар — выслали отряды к Оренбургу, собирали по крепостям новые силы. Фейервар сообщал Чернышеву о безотрадном положении дел в Оренбуржье, где «злодей нечаянно своею хитростью и силою Ивану Андреевичу Рейнсдорпу к распоряжению все силы отнял... Оный злодей весьма усилился. Всех казаков и башкирцев приводит к колебанию, киргизы (казахи. — В. Б.) опасны, к настоящего предводителя (у правительственных сил. — В. Б.) нет. Мы подобны здесь стадам без пастыря; всякий старается, да ничего не успеваает, а неприятель между тем усиливается». Одним словом, «велика есть здесь опасность и требует скорой помощи», в частности, присылки «в самоскорейшем времени надежного генерала, который бы мог своим авторитетом и распоряжением здесь порядок завести и общественного злодея истребить».

Командующий сибирскими войсками генерал-поручик Деколонг по просьбе того же Фейервара приказал командам, расквартированным в Омске, Кузнецке, Усть-Каменогорске, двигаться к Оренбургу. Сам он с войсками перебрался в Троицкую крепость. Правда, Рейнсдорп от помощи сибирских коллег отказался, полагая, что и сам, своими силами, справится со «злодеем». Правда, в Петербург он слал донесения, которые говорят о крайней его обеспокоенности, но, поелику возможно, старался ее преуменьшить (в глазах императрицы) или скрыть (от сибирских соседей, в частности) и, самое главное, не делиться славой с другими по поводу предстоящего разгрома пугачевской «шайки», в чем он поначалу не сомневался. Уверенность его быстро испарялась, и губернатор с нетерпением ожидал помощь, откуда бы она ни прыгала. Но после окружения Оренбурга восставшими, прекращения связей с внешним миром он сообщить об этом тем же Деколонгу или Фейервару уже не мог.

Власти, местные и центральная, начали принимать меры против Пугачева, заметно обеспокоились. Но размах движения, разгоравшегося все сильнее, до сих пор оставался не замеченным ни правительством, ни главнокомандующим. Достаточно сказать, что они поначалу рассчитывали подавить «бунт» лишь с помощью сил, имевшихся на месте, и чуть более полутысячного отряда, который направлялся вместе с Каром (остальные части, предназначенные для карательных акций, могли выйти из мест дислокации не ранее ноября, и их прибытие к Казани ожидалось не ранее января 1774 года).

Кар и Фрейман из Москвы и Калуги скакали в Казань. А ее губернатор Брандт в это время предпринимал дальнейшие шаги — ставропольский комендант бригадир фон Фегезак

по его приказанию должен был собрать военные части и спешить на выручку к Оренбургу; симбирский комендант полковник Чернышев с отрядом — идти по Самарской линии к Бузулуку; туда же, но восточным маршрутом от Кичуя по Ново-Московской дороге, через Бугульму — отряд премьер-майора фон Варнстедта из 600 человек с 5 орудиями.

30 октября в Кичуевский фельдшанец прибыл Кар. В его распоряжение поступили отряды Чернышева, Варнстедта и стоявший в Кичуе отряд майора Афанасьева, всего около 3,5 тысячи человек, из них собственно «армейских», то есть опытных солдат, немногим более 600 человек; остальные были или гарнизонными солдатами, уже отвыкшими от службы (более 1800 человек), или плохо вооруженными «поселянами» (более 1200 человек). Но все же в большинстве своем они имели непосредственное отношение к «регулярству», то есть к настоящей военной службе, в прошлом или настоящем. К тому же Брандт уверил Кара, что «толпа» Пугачева, состоящая из «сушей сволочи», невелика по числу.

Кар решил двигаться к Оренбургу по двум направлениям — по Ново-Московской дороге и Самарской линии, ударить с двух сторон по Пугачеву. Правда, до него уже начало доходить понимание того, что обстановка в районе восстания сложилась для властей довольно серьезная. 31 октября он пишет из Кичуя письма Чернышеву и Вяземскому, отмечает, что нашел «весь здешний край в смятении», не надеется получить легкие войска для преследования Пугачева, так как собранные на Самарской линии 500 калмыков взбунтовались и разбежались, от башкир того же ожидать можно.

Действительно, из двух тысяч башкир, собранных на Бугульчанской и Стерлитамакской пристанях, часть уже отказалась повиноваться властям, другие открыто собирались идти к «законному государю» — Пугачеву под Оренбург. Местное население не верило увещательным манифестам Екатерины II.

— Хоть и устраивают нас, — кричали яицкие казаки, когда им читали тексты, — публикуемыми манифестами, но мы того не боимся!

Подобное «зловредное отпрыгновение» (по словам яицкого коменданта Симонова) случалось и в других местах. Илецкие казаки арестовали посланца с манифестом, чтобы отослать в пугачевскую ставку. В народе говорили, что «их (пугачевцев. — В. Б.) манифесты правее». Тем самым в той борьбе за умы, души людей, которая развернулась в районах Крестьянской войны уже на первом ее этапе (с сентября 1773 года до марта 1774 года, когда восставшие потерпели сильные поражения и отступили в Башкирию и на Урал), народные низы, безусловно, встали на сторону Пугачева, отказывая в доверии правительственным призывам.

Тем не менее Кар был уверен в скорой и решительной победе. В письме императрице того же 31 октября он уверял ее: опасается-де «только того, что сии разбойники, сведав о приближении команд, не обратились бы в бег, не допусая до себя оных». С такой решимостью он и отбыл к отряду Варнстедта в Бугульму. Приехал туда 2 ноября и вскоре вышел на юг. 6 ноября с отрядом почти в 1,5 тысячи человек при пяти орудиях он находился в деревнях Мустафиной и Сарманаевой. Чернышеву полагалось идти быстрым маршем по Самарской линии и захватить Татищеву крепость, чтобы преградить Пугачеву путь к бегству, затем идти с запада на восток — к Чернореченской крепости и Оренбургу. Кар при этом не знал, что из Верхне-Озерной крепости с востока на запад движется к Оренбургу отряд Корфа почти в 2,5 тысячи человек с 29 орудиями, а у Орска стоят войска Деколонга.

Кар не представлял точно обстановку, сложившуюся к началу ноября, — не только о передвижениях Корфа, но и о намерениях Деколонга и Фейервара, о положении в Оренбурге и лагере Пугачева. Посылка шпионов к Пугачеву результатов не дала — генерал жаловался, что они с его «записками» перебегают к «изменникам» и сообщают им «об нашем состоянии», то есть о действиях и планах. Пугачев и его помощники, таким образом, в отличие от Кара хорошо знали обо всем, что делается у противника. «Незнаемо откудава приезжий мужик» явился к Овчинникову, войсковому атаману пугачевской армии, и сообщил:

— К Сакмарю идет еперал Кар с командою.

— Велика ли команда?

— Не добро велика, однако такп и не мала ж.

Пугачев тут же получил «депорт». Он выслал разведку — отряд сотника Пономарева в 60 человек.

В это время, 7 ноября, Кара известили о восстании на Авзяно-Петровском заводе и передвижении оттуда к Пугачеву отряда Хлопуши (500 человек с шестью пушками и мортирами). Генерал, чтобы перехватить «толпу», выслал вперед полутысячный отряд секунд-майора Шишкина с двумя орудиями. Тот занял деревню Юзееву, что в 32 верстах от Мустафиной и 92 верстах от Оренбурга.

Пугачев направил навстречу врагу отряд во главе с Овчинниковым и Зарубиным — около тысячи яицких казаков Чики и 1,5 тысячи башкир Идыра Баймекова. К ним в деревне Биккуловой, недалеко от Юзеевой, присоединился Хлопуша. Здесь произошла первая стычка — отряд Зарубина (400 человек) атаковал авангард противника, завязалась перестрелка из орудий. На сторону восставших перешли 18 конных татар из отряда Шишкина, но последний отбил атаку. Вскоре подошли основные силы во главе с Каром.

Утром 8 ноября Кар обнаружил, что он с отрядом окружен — вокруг Юзеевой стояло до 800 человек восставших. Представители последних уговаривали солдат передаться на их сторону. После перестрелки восставшие, имевшие всего одно орудие, отступили к мельнице, стоявшей верстах в двух от дороги, к основным силам. Там находились Овчинников и другие предводители. Кар, ожидавший подхода подкрепления — гренадерской роты, весь день простоял в деревне, считая, что «толпа» совсем рассеялась.

Но Овчинников внимательно за ним следил. Высланные им казацкие разъезды задержали полкового квартирмейстера, и тот сообщил, что следом за ним подходит гренадерская рота. С наступлением ночи ее встретили в тылу отряда Кара повстанцы и открыли огонь из орудий. Солдаты спали в санях, ружья заряжены не были. Пока они их разбирали, восставшие окружили роту и солдаты после «уговаривания, чтоб они не стреляли», положили оружие. За исключением убитых — двух офицеров и семерых нижних чинов, остальные сдались в плен.

Ночные выстрелы услышали в лагере Кара. Генерал, полагая, что он полностью окружен, утром 9 ноября вывел свой отряд из Юзеевой. Он решил отступить к северу, чтобы соединиться с гренадерской ротой, не зная, что она уже не существует. На отступавших обрушился огонь девяти орудий. Превосходство в артиллерии было на стороне повстанцев, стреляли они метко, подбив два орудия противника (остальные три оказались негодными). Особенно отличился канонир Иван Шишка, который вывел из строя единорог врага. Кар, Фрейман, Варн-стедт, построив отряд в колонну, 17 верст медленно отступали, сдерживая натиск. Повстанцы действовали рассыпным строем, легко маневрируя по степи, ставили орудия в разных местах, обстреливая врага с удобных в каждый момент боя позиций. Так продолжалось восемь часов.

В течение трех дней, с 7 по 9 ноября, Кар потерял 123 человека. Несколько десятков экономических крестьян из его отряда перебежали к повстанцам. Солдаты не раз кричали, что бросят ружья. Генерал отступил сначала к деревне Сарманаевой, потом к деревне Дюсметевой. Отряд его был разбит, но все-таки, хотя и сильно потрепанный, оторвался от восставших. Овчинников сказал потом Пугачеву, что генерала «упустили», потому что «недостало у нас картузов», то есть зарядов для орудий. Тем не менее, учитывая переход гренадерской роты на сторону восставших, потери основных частей Кара, его отступление, можно было считать, что Пугачев одержал победу на поле боя над правительственными войсками. Хотя последние не были укомплектованы полностью боеспособными силами, у них не хватало артиллерии, запасов, одежды (стояли сильные морозы, и солдаты изрядно «перезнобились»), но все же повстанцам, которые тоже ведь терпели лишения, противостояли лучше организованные части.

В ставке Пугачева отпраздновали победу. Пленных привели в Бердскую слободу. На улицу вышли пугачевцы. Емельян Иванович сел в кресло. Ему представляли пленных,

которых приводили к присяге, допускали к руке «императора», а он по этому случаю платочком утирал глаза:

— Вот, детушки, бог привел меня опять над вами царствовать по двенадцатилетнем странствовании.

Торжественный обряд закончился, и Пугачев, встав с кресла, махнул рукой:

— Жалую вас землями, морями и лесами, крестом и бороною и всякою вольностию!

Солдаты были весьма довольны приемом, обещаниями вольной жизни. Двое из них тут же заявили, что видели в Петербурге императора и теперь снова его узрели. Пугачев тоже был доволен — такая агитация поддерживала боевой дух повстанцев, так как, по его словам, «мужики верят более солдатам (выходцам из их среды. — *В. Б.*), чем казакам».

Среди пленных оказалось двое офицеров, которые, как и солдаты, сдались без боя и заявили о готовности служить «государю». Одного из них, поручика Волжинского, Пугачев сделал атаманом; другого, подпоручика Швановича, — есаулом. Через несколько дней он вызвал к себе подпоручика:

— Откуда ты родом?

— Я из Петербурга. Государыня Елизавета Петровна меня крестила.

— Я слышал, что ты умеешь говорить на иностранных языках?

— Умею, надежа-государь.

Пугачев дал ему лист бумаги и приказал написать по-шведски. Шванович, не знавший этого языка, но ведавший, что самозванец безграмотен, сделал вид, что пишет именно на шведском, хотя на самом деле написал на немецком. Емельян был удовлетворен:

— Напиши еще на каком ты знаешь языке.

«Ваше величество Петр III» быстро написал подпоручик по-французски.

— Мастер!.. — Пугачев повертел лист бумаги перед глазами. Одарив Швановича шубой и шапкой, он указал ему ведать составлением бумаг на иностранных языках. Тот впоследствии это и делал, писал письма на немецком и французском языках, в том числе к Рейнсдорпу.

Между тем отступивший Кар, поняв, что не так легко разбить и рассеять «злодеев», что вокруг люди, в том числе и его солдаты, «нетверды» в повиновении властям, приказал Чернышеву прекратить движение к Оренбургу, остановиться у Переволоцкой крепости или даже отступить к Сорочинской. Но сделать этого не удалось — его курьера 13 ноября схватили пугачевцы у Бузулука. Чернышев шел к Чернореченской крепости (в 18 верстах к западу от Оренбурга). В 20 с лишним верстах к востоку от города обещал быть к ночи 12 ноября Корф. Донесения обоих, полученные в Оренбурге, обрадовали губернатора. Ночью 13 ноября Рейнсдорп отправил им предписания об одновременном выходе к Оренбургу. Он приготовил для вылазок и соединения с ними отряд численностью около тысячи человек.

Таким образом, расчет властей и командиров состоял в том, чтобы с трех сторон ударить по лагерю Пугачева в Берде и разгромить его. Но случилось иначе. Чернышев в первом часу ночи прибыл в Чернореченскую и расположил было на ночлег свой отряд (1200 человек — 600 гарнизонных солдат, 500 ставропольских калмыков, 100 казаков из крепостей, 15 орудий). Но, получив известие о поражении Кара и возможном нападении Пугачева, имевшего большие силы, полковник поднял всех на ноги. Он решил тайно, под покровом ночной темноты, пробраться в Оренбург. Отряд снялся с лагеря, впереди двигалась конница, за нею — артиллерия, пехота, огромный обоз. Узкая дорога шла по мелкоколесью, отряд растянулся длинной цепочкой. На заре 13 ноября он перешел реку Сакма-ру и начал подниматься на Маячную гору, что верстах в четырех от Оренбурга.

Здесь их ждало двухтысячное войско восставших. В Нем находился и Пугачев, накануне получивший весть о марше Чернышева. Едва отряд перевалил гору и начал спускаться, его встретили выстрелы двух пугачевских орудий. Он был окружен со всех сторон. Довольно быстро к Пугачеву перешли ставропольские калмыки, казаки, потом, после короткой перестрелки, солдаты. Весь отряд попал в плен. Погибли только пять солдат и два повстанца.

Чернышев, который ехал в санях одетым в простое мужицкое платье, сел на козлы, взял в руки вожжи — так надеялся он избыть беду. Вскоре всех пленных привели в лагерь. Солдат разоружили, офицеров (32 человека) посадили под арест.

МИМО пленных проходил Давилин, пугачевский дежурный. Он заметил на козлах странного человека — в старом армяке, но руки у него, как потом показал Пугачев, «нерабочие». Давилин тут же выяснил суть дела:

— Что ты за человек?

— Извозчик.

— Скажите, братцы, правду, — Данилин обратился к солдатам, — что это за человек?

— Это наш полковник Чернышев!

Чернышева посадили к офицерам под караул. Вскоре всех привели к самозванцу, который с возмущением их спрашивал:

— Как вы осмелились вооружиться против меня? Ведь вы знаете, что я ваш государь!

На солдат пенять нельзя: они простые люди, а вы офицеры и регулы¹⁵ знаете.

Потом остановил взгляд на Чернышеве:

— Ты еще полковник, а нарядился мужиком! Если бы ты шел в порядке, то можно бы было тебе попасть и в Оренбург. Тебя и всех вас велю повесить за то, чтобы вы знали своего государя!

Всех офицеров казнили, пленных разделили по повстанческим сотням. Но победа, торжества по этому случаю (обильный обед с возлияниями) привели к потере бдительности — как раз в это время к Оренбургу подошел Корф с большим отрядом и обозом. Сообщение об этом принес во время обеда посланец Я. Пономарева, который с четырьмя казаками находился в дозоре. Пугачев вскочил:

— Казаки, на кони!

Все шумной толпой бросились к коням. Но не успели. К тому же отряд Корфа шел не той дорогой, какой предполагали восставшие. Бригадир изменил свой маршрут по приказу Рейнсдорпа, который, услышав ночные выстрелы, догадался о печальной судьбе Чернышева и необходимости спасения Корфа. Оренбургский гарнизон 13 ноября пополнился 22 орудиями, почти 2,5 тысячи солдат, правда, не очень боеспособных. Но все же это было на руку осажденным, и Рейнсдорп воспрянул духом.

Для осаждавших это означало продолжение осады. В правительстве, испытывавшем сильную тревогу при известии о Каре и Чернышеве, с облегчением наблюдали за тем, как Пугачев уже долгое время стоит под Оренбургом и, по всей видимости, не собирается уходить. Императрица писала 1 декабря в Москву Волконскому о «неслыханной суровости», «неистовстве» восставших, но, добавляла она, «в несчастии сем можно почесть за счастье, что сии каналы привязались два месяца целые к Оренбургу, а не далее куда пошли».

Российское дворянство после поражения Кара и Чернышева испытало чувство паники, страха и ненависти к «подлым», которые одерживали победы на юго-восточной окраине империи, угрожали их благополучию, а в сердца всех угнетенных вселяли надежды на освобождение от помещиков.

Рейнсдорп, ободренный прибытием Корфа, на следующий же день, 14 ноября, организовал вылазку — отряд Валлерштерна в 2,4 тысячи человек с 22 орудиями вышел из города. Ему навстречу двинулась нестройная 10-тысячная сермяжная рать Пугачева с 40 орудиями. Полтора часа продолжалась перестрелка. Валлерштерн видел, что его постепенно окружают восставшие, и, построив свой отряд в каре, приказал отступать через их ряды, отстреливаясь по пути. Он возвратился в Оренбург, потеряв при этом 32 человека убитыми и 93 ранеными. Для Пугачева это был новый успех.

Кар после отступления от Юзеевой на новое наступление не решался. Со всех сторон поступали известия об увеличении рядов восставших, количества орудий, снарядов, пороха,

---

¹⁵ *Регулы* — правила.

имевшихся у них. Топчась на месте, Кар, но его словам, «принужден только маячить, а к Оренбургу идти, то надобно всю собранную горстку людей (то есть его отряд. — В. Б.) от морозов и злодейской канонады бесплодно только потерять». В том же письме Чернышеву 11 ноября Кар сообщил, что, оставив командование Фрейману, он сам решил ехать в Петербург, чтобы ознакомить власти «о многих сего края подробностях», — генерал надеялся, что правящие деятели поймут то, что он понял ценой поражения. Ему направили письмо президента Военной коллегии. Тот упрекал его в «неосмотрительности» и предупреждал «отнюдь команды своей не оставлять и сюда ни под каким видом не отлучаться». Если же он находится в пути, то ему тотчас нужно ехать «к порученной Вам команде». Но Кар, бывший в горячке от простуды, чувствуя нестерпимую ломоту в костях, не успел получить письмо, сдал дела Фрейману и уехал в Казань.

Его появление в Казани, отъезд из нее в Москву, куда приехал в конце месяца, произвели на дворян российских и императрицу со двором впечатление очень неблагоприятное. Начались переполох, пересуды, упреки. Генерала, правда, предупредили, чтобы он «о тамошних делах ничего ни с кем, а по малой мере предосудительного не говорил» (слова Волконского, о которых он сообщил императрице).

В Казани и поблизости от нее содержалось до 6 тысяч колодников, из Москвы ожидали еще 700. Немало было и конфедератов, которых тоже опасались. Казанской губернии, по общему убеждению местных дворян, угрожала страшная и неизбежная опасность. Многие из них бежали поближе к Москве, в соседние уезды. А их крестьяне начали громить имения своих господ.

Письмо Чернышева Кар получил 29 ноября при подъезде к первопрестольной. Больной генерал, несмотря на приказ, въехал в Москву и тем, по отзыву Волконского, «худья толкования в публике здесь произвел как в положении оренбургских дел, так и его персоны, что я сердечно сожалею». По городу пошли разговоры, многие дворяне осуждали Кара, считая его беглецом, трусом.

— Какой это генерал, — говорили они, — что не мог с такими бездельниками управиться и сам сюда ушел!

— Его надобно бы было повесить!

— Отдать его, — считали другие, — под суд!

Обо всем стало известно в Петербурге. Екатерина через Волконского передала, что не хочет видеть Кара, а Военная коллегия по ее же повелению дала ему «апшид» — отставку. Императрица считала, что из-за «худого поведения» Кара оренбургские деда «более испорчены, нежели поправлены»; «в нужное время не надобно, чтобы больной и трус занимал место и получал жалованья». Она была обеспокоена, чтобы в Москве не развелось лишних разговоров о пугачевском «бунте». «А если на Москве от его приезда болтанья умножились, — писала она московскому главнокомандующему, — то обновите из Сената указы старые о неболтании, каковых много есть и в старые времена, и при мне уже часть о сем обновлялась память и с успехом».

Отставкой от службы Кара сделали козлом отпущения: И он и власти, последние, правда, с трудом, поняли, что теми силами, которые есть в Оренбургской и Казанской губерниях или движутся туда, подавить восстание невозможно. Правительство вскоре приняло срочные, более решительные меры. Сейчас же, в обстановке общей паники среди дворян, оно по-прежнему стремилось преуменьшить размах и значение «оренбургских замешательств», численность восставших, их мужество и решимость. Тот же Кар, карьера которого закончилась под орудийные залпы пугачевских пушек, отдавал должное «мужикам», о которых он отзывался столь пренебрежительно, когда ехал на театр военных действий. Он писал в Военную коллегия об их действиях на поле боя: «...Сии злодеи ничего не рискуют, а чиня всякие пакости и смертные убийства, как ветер по степи рассеиваются, артиллерией) своею чрезвычайно вредят. Отбивать же ее атакою пехоты также трудно, да почти нельзя, потому что они всегда стреляют из нея, имея для отводу готовых лошадей; и как скоро приближаться пехота станет, то они, отвезя ее лошадьми далее на другую гору и

опять стрелять начинают, что весьма проворно делают и стреляют не так, как бы от мужиков ожидать должно было».

Обвинения верхов, дворян в адрес Кара в трусости, бегстве с театра военных действий действительности не соответствуют. Генерал видел, что в Петербурге и Москве правители не понимают всю серьезность положения: численность и боевой дух армии Пугачева, склонность к нему большинства местного населения. Генерал сделал все что мог со своими силами, но их малочисленность и, наоборот, большая численность пугачевцев, враждебность к карателям массы простолюдинов, повсеместное недовольство гнетом и насилиями помещиков и властей свели на нет все его усилия. Он поскакал в Петербург, чтобы доказать, убедить, упросить, но его не пустили даже на порог... Значение того, что происходило на далеком юго-востоке, все более резко и четко входило в сознание начальства. Волконский к письму графу Чернышеву 20 ноября делает характерную приписку: «По мнению моему, надо необходимо туда конницы побольше, а на тамошних надеяться нельзя и употреблять их не надо; они все к злодею перебегут, будучи заражены». Те же мысли он через три дня развивает в письме императрице: «Я думаю, весьма б надобно нарочитый корпус целыми полками туда отправить, чтобы скорым разрушением бунтовщиков сие зло до дальнейшего распространения не допустить». Князь кое-что сделал по своей инициативе для посылки отряда к Казани, но это было мало — в Москве войск не хватало.

Власти, обвиняя Кара, одновременно лихорадочно наверстывают упущенное — мобилизуют войска, назначают нового главнокомандующего и т. д. Императрица 25 ноября Козьмину сообщила: «Кару не суще удачно было, он был окружен, людей немалое число потерял; у злодея, сказывают, 70 пушек. Я посылаю Бибикова с тремя полками. Кар, потеряв трамонтан (сбившись с толку. — *В. Б.*), сюда скачет».

Правительство по-прежнему старалось скрыть известия о Пугачеве. В верхах были недовольны нераспорядительностью Чернышева и его Военной коллегией. Императрица потребовала от нее принятия решительных мер. Первой из них стало назначение в конце ноября главнокомандующим карательных войск генерал-аншефа Бибикова — человека энергичного, образованного и опытного. Служил он в московском Сенате, работал как военный инженер в Кронштадтской крепости, изучал техническую часть артиллерии в Саксонии, собирал в Пруссии и Померании сведения о расположении войск и запасах продовольствия. В Семилетнюю войну вступил в чине подполковника, командовал третьим мушкетерским полком. За храбрость в Цорндорфском сражении (14.8.1758 г.) его произвели в полковники. Через год назначают комендантом Франкфурта-на-Одере. Еще через два года он во главе пехотной бригады разгромил отряд генерала Вернера под Кольбергом. В феврале следующего, 1762 года, уже в конце войны, его произвели в генералы. Тогда 5ке Екатерина II, только что вступившая на престол, посылает молодого блестящего генерала в Холмогоры. Там находился в ссылке принц Антон-Ульрих Брауншвейгский, образ мыслей которого нужно было разузнать. Бибиков и это поручение выполнил полностью. Потом он умирал волнения заводских крестьян в Казанской и Симбирской губерниях. В 1767 году императрица назначает его маршалом (председателем) Комиссии для сочинения проекта нового Уложения, которое, по ее мысли, должно было прийти на смену Соборному уложению 1649 года. Правда, Комиссия новый кодекс законов не выработала, и «фарса, столь недостойно разыгранная», как назвал ее Пушкин, закончилась ничем — материалы обсуждения наказов депутатов, их словопрения сдали в архив. Но важная роль, сыгранная маршалом, в его карьере не осталась, конечно, незамеченной. Его включают впоследствии в свиту Екатерины II во время ее путешествия по Волге. Осматривал он Финляндию по поручению правительства, присутствовал в Военной коллегии. Императрица вела с ним переписку. Во время первого раздела Польши Бибиков командовал русскими войсками, получил за успешное выполнение возложенной на него миссии орден Александра Невского, чин генерал-аншефа. В июле 1773 года он получает новое назначение, на этот раз под начало к фельдмаршалу П.А. Румянцеву в первую армию на Дунай. На турецком театре военных действий он должен был командовать корпусом, который включал четыре пехотных, два

карабинерных, один гусарский полки и полутысячу донских казаков. Но Бибиков не считал это назначение милостью; причина тому — неприязненные личные отношения с фельдмаршалом. Он просит разрешения приехать в Петербург, надеясь, что там поймут его доводы и пошлют куда-нибудь в другое место. Ему позволили. Императрица в это время находилась в Царском Селе «для стреляния тетеревей». Туда дважды приглашали Бибикова к высочайшему столу. Вероятно, в эти приезды и решился вопрос о новом месте службы. 29 ноября его официально назначили командовать войсками против Пугачева.

Бибиков получил чрезвычайные полномочия для умирения восставших. Екатерина в рескрипте на его имя писала о необходимости «скорого и совершенного прекращения сего важного зла до последних его источников». Избранного для этой цели генерала она аттестует как «истинного патриота, коего усердие к особе нашей, любовь и верность к отечеству, ревность к нераздельной службе онаго и нашей, также и отличные качества, способности и дарования испытаны уже нами во многих случаях». По ее же указу все начальники и подданные должны были оказывать повиновение и содействие Бибикову, приказы которого приравнялись к указаниям самой императрицы. Похвалы Бибикову, рассуждения об общем государственном благе, восстановлении спокойствия и прочие слова, в обилии рассыпанные в этом и других рескриптах, указах Екатерины II, призваны, конечно, обосновать взгляды правящих верхов, всего российского дворянства на происходящие события, упрочить еще раз легитимистские принципы незыблемости существующего строя, обосновать необходимость расправы над Пугачевым и всеми

восставшими рабами, всей этой шайкой «злодеев», «извергов», «мучителей» и т. д. Императрица советовала Бибикову быстро, не дожидаясь сбора войск, ему выделенных, ехать в Казань и на месте ознакомиться со всеми обстоятельствами, прежде всего — с действиями восставших, и, «познав прямо их силы, их связь в земле, их ресурсы в пропитании, их внутреннее между собою управление, словом, физическое и моральное их положение во всех частях онаго, после тем с большими выгодами поднять на них оружие и действовать наступательно с тою поверхностью, каковую мужество, просвещением и искусством руководствуемое, долженствует всегда иметь пред толпою черни, движущуюся одним бурным фанатизма духовнаго или политическаго вдохновением и помрачением».

Императрица взывает к чувствам дворян, которых рассматривает как опору престола, самодержавия. Действия черни против них («дворяне и чиновные люди, попавшиеся донине, по несчастю, в руки мятежников, все без изъятия и без малейшей пощады преданы лютейшей и поносной смерти»), как правильно заключает самодержица, приводят к тому, что дворяне «интересованы в высшей степени собственная их и семей их личная безопасность, безопасность их имений, да и самая целость дворянского корпуса». Как видно, власть, класс феодалов в лице своей главной представительницы прекрасно понимали, что восстание Пугачева угрожало самому существованию «дворянского корпуса» — всего господствующего класса.

Еще за несколько дней до назначения Бибикова Военная коллегия предписала как можно скорее двигаться к Казани через Москву трем полкам — Изюмскому гусарскому (из Ораниенбаума под Петербургом), второму гренадерскому (из Нарвы) и Владимирскому пехотному (из Шлиссельбурга). Из Петербурга послали шесть орудий с прислугой. Некоторые части из Польши переводились в Смоленск, поближе к театру военных действий против Пугачева. Составили новый манифест к жителям охваченных волнениями мест, не произведший, впрочем, на них никакого впечатления. Бибикову дали в дорогу инструкцию, предоставляющую ему всю полноту власти в тех же местах, указ о подчинении ему всех военных, гражданских и духовных властей; наконец — объявление о награде за доставление Пугачева, живого или мертвого.

По требованию Бибикова, который нашел, что распоряжения Государственного совета 28 ноября о посылке трех полков недостаточны, дополнительно распорядились направить в Казань Архангелогородский карабинерный полк (из Кексгольма), перевести в Новгород и Вязьму два других полка. По тракту Москва — Казань увеличили на станциях число

почтовых лошадей — до сорока на каждой, вплоть до февраля месяца, то есть конца зимы, «ибо, — писала императрица по этому поводу Вяземскому, — посылков много быть может; все же и сие самое уже сделает в людях импрессию (впечатление. — *В. Б.*) о сильных мерах, кои берутся». Власти распорядились колодников, которых назначили на поселение в Сибирь или Оренбуржье, направить в другие места — в Александровскую крепость, в Азов и Таганрог, Ригу и Финляндию; тех же, которые уже имелись в Казанской губернии, переправить в те же Азов и Таганрог, партиями человек по 30, связав канатами, через Воронежскую губернию. Находившихся там же конфедератов, по предложению Бибикова, отослали через Москву и Смоленск к границе с Польшей.

При Бибикове создали так называемую Секретную комиссию, которая должна была срочно выехать в Казань и заняться следствием, допросами. В нее вошли капитан лейб-гвардии Измайловского полка Лукин, подпоручик того же полка Собакин, лейб-гвардии Семеновского полка капитан Маврин, секретарь Тайной экспедиции Сената Зряхов. Командующему придали ряд офицеров, среди них — генерала Мансурова, полковника Бибикова, командира Великолуцкого полка, подпоручика лейб-гвардии Преображенского полка Г.Р. Державина, молодого в ту пору поэта, впоследствии весьма знаменитого, и ряд других.

В Казань Бибиков приехал в ночь с 25 на 26 декабря. К этому времени сюда прибыли некоторые полки, другие находились в пути. В его распоряжение поступили войска генералов Фреймаиа и Деколонга. По пути в край, который предстояло усмирять, он снова и снова просит пополнения, понимая, что без него ему будет трудно, даже невозможно выполнить поставленную перед ним задачу. Так, будучи в середине декабря в Москве, он узнал о набегах казахов на пограничные районы, в чем и сообщил Чернышеву: «Худо еще в прибавок то, что киргизцы начинают беситься. Разбить каналью (Пугачева. — *В. В.*) считаю наверно, да отвратить разорение потребно конных людей больше... Пехоты довольно, но с нею поспевать неможно за сим ветром», то есть за конными повстанцами. Эту просьбу Бибиков повторил, получив известия о повсеместном восстании башкир.

В Нижегородской губернии он сам слышал сочувственные толки людей о Пугачеве. Местный губернатор Ступишин говорил ему о том же. В народе передавались всякие слухи и толки. Чтение манифеста императрицы, непонятного в народе, давало нередко неожиданные результаты — некоторые городские и сельские жители поняли его так, что Пугачева велено называть не императором, а Балтийских островов князем или голштинским князем. Бибиков от имени императрицы приказал распространять указ Секретной комиссии. В нем обличаются «глупые и кривые толки» о самозванце Пугачеве, население призывается к их прекращению, к покорению монаршей воле.

В Казани Бибикова встретили губернатор и прочие представители местной власти. Новый командующий не сдержал себя:

— Для чего дали Пугачеву так усилиться?

Престарелый Брандт вразумительный ответ дать не мог. Тут же состоялось в особой комнате совещание Би-бакова с губернатором. Прошло немного времени, и командующий вышел к остальным, не сдерживая гнева и неудовольствия:

— Государи мои, давно ли сей муж (губернатор. — *В. Б.*) с ума сошел? Что за план его истребления Пугачева? Советует мне защищать границу Казанской губернии и просит только не пропустить его (Пугачева. — *В. Б.*) за оную! Да разве Оренбургская и прочие губернии другого государя? Злодея должно истреблять во всех местах одинаково и делать над ним поиск, если б он был и в воде, дабы в другом виде оттуда не показался!

Бибиков, энергично взявшись за дело, которое ему было поручено как полномочному представителю всего русского шляхетства, ведет себя решительно и, нужно сказать, умело, изображая при этом Пугачева злодеем, исчадием ада. Он внимательно изучает все обстоятельства, местное положение. Находит во всем беспорядок, отсутствие воли в местной администрации. «Наведавшись о всех обстоятельствах, — пишет он жене 30 декабря, — дела здесь нашел прескверны, так что и описать, буде б хотел, не могу. Вдруг себя увидел гораздо

в худших обстоятельствах и заботе, нежели как сначала в Польше со мною было. Пишу день и ночь, пера из рук не выпуская, делаю все возможное и прошу господа о помощи, он один исправить может своею милостию».

Бибикову было от чего приходиться в отчаяние. Нераспорядительность властей, бегство «от страху» многих «воевод и начальников» из своих учреждений и городов, распространение «бунта» на всю Оренбургскую губернию, осада восставшими многих городов — Оренбурга и Яицкого городка, Уфы и Челябинска, Кунгура и др., переход на сторону Пугачева заводских рабочих Урала, башкир, калмыков, казаков, занятие Самары пугачевским атаманом Араловым, угроза «коммуникации с Сибирью», ненадежность местных гарнизонов, многочисленность восставших — все эти и другие известия лишали сна и покоя, заставляли напрягать все силы, снова просить войска, особенно кавалерию... Полки двигались к Казани, но командующему все казалось мало. Он не спешил выступать против Пугачева, понимая, что сил недостаточно. Как и Кар, он вынужден не действовать быстро и решительно, а «маячить» вдали от Пугачева и его атаманов.

Ввиду чрезвычайности положения Бибиков решает обратиться за помощью к самим дворянам, просить их, чтобы они вооружали своих крестьян, но «обнадежась прежде в их твердости». По его поручению предводитель дворянства 1 января 1774 года собрал в Казань дворян. В этот день архиепископ Вениамин совершил литургию в соборе. Затем прочитали манифест, а главный казанский архиерей произнес проповедь-увещание. «Людей всякого состояния» он призывал «ополчаться на защиту веры, отечества, жен и детей их против злобного возмутителя и безбожных его соумышленников», которые «распространяют неслыханное варварство и опустошение, ...предают всех без разбора ужаснейшим истязаниям и мучительной смерти и тем самым подвергаются страшной анафеме, правосудному гневу и мщению божиему и в ожидании адских мучений не избегнут и на земле достойного им наказания».

Эти призывы к верноподданным, обличения и угрозы в адрес ослушников продолжали линию властей на борьбу с восставшими. Они, как и правительственные указы и манифесты, подвергают своего рода идеологической обработке наводные массы, восставших, пытаются противостоять пугачевским манифестам и указам, правда, безуспешно — призывы Пугачева были близки народным чаяниям и требованиям, отвечали самым насущным желаниям, стремлениям угнетенных. Неудивительно, что они, склоняясь на сторону Пугачева, не слушали призывы властей, светских и духовных. Последним оставалось одно — обращаться к дворянству, использовать колоссальную мощь государственного аппарата. Так и поступали правящие круги, командующий Бибиков.

К дворянам, собравшимся после церковной службы в доме казанского предводителя дворянства, обратился Бибиков:

— Зло возрастает до крайности, и злодейство изменников вышло из всех пределов! Всякому истинному верноподданному должно стараться о прекращении сего зла!

— Готовы мы за императрицу и отечество жертвовать не только именем своим, но и своею жизнью, так, как и предки наши всегда пребыли государю и отечеству в непоколебимой верности!

Дворяне и власти демонстрировали, таким образом, тесное единение перед лицом внутреннего врага — восставших низов, своих рабов. Они решили собрать на собственные средства из своих «людей» (с 200 душ по одному человеку) конный корпус. Во главе поставили генерал-майора А.Л. Ларионова — сводного брата командующего (они имели одну мать, но разных отцов). Местные дворяне жертвовали шубы, сукна для теплых чулков солдатам, лошадей для карательных войск. Казанский магистрат тоже на своем «иждивении и содержании» пожелал сформировать конный гусарский эскадрон.

Обо всем узнала Екатерина Алексеевна. Весьма одобрила: «Усердие казанского дворянства меня обрадовало. Сей образ мыслей прямо есть благороден» (из рескрипта Бибикову от 15 января 1774 года).

Императрица 20 января приказать соизволила собрать из дворцовых владений

Казанской губернии по одному человеку с 200 душ, снабдить их мундиром, амуницией, лошадьми. Наконец, императрица всероссийская приняла на себя звание «казанской помещицы» (в рескриптах Бибикову от 16 и 20 января), объявив при этом, что считает своей обязанностью целость, благосостояние, безопасность дворянства «ничем неразделимо почитать с собственною нашею и империи нашей безопасностью и благосостоянием».

По этому случаю 30 января в доме предводителя дворянства снова собрались казанские дворяне. По их предложению, для придания соответствующей торжественности церемонии Бибикова при выезде из дома сопровождал конвой из 50 уланов с двумя офицерами. На крыльце дома предводителя его встретили двое дворян, другие приветствовали тем же образом на лестнице. Бибиков обратился к собравшимся с краткой речью. Затем выслушали рескрипт. Воодушевление дворян было общим:

— Да здравствует великая наша самодержица!

— Да здравствует над нами щедрая мать наша!

— Готовы мы за нее пролить кровь нашу и жертвовать всем, что имеем!

Предводитель Макаров прочел письмо казанских дворян императрице с благодарностями за милости, ее попечение оградить их от «бедствия напастей наших». Благодарил он и Бибикова, которого просил принять казанский дворянский корпус под свое покровительство. Шеф корпуса Ларионов, выступив из толпы дворян, благодарил за честь быть избранным на эту должность и обещал остаток дней своих посвятить служению дворянству, «воспаленному ревностью и примером».

Наконец Бибиков известил дворян о решении императрицы принять на себя звание казанской помещицы. В ответ помещик Бестужев, подойдя к портрету Екатерины II, прочел текст благодарственной речи, заранее сочиненной Державиным:

— ...Признаем тебя своею помещицею. Принимаем тебя в свое товарищество. Когда угодно тебе, равняем тебя с тобою! Но за сие ходатайствуй и ты за нас у престола величества своего!..

Церемония закончилась литургией и молебствием в соборе. Вечером давали бал у предводителя. Дворянские дома сияли иллюминациями.

Губернское дворянство и купцы собирали корпуса, и Екатерина II манифестом 22 февраля благодарила их за усердие. Но командующий смотрел на вещи реально, понимая, что дворянское ополчение мало что может сделать в борьбе, как он сам выражался, с «многолюдной сей и на таком великом пространстве рассыпавшейся саранчой». Он опять, уже в феврале, просит прислать несколько полков пехоты, особенно же кавалерии.

Правительство обнарудует новые манифесты, принимает дополнительные меры. Жители всех селений, прилегающих к району восстания, должны были принять меры предосторожности против «разбойнических шаек» — оставить только одну дорогу для въезда и выезда, перегородить ее рогатками или воротами для проверки проезжающих; остальные дороги перекопать или занять караулами. Специально выбранный смотритель из числа «лучших людей» должен следить, чтобы не впускать в селение бродяг, воров, нищих, особенно же шайки, не давать им пропитания и пристанища, отражать их силой, помогать войскам, которым сообщать о местах сбора «мятежников».

Манифест, обнаруженный еще 23 декабря (сочинен графом Паниным и одобрен Государственным советом), впервые открыто объявляет всему населению империи Российской о появлении Пугачева у Оренбурга под именем Петра III, говорит о «нелепости и безумии такого обмана». Интересна аналогия с началом XVII века, когда тоже появлялись самозванцы: «Богу благодарение! Протекло уже то для России страшное невежества время, в которое сим самым гнусным и ненавистным обманом могли влагать меч в руки брату на брата такие отечества предатели, каков был Гришка Отрепьев и его последователи». После такой аналогии, исторически неверной, манифест убеждает далее, что ни один россиянин, носящий достойно это имя, не может не возгнушаться «толь безумным обманом, каким разбойник Пугачев мечтает себе найти и обольщать невежд, унижающих человечество своею крайнею простотой, обещая вывести их из всякой властям подчиненности». И это

утверждение не соответствовало действительности — восставшие во главе с Пугачевым выступали не против всякой власти, а против власти дворянской; своей же власти в лице Пугачева и его штаба, атаманов и других выборных лиц на местах они подчинялись с великой охотой и удовольствием. Но составители и вдохновители манифеста настойчиво внушают подданным мысль о богоустановленности и вечности власти их самих и им подобных: «Как будто бы (эти слова представляют собой, по существу, полемику с Пугачевым, с его якобы стремлением „вывести народ из всякой властям подчиненности“». — В. Б.) не сам творец вся твари основал и учредил человеческое общество таковым, что оно без посредственных между государя и народа властей существовать не может».

Манифесты переводили на татарский язык, распространяя их, таким образом, не только среди русских, но и среди других национальностей. Все делалось для того, чтобы отвлечь население от Пугачева, посеять не только сомнения в его замыслах, но и возбудить ненависть к нему, как якобы разрушителю всякого порядка и справедливости. С этой же целью власти приняли меры по отношению к семье Пугачева, его дому в Зимовейской станице.

Жена и дети Пугачева, которого судьба бросает то в одну сторону, то в другую, впали в крайнюю бедность. По сообщению из Зимовейской станицы, они «по бедности между дворов бродят». Их разыскали и отослали в Казань к Бибикову, надеясь, по словам императрицы, что они там могут пригодиться для «устыдения тех, кои в заблуждении своим самозванцовою лжи поработилась», Бибиков же в письме Лунину, члену Секретной комиссии; от 19 марта приказал жену Пугачева «содержать на пристойной квартире под присмотром, однако без всякого огорчения, и давайте ей пропитание порядочное, ибо так ко мне указ. А между тем не худо, чтоб пускать ее ходить и чтоб она в народе, а паче черни могла рассказывать, кто Пугачев и что она его жена».

Манифесты и указы Пугачева по указанию императрицы и Военной коллегии Бибиков должен был предавать сожжению, а копии с них — присылать в Петербург. Наконец, власти обещали большую сумму (10 тысяч рублей) за поимку и доставление живого Пугачева.

Дворяне мстили Пугачеву, предводителю народной войны, так их пугавшей, и принимали все меры к тому, чтобы побыстрее расправиться с ее участниками. Они уже понимали, что крестьян подняла на борьбу общая ненависть угнетенных к господам — помещикам, чиновникам, командирам. Эту мысль дворян российских, немалое число которых пало жертвами классовой мести, гнева, хорошо выразил их полномочный представитель главнокомандующий Бибиков: «Не Пугачев важен, важно всеобщее негодование».

В ставке Пугачева

В Петербурге приняли решение, которое, как там рассчитывали, поможет справиться со «злодеями», — послать в лагерь Пугачева нескольких яицких казаков, находившихся в столице, с тем чтобы они уговорили своих собратьев отстать от самозванца, а его самого поймать.

По делу о Яицком восстании 1772 года и убийстве Траубенберга в Петербурге, еще до получения там вестей о Пугачеве, находились депутаты от Яицкого войска — сотники Афанасий Петрович Перфильев, Иван Лаврентьевич Герасимов, казак Савелий Якимович Плотников. Их уполномочили просить императрицу не взыскивать с казаков наложенный на них непосильный штраф. В столице к ним присоединился казак Петр Андреевич Герасимов, находившийся там с декабря 1771 года и тоже хлопотавший по войсковым делам. Все вместе они составили новое прошение императрице. Не сумев передать его лично Екатерине II, они обратились к посредничеству одного из Орловых, которых считали покровителями Яицкого войска. Тот обещал помочь. Через некоторое время (в Петербурге стало уже известно о Пугачеве, депутаты же ничего не знали) Орлов пригласил их к себе.

— У вас на Яике сделалось несчастье, — сказал им граф Орлов. — Один разбойник,

беглый донской казак Пугачев, назвавшись ложно покойным государем Петром III, собрал себе небольшую шайку из приставших к нему ваших же яицких казаков, как-то Чики и прочих, укрывавшихся от наказания по бывшему об убийстве Траубенберга следствию, и с набранною шайкой пошел по крепостям к Оренбургу. Съездите туда и постарайтесь уговорить казаков, дабы они от сего разбойника отстали и его поймали. Если вы постараетесь это сделать, то по возвращению в Петербург ваше дело будет решено в пользу казаков.

Казаки согласились, и императрица повелела послать двух из них, Перфильева и Петра Герасимова, в Казань, а двух других оставить в Петербурге. Получив паспорта, они отправились в путь. По дороге говорили о порученном деле.

— Каким образом это сделалось, — Перфильев посмотрел на спутника, — что простой человек назвался государем? Кажется, статья сему нельзя. Может быть, называемый Емелькою Пугачевым и прямо государь Петр III?..

— Я, — ответил Герасимов, — покойного государя видел много раз. И будт сей называющийся подлинно государь, то его узнаю.

Продолжая рассуждать об этом деле, припомнили слухи о спасении Петра III и решили: если Герасимов признает в том человеке императора, то не делать ничего, что обещали Орлову в Петербурге:

— Как можно нам свои руки поднять на государя? Их головы — помазанные. Ведь бог знает, чью сторону держать: государя или государыни. Они между собою как хотят, так и делают, а нам нечего в их дела вступаться. Неравно его сторона возьмет, так мы в те поры безо всего пропадем; а лучше останемся у него служить.

Решив таким образом, поехали дальше. Их мысли весьма характерны для всех простых людей того времени. С их точки зрения, правящая особа — священна, находится под покровительством божьим: «поднять руки» на нее никак нельзя. Но все дело в том, что при ныне царствующей особе случились вещи, для них малоприятные. А Петр III, как говорили в народе, милостив, и от него можно эти милости получить, если он остался жив и где-то скитается, а сейчас, возможно, объявил себя, чтобы помочь обиженным. В таком случае пусть, мол, он и императрица сами выясняют свои отношения, а им, верноподданным, нужно служить тому, кто является законным правителем, в данном случае — чудесно спасшемуся императору Петру III Федоровичу. Таков примерно был ход мыслей Перфильева, Герасимова и многих им подобных.

Приехав в Казань, они пробыли в ней некоторое время, к концу ноября ее покинули. Проехали Симбирск, Самару. Прибыли в Яицкий городок. Явились к коменданту Симонову. Подполковник долго не мог поверить, что их послали в лагерь к Пугачеву, но официальные бумаги властей, Петербурга и Казани, сняли сомнения, и он отправил Герасимова на Нижне-Яицкую линию, а Перфильева — в Берду в сопровождении казаков Фофанова и Мирошихина. Эти двое уже догадались, что присланные из Петербурга земляки едут с какой-то тайной миссией, и собирались рассказать об этом Пугачеву. Но Перфильев сам признался по дороге к Оренбургу:

— Я послан из Питера от графа Орлова уговаривать казаков, чтоб изловить называющегося государем.

— Не моги ты об этом и думать! Мы тебя заколем, если об этом только подумаешь! Он, мы слышали, точный государь и к нам наслал весьма милостивые указы, что нас станет жаловать всюю водностью. Будучи еще в городке, мы догадались, что вы с Герасимовым недаром из Петербурга приехали, и хотели было по приезде в Берду на тебя донести, да хорошо, что сам нам признался.

Спутники быстро договорились между собой, поскольку всем им были дороги их общие казацкие интересы, которые объявившийся «государь» обещал отстаивать, восстановить нарушенные властями старые порядки. С тем и прибыли в Бердскую слободу.

Овчинников, увидев Перфильева, удивился:

— Зачем приехал?

— Служить государю.

— Ты не сам приехал, а прислан, конечно, из Петербурга зачем ни есть, но неспроста...

— Будучи в Петербурге, я услышал про появившегося здесь государя, бежал оттуда с тем, чтобы поступить к нему на службу.

— А как же ты шел оттуда, не окончив нашего войскового дела?

— Да нечего уже там поклоны-то терять. Ведь сам знаешь, что не скоро дождешься конца. Прослышав, что здесь государь, я рассудил, что лучше у него милости просить.

Овчинников не верил его словам, и Перфильев это понял. Он решил и ему признаться, сказав о тайном поручении графа Орлова и обещании государыни дать всем яицким казакам прощение и милость оказать, «чтоб остаться нам при старых обрядах».

Атаман этот шаг оценил:

— Слушай, Афанасий! Коли бы ты не был мне знаком и я бы тебя не любил, то тотчас бы сказал государю. Но мне жаль тебя. Плюнь ты на все это и служи нашему батюшке верно. Он нам оказал уже милости: пожаловал нас водами и сенокосами, крестом и бородой и обещает нам еще жалованье. Чего же еще больше! Он — точный государь Петр III, мы довольно в сем уверены. Вольно же им (властям, дворянам. — *В. Б.*) называть его Пугачевым; пусть называют, как хотят. Они скрывают прямое его название от простых людей. А на обещание их смотреть нечего, довольно мы от них потерпели. Теперь мы сами все в своих руках иметь будем. Теперь, брат, мы сами резолюции делаем. Полно, перестань и не моги ты никому об этом (тайном поручении из Петербурга. — *В. Б.*) сказывать! Служи верно государю и скажи ему прямо, зачем сюда прислан.

В тот же день Овчинников представил его Пугачеву. Перфильев как только увидел «императора», понял, что перед ним (как он сказал потом на допросе) «не государь..., а какой ни есть простой мужик». У него даже «в сердце кольнуло». Однако он поклонился Пугачеву в ноги. Тот обратился к нему:

— Откуда ты?

— Из Петербурга.

— Зачем ты был в Петербурге?

— Я, батюшка, для войсковой просьбы туда ездил, да, не дождавшись резолюции, прослыша про Ваше величество, что Вы здесь, оставя просьбу свою, бежал сюда к Вам и хочу служить Вашему величеству верою и правдою.

— Полно, так ли? — Пугачев смотрел с недоверием. — Не шпионничать ли пришел и не подослали ли тебя меня извести?

— Нет, Ваше величество! Я, право, отнюдь против Вас не имею никакого злого намерения, сохрани меня, господи! А приехал, чтоб усердно Вам служить.

— Ну, когда это правда, так служи мне, как и другие ваши казаки служат. И я тебя не оставлю.

Человек степенный и умный, Перфильев, как и другие люди, знавшие правду об «императоре» или догадывавшиеся о ней, не придавал ей никакого значения. Для него, как и для всех, главное заключалось в том, что этот «какой ни есть простой мужик», прикрываясь ореолом «законного государя» (а это было очень важно в их глазах), дает им те вольности и права, которые отбирают у них Екатерина II с ее вельможами и генералами. Он не признался Пугачеву во всем, как, очевидно, обещал Овчинникову, и тот остался недоволен. Перфильев снова предстал перед Пугачевым.

— Что скажешь?

— Виноват я перед Вами, — Перфильев низко ему поклонился, — что вчера Вам празды не сказал и от Вас ее утаил.

— Бог простит, коли винишься. Но скажи, что от меня утаил?

— Я был в Петербурге, и оттуда государыня послала меня на Яик и велела все Яицкое войско уговаривать, чтоб оно от тебя отстало, пришло бы в повиновение ее величеству, а тебя бы связали и привезли в Петербург.

— Ну, вот! Ведь я угадал вчера, что ты прислан со злым намерением. Но я не боюсь

ничего и думаю, что мне никто дурного не сделает.

— Я с тем и на Яик ездил, — продолжал Перфильев, добавив, что товарища его, то есть Герасимова, Симонов послал уговаривать к атаману казаков Толкачеву. Повторил он и слова о желании верно служить «государю», который дал согласие:

— Поди и служи. Вот уж я с теми, которые тебя послали, расправлюсь. А что про меня говорят?

— Да бог знает, батюшка! Слыхал в кабаках от черни, да и то не въявь, а тихонько говорят, что явился около Оренбурга император Петр III и берет города и крепости...

— Это правда. Ты сам видишь, сколько взято крепостей. А народу у меня как песку. Дай сроку, будет время, и к ним в Петербург заберемся. Моих рук не минуют! Я знаю, что вся чернь меня с радостью везде примет, лишь только услышит. Теперь в Петербурге вам просить уже нечего, мы и без просьбы с ними разделаемся. Что говорят про меня бояры в Петербурге?

— Бояры меж собой шушукаются, и собираются они да и государыня ехать за море.

Перфильев здесь, конечно, пересолил, как говорится, и Пугачев сразу это заметил:

— Ну, бояры-то таковские... А государыне-то зачем ехать? Я не помню ее грубостей, пусть бы только она пошла в монастырь. Каков Павел Петрович?

— Хорош и велик. Он уже обручен.

— На ком?

— На какой-то из немецкой земли принцессе, и зовут ее Наталья Алексеевна.

«Обрадованный» этим известием, «император» хорошо угостил Перфильева, подарил ему своего серого коня, красный кармазинный¹⁶ кафтан, тринадцать рублей. Известие о приезде из Петербурга какого-то посланца с сообщением о том, что цесаревич идет к «отцу» с тремя генералами и большим войском, распространилось по лагерю восставших. Перфильева привезли 9 декабря к оренбургскому валу и показали тамошним казакам. Тот крикнул им:

— Угадываете ли вы, казаки, кто я?

— Мы видим, что ты казак, но, кто ты таков, не знаем!

— Я Перфильев, был в Петербурге и прислан к вам от Павла Петровича с тем, чтобы вы шли и служили его величеству Петру Федоровичу.

— Коли ты подлинно прислан с этим от Павла Петровича, так покажи нам руки его хотя одну строчку, и тогда мы тотчас все пойдем!

— На что вам строчка? Я сам все письмо!

Казаки, естественно, не поверили словам Перфильева, и он с теми, кто его сопровождал, возвратился в Бердскую слободу. Как видно, отбросив сомнения, этот опытный казак полностью включился в выполнение целей, объявленных Пугачевым и его приверженцами. Как и самозванец, он разыгрывал роль: Емельян Иванович — «императора», Афанасий — посланца от его «сына» и своего рода «царедворца» самого «государя». Трудно сказать, что они и другие повстанцы, знавшие истину, чувствовали в такие минуты, когда они явно обманывали окружающих, притворялись и т. д.? Нравилась ли им эта игра или смущала своей нелепостью? Вероятно, вели себя они в подобной обстановке внешне одинаково, поскольку нужно было держать принятую ноту, соблюдать декорум, «придворный» ритуал, но переживали, как люди неодинаковые характерами, темпераментами, по-разному. Кто знает... Всех их объединяло одно стремление — используя декорум, связанный с притягательным для всех именем государя, добиться заветного, желанного — волюшки вольной, землицы, избавления от тягот и несправедливостей. Это было превыше всего, настолько важно и насущно, что перед ним, заветным, всякие неправдивые слова о «государе» в образе Пугачева, о приближении к нему цесаревича Павла с войском и многие другие были той ложью, которую зовут святой, или

---

¹⁶ Кармазин — тонкое сукно ярко-алого, багряного цвета.

такой мелочью, на которую и внимание-то обращать не стоит. Во всяком случае, они, эти наивные слова и уловки, в их глазах служили общему делу, способствовали достижению целей, во имя которых шли на борьбу и умирали их предшественники — разинцы и многие другие. Они сплачивали всю эту массу людей, людей самых разных, непохожих друг на друга, в политике неискушенных. А их нужно было не только собрать вокруг себя, но и воодушевить, направлять их действия, организовать, командовать ими и вести за собой. Пугачев, его сподвижники и пытались это делать. Будучи людьми простыми и мало или вовсе необразованными, они, исходя из представлений своей среды и своего времени, используя опыт, накопленный многими поколениями, сделали все, что было в их силах, чтобы, возглавив большие массы людей, направить их усилия, ненависть к эксплуататорам на борьбу с помещиками и исполнителями их воли — карательными органами Российской империи. Тем самым повстанцы, их предводители, сами того не сознавая, содействовали развитию общества, его движению вперед, ускорению исторического процесса. Разумеется, в их действиях и требованиях, лозунгах преобладают неорганизованность или слабая организованность, стихийность, локальность. В этом смысле участников Пугачевского движения и других крестьянских войн XVII—XVIII веков от времени революционного движения следующего столетия, не говоря уже о периоде революций начала XX века, отделяет дистанция огромного размера; между классовой борьбой двух столетий и революционным движением XIX — начала XX века — качественная разница. Для дворянского, революционно-демократического и пролетарского революционного движения характерно наличие в полном смысле слова революционных организаций, разработанной стратегии и тактики, революционной идеологии с ее научно-теоретическим подходом, программами переустройства общества. В крестьянских войнах и других народных движениях предыдущего времени этого не было и не могло быть — отсутствовали классы (буржуазия, пролетариат), которые могли бы возглавить борьбу крестьян и их союзников, не было «теоретического представительства» — отсутствовали теоретически, философски образованные люди, которые могли бы оформить их требования в виде соответствующих программ, уставов и т. д.

Но это отнюдь не означает, что у восставших начисто отсутствовали какие-либо элементы организации, сознательности. Более того, они, появившись довольно рано, еще в эпоху Киевской Руси и феодальной раздробленности, со временем умножались, совершенствовались. Это относится в первую очередь к такому институту, инструменту народовластия, проявления воли социальных низов, каковым была общая сходка. Истоки последней восходят к народным собраниям времени первобытнообщинного строя, которые решали главные вопросы жизни рода, племени, союза племен (войны или мира, выбора должностных лиц). В эпоху ранней государственности (Киевская Русь), в минуты крайней внешней опасности, классовых столкновений в Киеве и других городах рядовые граждане, прежде всего «меньшие люди», то есть городская беднота, сходились на вече — общее собрание, которое принимало решения о смещении и приглашении князей, организации отпора внешним врагам или выступлений против врага внутреннего — бояр, богатеев, ростовщиков. Так было, например, в 1068 году, 1113 году в Киеве, в 1138 году в Новгороде Великом и др.

В эпоху феодальной раздробленности и татаро-монгольского ига (XI—XIV вв.) эта традиция продолжает существовать. Вече выступает вдохновителем и организатором народных выступлений против тех же князей и бояр, а также ордынских властителей и карателей (так было, например, во время восстаний в Твери 1327 года, в Москве — 1382 года, 1445 года, 1480 года). Кроме того, вече играло важную роль в жизни Новгородской и Псковской феодальных республик. Конечно, реальная политическая власть принадлежала в них боярам и богатым купцам, но все же простой народ имел возможность на вече сказать свое слово, внести коррективы в распоряжения господы — боярского совета. Не раз во время политических неурядиц, классовых столкновений «низинные люди» поднимались против вельмож и купчин, отменяли их решения, заставляли принять свою волю.

И в последующие столетия, с образованием и развитием единого Русского централизованного государства, развитием самодержавия, абсолютизма, когда вече перестало играть такую заметную роль, народ вспоминал о нем в дни антифеодальных выступлений (например, во время восстания в Москве 1547 года и др.).

Для всей феодальной эпохи характерно существование крестьянской общины, «мира» в деревне. В повседневной жизни крестьян община имела значение исключительное. Была она инструментом взаимопомощи, сплочения, объединения распыленных крестьянских хозяйств. Правда, с ее помощью феодалы, государственные органы власти взимали с крестьян налоги (их раскладку, «разруб» осуществляли «миром» на общей сходке), заставляли исполнять различные повинности. Но она же, община, как бы спланировала крестьян деревни, села, волости, давала известную возможность противостоять феодалам. Идеализировать ее в этом плане нет оснований, но недооценивать тоже нельзя.

Эти порядки крестьянского «мира», вечевого народоправства получили с конца XV—XVI века особое развитие у казаков — беглых крестьян, холопов, ремесленников, всяких обедневших, обнищавших людей, которые собирались на окраинах, в необжитых местах. Они основывали своего рода казацкие республики — войска: Войско Запорожское, Войско Донское, Терское, Волжское, Яицкое и др. На общей сходке — круге — выбирали себе атаманов, есаулов и других должностных лиц. На нем же сообща решали, идти ли в поход на море Черное или Каспийское, «за зипунами», то есть за добычей. Воевали с Крымским ханством и Турцией, шахом персидским или кавказскими владетелями. Такие военные предприятия в феодальные времена были обычным явлением по всему миру. Окраинные русские и украинские земли не раз страдали от набегов крымцев, турок и др. Казацкие области выполняли роль заслонов на пути таких нашествий, казаки сами совершали набеги на противников, освобождали многих пленных русских и других людей, обогащались добычей.

В XVIII веке многое ушло в прошлое. Казаки уже мало ходили «за рубеж». Казацкое «равенство» тоже в значительной степени принадлежало области воспоминаний — не одно поколение простых рядовых казаков работало на своих богатых, зажиточных земляков, на казачью старшину. Права и вольности их стеснялись. Но все же отсутствие помещиков, элементы народовластия, сохранившиеся в повседневной жизни, существование круга — все эти черты общественной жизни казаков были для них дорогими, заветными. За сохранение старых порядков и обычаев, хотя бы и в урезанном виде, они готовы были бороться, отдать за них свои жизни. Казаки не раз это доказали в ходе народных восстаний, когда выступали в роли детонатора, организатора бесчисленных стычек со своей старшиной, местными и центральными властями.

Огромную привлекательность казачьи порядки сохраняли все эти столетия в глазах крепостных крестьян и другого простого люда. Они тянулись к ним всей душой и сердцем. Стремилась сама «показаться» — стать казаком и тем самым человеком вольным от своего помещика, проклятой барщины. В годы крестьянских войн казачий круг, выборные атаманы появляются на всей территории, охваченной их пламенем. В самих повстанческих армиях и отрядах вводились нормы казачьего круга, выбирались командиры. Опыт народных восстаний со временем обогащался, углублялся. Выше мы уже видели, что в ходе классовой борьбы середины и третьей четверти XVIII века крестьяне, заводские работники развивают традиции крестьянского мира — организуют мирские, станичные избы, выбирают в их состав доверенных лиц, которые осуществляют или пытаются осуществлять военную и гражданскую власть в своих селениях. Используется опыт современных государственных учреждений. Так, например, в ход Пугачевского движения существует довольно развитое письменное делопроизводство — повстанческие писцы, секретари составляют, как это делалось и в государственных учреждениях, центральные и местные манифесты и указы, рапорты и ордера, «билеты» и списки и т. д.

Более того, поскольку во главе Крестьянской войны встал «император» Петр III Федорович, то вполне естественно, что он и его ближайшее окружение пытаются копировать

Петербург, центральные власти в своих действиях, распоряжениях, бумагах. Рядом с «государем», в чьей роли выступает Пугачев, появляются «граф Чернышев» (Чика-Зарубин), многие полковники. Документы, обращенные с призывами и обещаниями к населению, именуются не иначе, как манифесты, указы, рескрипты. Создаются учреждения, копирующие те, что имеются в столице Российской империи, императорском войске. Получается переплетение крестьянско-казацких и государственных порядков и установлений. Первые идут от народного опыта. Вторые — от враждебного им государства, феодалов, но они им необходимы для «законности», камуфляжа. Главное здесь — в классовом содержании, классовых устремлениях. С этой точки зрения, например, манифесты Пугачева и манифесты Екатерины II — на разных, диаметрально противоположных полюсах. Первые зовут к классовой мести над феодалами, обещают простым людям волю, землю, равенство народов и вер. Вторые призывают сохранить статус-кво, то есть власть помещиков над крестьянами и другими «подлыми людьми», угрожают им всеми карами за выступление против власти феодалов. Такое же противоположное по существу своему содержание вкладывается обеими борющимися сторонами в деятельность сходных по названиям должностных лиц, учреждений. Граф Чернышев — один из главных карателей. Он посылал из Петербурга приказы войскам, направлял их против восставших. Его «двойник» в пугачевском лагере Чика-Зарубин во главе повстанческого войска ведет борьбу с карателями. Одним словом, восставшие, пугачевцы в том числе и особенно они, пытались в данном случае влить новое вино в старые мехи. Не всегда делали это умело — не хватало опыта, не было образования, но они делали так, как подсказывал исторический опыт их предшественников, крестьян и казаков, как диктовала сложившаяся обстановка. Они, по словам В.И. Ленина, «...боролись, как умели, как могли».

Главное достижение Пугачева и его помощников в плане организации повстанческих сил, управления на территории, охваченной восстанием, — создание руководящих центров. В первую очередь это Военная коллегия, главный военно-административный орган восставших. Создан он был в ноябре, вскоре после прихода в Бердскую слободу, которая на несколько месяцев стала местом пребывания Пугачева, его ставкой. К этому времени пламя Крестьянской войны распространилось на три губернии — Оренбургскую, Казанскую, Астраханскую. От их населения ежедневно поступали различные прошения, жалобы. Войско Пугачева в ноябре увеличилось до 10 тысяч человек, в следующем месяце — до 15 тысяч, в разных местах действовали пугачевские атаманы с отрядами, иногда довольно большими. Всеми ими нужно было управлять. Отовсюду приходили рапорты и другие документы, требовавшие ответов, распоряжений. Пугачев же был неграмотен.

Членами (судьями) Военной коллегии, которые и должны были рассматривать и решать дела, Пугачев назначил нескольких яицких казаков из своего ближайшего окружения. Это были представители казачьей верхушки, присоединившиеся к движению и стремившиеся держать под контролем выдвинутого Яицким войском «государя». Это сознавал сам Пугачев, который нередко жаловался: «...Улица моя тесна». Но он же был не прочь, чтобы Военная коллегия способствовала росту его авторитета среди восставших и населения, как «государя Петра III». Главным судьей коллегии стал Андрей Иванович Витошнов, бывший старшина, зажиточный яицкий казак, другими судьями — Максим Григорьевич Шигаев и Данила Гаврилович Скобычкин из Яицкого же городка, Иван Александрович Творогов из Илецкого городка. Грамоту из них знал только Творогов. Витошнов, кроме того, выступал в роли первого заместителя «государя» по руководству главным войском восставших, Шигаев — второго заместителя (в его ведении — казна войска, его снабжение продовольствием и фуражом), Творогов — командира полка илецких казаков, своих земляков. Думным дьяком коллегии Пугачев назначил Ивана Яковлевича Почиталина, составителя его первых манифестов; секретарем коллегии — Максима Даниловича Горшкова, тоже зажиточного казака с Илека и самого грамотного из казаков. Кроме того, в ней для делопроизводства имелись повытчики, обычно из бывших писарей, других грамотных людей; это Семен Супонев, Иван Герасимов, Игнатий Пустоханов, Иван Григорьев, первые двое — яицкие

казаки, третий — бузулукский писарь, тоже из казаков, четвертый — из писарей завода Твердышева. Супонев, первый из назначенных Пугачевым повытчиков, стал со временем старшим среди них с титулом «коллежского повытчика». Имелись переводчики — Шванович (переписка, перевод писем на западных языках), Идыр Баймеков и его сын Балтай (на восточных языках).

На допросе в Москве Пугачев сказал, что как только «в Берду пришел, то приказал он Овчинникову, чтоб завести для письменных дел Военную коллегия». Применительно к коллегии говорится здесь в общей форме, что она должна была заниматься «письменными делами», то есть как будто только делопроизводством. По существу же, круг вопросов, которые были в ее ведении, — очень широк. Помимо составления манифестов, указов, других документов, судьи держали связь с местными очагами движения, крепостями, заводами, городами, селениями, вводили там органы казачьего самоуправления (круги — общие сходки, атаманы, есаулы и др.), направляли подчас их деятельность. Они же осуществляли функции судебного органа, ведая судом и расправой. С заводов они требовали и получали вооружение и припасы, со всей повстанческой территории — казну, продовольствие, фураж. Вопросы комплектования главного войска, назначение командиров, присвоение воинских званий, которые учредил «государь», награды (медали, денежные и другие поощрения), наблюдение за дисциплиной, пресечение мародерства и прочее — все это также входило в компетенцию главного органа движения. Помещалась Военная коллегия в Бердской слободе. Интересно при этом, что Овчинников, «заводивший», то есть организовавший по указанию Пугачева Военную коллегия, сам в нее не вошел. То же можно сказать и о других ближайших сподвижниках Пугачева — Зарубине, Белобородове, Подурове, Соколове-Хлопуше.

Вероятно, объясняется это тем, что они в отличие от судей Военной коллегии, являвшихся администраторами, «бюрократами» движения, выступали в роли главных военных предводителей восстания, своего рода военного штаба при Пугачеве. Овчинников, войсковой атаман главного войска, возглавил и так называемую Особую походную канцелярию, руководившую боевыми действиями повстанческой армии.

Впоследствии, после поражения Пугачева и его главных сил под Оренбургом, функции обоих руководящих органов восстания, во-первых, слились; во-вторых, сузились до решения задач, связанных с набором в главное войско, состав которого постоянно в обстановке отступления, боев и поражений менялся, пополнялся и т. д.

Дела в Военной коллегии решались в основном устно. Но командирам давались письменные распоряжения, приказы о привлечении народа в главное войско, в отряды, действовавшие на местах, о доставке провианта, фуража, конфискации вооружения, припасов к нему в крепостях и на заводах, разгроме помещичьих имений и др. В ответ им присылались из отрядов бумаги от атаманов, полковников с сообщениями об исполнении приказов Военной коллегии. Составляли их писари, имевшиеся в отрядах, городах, селах, деревнях, на заводах. Назначали их из числа грамотных людей — писарей, священников, мулл, старост, крестьян, в городах — из купцов, дворян, офицеров. В полках и отрядах вели нередко списки (реестры) «служивых казаков» (с указанием, откуда, из какой деревни, завода и т. д., эти «казаки»).

Делопроизводство Военной коллегии было довольно обширным. Не все, конечно, сохранилось. Но и то, что от него осталось, позволяет заключить об ее известной налаженности. Манифесты и указы писали И. Почиталин и М. Горшков, помогал им Иван Петров — грамотный работный человек с уральского завода, то ли с Воскресенского, то ли с Белорецкого. При их составлении пользовались в качестве образца «книгой», в которой «были переплетены» «лучшие речи из разных печатных и письменных публичных указов», ее «где-то» отыскивали Почиталин и Шигаев. Составлявшиеся пугачевскими грамотеями манифесты, по форме очень простые, понятные и безыскусные, имели в народе популярность чрезвычайную. Их везде читали, передавая друг другу, делали с них копии, пересылали в другие места. Распространялись они таким образом очень широко, как того

требовал «император Петр Федорович» — «публиковать всенародно», пересылать «из города в город», «из крепости в крепость».

Документы, выходявшие из Военной коллегии, соответствующим образом оформляли — они имеют подписи, печати. Иногда в качестве последних использовали печати-гербы отдельных дворянских родов. В других случаях — специально изготовленные печати, имевшие соответствующие надписи, например: «БГПТ. Имп. самодерж. Всерос. 1774» (то есть: «Большая Государственная печать. Петр Третий. Император самодержец Всероссийский. 1774»). Пугачевские атаманы имели свои печати, тамги (последние — в башкирских, татарских и других отрядах).

Деятельность Военной коллегии свидетельствует о попытках предводителей Крестьянской войны придать ей элементы организованности, даже известной централизованности. Но, естественно, они, эти элементы, не были ярко выраженными. Крестьянская война в целом, главным оставалась движением стихийным, слабо организованным во всех отношениях. Даже первые успехи отряда, затем повстанческой армии Пугачева, которые выражались во взятии крепостей и форпостов, удачных стычках и сражениях с правительственными силами, были результатом скорее не отличной организованности восставших, их умелых военных действий, их стратегии и тактики, а следствием массового порыва, отражением недовольства широких народных масс существующим порядком вещей, которые приводили к переходу, полному или частичному, на сторону Пугачева гарнизонов крепостей или воинских частей на поле боя. Во время же серьезных военных действий, как это было в ходе сражений с Каром на подступах к Оренбургу или Валленштерном, Наумовым под его стенами, повстанцы хотя и одерживали верх, заставляли их отступать, однако потери наносили им не очень сильные, ощутимые. Так бывало не раз, и эти успехи пугачевцев, важные сами по себе, не идут все-таки в сравнение с последующими победами над ними карателей, гораздо лучше организованных, вооруженных в отличие от «толпы», каковой нередко и выступают действительно войска, отряды восставших.

Тем не менее та военно-организационная работа, которая проводилась Пугачевым и его сподвижниками, Военной коллегией, походной канцелярией, несмотря на ее естественные недостатки, на невозможность наладить организацию в тех условиях, в которых им всем приходилось действовать (обширная территория, разнородное население, противодействие властей, карателей, отсутствие у восставших опыта, необходимого числа элементарно грамотных людей и многое другое), несмотря на все это, она имела огромное историческое значение. Ее результатом было возникновение своей, пусть несовершенной, неустойчивой, кратковременной, организации, руководства движением, противостоявшего официальным властям. Несмотря на то что этот опыт в дальнейшем не вылился и не мог вылиться в создание власти, которая пришла бы на смену существующему государственному управлению, он вошел в историческую традицию классовой борьбы, которая в своей эволюции выработала в будущем более высокие, качественно новые формы организации, борьбы с феодальным, потом капиталистическим строем.

Собственно говоря, Пугачев и его соратники, пытаясь хоть как-то организовать силы повстанцев, придать им некоторую стройность, боеспособность, укрепить дисциплину, вооружить свою рать, снабдить ее провиантом, фуражом, делали то, что позднее на ином качественном уровне, в других исторических условиях гораздо более успешно делали русские революционеры. Но, не обладая соответствующими знаниями, образованием, опытом, со знанием, они не могли, и объективно и субъективно, организовать дело так, чтобы довести свою борьбу до победы. Отсутствовало главное — социально-экономические и политические условия. В то время, когда они поднимались на восстания, уровень развития экономики в сельском хозяйстве и промышленности, сословно-классовой структуры (отсутствие пролетариата, буржуазии, которые могли бы взять в свои руки руководство движением) был таковым, что крестьяне, работные люди, казаки не могли достичь того, к чему стремились. Ни общая историческая обстановка, ни состояние классов, сословий,

уровень их организации, сознания не давали для этого возможности.

Но это отнюдь не говорит о бесперспективности их выступлений, даже их реакционности, как считали в XIX — начале XX века некоторые буржуазные и мелкобуржуазные историки и писатели. Наоборот, их борьба, попытки, пусть слабые, неотчетливые, придать некоторые черты организации своим действиям означали не что иное, как накопление революционных традиций, хотя они не были революционными в том смысле, какой придавали этому слову в эпоху освободительного движения в России — в эпоху декабристов, революционеров-демократов, пролетарских революционеров.

Движение, несмотря на все черты организованности, в целом оставалось стихийным, слабо организованным — и главная армия, и местные отряды не имели, как правило, постоянного состава, хотя подчас ядро, основной костяк существовали довольно долго, и это относится не только к казакам, но и к некоторым группам рабочих людей, башкир. Но в основном повстанцы вели борьбу в пределах своей местности, отставали от движения, как только пугачевская армия, какой-либо отряд удалялись от их родных мест, и восстание в этом районе затухало.

Наибольшей организованностью Крестьянская война отличалась на первом ее этапе — с сентября 1773 года по март 1774 года. Именно в это время с большой активностью действовали Военная коллегия, походная канцелярия, ближайшее окружение Пугачева, составляющее как бы штаб при нем, руководивший всем движением, осуществлявший или, во всяком случае, пытавшийся осуществлять руководящие, координаторские функции. Повстанческие учреждения, предводители сделали все, что могли, для вооружения своего воинства, его снабжения. Правда, несмотря на все усилия, эту задачу решить в целом не удалось — постоянно не хватало орудий, ружей, пороха, зарядов.

В армии и отрядах восставших ввели присягу — они принимали ее, стоя на коленях; в конце церемонии все кричали:

— Готовы тебе, надежа-государь, служить верою и правдою!

Пугачев, коллегия в специальных указах, повелениях предупреждали, чтобы в их рядах не было мародерства, грабежей. Ослушникам грозили тяжелыми наказаниями. По словам И. Почиталина, Пугачев «грабительства безвинных людей... не любил, а потому многих, в том провинившихся, вешал без пощады». Это дисциплинировало участников движения и способствовало привлечению симпатий простого народа к восстанию, самому Пугачеву.

Отличившихся Пугачев, другие предводители награждали деньгами, одеждой, сукнами, хлебом и другим продовольствием. Вручали также медали.

Провиант и фураж, захваченный в крепостях, городах, на заводах, охраняли, распределяли. Повстанцы, осаждавшие Оренбург, получали хлеб, испеченный в печах Сеитовской слободы и Чернореченской крепости. Кроме того, в Берде хлеб свободно продавали на рынке «довольною ценою», но не выше, чем было до восстания. Выдавалось и мясо, для этого скот из боярских имений сгонялся в ту же Берду. Хлеб и скот конфисковали не только у помещиков, но и у богатых крестьян, выступавших против Пугачева, брали на складах, принадлежавших местным властям и воинским командам. Для этого посылали специальные отряды. Например, Военная коллегия направила отряд атамана Арапова на Самарскую дистанцию, отряд атамана Давыдова — в Бугурусланскую слободу для добывания провианта. Первому из них коллегия приказывала (указ 18 декабря 1773 года) «имеющийся в окрестных селениях барской всякого рода хлеб приказывать, кому способно, немолочено — молотить, а намолоченный — молоть, и, смоловши, присылать в здешнюю армию (то есть в Бердскую слободу. — *В. Б.*)... всякого молотого хлеба, также и овса, сколько найдется, высылать же». При этом Арапов и его отряд наотрогу предупреждались о том, чтобы «посланные поверенные не отважились чинить крестьянам никаких обид»; указ же коллегии «объявлять во всяком селении».

Подобные меры привели к тому, что армия Пугачева на первом этапе войны не страдала от недостатка провианта. После его поражения под Оренбургом и ухода от него губернатор 8 апреля 1774 года сообщал императрице, что «в бывшем стане самозванца

найденo столько продовольствия, что пятнадцатитысячное население города было обеспечено им на десять дней».

Местные повстанческие отряды, действовавшие самостоятельно, нередко далеко от главного войска, тоже снабжались путем конфискации помещичьего хлеба и скота, овса и сена. Когда этого не хватало, обращались к крестьянам, вручая им расписки (впоследствии-де расплатятся). Местные жители не только давали восставшим все необходимое, но и заготавливали продовольствие на будущее; они «во всех почти жительствовах... безоговорочно давали на службу людей, так и провиант и фураж».

При Пугачеве имелась «государственная казна», которой заведовал Шигаев. В нее шли конфискованные деньги, ценности из правительственных учреждений, помещичьих имений, а также суммы, вырученные от продажи соли и вина. Из казны выплачивали жалованье повстанцам, давали им награды, платили деньги за провиант, фураж. То же делали в отрядах атаманы, имевшие свою казну. Выплаты производились нерегулярно — в зависимости от того, «как деньги случатся». Помимо собственно повстанцев, деньги, «заработную плату» получали из рук атаманов работные люди уральских заводов. Их семьи в условиях восстания, нередкой остановки работ могли бы иначе оказаться в сложных, безвыходных условиях, и повстанцы заботились о них.

Суд сначала осуществляли сам Пугачев и его атаманы на местах. С учреждением же Военной коллегии все серьезные дела (по которым могла угрожать смертная казнь) перешли в ее ведение. О том вышел ее специальный указ: «Чтобы впредь некому смертной казни не чинить, но посылать виновных в Берду». Ослушников, не подчинявшихся указу, надлежало присылать в «Государственную военную коллегию за караулом», то есть под охраной. Указ, как правило, исполнялся. В коллегию привозили со всех сторон помещиков, чиновников, всех, кто в глазах восставших являлся «злодеем», изменником их делу. Виновных казнили. В случае, если доказательства вины в глазах судей Военной коллегии были недостаточными, виновных отпускали, а они давали клятву в своей невиновности. Судебное разбирательство происходило устным порядком, приговор же часто писали на бумаге и зачитывали всем присутствующим.

Для связи Бердской слободы с отрядами, атаманами существовала «подводная гоньба», «нарочная почта» (посылали ямщиков на санях, подводах, нарочных с поручениями, бумагами).

Военная коллегия под Оренбургом перестала существовать с 1 апреля 1774 года, после поражений Пугачева. Ее бумаги по приказанию «государя» сожгли при отступлении на хуторе Углицком («все производимые в Военной коллегии дела»). Большинство ее членов, работников погибли в боях, попали в плен. Впоследствии на Урале Пугачев снова создал ее. Но она имела уже немного членов, занималась в основном делами, связанными с руководством, так сказать, полевыми военными делами. Во главе коллегии встал И. Творогов, будущий изменник, секретарем — Иван Яковлевич Шундеев, понытчиком — Александр Седачев, из работных людей Вознесенского завода, позднее, после его гибели у крепости Магнитной, — Григорий Туманов, переводчик конторы Воскресенского завода, один из самых боевых и активных пугачевских атаманов, действовавший в районе Челябинска и Миасса. Сражения с неизбежными потерями снова вели к заменам. Так, секретарем коллегии стал беглый мценский купец Иван Трофимов под именем Алексея Дубровского, понытчиком — Герасим Степанов, бывший ранее заводским конторским писарем. Они сопровождали Пугачева до последнего сражения у Черного Яра, в ходе которого первый попал в плен и умер от пыток, второй пропал без вести.

Весной и летом 1774 года коллегия не могла уже, не успевала руководить местными отрядами, хотя связь с некоторыми из них поддерживала. Главное, чем она занималась, — мобилизация сил и средств для главного войска Пугачева. По пути его следования она подчас создавала органы повстанческого самоуправления, но это были отдельные, хаотические попытки. В целом коллегия не могла более или менее серьезно вникать в подобные заботы.

Военная коллегия сопровождала Пугачева до его окончательного поражения, но в конце существования главной армии, когда она под ударами карателей стремительно отступала от Казани на юг по правобережью Волги, занималась делами эпизодически, импульсивно. Элементы организованности на втором (от Оренбурга до Казани) и особенно на третьем (от Казани до Царицына и Черного Яра) этапах становились все менее заметными.

Указанная эволюция повстанческих учреждений, прежде всего Военной коллегии, характерна и для войска Пугачева, его состава, вооружения, ведения борьбы с врагом. Главное, или большое, войско Пугачева делилось на полки («части», «команды», по казацкой терминологии). Они составлялись по разным признакам — социальному, национальному, территориальному. Имелись полки яицких казаков (командир — войсковой атаман Андрей Афанасьевич Овчинников), илецких казаков (Иван Александрович Творогов), казаков из Оренбурга и крепостей, форпостов, захваченных повстанцами (Тимофей Иванович Падуров), исетских казаков (Петр Захарович Балдин). Башкирский полк возглавлял Кинзя Арсланов, татарский (из Сеитовской или Каргалинской слободы) — Мусса Алиев и Садык Сеитов, калмыцкий (из Ставрополя на Волге) — Федор Иванович Дербетев, полк работных людей уральских заводов — Афанасий Тимофеевич Соколов-Хлопуша, «над заводскими крестьянами полковник», и т. д. Подпоручик Михаил Александрович Шванович, ставший у Пугачева «есаулом», «атаманом», возглавил полк пленных солдат.

Полки делились на роты по 100 человек в каждой во главе с сотниками, при них — есаулы, хорунжие. Всех командиров избирали на войсковом круге. Кандидатуры предлагал Пугачев или кто-либо из предводителей. Их обсуждали и утверждали «с общего согласия». Некоторые полковники по разрешению Пугачева сами «жаловали» в сотники, есаулы.

В войске, отрядах заводились казацкие порядки. Все объявлялись «государственными казаками». В них записывались крестьяне, работные люди и другие, которых остригали по-казацки. В полках и отрядах пытались заводить списки-реестры, но не всегда это удавалось из-за большой текучести их состава.

В главном войске под Оренбургом Пугачев проводил «учения», соревнования в воинском искусстве — устраивал скачки, стрельбы из ружей, пистолетов, орудий.

Из пушек хорошо стреляли некоторые канониры, имевшиеся в войске, особенно же Волков, которому Пугачев за хорошую службу дал звание сотника и большое вознаграждение. Сам «император» метко палил из орудий, стрелял из ружья; по отзывам, «он на всем скаку пробивал из ружья на предельном расстоянии кольчугу, набитую сеном, или попадал в шапку, поднятую на пиках».

Бердский лагерь Пугачева окружили караулы, дозоры, пикеты. Но паролей не употребляли. Когда дозор окликал кого-либо, кто приближался к лагерю, то достаточно было услышать в ответ: «Казаки». Конечно, пришедших или приехавших допрашивали, выясняли: кто они, откуда, зачем явились? В лагере «вестовая» пушка подавала сигналы подъема и отбоя. По тревоге же поднимали звоном колокола «наподобие набата».

Пугачев, коллегия, командиры требовали соблюдения дисциплины, стремились держать повстанцев в «послушании», «великой строгости», служебном «усердии». Недисциплинированность, особенно дезертирство, измена строго карались. Отпускные «билеты» (или «жестяные билеты») выдавались тем, кто освобождался от службы. В пугачевском лагере «которые хотя в малейшем подозрении к уходу окажутся, тот же час казнены бывают смертию».

Жалованье (то по 1 рублю, то по 5—6 рублей на человека в разное время, в зависимости от наличия денег в казне у Шигаева) раздавали пугачевцам сотники, есаулы.

Такие же порядки существовали в местных отрядах, подчас довольно многочисленных, называемых иногда повстанцами «армиями». Особо следует выделить среди них отряды, которые возглавляли Иван Наумович Бело-бородов, бывший артиллерист, канонир, «главный атаман и походный полковник»; Иван Никифорович Чика-Зарубин («граф Чернышев»), предводитель повстанческой армии под Уфой; Иван Степанович Кузнецов,

бригадир, «главный российского и азиатского войска предводитель»; Салават Юлаев, «походный полковник» и бригадир; Иван Никифорович Грязнов, «главной армии» полковник. Свой отряд («корпус») Белобородов разделил на сотни — русскую (командир С. Варенцов), башкирскую (Е. Азбаев), марийскую (О. Оскин). Его «сибирский корпус», в котором командир поддерживал строгую дисциплину, пять месяцев воевал с врагами самостоятельно. Белобородов знал Пугачева только по манифестам, которые подняли на борьбу заводских крестьян Урала; ее и возглавил этот отважный и умелый предводитель, командир. В конце февраля 1774 года он послал делегацию к Пугачеву, а 6 мая соединился с ним у крепости Магнитной. Пугачев и его люди приняли «сибирский корпус» за регулярное правительственное войско — до того стройно он выглядел во время марша.

Командный состав главной армии Пугачева, Военной коллегии, отрядов насчитывал до двух сотен человек; среди них более четверти (52 человека) — казаки, затем идут крепостные крестьяне (38 человек), заводские работники (35 человек), башкиры (30 человек), татары (20 человек), калмыки (12 человек). Среди командиров ведущее место занимали казаки, так как они выступали инициаторами, организаторами движения. Казаки имели навыки в военном деле, что отсутствовало у крестьян, работных людей, у большинства участников Крестьянской войны. Но по общей численности казаки и в главной армии, и в отрядах составляли, конечно, незначительную часть. В борьбу с карателями были втянуты в той или иной мере десятки, даже сотни тысяч людей; прежде всего это, конечно, крестьяне крепостные, государственные (в том числе ясачные — из башкир, татар и других нерусских народов), работные люди и прочий люд. Казаков же (в собственном смысле слова, не по названию) насчитывалось, несомненно, не более нескольких тысяч.

Войско и отряды собирались из «охотников». Рекрутские наборы Пугачев, зная о ненависти к ним населения, отменил. «Охотники» шли к повстанцам целыми «командами», то есть группами, отрядами, или поодиночке. Нередко жители сами просились к Пугачеву, в его войско, «давали... вооруженных людей», «самопроизвольно», «охотою». Канзафару Усаеву, одному из активных борцов, полковнику, Пугачев указывал «из приклонившегося ж народу набирать, всячески, стараясь достаточное число войска». И он и другие так и поступали. На следствии Емельян Иванович показал: «Я и так столько людей имел, сколько для меня потребно, только люд нерегулярный».

Его помощники, полковники тоже проводили такую политику в сборе людей. И.С. Кузнецов брал к себе только «верно приклонившихся». К Бахтиару Канкаеву в Казанском уезде «люди вседушне весьма охотно... желают в службу стари и маловозрастани».

Такой подход, сопровождавшийся обещаниями «всех крестьянских выгод», приводил к тому, что в Берду со всех сторон люди шли «всякий день толпами». В ноябре 1773 года «скопилось для принятия службы всякого сорту людей около пяти тысяч».

Постепенно, с ростом потребностей в людях, наступлением карателей, расширением района восстания, повстанческие власти, сам Пугачев прибегают к принудительным мобилизациям («набирал людей силою»). Но одновременно имел место и добровольный приток «охотников», продолжавшийся до конца существования главного войска и отрядов.

Восставшие считали, что борются за общее народное дело, и потому все способные сражаться должны вступать в их ряды. Таково было настроение большинства жителей в тех местах, где происходила Крестьянская война, хотя имелись, конечно, и несогласные, и равнодушные к их делу люди.

Пугачевцы воевали под знаменами, на которых имелись изображения раскольничьего креста, Николая-чудотворца, Иисуса Христа, надписи (например, с текстом призывов пугачевских манифестов). Медали, которыми награждали отличившихся, делали из рублевых серебряных монет с портретом Петра I (медаль на погребение Петра I), их прикрепляли к лентам и носили на левой стороне груди. Они имели разные размеры — «побольше» и «поменьше», всего их Пугачев вручил «с двадцать» экземпляров. На монетах одни изображения и надписи оставляли, другие удаляли, делали новые, припаивали к ним серебряное ушко, чтобы продеть ленту.

Войско Пугачева, отряды включали пехоту, конницу, артиллерию. Помимо захваченных в разных местах пушек, восставшие употребляли орудия собственного литья («злодейского литья», как квалифицируют его правительственные документы). Делали их уральские горнорабочие разных заводов — Авзяно-Петровского, Воскресенского, Саткинского и других. Предназначались они для разных целей (осада, полевые действия), имели разный калибр, вес (гаубицы, мортиры, единороги и др.). Лили пушки из меди, чугуна, бронзы. Работные люди с большой охотой выполняли поручения, наказы Пугачева. В песне оренбургских казаков «Уж ты, ворон сизокрылый», которая навеяна событиями Пугачевского восстания, девушка спрашивает о своем миле ворона, и тот отвечает ей:

А твой милый на работе,
На литейном, на заводе.
Не пьет милый, не гуляет,
Медны трубы выливает,
Емельяну помогает.

Пушки устанавливали на санях, иногда на них приделывали круг, чтобы вести круговой обстрел.

На тех же заводах для Пугачева делали порох, ядра, бомбы, гранаты с картечью. В Бердской слободе создали специальную мастерскую, в которой «ядра и бомбы чинили (то есть начиняли порохом. — В. Б.) и заряды делали». После поражения Пугачева каратели взяли в слободе более 1,1 тысячи ядер, 390 гранат, 18 пудов «дробин» и др., все — «злодейского литья». Качество этих снарядов нередко было плохим — не хватало мастеров, все делалось спешно.

Мастерскую в Берде возглавил Степан Игнатович Калмыцкий, бывший канонир Оренбургского батальона. Имелись и другие умельцы — заводские крестьяне с Воскресенского завода Василий Макшанцев («умеющий механической науке»), Василий Алимпиев («умеющий литья заводских чугунных припасов»), Василий Логинов («выученный архитектурии и умеющий рисовать»). Их разыскал в лагере Грязнов. На уральских заводах побывали ближайшие помощники Пугачева — Соколов-Хлопуша, Чика-Зарубин, Шигаев, И. Ульянов, Я. Антипов. Нашлись новые мастера, которые делали пушки и припасы для Пугачева.

Из числа трофейных и изготовленных для войска пушек у Пугачева уже к концу ноября 1773 года была создана своя артиллерия из 70 единиц; к концу декабря — уже более 100. Под Уфой у Зарубина имелось 25 пушек, у Грязнова под Челябинском — еще 25. Из этих примерно 150 орудий новоизготовленных насчитывалось около 20, то есть почти одна седьмая всей артиллерии, имевшейся у трех осажденных восставшими городов на первом этапе Крестьянской войны. Несомненно, орудия (хотя и небольших калибров и в малом количестве) имелись и в других отрядах.

По отзывам царских генералов (Фрейман, Кар, Голицын, Михельсон), повстанцы-артиллеристы действовали «весьма проворно», наносили немалые потери врагу. Они хорошо владели техникой навесной стрельбы, устраивали укрытия для орудий (мешки с песком, снежные валы, рогатки), укрывали их в лощинах, под прикрытием гор, прятали за возами с сеном, соломой. Искусно маневрировали на поле боя.

У Пугачева было до 600 артиллеристов. Артиллерию возглавлял пугачевский полковник Федор Федорович Чумаков из яицких казаков. Хорошими артиллеристами, помимо самого Пугачева, были Белобородов, Соколов-Хлопуша, Иван Шишка (демидовский крестьянин), Степан Калмыцкий, Тимофей Коза (заводской мастеровой). Согласно Почиталину, «лучше всех знал правило, как в порядке артиллерию содержать, сам Пугачев». Ему вторит Падуров: «Пушки и прочия орудия большей частью наводил сам самозванец, а иногда и канонеры». Недаром в народе сложилась легенда, согласно которой Пугачев «один управлял батареей из 12 орудий; он успевал и заправить, и наводить, и палить, в то же время

войску приказания отдавать».

Весной 1774 года, после поражения, Пугачев потерял все пушки. Но потом, по мере продвижения по Уралу и дальше, он снова захватывал их в крепостях и на заводах, терял в боях, снова набирал, и так продолжалось довольно долго. То же происходило в отрядах, больших и малых. В целом за все время восстания пугачевцы имели несколько сот пушек.

Действия с помощью артиллерии, быстрая ее маневренность составили одну из славных страниц Пугачевского движения. Опытный враг повстанцев подполковник Михельсон, так много досадивший Пугачеву, признавал, что под Казанью восставшие встречали его войска «стрельбою, какой я, будучи против разных неприятелей, редко видывал».

Помимо огнестрельного оружия (пушки, ружья, пистолеты), повстанцы имели холодное — сабли, пики, рогатины, луки со стрелами и прочее, вплоть до топоров, дреколий с наконечниками, дубин.

Большие хлопоты и потери карателям накосила пугачевская конница — казаки, башкиры, калмыки и др. Она действовала в атаке и сплошной лавой, и рассыпным строем, и на большом расстоянии (обстрел из ружей, луков), и вблизи (сабельные схватки). По отзывам царских генералов, они в бою «столь проворно обращаются, что их пешим и художонным достигать трудно, ибо они во время наступления рассыпаются»; башкиры, «чиня всякие пакости и смертные убивства», «как ветер по степи рассеиваются».

Стой же умелыми и изобретательными проявили себя пугачевцы при осаде и взятии городов и крепостей. Они устраивали завалы и подкопы, «двойные» стены, засыпанные землей, «притинные» сооружения. Во время штурмов применяли лестницы, возы с сеном и соломой, взрывали мины в подкопах, строили полевые укрепления разных типов. Действовали стремительно, нередко ночью. Использовали при атаках, штурмах пожары.

Пугачев и «пугачи», все восставшие в своих попытках организации войска, отрядов, ведении войны с властями, карателями применяли те же методы, способы, что и их противники, подчас даже с большей изобретательностью, но их разнородность, отсутствие каких-либо военных навыков у большинства повстанцев сильно отличали их, и в худшую, конечно, сторону, от регулярных правительственных частей.

Сильной стороной пугачевского воинства, хотя она и не спасла их от поражения в конечном счете, были неукротимая отвага, высокий боевой дух, сознание правоты, с которыми они шли в бой за погранные права и обычаи, за землю и «всякую вольность».

Взгляды и требования восставших, их идеология носили сложный, противоречивый характер. Они здесь во многом повторили то, что выдвигали, проповедовали до них, в чем-то продвинулись вперед. Главное, за что они боролись и отдавали свои жизни, — это освобождение от крепостного ярма, от помещиков, получение земли в свое распоряжение, овладение властью в столице, при этом сохранение монархической формы правления, но доставление своего, «мужицкого», царя — Петра Федоровича, который и явится вместе со своими помощниками (которые, как мыслилось, вероятно, придут на смену екатерининским вельможам) гарантом, проводником в жизнь этих требований и стремлений.

При всей утопичности, архаичности и наивности подобных рассуждений, их осуществление привело бы к политическому перевороту, смене власти, отмене крепостного права, ликвидации привилегий феодалов. Последним сначала предполагалось платить жалованье за службу. Потом выдвинули лозунг их истребления. Трудно сказать, насколько далеко вперед заглядывали Пугачев и другие предводители. Людьями они были малограмотными или совсем неграмотными. Но при этом многие из них обладали хорошим здравым смыслом — казака, крестьянина, купца и т. д. — и обнаруживали задатки своего рода мыслителей, идеологов в их народном, так сказать, издании, но отнюдь не всегда примитивном. Чтобы убедиться в этом, достаточно почитать манифесты, скажем, Пугачева или Грязнова — в них приводится перечень, своего рода программа мер, которые осуществляются в случае победы, обоснование целей борьбы, размышления в духе идей первоначального христианства, простонародного естественного права. «Примитивный

демократизм» (В.И. Ленин) пронизывает все программные документы, вышедшие из ставки Пугачева и его атаманов.

Идеологические представления, которые отразились в манифестах и указах Пугачева и его сподвижников, в ходе войны потерпели заметную трансформацию. Если элементы организованности уменьшались, то элементы сознательности, идеологии, наоборот, увеличивались, усиливались.

Еще перед началом восстания Пугачев в беседах с яицкими казаками развивал мысли о походе в центральные губернии России, где можно было поднять «черный народ». Он был уверен, что «Русь... вся к нему пристанет». Так он говорил М. Кожевникову. Многие казаки понимали, что необходимо искать опору в простом народе, прежде всего — в крестьянстве. В уже упоминавшемся разговоре Т. Мясникова с М.Д. Горшковым речь шла о том же: «...сие наше предприятие будет подкреплено и сила наша умножится от черного народа, который также от господ притеснен и вконец разорен».

Это был, так сказать, расчет стратегического порядка, как и главная цель, провозглашенная яицкими казаками, инициаторами выступления, и другими повстанцами, — восстановление на престоле «законного государя» — «императора» Петра III в лице Пугачева, свергнутого с престола якобы за желание освободить от крепостной зависимости крестьянство. Этого «народного заступника» нужно снова возвести на трон, и он сделает все, что нужно для угнетенных. Такая идеологическая оболочка как бы придавала движению законный характер. Причем сам Пугачев как будто не исключал, что после победы их дела править будет не он, а его «сын» Павел Петрович.

— Желая я, — говорил Пугачев тому же Кожевникову, — чтоб на царство восстановить государя цесаревича и в прочих местах учредить судей других, в рассуждении, что в нынешних многая неправда. А сам я, однако, более царствовать уже не желаю.

Впрочем, высказывался он Чике-Зарубину и в другом смысле:

— Взяв Оренбург, пойду в Москву, приму там престол, к великому князю (Павлу Петровичу. — *В. Б.*) буду писать, чтоб ко мне приехал. А государыню в монастырь сошлю. И, утвердись на царство, буду старатца, чтобы все было порядочно и народ не отягощен был.

Видимо, в глазах Пугачева и его близкого окружения главное заключалось в том, чтобы снять с «черного народа» все «отягощения». Сделать это может сам «император» или цесаревич; важно, чтобы он был добр к простым людям, облегчил их «отягощения». С этой целью он хотел сменить и плохих «судей», заменив их справедливыми, добрыми к «черни».

По отношению к дворянам Пугачев в тех же разговорах с казаками накануне выступления ставил вопрос о конфискации у них владений и выплате им взамен жалованья. На хуторе у Кожевниковых он говорил Чике:

— От дворян деревни лутше отнять, а определить им хотя большее жалованье.

То же повторяет он 21 сентября, обращаясь к жителям только что взятого Илецкого городка:

— У бояр села и деревни отберу и буду жаловать их деньгами!

Давно уже обращалось внимание на сильно выраженный «проказацкий» характер первых пугачевских манифестов и указов. В определенной степени это так. Неудивительно, что Пугачев, «принятый» казаками, которые дали обещание «восстановить» на престоле «императора», не мог не учитывать их пожелания. Именно их интересам отвечали обещания восстановить старые казацкие «вольности». Здесь имелись в виду в первую очередь войсковой круг, выбор атаманов и есаулов, справедливое распределение доходов Яицкого войска, регулярная выдача жалованья, то есть все то, что у казаков отобрали или сильно ущемили в прошлые годы. Пожалования Яиком-рекой, рыбными ловлями, землями, сенокосными угодьями, крестом и бородой тоже постоянно повторяются в пугачевских обещаниях. В первом манифесте 17 сентября 1773 года Пугачев объявил: «Когда... всю Россию завоюет, то зделает Яик Петербургом, яицких казаков производить будет в первое достоинство за то, что они причиною возведения его паки на царство».

С яицкими казаками Пугачев подробно обговаривал план выступления. Еще до

восстания сложился своего рода «заговорщицкий центр» или повстанческий центр — хотя и примитивная, но все же организация, которая выработала основные положения социально-политической программы Крестьянской войны. А это свидетельствует о значительной организационной и идеологической зрелости движения, если его сравнивать с другими народными восстаниями XVII—XVIII веков.

При этом важно иметь в виду, что уже с самого начала Пугачев обращается не только к казакам, но и к другим слоям, группам населения — к казакам, башкирам и т. д. Кроме того, обещания первых манифестов о пожаловании земель, угодий, вольности хотя они и были обращены в первую очередь к казакам, но истолковывались всеми простыми людьми так, что они имеют в виду и их тоже, короче — всех угнетенных и обиженных. Именно первые манифесты поднимали на борьбу крепостных крестьян Оренбургской губернии, которые громили имения помещиков, а последние спасались бегством.

Впоследствии, со времени осады Оренбурга, расширения войны, включения в нее широких масс крестьянства, работных людей и других слоев, пугачевские призывы все больше ориентируются на них, становятся менее «проказацкими» и все более «прокрестьянскими», поскольку основной массой восставших, главной опорой Пугачева становятся именно крестьяне.

Уже в указе 24 сентября 1773 года, обращенном к гарнизону и всему населению Рассыпной крепости, Пугачев более широко формулирует свои установки: «...Жаловать буду всех сих вечною волностию, реками, морями, всеми выгодами, жалованьем, провиантом, порохом, свинцом, чинами и честью, а водность навеки получают». Здесь предусмотрены не только казаки, но все слои трудового населения. Октябрьские манифесты того же года объявляют башкирам, что они получают освобождение от русской администрации, помещиков, заводчиков, вольность, земли и воды в свое распоряжение, свободу веры. Работные люди слышали обещания вольности, снижения подушного оклада до 3 коп.; по заключению Оренбургской секретной комиссии, «что касается до заводских крестьян, то они были всех прочих крестьян к самозванцу усерднее, потому что им от него также вольность обещана, тож и уничтожение всех заводов, кои они ненавидят в разсуждении тягости работ и дальних переездов, для чего и исполняли с усердием насылаемые к ним на заводы указы».

В ряде повстанческих документов 1774 года — в воззвании Грязнова 8 января, пугачевских манифестах 12 июня, 28 и 31 июля — требования, идеология повстанцев выглядят весьма радикально. Речь в них идет об освобождении крестьянства, всей трудовой России прежде всего от «ига работы» — крепостного рабства, что будет исполнением «божьего предначертания», торжеством справедливости.

Манифест 31 июля 1774 года наиболее полно и решительно выражает требования угнетенных. Пугачев в нем провозглашал «во всенародное известие:

— Жалуем сим имянным указом с монаршим и отеческим нашим милосердием всех, находившихся прежде в крестьянстве и в подданстве помещиков, быть верноподданными рабами собственной нашей короне, и награждаем древним крестом и молитвою, головами и бородами, волностию и свободою и вечно казаками, не требуя рекрутских наборов, подушных и протчих денежных податей, владением землями, лесными и сенокосными угодьями и рыбными ловлями, и соляными озерами без покупки и без оброку. И освобождаем всех прежде чинимых от злодеев дворян и градских мздоимцев судей крестьянам и всему народу налагаемых податей и отягощений... Повелеваем сим нашим имянным указом: кои прежде были дворяне в своих поместьях и вотчинах, оных противников нашей власти и возмутителей империи и разорителей крестьян ловить, казнить и вешать, и поступать равным образом так, как они, не имея в себе христианства, чинили с вами, крестьянами. По истреблении которых противников и злодеев-дворян всякой может восчувствовать тишину и спокойную жизнь, коя до века продолжатца будет».

Этот пугачевский манифест, несомненно самый радикальный из всех, говорит об освобождении всех категорий крестьян от крепостного права, несправедливого суда, подушной

подати, рекрутской повинности. Народ должен был получить землю в свое распоряжение. Всех простых людей полагалось верстать в казаки, дворян же — истреблять, как «злодеев», «возмутителей», «разорителей крестьян».

По мысли Пугачева и других предводителей Крестьянской войны, последняя должна была привести к образованию своего рода казацкого государства («христианской казацкой республики», по К. Марксу) с порядками, аналогичными тем, которые существовали (до их нарушения властями) в войске Яицком, войске Донском, войске Запорожском и других казачьих областях. Его будущие жители, все — казаки, получали волю, землю и прочие блага. Во главе будет свой, народный «император», что-то вроде всероссийского войскового атамана. Он и его помощники, которые, как можно полагать, сменят екатерининских «бояр», будут делать все по справедливости, правде, и простой народ получит из их рук все желаемое, заветное.

В манифесте 31 июля, который излагает своего рода программу Крестьянской войны, не все, конечно, «гладко» и продуманно. Не говоря уже об утопичности и наивности главного замысла — создания «своего», «мужицкого» или «казацкого» государства во главе с Пугачевым — «императором», в нем немало наивностей и бьющих в глаза противоречий, касающихся организации жизни в будущем идеальном государстве. Жители его, по манифесту, не будут вносить подати, исполнять рекрутскую повинность. А ведь без пополнения казны и набора в армию государство существовать не может. Вероятно, и здесь, как и в другом, Пугачев мыслил организовать все по-казацки: не будет-де ненавистного «регулярства», солдатских наборов, а военную службу все будут исполнять «охотою», как казаки, в форме общего воинского ополчения. Так как будто... Понять нелегко, но можно. С податью же хуже. Прокламируя ее отмену, авторы манифеста, сам Пугачев понимали, конечно, что без казны не проживешь. Сама жизнь, практика Крестьянской войны говорили об этом — в пугачевскую казну, к Шигаеву, стекались со всех сторон конфискованные деньги, ценности, которые распределялись в виде жалованья, наград среди повстанцев, заводских работников. Относительно последних известно, что Пугачев и его помощники планировали резко снизить размер подушного оклада, который с них взимался. Опять как будто противоречие... Но и здесь, вероятно, Пугачев, отрицая существующий порядок с налогами, имел, конечно, в виду отмену екатерининских податей, которые в будущем будут заменены чем-то другим, более легким для населения.

Так или примерно так могли думать предводители Крестьянской войны, размышляя о будущем устройстве, предполагая облегчить положение простого люда. Но, конечно, многое им было неясно, непонятно. Да и размышлять-то в обстановке боев, преследований и поражений некогда было...

Главная сила этого и других манифестов Пугачева в том, что они затрагивали суть жизни угнетенных, давали им надежду на лучшую долю. И они с благодарностью и воодушевлением, всем сердцем воспринимали пугачевские воззвания. Именно поэтому их переписывали и распространяли в большом количестве не только в районе Крестьянской войны, но и далеко за ее пределами. Один экземпляр манифеста Пугачева нашли даже в Зимнем дворце — кто-то, вероятно, из дворцовой прислуги подбросил сюда воззвание мятежного предводителя. В разных местах крестьяне, их эмиссары подхватывали слова, мысли пугачевских манифестов, по-своему их толковали:

— Когда Пугачев будет царем и бояр всех перевешает, то будет наша воля.

— Петр Федорович крестьян всех хочет от бояр отобрать и иметь их только за своим именем. Коли б нам бог хотя б на один год дал (свободу от бояр. — *В. Б.*), ибо мы все помучены.

— Петр Федорович в указах пишет, чтоб чернь радовалась и веселилась: господским людям будет воля; и как сюда он будет, то не станут с ним войны держать господские люди, все к нему передадутся.

По словам Полубояринова, сенатского курьера, который в январе 1774 года ехал по Казанской губернии, проживавшие в ней помещичьи и дворцовые крестьяне, как он сам не

раз слышал, считали, что они «государем Петром III освобождены от податей, почему и ныне, есть ли не захотят, то ничего не дадут; а от него они имеют уверение, что будут вольны и независимы ни от кого. Теперешнее же правление им несносно, ибо де большие бояре награждаются деревнями и деньгами, а им никакой нет льготы, но только больше тягости по причине войны, как-то: рекрутские наборы и разные подати, кои должно платить и государю и помещикам, и что для перемены своего состояния пришло им метаться в воду. О воинских же командах, следующих для истребления злодея, говорят, что де все это понапрасну: все де солдаты лишь только придут, то будут ему служить, вить и их житье не лутче крестьянского».

Призывы и идеи манифестов Пугачева вошли в душу народную. Власти приняли все меры, чтобы их конфисковать и уничтожить. По указу Сената, все подобные «письма на площадях» по их обнаружении должны «жечь через палачей». Их действительно десятками публично сжигали в разных концах, но предотвратить чтение, распространение желанных манифестов власти были не в силах. На борьбу с ними были предназначены правительственные манифесты, указы, рескрипты. Генерал Потемкин, начальник секретной следственной комиссии в Казани, в августе 1774 года составил своего рода контрвоззвание к народу, в котором прямо полемизирует с пугачевскими манифестами. Нарисовав черными красками «злодеяния» Пугачева и воздав лстивые и лживые похвалы Екатерине II, в 12-летнее правление которой, оказывается, никто не был притеснен («смущалась ли когда притеснением хотя единая душа?»), автор высмеивает слова пугачевского манифеста о свободе от рекрут и податей (кто же, мол, и на какие средства будет защищать Россию от внешних неприятелей?). Особый его гнев вызывает пункт о собратьях-дворянах: «Пугачев велит истреблять помещиков, и народ ему повинуется. Сам бог сказал: „Несть власти, еже не от бога“. То как может сей злодей испровергнуть божию власть? Представьте себе: Кто будет управлять градами и селами, ежели не будет начальников? Кто будет производить суд, удерживать дерзость и неправду, защищать притесненного, ежели не будет законных властей? Кто будет предводительствовать воинством, ежели не будет степени чинов? Вот ясное изобличение злонамеренного оболъщения Емельки Пугачева».

Генерал не мыслит себе другого устройства, кроме существующего порядка вещей, при котором всякая «законная власть» исходит только от дворян, осуществляется ими в интересах сохранения их прав и привилегий. Восставшие же во главе с Пугачевым ставили вопрос об их лишении этих прав и привилегий, уничтожении самих дворян вместе с крепостными порядками, передаче земли в руки эксплуатируемых. Именно поэтому в той борьбе идей, требований, стремлений, которая развернулась во время Крестьянской войны одновременно с вооруженной, борьбой между двумя лагерями, простой народ, все эксплуатируемые приняли сторону Пугачева. Русские, башкиры и татары, калмыки и казахи, мари и удмурты, все нерусские народы тоже находили в и их то, что отвечало их настроениям, надеждам, требованиям. В манифестах Пугачева, к ним обращенных, говорилось о свободной жизни, равенстве народов и вероисповеданий, о пожаловании их землями, водами, пастбищами и прочими благостями.

Несомненно, собранные воедино, пункты пугачевской «программы», несмотря на ее утопический, неосуществимый характер, содержали элементы революционные (отмена крепостничества, уничтожение дворянского землевладения, передача земель крестьянам и пр.), которые при их осуществлении могли бы повести страну к новому, буржуазному строю, хотя повстанцы это, конечно, не сознавали, элементарно не понимали. Но условия времени, уровень сознания восставших, их политическая темнота, необразованность объясняют тот несомненный факт, что их борьба не стала и не могла стать революционной, сознательной борьбой, политически, программно организованной и победоносной.

Господствующий же класс, гораздо лучше организованный политически, идеологически, более образованный, все же не мог противопоставить Пугачеву такой силы воззвания, обращения, как его манифесты и указы. В этом пункте народ, несмотря на необразованность, неразвитость в основной своей массе, встал на сторону идей и призывов

Пугачева, а не его противников. Классовое чутье угнетенных, их насущные жизненные интересы вели их к «третьему императору». Карателям же, несмотря на бесчисленные увещевания рескриптов и указов императрицы и Сената, проповеди архиереев с церковных амвонов, оставалось полагаться на силу солдатских штыков и пушечную картечь. Здесь они были сильнее.

Под Оренбургом и в яицком городке

Пугачев был не очень доволен исходом сражения с Каром, тем, что Овчинников и Чика не задержали генерала с основными силами:

— Для чего вы его упустили?

— У нас, — ответил Овчинников, — не достало зарядов.

Тем, что Хлопуша привел в Берду большой отряд с припасами, он, наоборот, остался доволен:

— Сколько теперь у тебя команды?

— Человек пятьсот и три пушки.

— Где взял людей?

— На Авзяно-Петровском заводе, а иные пришли и из других жительство.

— Порох, провиант, пушки и деньги, как ко мне прислал, где брал?

— Все это взято на заводах, а провиант возили из разных мест, куда я посылал от себя команды.

— Будь же ты за это полковник и имей у себя в команде заводских мужиков.

— Я грамоте не знаю, а потому и управлять людьми неспособно.

— У нас и дубина служит вместо грамоты. Вот если что украдешь, то и за алтын удавлю!

Перед Пугачевым вставали новые задачи, вопросы. В первую очередь — осада Оренбурга. Почти два месяца продолжалось восстание, больше месяца восставшие стояли под стенами города.

Сражения 22 октября, 2 и 14 ноября сильно воодушевили Пугачева и его повстанцев. Через несколько дней, 17 ноября, он посылает указ Рейнсдорпу, требует сдать город, упрекает за сопротивление. В случае покорения Оренбурга, «всемилоостивейши прощаем и, сверх того, всякою волноостито отечески вас жалую. А будешь в таком же ожесточении и суровости останитесь и данной нам от создателя высокой власти не покоритесь, то уже ниминуемо навлечети на сибя правидный наш гнев».

Город не сдавался. Штурмовать его Пугачев не стал, «ибо и так много уже потерял людей хороших». Он возложил надежды на голод, который-де и заставит защитников преклонить перед ним знамена. Усилив блокаду Оренбурга, Пугачев посылает своих помощников на восток и запад от него. Делает это в значительной степени по совету ближайших советников — Овчинникова и Лысова, Шигаева и Витошнова, Идыркая и других.

— Надобно бы было, — говорят они ему, — послать на нижние яицкие форпосты Михаила Толкачева с манифестом, чтоб он до самого Яицкого городка брал везде казаков. А к Дусали-султану послать яицкого казака из татар Тангаича также с манифестом, чтоб он дал вам в помощь хотя 200 человек. И когда Толкачев наберет казаков, а Тангаич приведет киргизов (казахов. — В. Б.), то они и ударят на Яицкий городок.

Сначала решили идти к востоку, где на Яике стояли Ильинская и Верхне-Озерная крепости — нужно было перекрыть пути из Сибири к Оренбургу для подхода возможных новых подкреплений, добыть провиант, вооружение, припасы, казну, пополнить войско людьми. По приказу Пугачева два отряда — 400 яицких казаков и 400 заводских крестьян — во главе с Соколовым-Хлопушей и Бородиным 18 ноября вышли из Бердской слободы. По пути к ним присоединились 1,5 тысячи ногайцев из Желтого редута и 500 башкир с реки Ика.

20 ноября Хлопуша подошел к Ильинской крепости. Гарнизон состоял всего из шести десятков солдат с четырьмя пушками. Взять ее не составило большого труда — повстанцы с ходу ворвались в крепость. Сопrotивлявшихся — коменданта поручика Лопатина и некоторых солдат — перебили, остальных взяли в плен. На второй день после этого успеха Хлопуша стоял у Верхне-Озерной. Ее защищали сравнительно крупные силы — более пяти с половиной сотен во главе с полковником Демариным. 23 ноября весь день шла перестрелка, но штурм осажденные отбили. Правда, к восставшим перешли более полутора сотен башкир, калмыков и казаков. Хлопуша отвел свои силы в Кундровскую слободу, в 12 верстах от крепости. Пугачеву сообщили, что Верхне-Озерную взять не удалось «по жестокому сопротивлению». Он сам с 500 яицкими казаками 26 ноября прибыл к крепости. По его приказу открыли огонь из пушек и ружей. Начался штурм. Осажденные метким огнем наносили пугачевцам большие потери. Они смешались, Пугачев рвался вперед:

— Грудью, други!

— Сунься-ко сам! — кричали некоторые под градом выстрелов. — Разве не видишь, как нам пули в лоб прилетают!

Пугачев отвел войско к Кундровой слободе. Вскоре он узнал, что в Ильинскую крепость вступил отряд секунд-майора Заева, идущий на помощь Демарину (более 460 человек). Он направился туда. 28 ноября первый его отряд (около 100 человек) появился под стенами крепости. Некоторые подъезжали к укреплениям, кричали:

— Выходите из крепости с покорностью! Подступил под крепость сам государь!

— У нас в России, — отвечали из крепости, — есть государыня императрица Екатерина Алексеевна и наследник ее великий князь Павел Петрович! Кроме их, никакого у нас государя нет!

После небольшого обстрела из пушек Пугачев отступил. Наутро 1,5 тысячи повстанцев с двумя орудиями на санях бросились на штурм. Пробив брешь у бастиона, где защитники не поставили орудия, они ворвались внутрь. Разгорелась ожесточенная схватка. Здесь и до 200 солдат пали замертво, остальных, в том числе казаков, не оказывавших во время боя сопротивления, взяли в плен.

— Для чего вы, — спрашивали повстанцы пленных казаков, — к нам не вышли?

— Если б мы из крепости стали выходить, то нас бы солдаты побили.

Пленных привели в повстанческий стан, находившийся в татарской деревне. Их поставили на колени, когда к ним вышел Пугачев:

— Прощает вас бог и я, ваш государь Петр Федорович Третий, император!

Пленные встали. Затем он обратился к трем пленным офицерам:

— Для чего вы против меня, вашего государя, идете и меня не слушаете?

— Ты не государь наш, и мы тебя оным не признаем! Ты — самозванец и бунтовщик!

Их судьба была тут же решена — всех повесили по приказу Пугачева. Но за четвертого, капитана Башарина, из татар, просили солдаты его роты, человек тридцать:

— Капитан был до нас добр и в наших солдатских нуждах не оставлял нас!

— Ну, когда он был до вас добр, так я его прощаю.

Всех пленных, в том числе и Башарина, остригли по-казацки, оставили им оружие и лошадей. Пугачев с 2,2-тысячным войском и 12 орудиями вернулся в Берду. А в это время к Ильинской крепости, на помощь Заеву, приближался генерал-майор Станиславский из Орской крепости. Но, узнав о печальной судьбе Заева, он повернул назад, а из Орской по приказу Деколлонга должен был отойти дальше — к Верхне-Яицкой крепости. Деколлонг свое решение объяснял необходимостью защиты от мятежников екатеринбургских заводов, Исетской провинции. Как он писал в Петербург графу Чернышеву, «подать помощь осажденному городу Оренбургу» он не мог, так как «злодеи башкирцы генеральным своим взбунтованием до того не допустили».

Успехи Пугачева сильно встревожили главнокомандующего Бибикова. «Удача сего злодея, — писал он Екатерине II, — в разбитии бригадира Билова, полковника Чернышева, ретирады (отступления. — В. Б.) генерала Кара, а, наконец, последняя удача в разбитии

майора Заева с командою в Ильинской крепости умножили сего злодея и сообщников его дерзость и ободрили весь... башкирский народ к бунту; немалая опасность есть к распространению сих злодейств к стороне Сибири..., а при такой преклонности черни сей страх еще основательнее быть видится».

Под сильным влиянием слухов о последней победе «Петра Федоровича», его манифестов ширится восстание в Башкирии, Зауралье, Западной Сибири и других местах. Солдаты из числа польских конфедератов все чаще переходят к повстанцам. То же все чаще стали делать осажденные в Оренбурге, где усиливался голод.

Между тем Пугачев послал Толкачева к Яицкому городку и крепостям Нижне-Яицкой укрепленной линии (от Яицкого городка до Гурьева, на расстояние в 500 верст). Толкачев, проехав через казахские урочища, вышел к Миргеневскому форпосту. Оттуда, включая в свой отряд местных казаков, направился вверх по Яику к городку. В конце декабря с отрядом в 300 человек он подошел к нему. Подполковник Симонов к этому времени усилил оборону — по его приказу возвели непрерывную линию укреплений, упирающихся двумя концами в Старицу — старое русло Яика. Внутри укреплений стояли дом войсковой канцелярии, гауптвахта, соборная церковь с высокой колокольней. На последней, под колоколами, имелся помост, на нем поставили две пушки, которые могли вести огонь во все стороны через восемь окон; дальность выстрела достигала одной версты. В крепости имелись запасы провианта, дров, пороха. Здесь же располагались землянки для рядовых защитников.

Симонов 29 декабря получил известие о приближении Толкачева. Навстречу ему выслал старшину Мостовщикова с 80 казаками. На следующий день произошла их встреча в семи верстах от города. Восставшие окружили отряд Мостовщикова, взяли в плен 24 оренбургских казака, а все яицкие сами перешли на их сторону. Лишь три оренбургских казака вернулись в крепость.

Толкачев вошел в Яицкий городок. Казаки встретили его с сочувствием. Командир созвал круг и объявил на нем о вступлении на престол «государя» Петра III, велел упоминать его имя и имя наследника Павла Петровича в церквях во время служб. Затем восставшие начали осаду ретраншемента — крепостных укреплений. Из высоких изб, забравшись под кровли, они вели меткий огонь по осажденным. Из крепости отвечали выстрелами из орудий. Но ядра, пробивая деревянные стены изб, падали в снег, потухали, не нанося особого вреда повстанцам. Тогда несколько солдат из гарнизона Симонова подожгли ближайший двор, и пожар охватил город. Восставшие спасались бегством под огнем противника. Это продолжалось несколько дней. Перед крепостью образовалась выжженная площадь, свободная от строений.

Толкачев сообщил в Берду о взятии городка и невозможности овладения крепостью — у него-де «команда невелика, а Дусалы-салтан киргизцов ни одного человека не дал». Он просил в помощь людей и пушек. Осада крепости продолжалась. В Яицком городке появилась своя «бунтовщицья канцелярия» во главе с яицкими казаками Иваном Сергеевичем Харчевым и Андреем Алексеевичем Кожевниковым.

Восставшие постоянно беспокоили крепостной гарнизон, держали его в напряжении, «во всегдашней атаке». Устроили завалы, которыми загородили обгорелую площадь, прилегающие улицы и переулки. Стреляли из бойниц в крайних избах. Между домами на насыпях поставили 16 батарей.

Толкачев снова просит помощи у Пугачева, и тот, учитывая настроения и просьбы яицких казаков, посылает в городок Овчинникова с отрядом в 50 человек и четырьмя орудиями. Вскоре выезжает туда сам в сопровождении конвоя из восьми человек. 7 января около городка его торжественно встретили священники в ризах, с крестами и образами, казаки с хлебом и солью. Пугачев приложился ко кресту, принял хлеб-соль. Увидел в толпе Дениса Пьянова:

— Ну что, узнаешь ли ты меня?

— Как не узнать! Ведь дело-то недавно было.

— Смотри же! Я не Емельян Иванов, а государь ваш Петр Федорович! Я хлеб-соль

твою помню и тебя не забуду.

После целования руки Пугачев направился в дом Толкачева. На следующий день осмотрел укрепления, правда, издалека, так как с колокольни все время стреляли. Он приказал ставить дополнительные батареи для обстрела ретраншемента, а под одну из его фланговых батарей подвести подкоп. В 50 саженьях от батареи из подвала в погребе казака Ивана Губина начали рыть. Пугачев «сам в стене, зачертив три аршина в ширину и три аршина в длину», показал, как вести работу. Ее делали 11 плотников и 150 рабочих, во главе их Пугачев поставил мордвина Якова Кубаря. «Государь» все время следил за ходом работы, приказывая делать отдушины в подземной галерее, не шуметь. Когда, по расчетам, подкоп подошел в нужное место, там поставили бочку с 10 пудами пороха.

20 января Пугачев вместе с Кубарем и одним из работников спустились в подкоп. Установили свечу на бочке. Когда она догорела, раздался взрыв. Но он оказался не очень эффективным — подкоп подошел не к батарее, а к пустому погребу. Часть контрэскарпа, крепостного вала, разрушилась, осела в ров, засыпав его наполовину. В этом месте, как Пугачев приказал заранее, и начался штурм. Участвовали в нем, помимо казаком, их жены и дочери, малолетки, купцы, «барские люди», татары, калмыки, мещеряки. До 200 человек спустились в ров, с помощью лестниц пытались забраться на вал. Их встретили в штыки, лили на них кипяток, вар, сыпали горячую золу. Атака захлебнулась. На тех же, кто не смог спуститься в ров, обрушился орудийный и ружейный огонь; понесся большие потери, казаки отступили. Штурм продолжался девять часов, но успеха не принес. Оставив около 400 убитыми, Пугачев отступил. Потери гарнизона составили около 40 убитых и раненых.

На следующий день восставшие продолжали вести огонь по крепости. Усилили караулы. Но штурм не возобновили — надежды на успех было мало. Пугачев, собираясь уехать в Берду и посоветовавшись с казаками, приказал им выбрать себе атамана. Казаки называли как наилучшего кандидата Никиту Афанасьевича Каргина, человека решительного характера, набожного. Он жил в пустыне «для спасения своей души и богомолния», но в это время как раз приехал домой — захотелось с семьей повидаться. Пугачев призвал его к себе, внимательно осмотрел и отпустил:

— Поди теперь домой, а впредь будешь ты мне надобен.

Через несколько дней созвали круг. Туда явился Пугачев с Каргиным. Казак Иван Леонтьевич Герасимов прочел пугачевский манифест, и казаки еще раз услышали о пожаловании их землями, Яиком-рекой, ее притоками и протоками, всякой вольностью. Вперед вышел «император»:

— Извольте, Яицкое войско, выбрать себе атамана и старшин по-прежнему вашему обыкновению, кого хотите. Отдаю это на вашу волю. Если выбранные атаманы и старшины не станут делать войску угодность и казаки будут ими недовольны, то отдаю на их волю — хоть через три дня старого атамана и старшин сменить, а на место их выбрать других старшин в кругу по общему совету.

Казаки встретили речь Пугачева с благодарностью и воодушевлением:

— Довольны, батюшка, надежа-государь, вашу царскою милостью!

— То-то отец-то отдает на нашу волю выбор атамана!

— Он старинный наш обычай по-прежнему хочет восстановить!

После обсуждения атаманом избрали Никиту Каргина, сотниками — Афанасия Перфильева и Ивана Фофанова. Правда, соблюдая старинный этикет, они отказывались. Каргин, «не желая быть в таком большом достоинстве», пал на колени перед Пугачевым:

— Помилуй, Ваше величество! Я этой должности за старостью и неумением грамоте снести не могу!

— Как! Так ты поэтому мне служить не хочешь! Весь мир теперь обращается ко мне, а ты один хочешь противиться?!

— Я рад тебе послужить!

— Поздравляю вас, войско Яицкое, — Пугачев обратился к казакам, — с выбранными вами старшинами! Будь по-вашему, я воли с вас не снимаю!

— Благодарствуем, — кричали все, — на твоей царской милости!

«Государь» направился в свой «дворец» — дом Толкачева. А круг продолжался — трех выбранных старшин казаки вызвали в середину и, сняв шапки, стали с поклонами просить их занять должности:

— Пожалуй, господин атаман, и старшины! Примите на себя этот труд, послужите нам, Яицкому войску, верую и правдою!

— Мы, Яицкое войско, — Каргин и его товарищи из приличия, но не очень настойчиво, снова отказались, — не имеем большого разума, да и недостойны управлять вами.

«Но напоследок, — по словам Перфильева, — по многим с обеих сторон перекорам, приняли на себя налагаемые чины», показав тем самым, как и полагалось по обычаю, свое бескорыстие, заставив казаков упрашивать себя и т. д.

— Ну, будь воля ваша, Яицкое войско! — этими словами Каргин, Перфильев и Фофанов выразили окончательное согласие, вступили в свои должности.

Пугачев дал им право разбирать судебные дела, наказывать провинившихся, но за незначительные преступления. По «важным винам» (преступлениям) полагалось сообщать Военной коллегии, от которой и «ожидать указ».

Процедура избрания нового атамана Яицкого войска, его помощников, под эгидой «государя», в роли которого выступал Пугачев, свой, «мужицкий», «казацкий» царь, очень интересна, важна с точки зрения того, как мыслили себе предводители Крестьянской войны будущие порядки в случае ее общей, так сказать, победы. Пока они одерживали победы частные, местные, но уже начали попытки организации своей власти в тех местах, где они стали хозяевами положения. По форме все как будто оставалось по-старому — круг, выбор должностных лиц по общему совету, исполнение ими своих обязанностей под контролем круга, мира, который может их в любой момент заменить, переизбрать. Но при этом нужно иметь в виду важный момент. Этот обычай — функционирование круга, системы выборов атаманов и старшин — давно и систематически нарушался властями, правительством, и его восстановление само по себе было бы важнейшим завоеванием для казаков и «показавшихся» слоев населения. А ведь восставшие, и это очень существенно, подобные порядки вводили везде, в «неказачьих» местностях, и, как можно попят, собирались ввести по всей стране, как только они восстановят на престоле «императора Петра III». Правитель же в лице Пугачева, то есть «добрый» царь, как бы одобряет своим авторитетом, поддержкой подобные порядки «христианской казацкой республики», все будет делать «по общему совету», отдаст «на волю» народу; но при этом, конечно, сохранит за собой право верховной санкции.

Пугачев приказал Каргину продолжать осаду крепости, в частности, вести новый подкоп, на этот раз под колокольню, где хранилась гарнизонная «пороховая казна». Овчинникова послал в Гурьев за пушками, порохом, снарядами. Сам же уехал в Бердскую слободу.

26 января Овчинников и его отряд подошли к Гурьеву. Местные казаки сразу присоединились к нему. Атамана Кирилла Филимонова, писаря Ивана Жерехова и некоторых других, которые пытались организовать сопротивление, повесили. Овчинников своим ордером назначил местным атаманом яицкого казака Евдокима Струняшева, который получил от него «наставление» об управлении командой, взаимоотношениях с казахами и другими нерусскими людьми. Взяв с собой из Гурьева всех сочувствующих делу восстания, пушки, ядра, 60 пудов пороху, Овчинников в середине февраля вернулся в Яицкий городок.

Следом за ним снова приехал Пугачев. Он опять распоряжается минными работами. Они под его наблюдением шли непрерывно. Подкоп вели зигзагами, чтобы обезопасить себя от контрподкопа осажденных. Работа была доведена до конца, и тут сделали перерыв, тем более, что «император», по совету приближенных из яицких казаков, решил жениться на яицкой казачке. Этим актом, с одной стороны, Пугачев, как он, вероятно, рассчитывал, увеличивал свою популярность на Яике; с другой — некоторые яицкие казаки думали тем самым крепче привязать его к себе.

— Ты как женишься, — говорили некоторые из них Пугачеву, — так войско Яицкое все к тебе прилежно будет.

Емельян собрал старшин на совет. Но они выражали сомнение, рекомендовали не спешить:

— Ты не основал еще порядочно царство.

— В том, — ответил Пугачев, — есть моя польза.

— Когда есть в том, государь, Ваша польза, — согласились старшины, — то женитесь.

Пугачев сватами избрал Толкачева и Почиталина, и они явились в дом казака Петра Кузнецова. Хозяин и его сыновья Андреян и Егор отсутствовали. Но налицо была дочь его Устинья, красивая девушка лет 17, по отзывам казаков, «девица хорошая и постоянная, а притом и Пугачев уже о ней слышал». Сваты подъехали к дому. Устинья хотела спрятаться, но они ее удержали:

— Не бегай! Мы приехали тебя посмотреть и хотим высватать за гвардионца.

«Побыв малое время» и посмотрев Устинью, все время молчавшую, сваты уехали. Несколько часов спустя снова явились, их сопровождало несколько казаков. На этот раз девушка спряталась в подполье (подвале). Казаки были недовольны, застав только сноху Устиньи Анну Григорьеву.

— Где Устинья?

— Не знаю...

— Ведь ей не убежать!

Устинья после ухода сватов вышла из убежища. Она была смущена, недовольна:

— Что они, дьяволы, псовы дети, ко мне привязались!

Вскоре появились ее братья Андреян и Егор, за ними, в третий уже раз, — сваты с казаками. Убежавшую в горницу Устинью вывела сноха. Она «запросто, без всякого наряда» стояла молча, сконфузившись, прислонилась к печке. Не успели сваты и слова сказать, как вошел Пугачев. Сел на лавку, осмотрелся. Потом сказал:

— Покажите мне невесту.

Сноха, взяв Устинью за руку, подвела ее к нему. Тот не скрывал своего восхищения:

— Хороша, хороша!.. Поздравляю тебя, ты будешь со временем всероссийскою царицей!

Поцеловав невесту, он одарил ее серебряными монетами, рублей с тридцать. В этот момент в избе появился отец. К растерявшемуся хозяину обратился Пугачев:

— Ты хозяин? А это дочь твоя?

— Да...

— Я намерен на ней жениться, и спасибо тебе, что кормил и поил ее.

Петр Кузнецов бросился ему в ноги, горько плакал, сетуя на то, что дочь еще «млодохонька», а ее замуж выдают «неволею».

— Меня некому ни обшить, ни обмыть, а старухи не имею.

Жена у хозяина умерла несколько лет назад, и он, естественно, уповал на помощь дочери. Но «император» показал непреклонное желание жениться:

— Чтобы к вечеру готово было к стовору. А завтра быть свадьбе.

Отец и дочь снова ответили «великими слезами». Пугачев же строго взглянул на Устинью:

— Не плачь и готовься к венцу!

Вернувшись во «дворец», Емельян прислал к Устинье с подарками — рубашку, сорочку, длинную лисью шубу. Велел ей нарядиться, что она и сделала «в той горнице у печки». Помогали ей подружки, «а первая тут сваха была жена Толкачева».

Устинья и ее отец по-прежнему не склонны были решиться на согласие, «потому больше, — по словам Почиталина, — что их дело казачье, а отдают дочь за царя, так не скоро привыкнет к царской поступи». Смущало их не только то обстоятельство, что невеста не скоро, мол, освоится с новым, «царским» положением. Сама Устинья и сейчас, и позже сомневалась в Пугачеве, полагая, что он самозванец, а никакой не «император».

Вечером приехал Пугачев. Усадил рядом с собой нарядную невесту. Начался пир, продолжавшийся до утра. Поднимались тосты за «государя», наследника Павла Петровича, за всех присутствующих. Утром жених с поезжанами и большой свитой снова приехал в дом невесты, и они вместе поехали в церковь Петра и Павла. Там дожидалось все духовенство. Многие казаки со знаменами и значками разных цветов ехали впереди жениха и невесты. Подъехали к церкви. В нее вошли самые близкие. Остальные остались на улице.

Во время венчания Устинья, покрытая фатой, «горько плакала». По окончании обряда раздался ружейный салют. Начались поздравления новобрачным. Все подходили к ним и целовали руки. Пугачев двадцатью рублями одарил священников. Приказал называть Устинью «на ектениях благоверною императрицей».

В доме Толкачева состоялся парадный обед. Устинью в тостах и поздравлениях величали «благоверной государыней», подходили к ручке. Пугачев одаривал ее родственников, своих приближенных. Отец невесты получил лисью шубу, ее сестра Марья Щелудякова — пять аршин канавату¹⁷ и пять аршин голи¹⁸, Денис Пьянов — пять рублей денег, другие — разные зипуны и бешметы. Устинье он назначил двух «фрейлин» — казачек Прасковью Чапурину и Марию Череватую; Аксинью Толкачеву — главной надзирательницей за домом, своего рода домоправительницей, главной «гоф-фрейлиной».

Несмотря на весь «царский» антураж, весьма, конечно, наивный (степень наивности и примитивности Устинья, конечно, не понимала), невесту не покидали сомнения в личности неожиданного супруга. Она их и высказывала Пугачеву, когда они оставались наедине:

— Подлинно ли ты государь? Я сомневаюсь в том, потому что ты женился на простой казачке. Ты меня обманул и заел мою молодость: ты — человек старый, а я — молодешенька.

— Я со временем бороду-то обрею, — отшутился было «император», — и буду тогда помоложе.

— Без бороды казаки тебя любить не будут.

— Я сам не люблю бороды брить, — спохватился Емельян, — а сделаю это в угодность разве тебе одной.

— Ведь ты имеешь государыню, как ее бросить! А нигде не водится, чтоб иметь две жены.

— Какая она мне жена, когда с царства свергнула! Она мне злодейка!

— Так тебе ее не жаль?

— Нисколько! Жаль только Павлушу, он — законный мой сын. А ей, как бог допустит в Петербург, срублю голову!

— Тебя туда не допустят. У государыни людей много. Тебе прежде срубят голову.

— Я скоро возьму Оренбург и тогда до Питера дойду беспрепятственно.

— До Питера еще много городов.

— Только бы Оренбург взять, а там все ко мне преклонятся.

Устинья, судя по ее поведению и словам в связи с замужеством, сердцем чувствовала и разумом понимала, что ее муж не истинный «государь», что ему скорее всего не добиться своего, не сесть на престоле в Петербурге, где сидят «государыня» со «многими людьми», ей верными, что они «срубят голову» Пугачеву раньше, чем он туда придет. Подобные мысли, конечно, приходили в голову не ей одной. Но она покорилась своей странной судьбе. Как и все русские женщины в подобных случаях. Их, как это бывало перед замужеством, и не спрашивали: что они думают, что хотят? Им приказывали, и они исполняли безропотно или, в лучшем случае, исходили слезами. Потом же, покоряясь во всем мужу, делали то, что положено. Так и Устинья Кузнецова, вдруг ставшая «благоверной государыней» при

---

¹⁷ *Канават, коноват* — восточная шелковая ткань, шедшая на покрывала, фаты.

¹⁸ *Голь* — китайская шелковая ткань, вид камки.

человеке, уже давно женатом, имевшем нескольких детей, которые вместе с матерью в это время находились в Казани. С ними Пугачев еще встретится и в очередной раз выйдет из положения. Его «проворность» и на этот раз поможет ему. Однако новая женитьба при неразведенной жене, что тогда было задачей не из легких, выглядела грехом, если исходить из христианских канонов, обычной человеческой морали. Но ведь, как известно, во все времена мораль более или менее легко приспособливалась к человеческим желаниям, потребностям или попросту к слабостям. К тому же в случае с Пугачевым и Устиньей-«императрицей», речь якобы шла не об обычной женитьбе донского казака, а о брачном союзе «свергнутого императора». Правда, у него тоже имелась «государыня» — Екатерина II Алексеевна. Но ведь то была «злодейка», достойная смертной казни за свое преступление — лишение Петра III, «доброе» к народу, престола и тем самым возможности творить благодеяния угнетенным и обиженным. Случай, можно сказать, особый. По-особому и решать вопрос полагается. Так, вероятно, думали Пугачев и его приближенные. К тому же на то, мол, царская воля...

Женитьба Пугачева породила в народе немало толков, пересудов, недовольства.

— Как етому статца, — говорили одни, — чтоб царь мог жениться на казачке!

— И в такое время, — поддерживали другие, — когда надлежало ему стараться утвердиться на царство!

В самом Яицком городке увеличивалось число сомневающихся. Многие заняли выжидательную позицию, другие уходили в степь, подальше от городка и Пугачева с его сомнительной женитьбой. «Народ тут весь так как-то руки опустил, и роптали: для чего он, не окончив своего дела, то есть не получа престола, женился?» Но молчали, боясь наказания — и Пугачев и Каргин держали людей в большой строгости, шутить не любили, особенно в таких «государственных» делах...

В ночь на 19 февраля Пугачев приказал делать взрыв под колокольной. Но накануне Симонов узнал о готовящемся штурме. Донес ему об этом перебежчик — казацкий «малолеток» Иван Неулыбин. Полковник приказал вынести порох из-под колокольни. Часть его успели оттуда убрать, и в это время раздался грохот взрыва. Но опять он не достиг желаемой цели. Правда, колокольная упала, точнее — осела «с удивительною тихостию», по словам очевидца. Она сползла в ретраншемент, и три солдата, спавшие на самом верху колокольни, оказались с постелями на земле и даже не проснулись. Точно так же оказалась невредимой внизу и пушка с лафетом. Но взрыв развалил палатку под колокольной, осадил шесть верхних этажей. Около 45 человек из осажденных погибли.

Сразу после взрыва началась орудийная и ружейная перестрелка. На штурм Пугачев не решился. Крики и шум в его лагере продолжались до утра, потом затихли. Как и в случае с Оренбургом, он возложил надежды на осаду Яицкого городка, его падение в результате голода.

Получив известие о приближении карателей к Оренбургу, Пугачев покинул Яицкий городок. Взял с собой 500 человек. На прощание наставлял войскового атамана Каргина:

— Смотри же, старик, послужи мне верою и правдою! Я теперь еду в армию под Оренбург и возвращусь оттуда скоро. А государыню здесь оставляю. Вы почитайте ее так, как меня, и будьте ей послушны.

Поместил молодую жену Пугачев в доме бывшего войскового старшины Андрея Бородин — лучшим в городе. Там же находился ее «придворный штат», «ближние люди» — Кузнецов, отец «императрицы», Толкачев и Пьянов. Называли ее «Ваше императорское величество». Ее охранял постоянный караул из яицких казаков. Во «дворце» Пугачев оставил немалое имущество — 2 тысячи денег серебром, 9 фунтов серебра толщиной в большой палец и длиной в пол-аршина и более, золотая и серебряная посуда, жемчуг, драгоценности (перстни, кольца, серьги), семь больших сундуков с тканями, одежками, мужскими и женскими, посудой, всякой мелочью. Обедали с Устиньей только «фрелины», иногда жена Толкачева. «Ближние» же из мужчин, в том числе и отец, «не осмеливались», жили в отдельном помещении того же «дворца».

Уезжая, Пугачев приказал Устинье, «чтоб ни в какие дела не входить», а ему писала бы письма. Поскольку она, как и сам «император», грамоту не знала, оставил ей форму писем, которые полагалось подписывать: «Царица и государыня Устинья». Такие письма Емельян получал в Берде, в ответ тоже посылал письма:

«Всеавгустейшей, державнейшей великой государыне императрице Устинье Петровне, любезнейшей супруге моей радоватися желаю на несчетный леты. О здешнем состоянии, ни о чем другом сведению Вашему донести не нахожу: по сие течение со всею армией все благополучно. Напротиву того я от Вас всегда известного получения ежедневно слышать и видеть писанием желаю...» и т. д., в конце: «Впрочем, донеся Вам, любезная моя императрица, остаюся я, великий государь».

С письмами Пугачев направлял к Устинье разное имущество со списками и «за собственными моими печатями», как он особо подчеркивал, — действительно, в Яицком городке серебряных дел мастера (дворцовые крестьяне Рыбной слободы Токранов, Рыжий, Владимиров и какой-то армянин, живший в городке) вырезали ему печати.

Устинья почти не выходила из «дворца», жила тихо и скромно. Каждый день утром Каргин, один или вместе со старшинами, приходил к ней для доклада о состоянии постов. По праздникам являлись на поклон, целовали ручку «императрицы». Она принимала их всегда ласково, говорила обычно:

— Не дайте меня в обиду, ведь от государя на ваши руки я отдана.

Когда у нее спрашивали какие-либо приказания, отвечала отказом:

— Мне до ваших дел никакой нужды нет! Что хотите, то и делайте!

Новые войсковые власти, выполняя приказ Пугачева, держали в блокаде гарнизон, исправно меняли посты и караулы, но какие-либо активные действия не предпринимали. Перфильев вел переговоры с представителем Симонова. Тот для этой цели выслал капитана Крылова, отца будущего великого баснописца. Оба отстаивали свои позиции.

— Долго ли вам, — убеждал Перфильев капитана, — противиться батюшке нашему государю Петру Федоровичу? Пора вам образумиться и принести покорность.

— Перестань ты, Перфильев, злодействовать и быть участником в злых делах разбойника, которому вы служите! Помянул бы ты бога и присягу свою в верной ее императорскому величеству службе и старался бы исполнить то высочайшее повеление, с коим ты отправлен из Санкт-Петербурга от всемилостивейшей государыни.

— Меня нечего увещевать и учить! А послушай-ка ты моего совета. Я знаю, с чем я послан от государыни. Да мне там сказали, что будто бы батюшка наш — донской казак Пугачев. Но вместо того это — неправда. Приехав к нему, я нашел, что он — подлинный государь. Так не могу злодейства предпринять против законного нашего государя. Да что и вы стоите; ведь ежели не сдадитесь, так после вам худо будет. А лучше признайте свою вину и принесите покорность: батюшка вас простит и пожалует. Ты здесь — капитан, а у него, может быть, и генералом будешь. Пожалуй, не сомневайся, право, он — подлинный государь! Да чего больше говорить! У него в Берде служит коллежский асессор из Симбирска, так ему лучше нашего можно знать: кому он служит — государю или нет? Итак, сами рассудите: когда государь с государыней несогласны, так нам нечего в их дела вступаться! Они как хотят между собою, а нам лучше сторону держать государя, потому что мы еще прежде присягали ему верно служить!

Не убедив друг друга, капитан и казацкий депутат разошлись в разные стороны. Осада продолжалась. Обе стороны надеялись на благополучный для себя исход.

Между тем под Оренбургом шли дни за днями, тоже в условиях продолжающейся осады. В начале января Рейнсдорп узнал, что «Пугачев с некоторою частью из толпы своей отлучился к Яицкому городку». Перебежчики из повстанческого лагеря, разведка боем, проведенная 9 января, убедили как будто, что у пугачевцев очень мало боеприпасов — снарядов, ядер, пороха.

Рано утром 13 января три колонны во главе с Валленштерном, Корфом и Наумовым вышли из города. Три командира имели более 2 тысяч человек и 27 орудий. Они должны

были, по мысли губернатора и его советников, разбить восставших, «не выпуская злодейскую толпу из гнезда своего» — Бердской слободы, «а особливо сильною канонадою приведа их в конфузию», чтобы предотвратить их контратаку. На случай контрнападения в городе приготовились к его отражению все оставшиеся в нем люди, более или менее боеспособные.

Но план оренбургских начальников не осуществился. Правда, Наумов продвинулся далеко вперед. Но два других командира, Валленштерн и Корф, не поддержали его, более того — начали отступление к городу. Они заметили большие силы повстанцев, которые собирались на пути их наступления, и полагали, что те хотят их окружить. Отступление привело к «расстройке и замешательству» среди солдат, панике в их рядах. Этим и воспользовались восставшие, которыми в отсутствие Пугачева командовали Шигаев и Лысов. По отступающим открыли беглый огонь 30 орудий, «а пешие и конные с великой отважностью с копьями набегали». Гарнизонное войско «без всякого порядка», не слушая командиров, бежало под прикрытие городских стен. «Такой на всех напал страх, — по словам очевидца, — что не думали и спастись; и гнали их наподобие овец, кололи да в полон свой злодейский забирали, так что некоторые сбросили ружья, те и живы остались. И всего тогда считалось пропавших около четырехсот человек». Действительно, в ходе боя было убито или пленено 281 человек, в том числе 7 офицеров, ранено — 123 человека. В руки восставших перешли 13 орудий, то есть половина из тех, которые гарнизонная команда вывела из Оренбурга.

Это было сильное поражение, к тому же на глазах у всего города. Там воцарилось уныние. Тот же очевидец сообщает, что «с сего несчастного дня пропала уже вся ко истреблению злодеев надежда, а осталось только ожидать судьбы». В городе усиливается голод, увеличилось количество нищих. Несмотря на все меры (учет продуктов, обыски, конфискация излишков, бесплатная выдача соли), положение все ухудшалось. Многие жители покидали с разрешения властей город. По указанию губернатора в марте проводились массовые выселения.

Повстанцы под Оренбургом продолжали осаду города, военные действия в его окрестностях. 16 февраля Хлопуша с отрядом в 400 человек по приказу Шигаева взял крепость Илецкую Защиту к югу от Оренбурга. Здесь повстанцы освободили около 90 колодников на соляных коях. Взяв пять пушек, 20 пудов пороха, они возвратились в Берду.

Пугачев велел готовиться к штурму Оренбурга. Назначил его на 27 или 28 февраля.

Таким образом, к концу зимы 1774 года положение правительственных сил в Оренбурге выглядело нелегким. Их осада носила длительный и упорный характер, сопровождалась ожесточенными схватками, сражениями. Повстанцы не раз одерживали победы, которые, правда, не были решающими, но в конце концов привели к тому, что гарнизоны обоих городов были запертыми, изолированными и к началу весны оказались в исключительно тяжелых для них условиях.

Конечно, задержка восставших у Оренбурга и Яицкого городка на пять примерно месяцев, по существу, топтание на месте, отрицательно сказалась на ходе движения, его будущем, конечной судьбе. Но ни восставшие, прежде всего яицкие казаки, ни Пугачев не могли не делать здесь то, что делали, в силу условий прежней жизни, их взглядов, стремлений, ненависти к той власти, которая гнездилась в местных городах. Все их ошибки и просчеты, вплоть до ненужной женитьбы Пугачева, объясняются в конечном счете условиями их существования, ограниченностью кругозора, мышления, локальностью и стихийностью действий, органически присущими им в силу известных исторических условий.

По призыву Пугачева

Успехи Пугачева под Оренбургом, по Яику, всколыхнули огромные массы людей. Известия о них они получали разными путями. Стоустая молва разносила вести о них — их передавали крестьяне и казаки, работные люди и горожане, люди русские и нерусские.

Большую роль играли манифесты Пугачева и местных атаманов, его эмиссары-агитаторы, которых он и его сподвижники, Военная коллегия посылали из Бердской слободы. Источники, хотя, конечно, и не полностью, зафиксировали немало случаев деятельности пугачевских представителей, чтения манифестов в Башкирии и на Урале, в Западной Сибири и Поволжье.

Сразу после поражения Кара к Пугачеву перешла основная часть башкирских отрядов, собравшихся у Стерлитамакской пристани на реке Белой. Их возглавил старшина Алибай Мурзагулов, получивший незадолго до этого письмо от Кинзи Арсланова, пугачевского полковника, с призывом встать на сторону восставших. В команде Мурзагулова находился и небольшой отряд Салавата Юлаева — сына старшины Шайтан-Кудейской волости Юлая Азналина (Адналина, Азналихина).

В ноябре и декабре, по существу, вся Башкирия включается в движение. Башкиры четырех дорог (Казанской, Осинской, Сибирской, Ногайской), мишари, татары, черемисы (мари) и другие нерусские народы вместе с русскими становятся активными приверженцами Пугачева.

Со всех сторон власти получали донесения о выступлениях восставших. Они действовали, в частности, по рекам Белой и Ику. Майор Голов сообщил, что посланные им в разъезд со Стерлитамакской пристани два отряда по 100 человек и пикет в 50 человек на самой пристани перешли к пугачевцам. А «стоящие в деревне Ашкадар шестьсот человек башкирцы с их старшинами без всякого супротивления вдалились в руки злодейския. И еще в деревне Стерлях находившиеся двести пятьдесят человек бежали и захвачены в злодейскую башкирскую толпу. А между тем их... собралось от Ашкадара чрез Стерлю и вниз Белой реки множественное число». В конце концов восставшие разорили Стерлитамак, а некоторых «воинских людей» и пушку, присланную из Казани, «увезли в толпу». Рейнсдорп получил извещение о сосредоточении большого числа башкир и русских (до 2 тысяч человек) «под предводительством неведомо каких трех русских старшин»; «и ожидают еще более с реки Ику, где их якобы многочисленно стоит с русскими». С одной стороны, разворачивалась совместная борьба русских и башкир. Но с другой — имели место случаи разорения повстанцами-башкирами русских деревень.

Повсеместное восстание привело к тому, что через Башкирию стало невозможно посылать почту в Оренбург. Курьеры ехали казахской степью до Орской крепости. Оттуда «охотники», если они находились, ночами по скрытным дорогам и тропам пробирались в осажденный город.

В восточную, горную, часть Башкирии Пугачев направил Салавата Юлаева. Он сделал молодого башкира-поэта (ему был примерно 21 год) полковником «по просьбе... бывших в его команде башкирцев». Его задача состояла в агитации и сборе отряда в районе Сибирской дороги. Салават, приехав в родные места, энергично агитирует среди населения, рассылает манифесты, призывает жителей включиться в восстание. Тех, кто оказывал сопротивление, он наказывал, вплоть до смертной казни.

В районе Казанской дороги активно включились в борьбу казаки из Нагайбацкой крепости по реке Ику. Большинство их состояло из новокрещеных башкир. При известии о том, что недалеко от их крепости появилась «Пугачева команда», они собрались на круг и решили «всем отдаться самозванцу без сопротивления». Вероятно, имелся в виду отряд башкирского сотника Бурзянской волости Ногайской дороги Караная Муратова (Мратова), которого Пугачев назначил сначала походным старшиной, затем полковником.

Действия восставших в районе Казанской дороги сковали силы генерала Фреймана, сменившего генерала Кара. Его отряд стоял в Бугульме на Новой Московской дороге. «Бунтующая башкирь» прервала все связи с Уфой. Из включенных в его отряд 2 тысяч башкир большинство перешло к повстанцам. У Фреймана осталось не более 300 башкир, но и на них надежды было мало.

Восставшие башкиры «безпрепятственно ездят везде», так как они воюют «всегда на переменных конех», в то время как команды, высылаемые Фрейманом, включали большей

частью пехоту и потому «остаются без успеха».

Власти правильно заключили, что «обитающий в здешней Оренбургской провинции башкирский народ весь генерально взбунтовался»; «уфимские башкирцы все генерально взбунтовались...», заводам и помещичьим имениям «производят... грабежи и великия разорения, обольщая и преклоняя на свою сторону черный народ дачею вольности и всякой льготы». Бибиков писал в Сенат 6 января 1774 года, что восставшие башкиры действуют «под именем службы злодея Пугачева», а к «злодеям» склонен, «к несчастию, черной народ».

Характерно, что главное войско Пугачева под Оренбургом уже в середине ноября примерно наполовину состояло из башкир (5 тысяч человек, остальные — около тысячи яицких казаков, 400 илецких казаков, 700 ставропольских калмыков, около 3 тысяч солдат, татар, заводских крестьян, оренбургских казаков). Их команды получали задания в Берде и отправлялись в разные места Башкирии поднимать там восстание, вести агитацию. Направлял эту работу по приказу Пугачева полковник Кинзя Арсланов. Так, мишарского сотника Ногайской дороги Канзафара Усаева, которого тоже пожаловали в полковники, послал в Уфимский уезд «возмущать народы, набрать себе толпу и уверять, что он, Пугачев, — подлинно Петр Федорович, а противящихся вешать». В Уфимской провинции из более чем 125 старшин в восстании приняли участие 77 башкирских и 37 мишарских старшин. «Совсем не были причастны нынешнему возмущению» 12 старшин — 9 башкирских и 3 мишарских. В той или иной степени (прямое участие в повстанческих отрядах, материальная поддержка, сочувствие) более 16,5 тысячи дворов башкир, мишарей, ясашных татар той же провинции приняли участие в восстании; на каждый двор приходилось в среднем по трое взрослых мужчин. Такая картина характерна для всего башкирского народа — большинство его приняло сторону Пугачева.

Цель, которую преследовали башкиры, в том числе их старшины, присоединяясь к Пугачевскому движению, — это возвращение земель, захваченных русскими заводчиками и помещиками, прекращение злоупотреблений местной администрации. В ходе движения башкирские повстанцы разоряли заводы, заселяли отобранные у них ранее земли. Полковник Бибиков, например, писал, что «башкирцы заселились вновь и весьма много около разоренного ими Уфалейского завода на принадлежавшей оному заводу земле».

Представители башкирской знати, кроме того, надеялись восстановить свою былую власть над соплеменниками, прежние возможности их эксплуатации. Эти права и привилегии были значительно стеснены русскими властями. Именно этим в значительной степени объясняется включение в борьбу многих из них. Более того, они нередко делали это под влиянием обстоятельств, в первую очередь — давления массы рядовых башкир, опасения лишиться их поддержки, повиновения. А.И. Бибиков 8 января 1774 года писал в Петербург: «Многие из башкирцов отнюдь сему неустройству несогласны, но силою и страхом смерти от прельщенных злодеями понуждаются». Они, эти знатные и богатые башкиры, имевшие немалое влияние среди соплеменников, зачастую использовали их недовольство в своих эгоистических, узкоклассовых целях. Но при этом, конечно, нельзя забывать, что ряд старшин вполне искренне встал на сторону Пугачева. Некоторые из них были активными и выдающимися предводителями Крестьянской войны. Таковы Салават Юлаев, Кинзя Арсланов и другие пугачевские полковники, помощники.

Уже в середине ноября сформировался отряд из более чем одной тысячи человек (башкиры, татары, мари, дворцовые крестьяне), который поставил своей целью поход на Уфу — центр провинции. Сначала отряд в 400—500 человек подошел к селу Чесноковка (или Рождественское), в 10 верстах от Уфы. Восставшие захватили селения вокруг города; их жители — башкиры, ясашные татары, русские крестьяне (помещичьи, дворцовые, экономические) действовали с ними вместе. Город оказался в осаде — «обложен вокруг цепью, что ниотколь въезду и из города никуда выезду и выходу не было. А кто к тому и покушался, оные захвачиваны и вешаны, а другие в их злодейскую толпу присоединяемы были». Местные власти сообщали в Сенат о «блокаде» города.

Число восставших увеличивалось. Во главе их встал походный старшина Тамьянской волости Ногайской дороги Качкин Самаров. Опытный военачальник, он в прошлом участвовал в военных кампаниях. Приехал в Берду после поражения Кара (до этого отклонял приглашения о том). Кинзя Арсланов представил его Пугачеву, и тот, утвердив его в звании старшины, поручил ему поднимать людей на восстание в Башкирии. Вместе с ним башкирские отряды возглавляли Каранай Муратов, Канбулат Юлдашев, Ибрагим Мрясев и другие предводители. Все они действовали под Уфой и в других местах. Немало подчиненных им башкир оказалось, как уже упоминалось выше, в главном войске под Оренбургом. Туда же из Башкирии восставшие посылали большое количество лошадей, так что пугачевская рать в значительной мере была конной. А это в зимних условиях позволяло вести успешные действия против пехотных частей противника.

Повстанцы уже в конце ноября — начале декабря появились под стенами Уфы. Но их переговоры с гарнизоном, попытки склонить его к сдаче ничего не дали. Вооружены они были плохо — луками, копьями, рогатинами. Предводители отправили нарочного к Пугачеву. В прошении к нему писали: «Мы, Казанской дороги башкиры и служилые татары, черемисы и дворцовые крестьяне, все, согласись, милосердному государю Петру Федоровичу склонились. Что бы его величество ни приказал, мы свои услуги показать должны, не пожалев сил своих до последней капли крови. Для того мы всепокорнейше просим Вашего царского милосердия в нашу сторону прислать войска и несколько пушек». Далее они уверяли, что без пушек «супротивников Вашему величеству» не могут «сократить», сообщали, что сейчас у них «подкомандующих» — одна тысяча человек. Дополнительно объявили набор — «с каждого двора по одному казаку со всеми ружьями», то есть всяким вооружением (необязательно с собственно ружьями, огнестрельного оружия как раз и не было).

Ссылаясь на «императора Петра Федоровича», Качкин Самаров в начале декабря рассылает по Башкирии предписания о высылке людей «со всяким оружием» к Уфе. В увеличившемся войске под Уфой начались трения на национальной почве. Немалой остроты достигали подчас отношения между башкирами, которыми командовал Качкин Самаров, и русскими, возглавлявшимися уфимским казаком Иваном Васильевичем Губановым. Трения имели место и в других районах, и Пугачеву не раз приходилось разбирать жалобы и споры подобного рода. По словам Творогова, создание Военной коллегии было связано не в последнюю очередь именно с этим обстоятельством — сильно «наскучило» Пугачеву «разбирать многие жалобы на башкирцев».

Разногласия и трения под Уфой обеспокоили Пугачева, и он, воспользовавшись тем, что в это время на Воскресенском заводе находился Чика-Зарубин, назначает его главным начальником, командующим всеми силами, которые имелись и будут собраны потом под Уфой.

Зарубин, человек еще молодой (ему было 36—37 лет), энергичный и решительный, умный и самостоятельный во мнениях и решениях, быстро взялся за дело. Взяв себе в помощники Илью Ульянова, 30 рабочих Воскресенского завода, он направился к северу. По дороге набрал до 500 человек и 14 декабря прибыл в Чесноковку. Имея полномочия чрезвычайные, относящиеся ко всей Башкирии и Уралу, Чика, получив к тому же от Пугачева повеление именоваться «графом Иваном Чернышевым», создал и возглавил второй повстанческий центр, смело и самостоятельно руководивший восстанием в очень обширном районе.

В первую очередь Зарубин навел порядок в повстанческих войсках и отрядах, особенно под Уфой. Прекратил быстро и решительно конфликты на национальной почве. Его приказ от 14 декабря на этот счет получил походный старшина, «государю верный слуга» Аиса на Воскресенском заводе — он должен был повстанцев «в хорошем порядке» «утверждать», не допускать, чтобы башкиры, мишари, татары обижали подданных «Петра Третьего». Через четыре дня Военная коллегия из Берды послала о том же указ Зарубину, поддерживая его меры. В нем перечислялись грабежи и убийства «башкирских и мещерятских команд» в

русских селениях. От них страдали не только русские помещики, но и их «люди», то есть крестьяне. Коллегия приказывала вернуть крестьянам «разграбленное имение», а впредь таким «злодеям», то есть обидчикам, чинить смертную казнь.

Зарубин, пресекая подобные действия команд Качкина Самарова, Канбулата Юлдашева, тем не менее, наведя порядок, не только не отстранил их от командования, но и сделал их своими ближайшими помощниками.

Зарубин, действуя с согласия Пугачева, при его полном доверии, развернул деятельность в разных направлениях: формирование и вооружение повстанческого войска и многих отрядов на местах, руководство их действиями, особенно под Уфой, налаживание отношений с нерусскими отрядами, народностями, организация новой выборной власти восставших в захваченных ими местностях, распределение продовольствия, пресечение мародерства, посылка в Берду, к Пугачеву, людей, вооружения, боеприпасов, провианта. При нем в Чесноковке сложился своего рода военный и административно-финансовый центр, штаб по руководству движением в Башкирии, на Урале, в Западной Сибири. Чесноковка стала второй Бердой, а его войско — второй армией восставших.

Предводитель чесноковского центра имел помощников, назначал полковников и атаманов, рассылал приказы, «наставления», которые скреплялись печатью с надписью: «Графа Ивана Чернышева печать». Все население после зачтения в церквях манифестов приводилось к присяге на верность императору Петру III. С каждого двора брался без всяких отговорок человек с оружием в войско восставших. К Зарубину и без приказов, добровольно, шли со всех сторон люди — крестьяне, работные люди, башкиры и др.

По прибытии Зарубина в Чесноковку восставших числилось до 4 тысяч человек. Недели через полторы их уже было около 10 тысяч, затем — 12 тысяч, даже до 15 тысяч. Чика посылал отряды по заводам, и они привозили оттуда все, что нужно. Так, Иван Степанович Кузнецов побывал на Саткинском, Златоустовском, Катав-Ивановском заводах, взял там и доставил под Уфу более 50 пушек, несколько сот ружей, до 100 пудов пороху, 10 тысяч рублей денег.

Повеления Зарубина, который приказывал местным повстанческим властям помогать населению (продовольствием и др.), выполнялось охотно. Ему повиновались беспрекословно, понимая, что он действует во имя интересов простых людей. В одном из наставлений, которое было выдано выборным на Рождественском заводе атаману Семену Ивановичу Волкову и есаулу Василию Меркульевичу Завьялову, «граф Чернышев» им указывает:

«Надлежит вам свою команду содержать в добром порядке и ни до каких своевольств и грабительств не допускать. А ежели кто окажется его императорскому величеству противником, а вам послушником, таковых по произволению вашему наказывать на теле, смотря по вине. Напротиву того и вам самих себя к худому состоянию не подвергать и во всегдашнем времени его величества манифесты и указы должны чувствовать и непременно исполнение чинить, за что вы можете получить особливую себе похвалу. Команде своей никаких обид, налогов и разорений не чинить и ко взяткам не касаться, опасаясь за ваш проступок неизбежной смертной казни. Притом старание прилагайте по посылаемым от меня к вам ордерам и прочим повелительным от меня письмам исполнение чинить в немедленном времени. И где что видеть можете интересу казенному какую трату, о том немедленно меня рапортуйте. Также где окажутся его величеству злодейския партии, таковых всемерно стараться с командой своей ко всеконечному истреблению приводить и верноподданных сынов отечеству защищать. Когда потребую из команды вашей в службу его величества, то по тому требованию хороших и доброконных и вооруженных ребят в немедленном времени отправлять ко мне. А в службу набирать надлежит таковых, чтобы не были старше 50 и малолетнее 18 лет».

Подобные письма, распоряжения, манифесты, указы рассылались от имени «графа Чернышева» в разные места.

Много всяких людей приходили в Чесноковку. Всем им находилось место в войске.

Однажды явился воевода города Осы поручик Пироговский, привез медную пушку, 10 пудов порошу, два воза медных денег. Зарубин принял его, похвалил. Приказал остричь по-казацки волосы:

— Будь ты отныне казак, а не воевода, полно тебе мирскую кровь-то сосать.

Зарубин, как и Пугачев, другие предводители, тех из представителей власти, дворянского или духовного сословия, которые проявляли лояльность к восставшим, а тем более им помогали, становились на их сторону (не всегда, понятно, добровольно, из добрых побуждений), не только не трогали, не карали, а, наоборот, «одобряли» их, включали в свои отряды, делали «казаками».

Попытки взять Уфу без кровопролития, мирным путем результатов не дали. Зарубин проводит подготовку штурма. Начался он в 7 часов утра 23 декабря. Город со всех сторон обложили «толпы» восставших. С пикетов по ним начали стрелять из пушек. Им отвечали орудия повстанцев, сначала из-под Чесноковки, потом — против Московского пикета. Во время приступа разгорелось ожесточенное сражение, длившееся 8 часов — до трех часов дня. Гарнизон, численностью в 1,1 тысячи человек, выбиваясь из сил, отбивал интенсивный натиск, ему помогали в городе все, кто мог, — канцеляристы, купцы и прочие. Осаждавшие чуть было не ворвались в город. Потеряв около 30 человек, несколько пушек, они отступили.

Второй штурм, предпринятый через месяц, 25 января, тоже носил ожесточенный характер. Восставшие, а их было почти 12 тысяч человек, поставили свои пушки сажень в 200 от городских укреплений. Под огонь орудий они с четырех сторон бросились к городу «с великим азартом и криком». В атаке участвовали пехота и конница «с ружьями, копьями, луками и стрелами». Со стороны Чесноковки ее возглавлял Зарубин, под которым подстрелили лошадь. Десятичасовой бой, отличавшийся большим упорством с обеих сторон, и на этот раз, однако, не принес успеха. Здесь, как и под Оренбургом, повстанцы возложили надежды на длительную осаду. В городе начался голод, люди бежали из него. Но неуспех под Уфой тоже, конечно, был неудачей для дела Крестьянской войны. Под обоими этими городами сковывались основные силы восставших, причем очень долгое время. Тем самым каратели получили возможность собрать колки для перехода в контрнаступление, снятия осады с Уфы и Оренбурга, которая к весне могла завершиться их взятием повстанцами. То же происходило и в Яицком городке и, как увидим ниже, под некоторыми другими городами.

Несмотря на многочисленность войска под Уфой, уровень его боеспособности, вооруженности, дисциплинированности оставлял, конечно, желать много лучшего. К тому же Зарубин делился вооружением, припасами с теми отрядами, которые действовали, часто по его прямому поручению, на очень большой территории. Туда же он направлял лучших своих помощников, талантливых, способных предводителей.

Под Красноуфимск и Кунгур послал табынского казака Степана Кузнецова, назначив его «главным российского и азиатского войска предводителем»; под Челябинск — Ивана Никифоровича Грязнова и т. д. Они действовали именем «Петра III» и «графа Чернышева», создавали отряды, вели военные действия. Сообщали обо всем в Чесноковку, согласовывали с Зарубиным решения. У Кузнецова под Кунгуром возникли разногласия с Канзафаром Усаевым, и он арестовал нарушителя дисциплины, в конце января выехал в Чесноковку, чтобы с помощью Зарубина обсудить конфликт и принять по нему решение. Василий Иванович Торнов (Персиянинов), получивший в Берде назначение атаманом в Нагайбак, обязан был подчиняться «графу Чернышеву». Он действительно не только поддерживал с ним связь, но и ездил туда, чтобы просить пушки, припасы к ним.

Власть Зарубина признавали все командиры, действовавшие в этих местах, их население. К нему направляли отряды, казну, припасы из селений, заводов, присылали донесения. Представители местных жителей просили оградить их от грабежей, излишних поборов, разорения, «озорничества», получали от него помощь и защиту. Чика давал указания представителям местных властей не обижать население, соблюдать порядок. Их вызывали в Чесноковку с записями («выборами»), подтверждавшими избрание «миром»,

кругом, давали инструкции («наставления»). В начале января в Осе появился представитель восставших, «объявил, что приказано от одного графа Чернышева, сверх старосты и пищика (то есть писца. — В. Б.), выбрать миром атамана и есаула двух человек и с выбором прислать в... село Чесноковку». Жители избрали атамана и есаулов, «писали три выбора. И с теми выборами послали Матвея Треногина да Степана Кузнецова» (двух атаманов, первого — над дворцовыми крестьянами, второго — над пахотными солдатами). Они явились в Чесноковку к Зарубину. 29 января «от графа Чернышева» оба получили «наставления», с какими 4 февраля вернулись в Осу. В них они утверждались в должностях над местными жителями. Кроме того, Кузнецову «дана ж власть, чтоб у целовальников за проданное казенное вино и соль денег брать и присылать к оному графу Чернышеву».

Иногда на местах выбирали атаманов и есаулов по своей инициативе. Потом сообщали «заручными письмами» (письмами с подписями) Зарубину, и тот, не вызывая к себе, утверждал выбор, посылал «наставления».

Во всех подобных действиях видно стремление незаурядного предводителя, каким был Зарубин, хоть в какой-то мере преодолеть стихийность движения, локальность в действиях его участников, их оторванность друг от друга, поддерживать связи между разными повстанческими отрядами и центрами, как-то координировать их акции, организовать взаимопомощь. Из отрядов присылали в Чесноковку людей, вооружение, припасы. То же делал «граф Чернышев». Так, узнав, что в отсутствие атамана Торнова (он уехал в Берду) отряд карателей Бибикова занял 8 февраля Нагайбак, он прислал Илью Иванова (И.И. Ульянова) с восставшими, и они 19 февраля штурмом овладели крепостью, из которой Бибилов накануне ушел к Бугульме.

На Южном Урале в Исетской провинции еще до прихода посланцев Пугачева и Зарубина местные крестьяне и заводские работники становились их приверженцами.

— Хотя бы Пугачев-батюшка пришел, — заявляли крестьяне Утяцкой слободы, — мы бы все своими головами к нему пошли.

— Теперь, — кричал Денис Жарнаков, участник восстания против Долматова монастыря в 1762—1764 годах, на сходе в селе Зачетинском Шадринского уезда, — начнет правда наверх выходить!

Везде ждали восставших, готовили оружие. Многие вступали на путь активной борьбы — жгли почтовые станции, нападали на крепости, брали их, расправлялись с представителями царских властей, богатыми крестьянами. В декабре Иакинф, настоятель Долматова монастыря, сообщал челябинскому воеводе Веревкину, что башкиры, «с ними вместе и русские» расправляются с «православными христианами». По данным воеводы, в этом районе от рук повстанцев погибло 360 человек. Это была классовая месть угнетенных по отношению к угнетателям.

В конце декабря на один из южноуральских заводов, Саткинский, к западу от Челябинска, прибыл И.Н. Грязнов. Он собирал людей в свой отряд, производил суд и расправу именем Пугачева, наказывал «ослушников» — представителей заводской, царской администрации, башкирской верхушки. Одного из саботажников, выступавших против мероприятий повстанческих властей, башкирского сотника Колду Девлеева, он приказал повесить, у другого конфисковал имущество и сжег дом. Грязнов собрал отряд в несколько сот человек из башкир и русских. У него имелись конница, пушки. В него вступили многие работные люди с занятых им заводов — Златоустовского, Саткинского. Ему одна за одной подчинялись крепости, русские и башкирские деревни, слободы. Их жители нередко поднимали восстания, расправлялись с начальниками царских отрядов. Документы с записями о недоимках по налогам летели в огонь. Присягнув на верность «Петру III», многие вступали в грязновский отряд. В Чебаркульской крепости взяли 5 пушек, другое оружие, боеприпасы. Всего у восставших было 12 пушек.

В начале января Грязнов подошел к Челябинску. 5 января там вспыхнуло восстание — местные казаки во главе с атаманом Алексеем Уржумцевым и хорунжим Наумом Невзоровым захватили пушки на центральной площади, разгромили дома некоторых

чиновников. Воевода Веревкин и ассессор Свербеев, его помощник, оказались под арестом. Восставшие установили связь с Грязновым. На их сторону перешли крестьяне, которых мобилизовали для защиты города. Остальной гарнизон бездействовал. Но, несмотря на первоначальный успех, развить его не удалось. Офицеры-артиллеристы, канониры сумели отобрать орудия, освободили арестованных. Большинство восставших казаков и крестьян вышли из города и вместе с грязновцами организовали его блокаду.

В первой половине января Грязнов посылает в Челябинск три воззвания. В одном из них, адресованном Свербееву, он убеждает его и других чиновников сдать город, не проливать напрасно христианскую кровь: «Я в удивление прихожу, что так напрасно закоснели сердца человеческие и не приходят в чувство, а паче не что иное, как делают разорение православным христианам и проливают кровь неповинно». Грязнов негодует, что «премилосердощедрого государя и отца отечества великого императора Петра Федоровича» называют «бродягою, донским казаком Пугачевым». Обращаясь с увещанием к таким людям, в том числе и Свербееву, он пишет: «Вы же думаете, что одна Исетская провинция имеет в себе разум, а прочих почитая за ничто или, словом сказать, за скоты. Поверь, любезный, ошиблись. Да и ошибаются многие, не зная, конечно, ни силы, ни писания. Если бы мы нашего премилосердного отца отечества великого государя были не самовидцы, то б и мы в сомнении были, Верь, душа моя, безсомненно, что верно и действительно наш государь-батюшка сам истинно, а не самозванец». Далее он упрекает воеводу Веревкина в расправах («разорениях») над «вернейшими государю слугами».

В другом, еще более интересном, воззвании, обращенном ко всем жителям, Грязнов обосновывает классовые цели восставших с позиций первоначальных христианских идеалов. «Господь наш Иисус Христос, — по его словам, — желает и произвести соизволяет своим святым промыслом Россию от ига работы (крепостного права. — *В. Б.*)». Далее он указывает на тех, кто держит людей в этом «иге»: «Всему известно, сколько во изнурение приведена Россия, от кого ж, — вам самим то небезызвестно: дворянство обладает крестьянами, но, хотя в законе божием и написано, чтоб оне крестьян так же содержали, как и детей, они не только за работника, но хуже почитали полян своих (псов. — *В. Б.*), с которыми гоняли за зайцами». Далее достается заводчикам, таким же эксплуататорам, как и помещики: «Компанейщики завели множество заводов и так крестьян работой утрудили, что и в ссылках того не бывает, да и нет, а, напротив того, с женами и детьми малолетними не было ли ко господу слез?»

Эти-то враги народные, дворяне, заставили «государя» 11 лет скитаться за то, что он хотел освободить крестьян («чтоб у дворян их не было во владении»), а теперь о нем же распускают слух, будто он самозванец, казак с Дона, имеющий клеймо на лбу и щеках, наказанный кнутом. Цель восстания — освобождение от всех угнетателей — дворян, заводчиков, царской администрации.

В ответ на манифест исетской администрации, доставленный из Челябинска, Грязнов, в третьем уже послании, снова доказывает, что их главный предводитель — не «Гришка Растрига», а подлинный, настоящий «государь». «Дмитрий царевич был весьма малолетен, а Гришка назвался уже взрослым», поэтому трудно-де было его опознать. А «наш батюшка всемилостивейший государь уже немалых лет принимать изволил Россию», то есть стал императором (в 1761 году) не в малом, а в зрелом возрасте. К тому же после этого не двадцать лет прошло, а одиннадцать, «и узнать можно» «благоразумным людям». Слова челябинских властей (в манифесте) о разорении «государем» церквей и прочих «непорядках» пишут они, по уверению Грязнова, «напрасно, и персонально с государем было говорено». Здесь Грязнов ссылается на свою личную беседу с Пугачевым.

В ответе автор снова ставит вопрос о несправедном владении крестьянами, обличает дворян в паразитической жизни за счет «малых» — тех же эксплуатируемых ими крестьян: «...Дворяне привыкли всею Россией ворочать как скотом, но ища и хуже почитают собак, а притом без малых жить не привыкли». Именно такой порядок хотел изменить «государь», который «все то от них отобрать изволил, так чрез то дворяне умыслили написать хулу, а

признали быть за лучшее владеть Россией сами и всеми угодными им угодностями».

Приписывая «государю» желание освободить Россию от крепостного ярма (а ведь нынешний-то, настоящий «Петр III», в лице бердского предводителя, это и обещал), действуя по поручению самого «государя» и ближайшего к нему «графа Чернышева», Грязнов очень ярко и своеобразно выразил антифеодальную суть восстания, взглядов и требований его участников.

Не склонив город к сдаче, Грязнов 8 января повел восставших на штурм. 10 января он повторился, у него под командой было до 5 тысяч человек с восемью пушками. Гарнизон, действовавший под прикрытием каменных укреплений, отбил атаки. В плен попал хорунжий Невзоров, один из руководителей челябинского восстания 8 января. По приказанию воеводы его замучили в застенке.

Веревкин просил Петербург освободить его от должности из-за «увечья», нанесенного ему «ворами бунтовщиками казаками» в том же восстании.

Грязнов, оставив иод городом разьезды из башкир, ушел к Косотурским заводам. Блокада продолжалась, но в Челябинск сумел проникнуть генерал Деколонг с отрядом.

Посланный Грязновым отряд Михаила Ражева занял в середине января Миасскую крепость, в 15 верстах севернее Челябинска. Двинулся далее — к Долматову монастырю и Шадринску. К повстанцам по пути присоединялись новые сторонники, их отряд разрастался, делился на новые отряды, действовавшие по разным направлениям. И Долматов монастырь и Шадринск оказались в блокаде. «Как огненная река течет» — так характеризовал Свербеев быстрое расширение восстания. Его участники, нередко по приговорам мирских сходов, расправлялись не только с помещиками и администрацией, но и с богатыми крестьянами. А они укрывались где можно. В Долматове, например, собралось со всех сторон до 60 «первостатейных» крестьян. Включились в движение работные люди исетских винокуренных заводов.

Подъем движения позволил Грязнову снова приступить к Челябинску. Он подошел к нему с 4 тысячами повстанцев и 20 пушками. Деколонг неожиданно напал на его опорную базу под городом — в деревне Першиной. Грязнов потерял 180 человек и 2 пушки. Но снять блокаду Деколонгу не удалось. Тогда он, забрав чиновников, 8 февраля пошел с отрядом на прорыв. Отбивая непрерывные атаки восставших, он сумел дойти до Шадринска, поближе к Сибирской губернии, надеясь на помощь ее властей.

В Челябинск 8 марта вошли повстанцы. Здесь появились их выборные атаманы и есаулы, станичные атаманы. Они занялись делами по охране порядка в городе и Исетской провинции, судом и расправой, набором войска, снабжением и прочим. Походным атаманом, то есть главным военным руководителем, избрали Григория Туманова, человека весьма незаурядного, что не могли не признать даже враги восстания.

Действия Деколонга, точнее — его бездеятельность, нерешительность, вызвали недовольство в Петербурге, у Бибикова. Он не только оставил Челябинск, но вместо того, чтобы двигаться к Екатеринбург (а главная задача, поставленная перед ним главнокомандующим, заключалась в защите екатеринбургских заводов), оказался в Шадринске. Собственно говоря, он скорее не наступал, а защищался от восставших. Бибиков о «странном поведении» Деколонга, со слов сибирского губернатора Чичерина, писал императрице. Видя причины сего в «летах» или «вкоренившейся сибирской косности», он ставил вопрос о его замене кем-нибудь «надежнейшим». Екатерина II вместо нерасторопного генерала распорядилась послать Суворова. Но воспротивился фельдмаршал Румянцев — Суворов находился с корпусом против Силистрии, главнокомандующий не хотел отпускать генерал-поручика, будущего генералиссимуса, с театра военных действий против турок. Объяснял свою позицию фельдмаршал очень любопытно: «В сем случае я не мог на оное (посылку Суворова „к вновь назначенной команде“. — *В. Б.*) поступить из уважения, что сия отлучка подала бы неприятелю подтверждение по делам оренбургским, кои они (то есть турки, «неприятель». — *В. Б.*) воображают себе быть для вас крайне опасными, нежели они суть, и, может быть, как я вижу из публичных ведомостей, вовсе исчезшие».

Как видно, высшие представители власти, сначала не придавшие особого значения «делам оренбургским», теперь дошли до того, что обсуждали вопрос о назначении в войска против Пугачева лучших генералов империя. Сведения о действиях восставших влияли на настроение и намерения противника на дунайском театре военных действий. Суворова на этот раз против пугачевцев направить не удалось, и Деколонг продолжал командовать войсками в районе Исетской провинции и западной части Сибирской губернии.

С оренбургским, уфимским и челябинским центрами восстания так или иначе были связаны уральские заводы с окружающей их территорией. По своей инициативе заводские работные люди и крестьяне признавали Пугачева «императором» и тем самым включались в движение, агитировали в его пользу, распространяли пугачевские манифесты, снабжали главное войско Пугачева в первую очередь артиллерией и припасами к ней, и повстанческие отряды сами вливались в их ряды.

Уже в октябре на сторону Пугачева становятся заводы Южного Урала — Воскресенский, Покровский, Верхотурский, Богоявленский, Архангельский, Авзяно-Петровский и другие. Его работники с радостью встречали пугачевские отряды (Грязнова, Хлопуши и др.), расправлялись с приказчиками, «прожиточными» из заводских крестьян. Железные и медные заводы Твердышева «все свои больше крестьяне разорили». В ноябре — декабре почти все заводы этого района были вовлечены в движение. Оно распространялось все дальше на север. Крестьяне Златоустовского, Саткинского заводов, по отзыву исетского воеводы Веревкина, «взбунтовались и самовольно предались известному государственному бунтовщику и самозванцу казаку Пугачеву». Они «по выбору народному» организовали самоуправление — власть из атаманов и есаулов, урядников и капралов «из тех же заводских жителей». На Саткинском заводе она имела форму станичной избы.

Работники восставших заводов не только организовывали у себя новую власть, но и распространяли движение в соседних местах. В конце января 1774 года появился повстанческий отряд на Нязепетровском (Уфимском) заводе, возглавил его крестьянин Саткинского завода Алексей Валункин. Он приехал сюда с пугачевским манифестом, прочитал его местным работникам-крестьянам, а они приняли его. Вскоре к ним присоединился отряд башкир Умера Сакеева. Под влиянием агитации пугачевских манифестов включились в восстание Белорецкий, Кыштымские (Верхний и Нижний), Каслинский и другие заводы. Желание освободиться от принудительных заводских работ объясняет активность ее только рядовых работных людей, крестьян, но и мастеровых, а нередко и служащих. Только незначительная часть «прожиточных» работников оказывала сопротивление пугачевцам.

Заводские люди выделили из своей среды видных руководителей Крестьянской войны, в первую очередь А. Соколова-Хлопушу, одного из ближайших сподвижников Пугачева. Вместе с ним на Авзяно-Петровском заводе, затем в его полку под Оренбургом активно боролся приписной крестьянин Дорофей Загуменнов, ставший повстанческим полковником. Григорий Туманов, переводчик конторы Воскресенского завода, человек грамотный, ближайший сподвижник Грязнова, затем повытчик Военной коллегии, был, по отзыву одного из царских воевод, «...извергу Пугачеву важной сообщник и, по причине знания татарского языка и российской грамоте читать и писать, всю Башкирию и великое число русских взбунтовал. И во все бывшее замешательство был при воре, называемом полковнике, Грязнове, обще с ним в городе Челябинску главным и вяще Грязнова предводителем». Он энергично укреплял дисциплину, старался предотвращать национальную вражду. Его приказы отличались краткостью и четкостью. Секретарем Военной коллегии стали наемный работный человек Златоустовского завода Алексей Иванович Дубровский (на самом деле — Иван Степанович Трофимов, из мценских купцов).

В конце 1773 и начале 1774 года на Среднем Урале появляются повстанческие отряды Канзафара Усаева, Ивана Наумовича Белобородова. В январе восставшие взяли Суксунский, Бисертский, Ревдинский заводы, Ачитскую крепость. Местные работники жгут документы, громят конторы, дома приказчиков, захватывают припасы, вступают в отряды пугачевцев. В

Ачитской крепости, как говорил в Екатеринбурге очевидец А. Копылов, «жителям объявили ложный манифест и что от всяких податей увольняются на 10 лет, а там (то есть после истечения этих 10 лет. — В. Б.) поступят с ними как при великом государе Петре Первом императоре было». Дело в том, что размер подушной подати при Петре I составлял 1 рубль 10 копеек, с души мужского пола, при Екатерине II — 2 рубля 70 копеек, то есть увеличился в два с половиной раза. Речь, таким образом, среди повстанцев шла об уменьшении подушных платежей, возвращении к нормам, которые существовали ранее, полстолетия тому назад.

Возглавил движение в этом районе еще один энергичный, незаурядный предводитель — Белобородов, из приписных крестьян медеплавильного Иргинского завода. Этот заводской работник, побывавший и в солдатах, хорошо знал жизнь, тяжелые условия труда и службы. От Ачитской крепости он двинул свои силы на восток, к Екатеринбургу. По пути на его сторону без боя переходили крепости — Бисертская, Кленовая, Грбовская. Везде читали манифесты Пугачева, действовали агитаторы. У Белобородова в отряде при подходе к центру Екатеринбургского горного ведомства было 500 человек и 5 пушек. В городе власти по главе с полковником Бибиковым были в панике, сам начальник ведомства настаивал на сдаче города. Но нерешительность проявили и восставшие — вместо штурма Екатеринбурга, в результате которого он мог бы быть взят, они двинулись на северо-запад, к Шайтанским и Билимбаевскому заводам. Они заняли их. Население встречало хлебом и солью посланцев «великого государя». Штурмом взяли 11 февраля Уткинский завод. К северу от Екатеринбурга на сторону Пугачева перешло около 20 заводов. Белобородов мобилизовывал местных жителей в свое войско, в отряды, устраивал смотры. Отряды делились на сотни во главе с выборными сотниками. Все повстанцы считались «казаками». «Своей трезвостью и кротким нравом» он вызывал доверие, пользовался большим авторитетом.

Командирам русской, башкирской и черемисской сотен (С. Варенцову, Е. Азбаеву, О. Оскину) Белобородов, как «атаман и главный полковник», а также «полковой писарь» П. Гусев, «повытчик» М. Негодяев вручили за своими подписями «Наставление» — командиры и рядовые обязывались соблюдать строгую дисциплину, проявлять послушание, «единодушное усердие» «к службе его императорского величества». Командирам приказывалось строго наказывать нарушителей дисциплины. Сами они должны быть преданными делу восстания, «верными рабами», а не «льстецами, кои только одним видом и обмаштом свои заслуги оказывают», опытными, храбрыми, решительными, «ибо армия всегда одним доброго распоряжения человеком против неприятеля одобрена бывает». В канцелярии у Белобородова составлялись и другие наставления, указы, ордера, билеты.

Из штаба, сложившегося при Белобородове, в конце января послали делегацию из 10 человек (пять заводских работников, один пленный «казак», четыре татарина) к Пугачеву. Они вручили ему рапорт от «главного полковника». А «император» прислал с ними указ о назначении Белобородова полковником.

Заводы Среднего Урала стали основной базой снабжения для Белобородова. Оттуда получал он вооружение и боеприпасы, продовольствие и фураж. На некоторых заводах изготовлялось оружие для повстанцев.

В действиях войска Белобородова можно тоже отметить черты, элементы организованности и сознательности — стремление наладить дисциплину, единоначалие, взаимосвязь с другими отрядами, центрами. Но этого явно не хватало, как и решительности, например, в осаде Екатеринбурга.

Западнее этого района, в Пермском крае, главные события развернулись вокруг Красноуфимска, Кунгура, Осы и Сарпула. Манифесты «государя-императора Петра III», «графа Чернышева», обещавшие вольность, будоражили воображение, вселяли надежды. Крестьяне требовали свободы, ссылаясь на пожалования законного «государя», ждали прибытия «самого Петра Федоровича». Местные башкиры признали «Петра III», послали свой отряд, который 14 декабря пришел к Зарубину. В Чесноковке пугачевский полковник Иван Васильевич Губанов дал им манифест Пугачева, «царские указы» и послал обратно в

Пермский край, чтобы привести к присяге «Петру III» местные заводы, города Кунгур и Соликамск. Башкирские предводители получили звания «походных старшин», «наставления», «билеты», которые уполномочивали их действовать в Пермском крае, причем запрещали им во избежание «царского гнева» притеснять местное население.

В Осинской волости, на реке Каме, местные староста, писарь, русские крестьяне, башкиры, солдаты и другие энергично вели агитацию от имени «Петра Федоровича». В разных местах агитаторы обещали местным жителям:

— Будет народу облегчение в зборе подушных денег и рекрут, равно ж в соляной и винной продаже уменьшение.

— Народу будет облехчение такое, что подушных денег и рекруцкого набора через 7 или 12 лет... с народа собиратца не будет, и будет всем вольность.

— Партикулярных (частных. — *В. Б.*), кроме казенных, заводов быть не должно (так говорил осинский протопоп заводским людям, крестьянам села Гамицы).

— Идет государь Петр III и с ним много казаков для приклонения в ево подданство... За оным государем подушная уменьшитца и не будет собиратца по 3 году. А заводы все постановятца, и вы работать не станете, и будет вам вольность. Соль будет дешевле — по двенадцати копеек пуд, вино горячее по одному рублю ведро (*И. Тарасов и С. Кухтин*, крестьяне села Горы, на рынке Аннинского казенного завода).

— От государя приказано господ пожитки обирать, а в дома крестьянские не вступать и вашего имения ничего не брать, а заводы все запечатать (посланцы башкирского предводителя Абдея Абдулова на Рождественском заводе П. Демидова).

— А вы, мужики, на господина не работайте до указа и будьте послушны одному государю. А в противном случае всех вас вызжем и вырубим.

Как видно, в этих обещаниях, разговорах, по-разному подчас, но в целом хорошо отразились народные стремления к вольности, облегчению подушных сборов и рекрутских наборов, отмене ненавистных заводских работ. И все эти льготы связывались с именем законного «государя Петра III», его пожалованиями. Подобные мысли и надежды, взгляды и требования характерны для всех угнетенных той поры. Интересно, что нерусские люди этих мест (башкиры, татары) полагали, что начавшееся восстание — это «приподнятие российского знамя». Агитаторы из Осы убеждали население Кунгурского уезда, что «башкирский полковник» действует под «российским знаменем».

Села и заводы вокруг Осы присягнули добровольно «Петру III». А в конце декабря в город вступили повстанцы полковников Абдея Абдулова, Батыркай Иткинова и др. («во многолюдстве»). Повстанческую власть осуществляла местная земская изба. В «наставлении» от Б. Иткинова ей ставились задачи — контролировать дорогу на Казань; держать в послушании «обывателей»; продавать вино и соль; доход хранить как собственность «государя»; обо всем рапортовать «в армию» «через три дни неотменно с нарочиопосланными»; «никому напрасно обид и притеснения не чинить, опасаясь неизбежного его императорского величества гнева». Для сбора людей в «походное войско», его снабжения, вооружения избрали походных атамана и есаула.

Такие же органы власти появились во всем Куигурском уезде. Население обязали «оберегать всем всяк свою волость». Повстанческие отряды, смешанные по составу, перехватывали правительственную почту, вступали в борьбу с карательными командами. Большое войско восставших (несколько тысяч человек) осаждало в начале 1774 года Кунгур. Здесь действовали пугачевские полковники Батыркай Иткииов, Канзафар Усаев, Салават Юлаев, Иван Кузнецов, сотник Гаврила Ситников. Людей и коней, провиант и фураж поставляли им окрестные заводы, перешедшие под знамена Пугачева. Важно, что в этих местах национальные и религиозные противоречия отсутствовали или, по крайней мере, сказывались в наименьшей степени. Осинский протопоп Попов ездил в составе делегации к башкирскому полковнику Абдею Абдулову, убеждал русских крестьян и заводских работников действовать вместе с башкирами. А Плотников, священник села Горы, вел службу в русской церкви по указанию «стоящего в том селе предводителя башкирца Адигута

Тимисева», «на ектеньях» провозглашал торжественную хвалу «Петру Федоровичу».

В начале января, четвертого, пятого, девятого, повстанцы трижды приступали к Кунгуру, но орудийным огнем их штурмы отбили. Они понесли большие потери, но сами нанесли урон осажденным. В частности, 4 января разгромили отряд (около 50 человек) поручика Степана Посохова, деда П.И. Чайковского по матери, сделавшего вылазку из города, — небольшой отряд пугачевцев отступал пять верст, а в это время многие конники, скрывавшиеся в кустах, вырвались из засады, «путь пресекли» и «покололи» противника, некоторых захватили в плен. Но все-таки осада не дала результатов — повстанцы ушли из-под Кунгура.

К юго-востоку от него они захватили в январе город Красноуфимск. Здесь действовал Салават Юлаев. Он тоже составлял наставления казачьей избе — органу местного управления. Старался предотвратить «обиды» населению, призывал соблюдать «вседолжный порядок», подчиняться выборным командирам. Проезд «к высокомонархаескому лицу и его высокографскому сиятельству» (к Пугачеву в Берду и Зарубину в Чесноковку) разрешался только с согласия С. Юлаева, который выдавал соответствующие «билеты», как «армии Его императорского величества полковник».

Войско С. Юлаева и Ильчигула Иткулова выходит из Красноуфимска к Кунгуру. Недалеко от города оно соединилось с отрядами К. Усаева и Ивана Герасимовича Васева. Вскоре, 19 января, под Кунгур прибыл Иван Кузнецов, помощник Зарубина. Назначенный им для «набора казатского российского войска» Гаврила Ситников, руководствуясь его «наставлением», хорошо организовал дело. К концу января под Кунгуром собралось 3,4 тысячи повстанцев — «большая половина башкирцев, а продчия — Красноуфимской крепости казаки и кунгурские крестьяне». 23 января с двух сторон отряды Кузнецова и Юлаева пошли на штурм — стреляли из пушек, ружей, луков, пытались ворваться в город, но безуспешно. В ходе боя маневрировали, переставляя орудия с одного места на другое. Салавата тяжело ранило, и его увезли. Кузнецов уехал 28 января в Чесноковку. Командиры, оставшиеся вместо них, организовать как следует осаду не сумели и вскоре за это поплатились.

В январе—феврале волновалось население западных районов Сибирской губернии. В Ялуторовском дистрикте появились посланцы Пугачева — местные крестьяне Утяцкой слободы Я. Кудрявцев, А. Тюленев. Интересно, что они участвовали в «прежнем возмущении крестьян». Побывав под Оренбургом, Кудрявцев получил от «императора» чин хорунжего. В Утяцкую слободу приехал с «манифестами для объявления крестьянству» — чтобы «государю» были «во всем послушны, обнадеживая разными льготами». Он же дал копию манифеста утяцкому крестьянину Воденикову, который явился с ним в Курган, прочел его местным крестьянам, и они изъявили согласие быть «в подданстве» Петру III.

В той же Утяцкой слободе «лучшей» крестьянин С.А. Новгородов, побывавший в Челябинске у Грязнова и в Чесноковке у Зарубина, созывал секретные совещания. 23 февраля от имени всех слободских жителей он обращается с прошением к Чике «о защищении всех крестьян», «освобождении их от излишних тягостей», «уменьшении поборов». «Граф Чернышев» назначил его атаманом, выдал ему «наставление» и копию манифеста Пугачева. Утяцкие крестьяне в своем «умысле» действовали совместно с курганскими, иковскими жителями, причем скрытно и организованно. Их умелая конспирация в подготовке восстания ввела даже в заблуждение власти и карательные команды. А события эти происходили в трех больших слободах, двух селах и 67 деревнях с почти 7 тысячами душ мужского пола.

На помощь к ним в феврале Грязнов послал отряд во главе с ичкинским татаринном Иваном Алферовичем Иликаевым в 300 человек (татары, башкиры, мещеряки, русские крестьяне). Он взял Утяцкую слободу, затем — Иковскую слободу, в которой пленил 5 офицеров, 170 солдат и казаков, в том числе командира карательной команды капитана Смолянинова. Последнего повесили в Кургане, тоже захваченном повстанцами. Иковские жители, присоединившиеся к восстанию, склоняли к себе жителей соседних слобод. Их

агитатора ездили «из одной слободы в другую», «соглашали жителей к измене, уверяя и увещавая их, толковали изданные... от Пугачева под именем Петра Третьего манифесты», об его здоровье «по церквам отправляли молебны и по многие времена торжествовали». Агитация не была безуспешной. Так, жители Белоярской слободы присягнули «Петру III» — Пугачеву.

Почти все слободы Ялуторовского дистрикта участвовали в движении. Здесь сменяли власть — старых отстраняли, отдавали на суд повстанческих предводителей, выбирали или назначали новых. Так, в Курганской слободе «смотрителем» стал дворовый человек Ф. Калугин, «начальником-командующим» — местный священник Лаврентий Антонов. Эти и другие предводители (Емельян Тюленев, Яков Кудрявцев, Семен Новгородов, Федор Завьялов, Степан Арзамасцев) и возглавили восстание в ялуторовских селах и слободах.

Восстания происходили также в селениях Краснослободского дистрикта, Верхотурского, Туринского уездов. Здесь тоже главной движущей силой движения выступали крестьяне, в том числе участвовали в нем и зажиточные.

Для Западной Сибири характерны элементы организованности, конспирации, солидарности, взаимопомощи. Если в других местах имели место грабежи и разбои, то здесь их почти не наблюдалось.

В Казанском крае волнения начались в октябре. Слухи о Пугачеве, его победах, чтение манифестов на сходках и базарах, в церквах и трактирах приводили к тому, что местные жители принимали сторону повстанцев. Старшина Турай Италии составил приговор-объявление, которое гласило:

«Ныне мы, Казанской дороги и башкирцы и служилые татара, черемисы и дворцовые крестьяне и все, согласясь, милосердному государю Петру Федоровичу склонились. Что б его величества не приказал, то мы своих услуг показать должны, не пожалел сил своих, до последней капли крови».

Приговор имеет 14 подписей, в том числе депутата Уложенной Комиссии 1767 года: «Депутат Абдузелил Максюттов руку приложил».

Активно вели себя работные люди и приписные крестьяне местных заводов — расправлялись со своей администрацией, посылали в Берду деньги, продовольствие, оружие, боеприпасы, Крестьяне, возвращаясь в свои деревни, склоняли к восстанию односельчан. Крестьянин с Ижевского завода Семен Толмачев ездил с копией пугачевского указа по удмуртским селениям, и «онье вотяки сами тому весьма были рады и его за то очень ласково принимали, повинуюсь притом яко власти начальнической».

Меры Брандта, действия карателей, чтение правительственных указов, проповеди в церквах не помогали властям. В селе Акташи 24 октября «увещательный манифест» прочел некий Степанов. Против выступил на сходке ясачный крестьянин Г. Подрядчиков:

— Я умею и собою (сам. — *В. Б.*) много таких приказов написать!

— Не кричи!

— Я тебя не слушаю! Кто вас посылает — и те будут все и с вами перевешаны!

О том же сообщал поручик Романовский, ездивший с манифестом по деревням. Крестьяне князя Дадьянова отказались дать подписку в «слушании указа», хотели его бить и отослать в Берду к Пугачеву. При этом заявили ему:

— Мы тот указ не слушаем! А только слушаем указ от Оренбурга, почему у нас от миру выбран один человек и едет в Оренбург к государю Петру Федоровичу.

Крестьяне деревни Малой Елани помещика Мельгунова в день рождества собрались в гости у одного из односельчан. К ним пришел местный священник Петров:

— Почему вы не идете в церковь слушать увещание о бунтовщике и самозванце донском казаке Емельке Пугачеве?

— Долго ль с этими указами государей изводить будете?! У нас есть государь Петр Федорович! Вольно же вам это писать и читать! Да еще так же упрячем, как приказчика своего!

Священника изрядно потрепали — по его же донесению, крестьяне схватили его за

волосы, «таскали по полу и били немилостиво и выдрали из головы... волосов многое число».

Еще больше дух сопротивления поднимался у местного населения при появлении отрядов, присылаемых Пугачевым и другими предводителями. Жители вступали в отряды, уходили в Берду. Среди многочисленных местных отрядов самым крупным командовал Мясогут Гумеров, татарин из деревни Псяк Арской дороги Казанского уезда. Он контролировал район из 6 сел и 20 деревень. В январе численность отряда составляла 3 тысячи человек. Действовал он в пределах этого района. Когда же Пугачев приказал части его сил идти к Мензелинску, чтобы принять участие в его осаде, то отряд в 1,5 тысячи человек по дороге к нему, по существу, «растаял»: люди уходили в свои родные места. То же характерно и для других отрядов.

Отряды Бакея Абдулова (послан Пугачевым) и Юскея Кудашева, Андрея Носкова овладели многими заводами, в том числе Боткинским, Ижевским, селами (например, Елабугой, Сарапулом) и деревнями. Они поддерживали связь с Зарубиным, получали от него распоряжения. Повстанцы разорили немало имений помещиков в Казанском крае. Одни из дворян были убиты, другие бежали в города. В самой Казани царила паника. Спасо-казанский архимандрит Платон Любарской писал 18 ноября: «...Нельзя сказать, чтоб у нас было безопасно при всеобщем страхе и смущении, можно и у нас во всякое время подвергнуться истязаниям и насилиям со стороны черни». А капитан-поручик С. Маврин, член секретной комиссии, писал о Казани декабрьской поры 1773 года, даже несколько, пожалуй, преувеличивая: «Отчаяние и страх были так велики, что если бы Пугачев прислал человек тридцать сообщников, то легко мог бы овладеть городом». Даже гарнизоны были деморализованы, боялись повстанцев. Об этом без обиняков главнокомандующий Бибииков писал президенту Военной коллегии (17 января 1774 года): «На гарнизонные команды ничего считать нельзя, что уже я и испытанием знаю. Сия негодница довольна, что их не трогают и, до первой деревни дошедши, остановись, присылают рапорты, что окружены и далее идти нельзя. Нужно было несколько раз посылать им выручку».

В соседней Нижегородской губернии, близкой к Москве, тоже распространялась молва о восстании, «государе», выступившем против помещиков. «В народе не без сочувствия говорят о самозванце», — сообщал в конце 1773 года местный губернатор А.А. Ступишин главнокомандующему. Да и сам Бибииков, проезжая через губернию, не раз слышал «многие неосновательные и ложные молвы, пересказываемые не только простыми, но и неподлыми людьми». Власти, которые, естественно, квалифицировали эти слухи как преступление против существующего строя, привилегий дворян, ловили тех, кто подобные слухи распространял. Некоторых из эмиссаров, агитаторов посылал сам Пугачев для организации повстанческих отрядов. Посланцев его укрывали от карателей местные жители. В течение зимы крестьяне разгромили в Нижегородчине около 60 помещичьих имений.

То же происходило в Пензенско-Воронежском крае, на правобережье Волги. Крестьяне охотно ловили слухи о «настоящем Петре III», который находится под Оренбургом, не слушали манифесты императрицы. Они направляли посланцев к Пугачеву «осведомиться» о льготах, освобождении от податей. Так поступили крестьяне села Каврес Кадомского уезда. То же пытались делать и другие горожане, казаки. Но, как правило, добраться до Пугачева им не удавалось.

В селе Каврес двое беглых крестьян сообщили его жителям:

— Есть ныне за городом Казанью называющейся царь Петр Федорович, и у помещиков крестьян отнимает, и дает волю, а помещикам головы рубит!

Кавресские крестьяне, которые принадлежали заводчику А. Баташеву, намучились от злоупотреблений его приказчика, были «в отягощении от работ», постановили на сходе послать к Пугачеву депутатов — Козьму Те-рентьева и Сергея Лаврентьева. Они отстранили от дел выборного Афанасьева и старосту Михайлова. Взамен избрали «миром» Семенова и Васильева. Их представители сделали новую раскладку денежных повинностей, более справедливую, чем раньше. Тех, кто сопротивлялся, наказывали. Крестьяне вооружились,

ходили по селу, били в набат, стреляли.

События в селе Каврес обеспокоили власти в Шацке, Кадоме, Воронеже.

Известия о «государе» распространялись все дальше от центра движения. Крестьянин деревни Анциферовой Московского уезда Петр Емельянов вез товары из Москвы в Тамбов. По дороге встречным людям говорил;

— В Москве ныне большая помутка... Государь Петр Федорович явился в Оренбург, и пишет он, чтоб государыня, не дожидаясь его, шла в монастырь. А крестьян хочет от бояр отобрать и иметь их только за своим именем.

В Шацкой и Тамбовской провинциях крестьяне распространяют в селах и городах воззвания-прокламации. Одно из них начинается призывом: «Пришло время искоренить дворянское лихоимство». Заканчивалось библейским изречением, носившим весьма угрожающий характер по отношению к дворянам: «В ню же меру мерите, возмерится и вам» (что-то вроде: как аукнется, так и откликнется!).

Местное дворянство, как и в других местах, напуганное вестями о расправах восставших с их собратьями, принимало меры, организовывалось для возможного отпора, защиты своих классовых интересов, привилегий.

В районе Нижнего Поволжья, Заволжья местные жители «Пугачеву приклонились» под влиянием слухов, рассказов, действий его отрядов и эмиссаров, например, яицкого казака Дмитрия Лысова, посланного сюда самим «государем». Помещик Ставропольской провинции Булгаков сообщал, что там «поднялась уже чернь», которая «дворян разоряет»; сам он «едва... убежать мог». То же происходило во многих уездах, жители которых, прежде всего крестьяне, жаждали получить «вольность от господ». В восстание включились ставропольские калмыки, которые, но донесению Ставропольской канцелярии в Военную коллегия, «деревни и селы дворянския все без остатку днем и ночью... грабят, как пажить и весь домашний припас, так скот отгоняют и птиц... и другие чинят ругательства». Делают они это потому, что Пугачев «им грабить всех приказывает» (не «всех», конечно, а дворян, богатых людей), у «Пугачева толпы во всем том имеется надобность». К «бунтовству» калмыков «чернь... согласилась» — их действия поддерживали все местные бедняки.

На сторону Пугачева перешли в начале ноября казаки, солдаты и другие жители Бузулука на Самарской линии. Сделали это с большой охотой — после того, как Иван Жилкин, отставной солдат, приехавший с отрядом из Бердской слободы, привез им указ «государя». В конце же месяца сюда прибыл атаман Илья Федорович Арапов, один из верных соратников Пугачева, с отрядом из 50 казаков. Он развернул энергичную работу по всей линии — освобождал на основании манифестов «Петра III» крестьян от крепостного ярма, расправлялся с помещиками и их прихвостнями. Его отряд, быстро выросший в численности, в конце декабря захватил Алексеевск, Самару. Население ему «показывало совершенное повиновение». Он бесплатно распределял соль среди самарских жителей, рассыпал по окрестностям агитаторов с копиями манифестов Пугачева, сборщиков продовольствия, поднимал на борьбу людей. 20 января 1774 года в руки восставших перешел и Ставрополь — им овладел калмыцкий отряд Федора Ивановича Дербетева, ставшего тоже одним из видных сподвижников Пугачева, предводителей Крестьянской войны. Восстание переходит на правобережье Волги.

Отряды восставших, правда небольшие, в октябре — ноябре появляются на среднем Дону, по реке Хопру. В других местах казаки, как доносили местные власти, «находятся в сумлений». «Народная молва» о Пугачеве распространялась по донским станицам. Власти опасались, что на донских казаков «генеральной „положиться нельзя“; „надобно думать, что часть из них присоединится“ к Пугачеву, если им представится подходящий случай. Но в целом донское казачество ни сейчас, ни позже активного участия в восстании не приняло. Власти бдительно следили за тем, чтобы на Дону все было тихо и спокойно.

Конец осени и зима 1773/74 года, как мы могли убедиться, отмечены быстрым распространением восстания от его первоначального очага — Яика и Оренбурга. Прячем, что очень характерно и важно, огромные массы людей, в него включавшиеся, делали это или

по своей инициативе, или по призыву Пугачева, его атаманов, эмиссаров, агитаторов, под влиянием манифестов «третьего императора» и, наоборот, вопреки манифестам Екатерины II, распоряжениям правительства и местных властей. В ходе расширения «мятежа» имела место не только борьба с оружием в руках между двумя лагерями — повстанческим и правительственным, но и борьба идей, борьба за умы и души людей. И в этой борьбе двух противоположных представлений, идеологии народные низы недвусмысленно определяли свою позицию, вставали, безусловно, на сторону Пугачева и того общенародного дела, интересы которого он отстаивал. Источники сохранили многочисленные свидетельства того, как крестьяне, работные люди и другие угнетенные не хотели слушать правительственных указов, «увещевания», избивали тех, кто их читал, проповедовал, и с восторгом и надеждой слушали пугачевские воззвания, заключая, что они «правее» петербургских. Они ведь освобождают их от дворянского ярма, дают «всякую вольность», освобождение, хотя бы на время, от податей и рекрутских наборов в царскую армию. В перспективе ожидалось снижение их норм — в случае победы «батюшки-государя», который-де уменьшит все повинности, а главное, расправится с боярами, даст землю и волю. Подобные мысли и требования, затрагивавшие душу народную, отвечали интересам всех низших слоев населения, и неудивительно, что часто к повстанцам присоединялись и зажиточные, «первостатейные» крестьяне, заводские служащие, бедные сельские и городские священники, мелкие чиновники. Но имеющиеся данные источников говорят и о том, что нередко они выступали против восставших и те отвечали им подобным же образом.

Конечно, имя «законного государя», под знаменем которого началась и ширилась Крестьянская война, много значило в глазах всех людей, поднимавшихся на борьбу. Этот монархизм, царизм не должен вызывать удивления или смущения. Он был естественным для всех людей того времени. Монархистами были не только крестьяне, как правило, люди неграмотные, темные, но и дворяне, в том числе самые просвещенные из них, вплоть до Н.И. Новикова, Д.И. Фонвизина и многих других. Есть только существенная разница в монархизме крестьян и монархизме дворян. Последние были тоже, кстати говоря, в основной своей массе малообразованными или попросту безграмотными людьми, даже дикими в своем невежестве, отягощенном к тому же бесконтрольной, по существу, властью над «крещеной собственностью» — все эти Скотинины, Митрофанушки и многие, им подобные, являлись царистами-крепостниками, кнутабойцами. Царизм эксплуатируемых крестьян и их собратьев по положению был, по существу, своему антидворянским, антикрепостническим, антифеодальным, поскольку крепостное право, дворянская собственность на землю, против которых они выступали, были сердцевиной, сутью феодализма. Не отвергая монарха как главу государственной системы, они надеялись получить (и считали, что получили) в лице «Петра III» — Пугачева такого «добраго царя», который, оставаясь верховным правителем, санкционирует такие порядки, при которых не будет крепостного права, крестьяне получат землю, отобранную у дворян, все бедные и обиженные — вольное устройство на манер казацкого круга или крестьянского «мира» с выборными атаманами и есаулами, старостами и смотрителями, с решением важных вопросов на общей сходке. Подобные идеалы, как можно убедиться по данным источников, они и воплощали в жизнь в районах, где устанавливалась власть повстанцев. Они не видели противоречия в том, что пугачевские манифесты обещали отмену подушной подати, повинностей и рекрутских наборов, а тем временем «батюшкины» атаманы собирали с населения хлеб и лошадей, мобилизовывали людей в его войско. Несомненно, манифесты имели в виду подати и поборы в том виде и объеме, в каких они были введены царскими властями, увеличены ими на памяти, на глазах жившего тогда поколения людей. И составители манифестов, Пугачев, его полковники, секретари и понытки, все участники движения, сочувствующие ему, прекрасно понимали, что без повинностей в пользу казны «третьего императора», без пополнения его армии сделать ничего нельзя. И они, чаще всего добровольно, с охотой, жертвовали и имущество, и свои жизни на алтарь пугачевского дела, как дела всенародного. А на будущее имели расчет

— какое-то количество лет не платить подати (несколько лет, а некоторые мечтали о 10—12 годах!), отдохнуть от истомы, «отягощения» несносного. И в этом предводители, Пугачев в первую очередь, шли навстречу их пожеланиям.

Но это все касалось будущего. Пока же ими властно распоряжались обстоятельства повседневные, насущные. Каждый день рождал новые задачи, проблемы. Пугачев и его помощники пытались, старались их решить, насколько у них хватало сил и умения, позволяли условия, их собственные натуры, очень своеобразные и противоречивые. Вкладывали в их решение всю свою страсть людей, истомившихся под гнетом жизненных неурядиц, гонений, обид, весь накопившийся за прошлые годы гнев против угнетателей, притеснителей — «бояр», чиновников, командиров. По всей территории разгоравшегося восстания огромные массы людей охотно отвечали на их призывы, шли за ними, свято веря в свое правое дело.

Правительство, его администрация на местах, военные силы, наконец, церковь убедились в осенние и зимние месяцы, во-первых, в грозной силе Пугачева и его повстанцев, их «мятежной» стихии; во-вторых, — в безуспешности своей агитации в их среде. Они явно проигрывали в сравнении с агитацией Пугачева, его атаманов и эмисаров.

Но Пугачев, все повстанцы проигрывали с самого начала в другом — в организованности, боеспособности своих сил, их вооруженности. Несмотря на то что их войска, отряды превосходили в числе правительственные части подчас во много раз, все же за небольшими исключениями это были разрозненные, плохо спаянные дисциплиной, обучением, единой волей командиров массы людей, зачастую действительно скорее толпы людей, воодушевленных великой целью, но нестройных, рассыпавшихся нередко при первых же серьезных ударах регулярных команд. Последние тоже не раз терпели от них поражения, как это было с Каром и Чернышевым, Наумовым и Заевым, Валленштерном и Биловым. И, учитывая тот же уровень боеспособности повстанцев, это были для них очень серьезные и важные победы, поднимавшие дух их самих и тех тысяч и тысяч новых людей, которые становились под знамена Пугачева в Башкирии и Западной Сибири, на Урале и в Прикамье, в Среднем Поволжье и Заволжье. Но при этом подобные успехи нередко были связаны с тем, что на сторону повстанцев переходили из отрядов, с которыми они вели бой, их же собратья — казаки, крестьяне, работные люди, башкиры, калмыки, татары и прочие, как это было, например, с отрядом Чернышева, при взятии ряда крепостей и редутов, городов и селений. В тех случаях, когда велись настоящие военные действия, потери противника (например, при разгроме отряда Кара, в боях под Оренбургом) были не так уж велики (десятки, иногда сотня-другая солдат). Повстанцы же, несмотря на свое численное превосходство, теряли в ходе подобных сражений несравненно больше. Что и понятно — слишком неодинаково выглядели две борющиеся стороны в смысле обученности, боеспособности, вооруженности. И это оказалось решающим в дальнейшем ходе движения, которое с конца зимы и весны 1774 года вступает в полосу неудач.

И еще один важный момент — Пугачев, Зарубин и другие предводители, возглавившие несколько главных центров Крестьянской войны, принимали меры для ее распространения, посылали в разные места отряды, агитаторов, манифесты, поддерживали связь с местными предводителями, повстанческими органами власти. А эти последние держали по возможности связь с ведущими центрами. Они помогали друг другу всем, чем могли. Но и здесь в смысле организации сил восставших на той территории, где они действовали, наличия взаимопомощи повстанцы не смогли преодолеть стихийность, локальность движения. В отличие от правительственной стороны повстанческий лагерь при всех достижениях Пугачева, его Военной коллегии, повстанческих органов власти на местах выглядел слабо, плохо организованным.

Все это предопределило последующее развитие событий, которое стало складываться не в пользу Пугачева и пугачевцев.

Неудачи и поражения

В отличие от Кара, который, не зная толком обстановки, силы повстанцев, заранее торжествовал победу над ними, спешил к месту событий, надеясь быстро рассеять «толпу злодеев», Бибииков, человек умный и проницательный, понимал всю серьезность положения. Заявляя о своей решимости разбить Пугачева, он все же не очень торопился и по дороге в Казань, а с конца декабря и из Казани все чаще требовал новые полки. Войска подтягивались со всех сторон. Так прошло немалое время.

Екатерина II, испытывая немалое смущение и беспокойство, старалась убедить общественное мнение в стране и за рубежом в малозначительности событий под Оренбургом. При этом старалась как можно дольше сохранить сведения о них в тайне. «Это ужас XVIII столетия, — писала она новгородскому губернатору Сиверсу, — который не принесет России ни славы, ни чести, ни прибыли... Европа в своем мнении отодвинет нас ко времени царя Ивана Васильевича — вот та честь, которой мы должны ожидать для империи от этой жалкой вспышки». В письмах к Вольтеру предводителя она насмешливо именуется «маркизом Пугачевым», его повстанцев — «грабителями», «бездельниками»; пытается уверить, что справится с «разбойником» одно казанское ополчение (4 тысячи человек). То же повторяет в письме прусскому королю Фридриху II: это «толпа разбойников... более негодная и достойная презрения, чем опасная... Если эта неприятная для меня шалость доставила удовольствие моим врагам, то я имею причину думать, что это ненадолго».

Одновременно императрица торопит Бибиикова, и он, со своей стороны, принимает самые энергичные меры для мобилизации военных сил. С конца декабря к Волге подходят регулярные войска: в Симбирск, Сызрань, Саратов из Бахмута два гусарских эскадрона и две легкие полевые команды (22-я и 24-я); в январе — генерал-майор П. Мансуров и 23-я, 25-я легкие полевые команды. В Казани сосредоточиваются части полков Владимирского, 2-го гренадерского, Изюмского, Архангелогородского, Томского. Вместе с наличными частями это были внушительные силы, и главнокомандующий сразу же бросает их против восставших.

Правда, Бибиикова обеспокоили известия о слухах, бродивших среди солдат. Они были недовольны тяготами службы. Некоторые говорили, что человек, появившийся под Оренбургом, не Пугачев, а настоящий император. Сержант Филипп Мухин из Владимирского полка передавал вести об императрице:

— ...Государыня уже трусит, то в Раненбом (Ораниенбаум. — *В. Б.*), то туда, то сюда ездит; а графов Орловых и дух уже не помянется.

Солдаты заявляли даже, что сложат оружие перед «государем». Некоторых из них арестовали, над другими учинили надзор. В письме Фонвизину главнокомандующий признавался, что «дьявольски трусил за своих солдат, чтоб они не сделали так же, как гарнизонные: не сложили оружия перед мятежниками». Он даже послал в Симбирск и Самару поручика Г.Р. Державина, чтобы он сделал «примечание как на легкие обе полевые команды, так и на гусар: в каком состоянии они находятся и по всем ли исправны и какие недостатки? Каковых имеют офицеров и в каком состоянии строевые лошади?»

Наведя порядок во Владимирском полку, Бибииков отдал приказы, и части, ему подчиненные, направляются к центрам движения — в районе Самары и Ставрополя. Майор Муфель с 24-й командой из Сызрани идет на Самару, подполковник Гринев с 22-й командой — туда же на соединение с Муфелем; по пути он должен был присоединить бахмутских гусар. 28 декабря Муфель пришел к селу Рождествено, в пяти верстах от Самары. Ему донесли, что Арапов с повстанцами собирается атаковать его по фронту, а 300 ставропольских калмыков — с тыла. Рано утром 29 декабря каратели вышли из села и подошли к Самаре. Их встретил огонь шести орудий. Атака Муфеля встретила сильное сопротивление, но солдаты все же ворвались в город, многих восставших убили, захватили 200 пленных и все пушки. Команда потеряла трех убитых и 15 раненых. «Злодеев, — писал Муфель в донесении, — хотя и побито довольно число, однако за великим снегом и мятьею, которыми трупы заносило, никак исчислить было невозможно, да и здешними

обывателями многие трупы были покрадены». Захватив город, каратели встретили в нем со стороны жителей открытую враждебность. Тот же Муфель писал: «...все в Самаре жители более оказывают суровости, нежели ласки», а «самарское духовенство всемилоостивейшую нашу государыню в поминовении из эктений исключило».

4 января в Самару прибыл Гринев с командой. Он, Муфель и Державин два дня наводили в городе порядок. Всех виновных во встрече повстанцев (в соответствии с предписанием Бибикова Державину от 29 декабря) велено было направлять в Казань, «а некоторых для страху жестоко на площади наказывать плетью при собрании народа, приговаривая, что они против злодеев должны пребыть в твердости и живота своего, как верные подданные, щадить не должны». Жителей приводили к присяге, брали у них подписки о верности императрице, о том, что Пугачева и восставших будут почитать за злодеев, изменников и разбойников. Местных священников (девять человек), виновных в склонности к мятежникам, Державин арестовывать не стал, поскольку это остановило бы церковную службу. Он опасался, что арестом «не подложить бы в волнующийся народ, обольщенный разными коварствами, сильнейшего огня к зловерному разглашению, что мы, наказуя попов, стесняем веру». Главнокомандующий одобрил подобный шаг, и по его требованию Вениамин, архиепископ Казанский, послал в Самару новых священнослужителей. И только тогда самарских попов отослали в Казань.

В ночь на 7 января Гринев с отрядом двинулся к Алексеевску. Утром его встретили восставшие (2 тысячи человек) во главе с Араповым и Чулошниковым. Бой шел весь день 8 января. Повстанцы атаковали врага со всех сторон. И те и другие стреляли из пушек. Каратели, отбивая атаки, продвигались вперед. Нанеся немалые потери защитникам «пригорода», они в конце концов взяли Алексеевск, захватив три орудия. Последовали наказания плетью, приведение к присяге.

9 января в три часа утра Гринев двинул свои части еще дальше к северу — на Черный Яр, где как будто собрались ставропольские калмыки. Но оказалось, что они вместе с ханшей Дербетевой, атаманами Араповым и Чулошниковым ушли вверх по реке Кинель.

Вскоре в Самару прибыл генерал-майор Мансуров, принявший общее командование над четырьмя полевыми командами (22, 23, 24, 25-й). По указанию главнокомандующего он направил увещание к калмыкам, написанное все тем же Державиным, способности и талант которого власти не раз использовали в борьбе с повстанцами. В подробном обращении, призывавшем калмыков прийти в раскаяние, их упрекали: «Стыдно вам... слушаться мужика, беглого с Дона казака, Емельяна Пугачева и почитать его за царя, который сам хуже вас всех, для того, что он разбойник, а вы люди честные. Стыдно вам повиноваться тому, который, может быть, от неприятелей наших турок подкуплен лить кровь нашу, стараться помрачить славу российскую, и после сам вас погубит своим злодейством». Точно так же старался Державин опорочить и Арапова: «Не хотите вы терпеть господ, то не стыдно ли вам в то же самое время почитать крестьянина Арапова за своего господина, атамана и во всем его слушаться? А особенно княгине вашей (ханше Дербетевой. — *В. Б.*) не стыдно ли иметь с ним дружбу?» Далее следуют угрозы наказания — «строгой казни», гибели жен, детей, имущества; «многочисленные полки ея (императрицы. — *В. Б.*), приблизясь, всех вас перебьют».

Но воззвание, несмотря на литературный талант составителя, не возымело действия. Калмыки продолжали поддерживать Пугачева. Более того, 20 января отряд Ф.И. Дербетева захватил Ставрополь. Коменданта бригадира фон Фегезака, местных чиновников повстанцы-калмыки взяли, уходя из города, с собой и вскоре расправились с ними. Около Красного Яра Дербетев встретил отряд Гринева, напал на него, но был разбит и отступил, потеряв 120 человек убитыми, 40 пленными.

Следующая встреча состоялась под Сергиевском у деревни Захаркиной. Здесь Дербетев с двумя тысячами калмыков сражался с частями майора Елагина, полковника Хорвата. Он снова потерпел поражение. Калмыки, оставшиеся в живых, рассеялись в разные стороны. В начале февраля Хорват занял Бугуруслан. К концу месяца сюда же прибыл корпус генерала

князя Голицына, который, будучи занят сбором продовольствия, а также из-за бездорожья, глубоких снегов, продвигался очень медленно. Он шел по Ново-Московской дороге на юг, к Самарской линии крепостей. А по самой линии, от Самары на юго-восток, двигался генерал Мансуров с четырьмя полевыми командами и бахмутскими гусарами, слева от него шел отряд Гринева. 10 февраля Мансуров вошел в Борскую крепость. Потом направился к Бузулукской крепости — пункту предполагаемого соединения сил обоих генералов. Здесь находились продовольственные склады. Защищал крепость тот же Арапов с двумя тысячами повстанцев. Отряды Мансурова и Гринева с двух сторон подошли к ней. Восставшие встретили карателей около крепости сильным орудийным огнем, по потерпели поражение и отступили к Тоцкой крепости. Потеряли при этом более 500 человек убитыми и пленными, 15 орудий, 165 человек сдались. Мансуров потерял до полутора десятков человек.

Голицын 28 февраля вышел из Бугуруслана по направлению к Сорочинской крепости на Самарской линии, где, по его сведениям, находились главные силы восставших. Авангарды пугачевцев стояли в Тоцкой крепости и деревне Пронкиной. На помощь им шли Овчинников и Пугачев с 1,5 тысячи человек и 10 орудиями. Мансурову Голицын приказал занять Тоцкую.

В деревню Пронкину вошел высланный Голицыным отряд майора Елагина из Владимирского полка. 6 марта он расположился на ночлег. Пугачев, находившийся в 37 верстах, в Сорочинской крепости, сделал быстрый бросок и с трехтысячным отрядом неожиданно ворвался в деревню ночью, под покровом снежной бури. Произошло, по рапорту Голицына, «некоторое неустройство» — от рук повстанцев во время ночного боя погибли Елагин, многие солдаты. Но все-таки офицеры, оставшиеся в живых (секунд-майор Пушкин, капитаны Квашнин-Самарин, Олсуфьев) сумели привести свои силы в порядок, организовать удар с тыла по повстанцам, и они отступили, потеряв более ста человек. Пугачев уехал в Берду. Остался за главного Овчинников.

Восставшие оставили Тоцкую и Сорочинскую крепости. Во второй из них 11 марта объединились части Голицына, принявшего главное командование в этом районе, и Мансурова. Менее чем через неделю, 17 марта, они были уже в Новосергиевской крепости, недалеко от Яика и Оренбурга.

К северу от этого района аналогичные события разворачивались в Пермском крае. Главными центрами движения здесь были Кунгур и Красноуфимск. Повстанческие отряды и их предводители не сумели преодолеть возникшие у них трудности. Салават Юлаев из-за ранения отсутствовал. Канзафара Усаева и Кузнецова занимали взаимные разногласия, причина которых — недисциплинированность первого из них. Новый предводитель, красноуфимский писарь Михаил Мальцев, оказался заурядным пьяницей.

Бибиков выслал к Кунгuru отряд в 200 человек во главе с секунд-майором Нарвского пехотного полка Гагриным, и тот 25 января вступил в город. Повстанцы при его приближении отступили. Гагрин, присоединив отряд премьер-майора Попова, находившийся в Кунгуре, и местное ополчение (его силы увеличились до более чем одной тысячи человек), направился против восставших, которые собрались (до двух тысяч человек) в селе Ординском (Ильинский острожек), верстах около 30 от города. Сражение продолжалось здесь семь часов и окончилось победой карателей — они убили до 100 повстанцев, более 60 взяли в плен. Гагрин потерял 4 человека убитыми, 12 ранеными.

Он вернулся в Кунгур. Затем пошел к Красноуфимску, где собралось до 4 тысяч восставших, в том числе и остатки разбитых под Кунгуром. Узнав о таких силах, Гагрин повернул в Кунгур, но, получив подкрепление (до 600 человек), снова направился к Красноуфимску. Восставших возглавлял новый предводитель — есаул Красноуфимской станичной избы Матвей Дмитриевич Чигвинцов. Он выставил посты, организовал разведку. Запросил помощь у Белобородова. Тот, занятый под Екатеринбург, не мог этого сделать.

19 февраля Гагрин взял штурмом Красноуфимск. После трехчасового боя восставшие отступили, потеряв 40 человек убитыми и 55 пленными (в том числе в плен попали Мальцев, Чигвинцов и др.). Затем каратели взяли Ачитскую крепость, «замиряли» и другие места по

Каме — селения и заводы, приводили к присяге жителей. Многие из восставших, понимая, что бороться с регулярными командами невозможно, расходились по домам или окрестным лесам, спасаясь от возмездия.

Восточнее этих мест продолжалось движение в районе Екатеринбурга и Челябинска, Шадринска и Кургана. Сюда, к первому из названных городов, и направился Гагрин. Но еще до его прибытия здесь 15 февраля появился отряд подполковника Лазарева, посланный главнокомандующим. Посланный из города отряд секунд-майора Фишера (700 человек) разбил повстанцев на Шайтанском заводе. Другой отряд (около 100 человек) — подпоручика Озерова — у деревни Златогоровой встретился с повстанцами, но ввиду их численного превосходства отступил к Белоярской слободе для соединения с поручиком Костиным, шедшим ему на помощь.

Между тем подходил отряд Гагрина. 26 февраля он штурмовал снежные валы Уткинского завода и взял его. Повстанцы потеряли 15 человек, но «от страху» сдались 587 человек. Во время преследования каратели убили еще 45 человек, взяли в плен 308 человек. В их руки попали на заводе пять пушек, много другого оружия, два знамени.

На помощь разбитым уткинским повстанцам спешил Белобородов с 425 человеками (заводские работники). Он атаковал Гагрина «с превеликим криком при пушечной пальбе». Но контратака привела к тому, что «толпа» Белобородова «с тою же скоростью, с какою вперед стремилась, в бег обращена, оставя пушки» (из рапорта А.И. Бибикова). Разбитые белобородовцы бежали на Каслинский завод к югу от Екатеринбурга.

Как и в других местах, победы карателей приводили к раскаянию местных жителей. Они присягали императрице. Но при первой же возможности (уход карателей, появление повстанческих отрядов, эмиссаров) многие из них снова вставали под знамена Пугачева.

Наступление Гагрина продолжалось — 3 марта он вступил в Гробовскую крепость, 12 марта штурмом взял Каслинский завод (потери Белобородова — 57 убитых, 420 пленных). Вскоре вступил в Екатеринбург, который был освобожден от осады или даже, по словам Дубровина, «от предстоявшей ему гибели». Остатки отряда Белобородова через Верхние и Нижние Киги поспешили на соединение с Пугачевым, другие, разбежавшиеся по окрестностям, влились в отряд Грязнова под Челябинском.

Местность между Екатеринбургом, Челябинском и Шадринском в феврале продолжала оставаться в руках восставших — местных крестьян, башкир. Многие их отряды, появившиеся в это время, во главе с предводителями, объявлявшими себя полковниками «императора», действовали чаще всего самостоятельно, независимо от пугачевского центра и друг от друга. Один из таких предводителей, Матвей Евсевьев, назвавший себя капралом, вместе с шестью повстанцами явился в село Теченское. Ему навстречу вышли жители, в том числе и священники с иконами и церковным пением, звонили колокола. Евсевьев, не дойдя 200 сажен до церкви, остановился. То же сделали встречающие. В наступившей тишине писчик Лебедев дребезжащим голосом читал манифест Пугачева. Затем капрал вместе с жителями отмечал торжественное событие в питейном доме. Пройдя в мирскую избу, он приказал сжечь все дела, что и было сделано публично, на площади. Вместо снятых со своих должностей старосты и выборного Евсевьев назначил из местных крестьян новых представителей власти — атамана и есаула. Мирскую избу переименовали в станичную. Забрав казну и пушку, а также теченского целовальника, капрал, провожаемый крестьянами и казаками, возвратился в Миасскую крепость, где находился повстанческий отряд Михаила Ражева.

Подобные же события происходили и во многих других селениях этого и других районов, охваченных восстанием.

Продолжалась осада Долматова монастыря и Шадринска. Но второй из них в конце февраля освободил от осады отряд майора Жолобова. А 23 февраля в него вступил отряд генерал-поручика Деколонга. Он отсиживался в городе, опасаясь из-за многочисленности восставших, которые действовали вокруг, выйти из него, например к Долматову. «Я здесь, — писал он в рапорте Бибикову 27 февраля, — а вокруг меня и за мною в Сибирской губернии,

по большой почтовой дороге к Тюмени, сие зло, прорвавшись, начинает пылать».

Осаду с Долматова повстанцы сняли 1 марта при известии о приближении трехтысячного войска Деколонга. Последний действительно посылал из Шадринска в разные стороны карательные отряды, которые разбивали небольшие партии повстанцев. Но сам на поход не рещался.

Против отрядов, действовавших в районе Кургана и Краснослободска, Тюмени и Туринска, выслал карательные команды сибирский губернатор Чичерин. Один из них (1,9 тысячи человек во главе с майором Салмановым) занял Курганскую слободу. Но перешедшие на сторону восставших (их было до 3 тысяч) крестьяне из этого отряда выдали им всех офицеров (Салманова и других), которых тут же повесили. Подошедший вскоре майор Эртман с 13-й полевой командой, пришедший по распоряжению Чичерина из Кузнецка, в нескольких сражениях разбил их и 24 марта занял Курган.

Такая же судьба постигла отряды инсургентов под Краснослободском, Тюменью и Туринском. Оставшиеся в живых разбегались. Предводителей отсылали в Тобольск. Жители давали присягу. Каратели «навели порядок» на дальней восточной периферии движения.

Исетская провинция, север Оренбургской губернии еще не были «замирены». Бездеятельность и нерешительность местного военного командования в лице Деколонга, откровенно боявшегося повстанцев, имели важные последствия — именно в этот район устремились Пугачев и его сподвижники после мартовских поражений главной армии и войска Чики-Зарубина.

Трагический исход событий, связанных с осадой Уфы, был подготовлен концентрацией правительственных сил, их наступлением со стороны Казани, в районе Ново-Московской дороги. Здесь, помимо отрядов, подчиненных генералу Голицыну и двигавшихся на юг, к Оренбургу, действовали другие: на восток от Казани, севернее Камы вплоть до впадения в нее Вятки — отряд капитана Кардашевского; южнее Камы, в направлении Заинска, Мензелинска и Бугульмы — отряд полковника Бибикова. Первый из них выступил из Казани 5 января, второй — днем ранее. Кардашевский довольно легко и быстро дошел до Вятки, рассеивая небольшие отряды восставших, оказывавших слабое сопротивление, и повернул к югу — на соединение с Бибиковым. Полковник 14 января разбил восставших под деревней Сухаревой, в 30 верстах от Заинска. Затем у деревни Аскариной разбил отряд Аренкула Асеева (600 человек), потерявший до 200 человек, треть своего состава, — при беспорядочном отступлении они мешали друг другу, увязая в глубоких снегах, и гусары подполковника Бедряги рубили их без пощады. То же происходило и при взятии Заинска. «Тут опять, — доносил Бибиков (рапорт от 18 января), — предстал случай гусарам продолжать свою работу». Повстанцы (их насчитывалось до 1,4 тысячи человек) потеряли до 400 человек. Всех, кто поддерживал так или иначе восстание, тем более принимал в нем активное участие, посылали в Казанскую секретную комиссию (в нее из разных мест привозили сотни арестованных). В том же рапорте Бибиков писал, что «со всех сторон приходят крестьяне, татары с повинною; и сколько таковых будет, — донесу. Солдаты, которые положили ружья (перед восставшими, когда они брали Заинск. — В. Б.), прогнаны сквозь строй; дьячки за крик «многолетия» (Пугачеву. — В.Б.) высечены».

Поражение под Заинском привело к «замирению» значительного числа селений. С повинной к полковнику, который оставался в городе несколько дней, являлись представители десятков деревень. Он выдавал им билеты, отпускал по домам, так как, по его словам, «держат... их негде, потому что тысячи четыре вчерашний день (18 января. — В. Б.) у меня их с повинною было». Бушуев, правитель канцелярии главнокомандующего, писал три дня спустя: «Хотя везде посланные команды имеют поверхность над злодеями, но не было еще столь громкого удара, каковой распространил повсюду деташемент Юрия Богдановича» — полковника Бибикова.

Он продолжал наступление. В конце месяца освободил от блокады отряд майора Перского в дворцовом селе Елабуге. Здесь каратели перебили до 200 человек, затем, 30 января, вступили в Мензелинск. Повстанцев, отступивших из него и собравшихся в селе

Пьяный Бор, верстах в 15 от города, разбил все тот же Бедряга, имевший незначительные потери — 8 раненых; у повстанцев же — до 400 убитых, 60 пленных.

Следом Бибииков занял Нагайбак, южнее Мензелинска, тоже на реке Ик. Потом, 11 февраля, разбил в Бакалах повстанцев (до 4 тысяч), потерявших до 400 убитыми и ранеными. Бибииковский же отряд (около 500 человек) потерь не имел. После этих побед полковнику велели идти на соединение с отрядом князя Голицына. Генерал приказал ему повернуть из Нагайбака к Бугульме.

Для действий в тех местах, которые оставлял Бибииков, главнокомандующий направил отряд генерал-майора Ларионова, своего свободного брата, — он должен был идти к Бугульме, от нее якобы к Оренбургу, на самом деле неожиданным маневром повернуть к Уфе, чтобы освободить ее от блокады.

Ларионов выступил из Казани 6 февраля. Через две недели, 21 февраля, он был в Кичуе. За два дня до его прибытия повстанцы, воспользовавшись уходом Бибиикова, снова взяли Нагайбак, сожгли его. Ларионов, присоединив к своему отряду более полутора сотен солдат и казаков из Бугульмы, медленно двинул свои силы, 27 февраля прибыл в село Большой Акташ. В Нагайбак он вышел только 4 марта. Повстанцы отступали. Жители окрестных селений перешли снова на их сторону, хотя недавно приносили повинную Бибиикову, получали у него билеты с прощением вины.

Нагайбак Ларионов занял 6 марта. Потом пошел к Бакалам, где засели отступившие повстанцы. Но глубокие снега, завалы, сделанные восставшими, заставили его вернуться. Ночью 8 марта двинулся к Стерлитамаку, где находилось, по разным сведениям, от 1,5 тысячи до 3 тысяч башкир. Они отступили в Бакалы. Ларионов же снова вернулся в Нагайбак — его испугали известия о подходе к Бакалам брата Чики-Зарубина с помощью и сборе у Мензелинска «новых толп с разными старшинами». Однако 13 марта генерал взял Бакалы, потеряв при этом до 30 человек убитыми и ранеными. Здесь он стоял неделю.

Главнокомандующий открыто высказывал недовольство медлительностью и нерешительностью Ларионова. Последний в оправдание говорил о плохих дорогах — узких, расположенных в лесах, заваленных снегом и засеками из больших деревьев («разрубить их способу нет»), об отсутствии мостов, которые сжигались повстанцами. Бибииков же требовал решительных, энергичных действий, но Ларионов, ссылаясь к тому же на слабое здоровье, на них не был способен. «За грехи мои, — говорил в сердцах главнокомандующий, — навязался мне братец мой, который сам вызвался сперва командовать особливим detachmentом, а теперь с места сдвинуть не могу».

В конце концов Ларионов сдал дела полковнику Кожину и просил главнокомандующего, ставка которого находилась в это время в Кичуе, освободить его от должности. Тот с радостью это сделал — как раз подошел Санкт-Петербургский карабинерный полк, и подполковник Михельсон, прибывший в его составе, получил новое назначение: возглавить отряд, направлявшийся к Уфе. В письме к Лунину 10 марта Бибииков снова сетует: «Дворянского шефа (Ларионова, командующего корпусом Казанского дворянского ополчения. — В. Б.) принужден переменить со всеми его куртками, а послать Михельсона; он (Ларионов. — В. Б.) за болезнью попросился. Я уже и тому рад. Упетал¹⁹ меня сей храбрый герой: не мог с места целый месяц двинуться!»

Михельсон служил в полку, которым в свое время командовал Бибииков. Главнокомандующий знал его как очень способного, деятельного и храброго офицера, отличившегося в Семилетней и русско-турецкой войнах. Он был несколько раз ранен, награжден орденом Георгия 3-й степени. Это назначение лишний раз показывает, что на театр военных действий против Пугачева правительство присылало лучших своих генералов и офицеров, хорошо оснащенные и вымуштрованные войска. Имелись, конечно, и исключения.

---

¹⁹ Упехать — измучить, dokonать, погубить.

Михельсон 18 марта принял отряд у Ларионова в Бакалах, а на второй день вышел по направлению к Уфе. Дорогой он безуспешно старался добыть «языка» — «из них, злодеев, ни один живой не сдавался». Только 23 марта, встретив у деревни Караяпуловой авангард из 400 человек, Михельсон захватил пятерых из них в плен. Узнал, что в деревне Жуковой стоят 2 тысячи повстанцев с 4 пушками, в Чесноковке — сам Зарубин — «граф Чернышев» с 10 тысячами человек и многими орудиями. При подходе Михельсон разбил отряд повстанцев в одну тысячу человек в селе Третьяковке. Потом направился к Чесноковке. Навстречу ему Зарубин выслал 7 тысяч человек к деревне Зубовке. Бой здесь шел несколько часов. Повстанцы очень энергично атаквали авангард майора Харина и другие части михельсоновского отряда, обстреливали их из орудий. Но в конце концов искусные действия солдат привели к бегству восставших в Чесноковку. В тот же день, 24 марта, Михельсон захватил этот важный повстанческий центр. Потери опять были несравнимыми: со стороны карателей — 23 убитых, 22 раненых, со стороны Зарубина — до 500 убитых, 1560 пленных, 25 орудий со всеми припасами.

Зарубин со свитой в 20 человек бежал в Табынск. Михельсон повесил в Чесиоковке двух предводителей, трех высек. Многих пленных отпустил по домам «после увещаний». Но не все приходили с повинной. Многие продолжали сопротивление. Особым упорством, по словам Михельсона, отличались башкиры, «в коих злость и жестокосердие с такою яростию вкоренились, что редкий живой в полон отдавался. А которые и были захвачены, то некоторые вынимали ножи из карманов и резали людей, их ловивших». Многие из них прятались в сенах и подпольях; когда же их обнаруживали, они «выскакивали с копьями и ножами, чиня сопротивление».

Михельсон пошел к Табынску. По дороге получил сообщение: местный казачий есаул Кузнецов со своей командой захватил и сковал Зарубина, Ульянова, Губанова и других предводителей. 28 марта подполковник вступил в Табынск. В рапорте Бибикову он сообщил о замирении всех «здесьних мест», установлении в них «старого порядка», своих планах — возвратиться в Уфу, а потом идти к Уральским горам для дальнейших действий. В местах, по которым прошли правительственные отряды, «уфимские жители», по словам Михельсона, «в окрестных деревнях, в отмщение, делают великие разорения». Речь идет, можно полагать, о богатых людях, чиновниках и прочих, которым нанесли ущерб восставшие.

Михельсон 4 апреля вернулся в Уфу, куда незадолго перед тем отправил Зарубина и его помощников. Вскоре к нему доставили и пугачевского атамана Торнова, продолжавшего действия в окрестностях Бакалов. Тяжелые поражения повстанцев в этих местах, наступление карателей со всех сторон имели следствием быстрое прекращение сопротивления, захват большого числа пленных, выдачу предводителей.

Разгром Чесноковского центра был, конечно, сильным ударом для восстания. Но еще более тяжелым стало поражение главных сил Пугачева в районе Оренбурга. Сюда со стороны Самарской линии подходили войска генералов Голицына и Мансурова. 17 марта они вошли в Новосергиевскую крепость в верховьях реки Самары. От нее уже недалеко было до Оренбурга, Татищевой крепости, Илецкого городка.

«Чрезвычайная буря и снег» несколько задержали Голицына. Как он писал в рапорте Бибикову 18 марта, «по всем известиям, что я получил, видно, будто имеют (восставшие. — *В. Б.*) намерение зад (т. е. аррьергард. — *В. Б.*) корпуса тревожить от Илецкой крепости, а из Берды берут свое злодейское войско к Татищевой».

Действительно, Пугачев, понимая важное значение Татищевой крепости, вывел из своей ставки, в которой оставил Шигаева за начальника, значительную часть сил и отправился с ними сам. В Татищеву же по его приказу из Илецкой крепости вышел Овчинников. Всего собралось от 8 до 9 тысяч повстанцев. Они имели 36 пушек. Крепость укрепили — в разрушенных местах стену дополнили снежным валом — облитый водой, он обледенел и стал внушительной преградой. Пугачев сам расставил пушки. Измерил расстояния от орудий до предельных пунктов на пути вероятного наступления противника, расставил там колышки. Канониров наметил заранее из числа «самых проворных людей»,

сам же, по словам И. Почиталина, «показывал правильно стрелять». Затем обратился с речью к защитникам крепости, отдал последние распоряжения.

«Когда же, — говорил на допросе тот же Почиталин, — в Татищевой к обороне против князя Голицына было все приготовлено, Пугачев собрал всю свою толпу и говорил сначала, чтобы послужили с храбростью. Потом дал приказ: тот день, как Голицыну придти должно будет к Татищевой, чтобы была совершенная тишина и чтобы люди всячески скрылись, дабы не видно было никого и до тех пор пушкам и каждому к своей должности не приступать, покуда князя Голицына корпус не подойдет на пушечный выстрел ядром».

20 марта разъезды, посланные Пугачевым для наблюдения и разведки, доложили ему, что Голицын приближается — занял уже Переволоцкую крепость. Около нее крутились небольшие повстанческие партии, но их прогоняли. Со своей стороны, Голицын посылает разъезды к Татищевой, сам совершает рекогносцировку. Сначала он сделал вывод, что крепость оставлена мятежниками — там никого не было видно. Но потом убедились, что это не так, предстояла борьба с большим числом ее защитников.

Голицын имел 6,5 тысячи человек. В четыре часа утра 22 марта он, оставив в Переволоцкой для охраны отряд Гринева и весь обоз, довольно большой, двинул вперед авангардный отряд Бибикова (по батальону гренадер и егерей, 200 лыжников, три эскадрона кавалерии). Через час с главными силами выступил сам.

Бибиков приближался к Татищевой. До нее оставалось четыре версты. Полковник выслал в разведку разъезд из трех чугуевских казаков. Они подъехали к крепости. Она не подавала признаков жизни — повстанцы попрятались кто где мог. Казаки подъехали к воротам. Из нее вышла женщина с хлебом и солью (ее выслали Пугачев, Овчинников и Арапов, скрывавшиеся за воротами). К ней и обратились чугуевцы:

— Есть кто в крепости?

— Были злодеи, да уехали. Теперь в крепости никого нет. Мы, жители, просим князя Голицына идти сюда без всякого опасения.

Казаки подъехали поближе к воротам и заметили, что за ними, позади валов, стоят толпы вооруженных людей. Повернули коней назад и поскакали прочь. Пугачев и другие пытались их догнать — одного схватили, но двое сумели ускользнуть. Они рассказали обо всем полковнику. От него узнал о повстанцах Голицын. Его войска подошли к крепости. Голицын направил против нее свои силы двумя колоннами — правую возглавил Мансуров, левую — Фрейман; «передовой detachment» (авангард) Бибикова тоже поставил с правой стороны, чтобы воспрепятствовать действиям повстанцев с фланга.

Каратели в таком порядке подходили к Татищевой. Пугачевцы затаились... Голицын в овраге построил войска в боевой порядок — нехота в первой линии, кавалерия — во второй. Затем занял две высоты, господствующие над местностью и не занятые повстанцами, расставил на ней батареи. Они открыли огонь. Из крепости отвечали из 30 больших орудий. Три или четыре часа продолжалась канонада. Голицын решил начать штурм. На правый фланг защитников крепости выслал части Фреймана. Навстречу ему Пугачев направил отряд с семью орудиями. Они губительным огнем поражали врага. Стремительная контратака пугачевцев расстроила ряды солдат, которым они кричали:

— Братцы-солдаты! Что вы делаете? Вы идете драться и убивать свою братию христиан. Мы защищаем истинного своего государя императора Петра III. Он здесь в крепости сам находится!

Но к Фрейману подошла помощь — батальон князя Долгорукова, и они перешли в наступление. К повстанцам тоже подходили из крепости новые силы. Бой разгорелся с еще большим ожесточением. Голицын ввел в действие почти все свои силы. В течение трех часов горячее сражение продолжалось с переменным успехом. У Голицына оставался в резерве один только сводный батальон гвардии капитан-поручика Толстого, и он решил ввести в бой и его. Все части карателей ударили в лоб и во фланг повстанцам. В то же время четыре эскадрона и две роты, посланные Мансуровым, заняли дороги на Оренбург и Илек, отрезая пути отступления.

Обходные маневры врага заметили предводители повстанцев. Обстановка усложнялась. Овчинников обратился к Пугачеву:

— Уезжай, батюшка, чтобы тебя не захватили, а дорога пока свободна и войсками не занята.

— Ну, хорошо, поеду. Но и вы, смотрите же: коли можно будет стоять, так постойте; а коли горячо будут войска приступать, так и вы бегите, чтобы не попасть в руки.

В сопровождении четырех людей Пугачев поскакал в Берду. За ним гнались чугуевские казаки, но не догнали — «у него и его товарищей, — как потом показал Пугачев, — кони были самые хорошие...».

Каратели одолевали. Скоро они ворвались в Татищеву. Сражение продолжалось в крепости. На Илецкой дороге Бибиков тоже «имел в то время сильный бой... с множеством вышедшей из крепости пехоты и конницы». Восставшие сопротивлялись отчаянно. Но потерпели в конце концов решительное поражение.

Бой продолжался шесть часов. «Дело столь важно было, — доносил Голицын, — что я не ожидал таковой дерзости и распоряжения в таковых непросвещенных людях в военном ремесле, как есть сии побежденные бунтовщики». Его части 11 верст преследовали бежавших пугачевцев. Их потери были очень велики — в крепости насчитали 1315 убитых, вокруг нее, по дорогам, лесам и сугробам, — еще 1180 человек. В плен попало около 4 тысяч человек. Повстанческое войско, сосредоточенное в Татищевой, по существу, перестало существовать. Все 36 орудий оказались в руках победителей, потерявших 141 человека убитыми и 516 ранеными, всего чуть более шести с половиной сотен человек, то есть в десять раз меньше повстанцев. Подобные же пропорции в потерях (1 : 10, 1 : 20, 1 : 50 и т. д.) характерны и для других сражений во время наступления карателей.

Некоторым повстанцам, конечно, удалось спастись. Овчинников, например, с частью сил ушел в Илецкий городок. Другие сумели укрыться по окрестным местам. Но поражение было полным.

Главнокомандующий карательных войск, узнав о победе Голицына, вздохнул с облегчением: «То-то жернов с сердца свалился!» (в письме к жене 26 марта). На генералов-победителей, по представлению Бибикова, посылались милости императрицы — кому чины и ордена, кому имения и «не в зачет третное жалованье».

Но их расчеты на то, что после этой победы с восстанием почти уже покончено, были явно преждевременными. Бибиков в письме Волконскому 28 марта выражал уверенность: «Теперь я могу почти, Ваше сиятельство, с окончанием всех беспокойств поздравить, ибо одно только главнейшее затруднение и было, но оно теперь преодолено; и мы будем час от часу ближе к тишине и покою».

Московский главнокомандующий пошел еще дальше. 4 апреля в письме к императрице он сообщает: «Я, будучи через уведомление от Бибикова обрадован, что злодей-Пугачев с его воровскою толпой князем Голицыным совершенно разбит и что сие внутреннее беспокойство (которое столь много Ваше милосердное матерно сердце трогало) к концу почти пришло, приношу всенижайшее и всеусерднейшее поздравление».

Властям казалось, что после боя у Татищевой осталось только арестовать Пугачева, и все будет в порядке. Они принимали соответствующие меры — курьеры и команды появились по Волге и Иргизу, чтобы хватать беглых повстанцев, в том числе и Пугачева. Но в Берду оставалось еще много людей — больше, чем в Татищевой; главное же — повсюду народные низы сочувствовали «императору», готовы были пойти за ним.

Поздно вечером 22 марта, в день поражения под Татищевой, Пугачев прискакал в Берду. Тут же, опасаясь преследования со стороны Голицына или вылазки из Оренбурга, приказал сменить караулы. Место солдат и крестьян заняли яицкие казаки, как люди более опытные. Караульные недоумевали:

— Что за чудо, что нас вменяют не вовремя и гонят целыми толпами в Берду?

Обращались к командирам, а те в Военную коллегию. Явился туда и Хлопуша, который тоже был в растерянности. Но писарь Васильев, сидевший в коллегии, ничего толком ему не

сказал:

— Тебе что за нужда? Знал бы ты свое дело да лежал бы на своем месте!

Хлопуша пошел к Творогову. По дороге его еще больше удивило то, что некоторые казаки, яицкие и илецкие, готовят возы, укладывают на них вещи.

— Что это значит?

— А это те казаки, — отвечал ему Творогов, пряча глаза, — что приехали из своих мест за хлебом и теперь собираются домой. Я с ними жену свою отпускаю. А ты поди и распусти свою команду.

Соколов пошел исполнять приказание. Между тем в лагере нарастало беспокойство. Некоторые из яицких казаков начали подумывать о том, чтобы спасти свою жизнь, — ясно было, что каратели вот-вот придут в Бер-ду, и начнутся аресты и казни. Впору было, как им казалось, подумать и о себе. Начал Григорий Бородин, племянник яицкого войскового старшины Мартемьяна Бородина. Он оказался, как это ни странно, среди пугачевцев в Бердце, затем под Татищевой, откуда после поражения прискакал с Пугачевым. В тот же вечер он пришел к Шигаеву, у которого сидел Федор Чумаков. Их и начал склонять к измене Бородин:

— Я поеду в Оренбург и там расскажу. А между тем не можно ли его (Пугачева. — *В. Б.*) связать?

— Поезжай и предстательствуй за нас всех, чтобы помиловали, а мы постараемся его связать.

Как видно, некоторые из казаков, пошедших за Пугачевым, готовы были выдать его, как только над ними нависла серьезная опасность. Смотрели они на подобные вещи довольно просто. Как мы не раз могли убедиться выше, многие представители правительственного лагеря делали то же самое, когда дело доходило до виселицы, — переходили на сторону Пугачева. Конечно, не все. Но и среди пугачевцев далеко не все так легко шли на измену — многие и многие сражались до конца, умирали в сражениях и застенках, оставались верными Пугачеву.

Шигаева смущало, что их, заговорщиков, мало:

— Как нам это одним делать можно! Хорошо, есть ли бы много нас согласилось.

— Уже четыре человека знают, — заверил Бородин. — Я с ними говорил.

— Так поезжай и уговаривай других.

Григорий, переговорив еще кое с кем, уехал в Оренбург. Но на следующий день все стало известно Пугачеву — некоторые из тех, с кем вел переговоры Бородин (в том числе старшины), рассказали ему обо всем. Разгневанный Емельян приказал немедленно его повесить, но того и след простыл.

Тогда же, 23 марта, рано утром, у Пугачева собрались ближайшие сподвижники — Шигаев, Витошнов, Чумаков, Творогов, Падуров, Коновалов. Он рассказал им, ничего не скрывая, о тяжком поражении. Обвел всех глазами:

— Что делать? Как вы рассудите, детушки: куда нам теперь идти?

— Мы, — растерянно отвечали они, — не знаем.

— Я думаю, что нам способно теперь пробраться степью, через Переволоцкую крепость, в Яицкий городок. Там, взяв крепость, можем укрепиться и защищаться от поиска войск.

— Власть ваша! Куда хотите. А куда вы, туда и мы.

— Поедем лучше, Ваше величество, — сказал Творогов, — под Уфу к графу Чернышеву. А если там не удастся, то будем близко Башкирии и там можем найти спасение.

— Не лучше ли, — продолжал настаивать Пугачев, — нам убираться на Яик, ибо там близко Гурьев городок, в коем еще много хлеба оставлено, и город весьма крепок.

— Пойдем, — поддержал его Шигаев, — в обход но Яик через Сорочинскую крепость.

Решив так, стали искать провожатого. Пугачев послал за Хлопушей. Когда тот вошел во «дворец», спросил его:

— Ты шатался много по степям, так не знаешь ли дороги Общим Сыртом, чтобы

пройти на Яик?

— Этого тракта я не знаю.

— Тут есть хутора Тимофея Падурова, — заметил Творогов, — и он должен знать дорогу.

По тот, ссылаясь на зимнее время, отказался — как, мол, в такую снежную пору найдешь дорогу? Но Пугачев упрашивал:

— Ты здешний житель. Сыщи ты мне такого жоака, который бы знал здешние места.

— Вчера приехал оттуда казак Репин и сказывал, что там дорога есть.

Репина разыскали и приказали вести войско. Но в него включили далеко не всех, а только «доброконных». Остальным же, в большинстве плохо вооруженным крестьянам, другим людям, то есть пехоте (а таких набралось в Берде уже 20—25 тысяч человек!), Пугачев приказал расходиться — «кто куда хочет». Так казаки, Пугачев в том числе, смотрели на «мужиков» — в военном деле, особенно в такой чрезвычайной обстановке, которая сложилась в те дни, они были неопытны, малоподвижны. Уходить же от карателей можно было только с конницей.

Шигаев начал по приказу Пугачева раздавать деньги из казны. Едва только открыли бочки с вином, началась свалка, и Пугачев приказал выбивать днища из бочек — вино потекло рекой по улицам. Многие укладывали пожитки на возы, по слободе во все стороны двигались люди. Некоторые, следуя примеру Бородина, бежали в Оренбург. Но караульные задерживали их, и «тут, по словам Хлопуши, кто вознамерился бежать, множество переколото».

Пугачев с двумя тысячами человек и 10 пушками вышел из Берды, оставив в ней все припасы, остальные пушки, провиант, деньги. Направились к Переволоцкой. А из слободы расходились в разные стороны повстанцы, многие (до 5 тысяч) явились с повинной в Оренбург. После полудня 23 марта в слободу прибыла 8-я легкая полевая команда секунд-майора Зубова (600 человек) из Оренбурга. Ее сопровождала огромная толпа оренбургских обывателей — они шли сюда в первую очередь в поисках продовольствия. В руки властен попало до 50 орудий с припасами, 17 бочек медных денег. Городские жители тащили все, что под руку попадет, — продовольствие, имущество. В Оренбурге быстро понизились цены на хлеб. Утром 24 марта Рейнсдорп принимал уже посланца Голицына с известием о победе над Пугачевым под Татищевой. Затем привезли пленного Хлопушу. Отпущенный Пугачевым, он решил проводить в Сакмару жену и сына. По дороге туда заехал в Каргалу. Встретил здесь полковника Мусу Алеева, спросил его:

— Поедешь ли за Пугачевым?

— Видишь, брат, дело паше худо. И ты собирайся куда глаза глядят. А я своего полка не пустил ни одного татарина, и все они дома.

Каргалинские татары, как и многие другие, колебались, думали о том, как избежать наказания. Местный старшина, узнав о Хлопуше, арестовал его и отправил к губернатору; жену и сына оставил в слободе.

Шестимесячная осада Оренбурга закончилась. Императрица освободила его жителей на два года от подушной подати, на нужды города велела оставить годовой сбор от откупа. Рейнсдорп же получил орден святого Александра Невского и 15 тысяч «на покупку лент и звезд».

Пугачев с остатками войска двигался к Переволоцкой, через которую шли дороги из Яицкого и Илецкого городков. Голицын, узнав о движении восставших, приказал войскам занять эту и соседние крепости в верховьях реки Самары, на запад от Оренбурга. Это и было сделано.

Пугачев в ночь на 24 марта остановился на хуторе казака Репина, своего провожатого. Утром пошли к хутору Углицкого. Но на подходе к нему увидели человек 30 лыжников — это была разведка подполковника Бедряги. Пугачев понял, что путь перекрыт:

— Нет, детушки, нельзя нам тут прорваться. Видно, и тут много войска. Опасно, чтобы не пропасть нам всем.

Повернули назад, бросив три пушки. Предводитель пытался ободрить приунывших товарищей:

— Когда нам в здешнем краю не удастся, то мы пойдем прямо в Петербург, и я надеюсь, что Павел Петрович нас встретит.

К вечеру вернулись на хутор Репина. Кругом горы и снега. Со всех сторон маячили лыжники противника. Всем было не по себе. Пугачев опять обратился к Шигаеву и другим спутникам:

— Теперь куда пойдем?

— Пойдем в Каргалу, а из Каргалы в Сакмару.

— Ну, хорошо, а из Сакмары-то куда?

— Пойдем на Яик, а с Яика на Гурьев городок и там возьмем провианта.

— Да можно ли отсидеться в Гурьеве, когда придут войска?

— Отсидеться долго нельзя.

Казак Яков Антипов предложил:

— Мы из Гурьева городка пойдем к Золотой мечети.

— Кто же нас туда проведет?

— У нас есть такой человек, который там бывал.

— Я бы вас провел на Кубань, — Пугачев вспомнил свой старый план, — да теперь как пройдешь? Крепости, мимо коих идти надобно, заняты; в степи снега, то как пройти?!

В обсуждение вопроса, важного для всех, включился Кинзя Арсланов:

— Куда вы, государь, нас теперь ведете и что намерены предпринять? Для чего вы у нас не спрашиваете совет?

— Я намерен идти теперь в Каргалу или в Сакмарский городок, пробить там до весны; а как хорошее время наступит, то пойду на Воскресенские Твердышева заводы.

— Если Вы туда придете, так я Вам там через десять дней хоть десять тысяч своих башкир поставлю.

— Очень хорошо!

Все приняли такой вариант дальнейшего похода. Разговор этот показывает, что Пугачев и его ближайшее окружение в растерянности перебирали все возможности, хватаясь то за одну, то за другую, точно так же их отвергая, поскольку понимали нереальность большинства планов, силу врага, окружавшего повстанцев со всех сторон. В конце концов сошлись на Башкирию, на уральских заводах, где их ждал простой парод, готовый подняться на борьбу.

Пугачев снова энергично распоряжается — послать воззвание к башкирам, письмо к Голицыну. Генерала призывают подумать — с кем он воюет, с самим же «императором», а ведь его, Голицына, отец и дед верно служили его, «государя», предкам! Делается это, конечно, с целью подбодрить соратников, приунывших в последние дни.

26 марта Пугачев вошел в Каргалинскую слободу, которую, как и Сакмару, Рейндорп не догадался занять военными командами, а ограничился тем, что поставил наблюдательные посты. В Каргале освободили из погребов всех повстанцев, посаженных туда местными старшинами, а их самих казнили. Пробыл здесь Пугачев не более часа. Оставив отряд в 500 человек во главе с Т. Мясниковым, пошел к Сакмарскому городку. Так как не хватало продовольствия, Пугачев послал отряд Творогова (от 800 до 1 тысячи человек) в Берду, и он, ворвавшись в слободу, взял все, что нужно, захватил в плен команду из Оренбурга и вернулся обратно. Творогов сообщил, что в Берду вступают войска из Оренбурга. На самом деле это были передовые части войска Голицына. Их возглавлял полковник Хорват. Сам Голицын тоже шел сюда из Татищевой, в которой оставил генерала Мансурова с частями для наблюдения — чтобы Пугачев не пробрался к Яику. Потом Мансурову приказал идти к Илецкому и Яицкому городкам.

30 марта Голицын, находясь уже в Чернореченской крепости, недалеко от Оренбурга и Сакмары, получил рапорт Хорвата: много «отчаянной сволочи» скопилось в Каргале и Сакмарском городке. К Пугачеву, действительно, собралось немало новых людей — 2

тысячи башкир и др. Силы его снова увеличились до 4—5 тысяч человек. У него было много провианта и фуража.

Голицын на следующий день перешел в Берду. Побывал в Оренбурге и, взяв здесь подкрепление, вернулся в слободу. 1 апреля, в два часа утра, вышел из нее. При подходе к Каргале оказалось, что там собрались основные силы Пугачева. Повстанцы заняли удобные позиции среди гор, рвов, дефиле²⁰. По дороге, которая вела к слободе, выставили семь орудий. Но решительная атака батальонов Толстого и Аршеневского выбила повстанцев с их позиций, и они начали отступление к реке Сакмару. Посланный Голицыным отряд Хорвата не сумел их остановить. Они подошли к пильной мельнице между Каргалой и Сакмарским городком, и здесь каратели, пустив в ход орудия, окончательно их разбили — преследуя восемь верст, гусары на плечах отступавших ворвались в Сакмару. Повстанцы рассеялись в разные стороны. Многие попали в плен (более 2,8 тысячи человек), среди них — Витошнов, Почиталин, Горшков, Падуров. Погибло до 400 человек. В руки карателей попали весь обоз, провиант, фураж. Они же имели только 8 человек раненых.

Пугачев бежал с сотней казаков, яицких и илецких, сотней заводских работников и 300 башкир и татар; всего с ним было 500 человек. «Не кормя, во всю прыть» доскакали до Тимашевой слободы, покормили лошадей. Поскакали дальше, «и, приехав в Ташлу, ночевали».

Пугачев решил идти в Башкирию. На Яик путь был закрыт. Корпус генерала Мансурова в это время двигался из Татищевой к Яицкому городку, занимая по пути без боя крепости. 15 апреля на реке Быковке он разбил Овчинникова и Перфильева с 500 казаками и 50 калмыками. Повстанцы потеряли 100 человек убитыми, некоторые попали в плен, другие прибежали в городок. Здесь на круге казаки, чтобы спасти себя, решили связать Каргина, Толкачева и семерых других активных деятелей восстания. С тем и пришли к Симонову, прося о помиловании. К дому Устины поставили караул. Многие казаки бежали в степь. Это сделали еще раньше, после поражения на Быковке, и Овчинников с Перфильевым, догнавшие потом Пугачева у Магнитной крепости.

16 апреля Мансуров вошел в Яицкий городок. Начались аресты. Военные команды «очищали» окрестности, прежде всего дороги, от «мятежников». 1 мая отряд подполковника Кандаурова занял Гурьев. Тем самым Яик почти на всем его протяжении каратели «освободили» от восставших.

На главных командиров вскоре посыпались награды. Правда, 9 апреля в Кичуевском фельдшанце умер от лихорадки главнокомандующий А.И. Бибиков. Но к месту сражений с Пугачевым прибывали новые генералы, и замена скоро нашлась. Это было для властей тем более необходимо, что восстание вопреки их уверенности вскоре разгорелось с новой силой.

По Башкирии и Уралу. Взятие Казани

Вместо Бибикова главнокомандующим императрица назначила генерал-поручика князя Щербатова, как старшего из оставшихся в крае военачальников. Исходя из того, что Пугачев разбит и осталось переловить только мелкие «шайки» пугачевцев, ему не дали такие широкие полномочия, как предшественнику. Вручили командование над войсками, усмирение же населения, все административные дела отдали в распоряжение губернаторов. Екатерина требовала от Щербатова держать с ними связь, помогать им в случае нужды (а они должны помогать ему), главное же — продолжать «неусыпно поражение и преследование бунтовщиков, вооруженно воюющих», «приводить в повиновение отложившуюся чернь», требовать от башкир выдачи Пугачева, «изъясняя им всю гнусность его злодейства и жестокость праведной им от законов мести, если они его укрывать станут или же из своих рук упустят и не возвратятся добровольно в повиновение монаршей нашей власти...».

---

²⁰ Дефиле — узкий проход между горами, холмами.

Щербатов, как и Бибиков, был опытным боевым генералом. Во время Семилетней войны участвовал в сражениях при Цорндорфе, Пальцихе и Франкфурте; в ходе первой русско-турецкой войны — во взятии крепости Бендеры. В 1771 году, когда русские войска вступили в Крым, его корпус штурмом взял крепость Арабат, затем занял Керчь, Еникале.

Поскольку уже в начале апреля скопилось большое число арестованных повстанцев (в Казани — 169, в Оренбурге — 4,7 тысячи), вместо одной секретной комиссии (в Казани) сделали две (еще в Оренбурге, куда из Казани приехали Лунин и Маврин).

Когда новый главнокомандующий вступил в должность, разные отряды и команды подчиненных ему офицеров занимались вылавливанием пугачевцев и их партий. В районе Самарской линии они несколько раз оббили попытки калмыков перейти реку Самару и уйти в Башкирию на соединение с Пугачевым. 23 мая на реке Грязнухе подпоручик Банков разгромил отряд калмыков Ф.И. Дербетева; в плен попало около 200 человек, предводитель вскоре умер от раны.

Особый отряд Берглина, посланный из Казани, занял Осу, разогнал «толпу» башкир около села Крыдова на реке Тулве. Между Кунгуром и Красноуфимском отряд подполковника Папова старался предотвратить новые волнения местных жителей.

Вдогонку за Пугачевым генерал Голицын послал из Сакмарского городка два отряда: генерала Фреймана — по Уфимской дороге, подполковника Аршеневского — по Ново-Московской дороге. Генерал Станиславский и полковник Ступишин должны были преградить путь Пугачеву в верховьях Яика, у Верхне-Яицкой крепости. Следить за действиями Пугачева приказали также бригадиру Фейервару, коменданту Троицкой крепости (восточнее Верхне-Яицкой, на реке Уй), и майору Гагрину, находившемуся у Челябинска (севернее Троицкой). Михельсону, который находился в Уфе, генерал приказал скорее выступить на восток, тоже против Пугачева. Но весенний разлив рек задержал Михельсона в Уфе, Фреймана — в Табынске, где к нему присоединился Аршеневский.

Голицын стягивал к Оренбургу новые силы из Самары (пять эскадронов Бахмутского гусарского полка во главе с майором Шевичем), с реки Медведицы (500 донских казаков полковника Денисова). Мансурову приказал расставить посты по Яику от Татищевой до Гурьева. Полковник Шепелев с отрядом в 600 человек должен был идти из деревни Дюсметевой к Стерлитамакской пристани и установить связь с Фрейманом.

Эти и другие отряды карателей, преодолевая весеннее бездорожье, шли по своим направлениям. Зачастую их командиры не знали местонахождение не только Пугачева, но и своих коллег — командиров других правительственных отрядов.

Между тем Пугачев, казалось бы, по представлению властей, разбитый окончательно, быстро восстановил свои силы. После ночевки в селе Ташлы он прошел село Красную Мечеть и вступил в Вознесенский завод. Он шел на северо-восток от Оренбурга, к заводам Южного Урала, а не на север, к Уфе, где после поражения Зарубина расположились каратели Михельсона. Здесь, на заводе, который и до прихода Пугачева был на стороне восставших, его встретили с почетом — хлебом и солью. Через два дня Пугачев вышел к Авзяно-Петровским заводам. Все жители, в том числе священники с образами, стояли по обеим сторонам улицы, приветствуя «государя». На этих и соседних заводах в войско Пугачева вступило до 500 заводских крестьян, из которых он сформировал особый Авзяно-Петровский полк. Будучи еще на Вознесенском заводе, воссоздал, хотя и не в прежнем численном составе, Военную коллегия — секретарем назначил казака Ивана Шундеева, опытным — Григория Туманова. Они и составили новые пугачевские указы о наборе и присылке вооруженных людей к Пугачеву. Адресовали их к башкирским старшинам и заводским жителям. На башкирский язык переводил Туманов. Подписывал указы Иван Творогов, к ним прикладывали печать с изображением и титулом «Петра III». Указы пугачевские гонцы повезли также в район Челябины и Чебаркуля — население обязали готовить печеный хлеб, фураж для «персонального шествия его величества с армиею». Как показывал впоследствии Творогов, «по тем указам старшины и заводские прикащики давали людей охотно». Причина этого была простой — население с восторгом встречало призывы Пугачева, готово было ему

помочь всем, чем могло.

12 апреля Пугачев вышел из Авзяно-Петровского завода и вскоре оказался на Белорецком заводе, в верховьях реки Белой. В Авзянский полк влилось еще 300 заводских крестьян. Полковником Пугачев назначил Загуменова (Загуменного) — крестьянина Авзянского же завода. В это время к Пугачеву спешил Белобородов. Разбитый под Екатеринбургом, он пришел в село Верхние Киги, между названным городом и Уфой. По пути он встретил эмиссаров Пугачева с указами. Развив энергичную деятельность, собрал новый отряд. Людей в него призывали мещеряк Бахтиар Канкаев и несколько башкирских старшин. Местом их сбора Белобородов назначил Саткинский завод. Об этом он писал в ордере от 16 апреля сотнику Кузьме Коновалову, отряд которого находился в Кунгурском уезде; добавил при этом: «...И батюшка наш великий государь Петр Федорович изволит следовать в здешние края».

О том, где находился Пугачев, у воинских начальников были самые разные сведения: Щербатову сообщили слух, что он идет с башкирами за Урал; Деколонгу — о его прибытии в Усть-Уйскую крепость (при впадении реки Уй в реку Тобол); Михельсону — на Авзяно-Петровские заводы. Деколонг откровенно трусил, считая пугачевские силы «отважными и отчаянными», готовыми к «могучему» стремлению против его отряда. Он присоединил к нему военную часть, шедшую к Екатеринбург. Требовал срочной помощи от Гагрин из Челябин, но того столь же срочно и трусливо вызывал на помощь в Екатеринбург полковник Бибииков. В конце концов майор с отрядом в 861 человек пошел к Деколонгу, прибывшему в Верхне-Яицкую крепость.

На Белорецком заводе Пугачев пробыл несколько недель. Его посланцы с указами по всей Башкирии поднимают ее жителей на борьбу. Последние не слушали увещания Щербатова. Башкиры в нескольких местах собирались на совещания — их ознакомили с щербатовским увещанием и пугачевскими воззваниями. Сторонники восстания говорили о неправильных действиях, жестокостях центральных и местных властей. Все присутствующие и без того хорошо это понимали и знали — многое происходило на их глазах. Совсем недавно, в марте, поймали в Карагайской крепости одного башкира. Полковник фон Фок приказал отрезать ему нос, уши и все пальцы на правой руке, а потом пустить на волю «для воздержания товарищей»: иначе-де и все другие «жестокой казни не минуют». Так же каратели поступали со многими русскими крестьянами и работными людьми, казаками и солдатами, с татарами и калмыками, короче говоря — с теми, кто выступал против гнета и притеснений, вне зависимости от национальности, веры, пола. Здесь же, на совещаниях, упоминались некоторые воззвания местных командиров, наполненные угрозами. В одном из них, разосланном от имени коменданта Верхне-Яицкой дистанции полковника Ступишина, его составитель спорит с пугачевскими манифестами: Пугачев «якобы великие милости обещает, и будете вы якобы жить без закона, как звери в поле. Я вам говорю: тому не верьте и никаких милостей от вора не ждите». Не ограничиваясь напоминаниями о долге и присяге, комендант угрожает, что в случае «шалости» башкир «тотчас на вас со всею моею командою из Верхне-Яицкой, Магниткой, Карагайской и Кизильской крепостей пойду и с пушками, и тогда вы не ждите пощады: буду вас казнить, вешать за ноги и за ребра, дома ваши, хлеб и сено подожгу и скот истреблю. Слышите ли? Если слышите, то бойтесь — я не люблю ни лгать, ни шутить. Вы меня знаете, и я вас очень хорошо знаю». Далее упоминается «башкирец Зеутфундинка Мусин», пойманный около Верхне-Яицкой «с воровскими татарскими письмами от злодеев»; те письма публично сожжены. «А тому вору-башкирцу велел я отрезать нос и уши и к вам, вора, с сим листом от меня посылаю». То же комендант обещает сделать и с другими, которые «с такими письмами» будут пойманы («велю пытаться накрепко, а также нос и уши отрежу; знайте же то, вору, и ужасайтесь!»). Даже за ложное изъявление покорности грозила смертная казнь «по великом истязании».

Подобные угрозы властей, их действия, несправедливые, жестокие и беспощадные, вызывали, естественно, сопротивление — появление многих повстанческих отрядов, их

слияние с войском Пугачева. Оно уже на Белорецком заводе дошло до 4—5 тысяч человек; в основном это были плохо вооруженные башкиры. Пугачев решил идти на крепости Верхне-Яицкой линии. Поскольку в Верхне-Яицкой крепости стоял сильный гарнизон, направились к Магнитной. Туда же велено было прибыть Белобородову и башкирским старшинам. Военная коллегия 2 мая, перед самым уходом войска с завода (прибыло оно сюда 13 апреля), послала указ, в котором Белобородову (он шел в Кундравинскую слободу) «наистрожайше определяется с получения сего тот самый час выступить и секурсировать под Магнитную к его величеству в армию с имеющеюся при тебе артиллериею. И по сему его величества указу чинить неупустительное исполнение, не подвергая себя неупустительному штрафу. Его величество из Белорецкой сего числа выступил и шествует в Магнитную».

Василий Михайловский, главный «интендант» войска, составил расписание заготовки провианта и фуража на пути к Челябинску, куда, по всей видимости, и намеревался идти Пугачев. Военная коллегия формировала отряды, готовила все для продолжения похода.

Перед отходом Белорецкий завод Пугачев приказал сжечь. То же делали по его распоряжению по всему Южному Уралу. Если раньше, в пору осады Оренбурга, заводы были базой его главной армии и их не трогали, более того — охраняли, то теперь обстановка изменилась. Здесь появились правительственные отряды, и нельзя было допустить, чтобы заводы стали их опорой.

Белобородов собирал новые силы на заводах, опираясь на один из них — Саткинский. Симский завод, построенный в родных местах Салавата Юлаева, стал базой действий его отряда; Кыштымские и Каслинский — отряды Грязнова и т. д. В отряды со всех сторон шли крестьяне и заводские работники, русские люди и башкиры. После некоторого спада движения в апреле, в связи с поражениями под Оренбургом и Уфой, в мае начинается новый подъем.

Местные власти, военные начальники ошибались, полагая, что восстание вот-вот совсем затухнет. Щербатов в письме от 20 апреля Кречетникову, астраханскому губернатору, утверждал, что Пугачев, находясь в Башкирии, «перебегает из одного места в другое», «стережется он от всех сторон воинскими командами, дабы ни к стороне Яика пробраться не мог, ниже вскочить внутрь Башкирии». Уфимская провинция, по его словам, почти полностью приведена в повиновение; башкиры идут к Михельсону с повинной, а их старшины обещают содействие в борьбе со «злодейскими зборищами» и поимке «самого злодея». Действительное положение вещей было далеко от картины, нарисованной главнокомандующим. Правда, многие изъявляли покорность, в первую очередь — старшины. Но не все так поступали, особенно из простого народа. Новые и новые башкирские отряды из нескольких сот, а то и тысяч человек становились под знамя Пугачева; да и немало старшин делали то же самое. Пример Салавата Юлаева и его отца Юлая Азналина особенно красноречив. Так же поступали и другие. Даже те, кто заявлял о покорности, не всегда делали это добровольно. Качкин Самаров после поражения под Уфой пришел к Фрейману и просил «разрешить ему усилить свою команду, обещав Фрейману, что он с этой командой будет преследовать врага отечества Пугачева, куда бы он ни бежал». Но, вернувшись «в свою волость», начал собирать людей для борьбы не с Пугачевым, а с карателями. В воззвании к башкирам, татарам, мишарям он сообщал, что «от нашего... государя императора Петра Федоровича» получил «высочайшие указы... о безжалостном уничтожении врагов его величества».

Со всех «дорог» Башкирии власти получали известия о новых волнениях местного населения, их выступлениях против карателей, желании «присовокупиться... к Пугачеву». Какие-то неопознанные отряды появились под Уфой; от Осы до Красноуфимска стал невозможен «свободный проезд». В карательные отряды жители не идут — «обыватели делаются послушными и в поход не выступают». Если же Пугачев «требовал людей и лошадей, все оное было ему давано вскорости». Щербатов в эти майские дни дает уже иную оценку положению в Башкирии — «езде жители единодушно и с усердием» готовы Пугачеву «воспомоществовать». Сенат на основании рапорта Рейнсдорпа заключил, что «тот

злодей нашел способ башкирский народ вяще поколебать», и он «тотчас попустился в генеральный бунт, от коего такой распространился огонь, что как по линии, так и внутри губернии неопишутые злодейства причинены».

Особенно решительно воевал отряд Салавата Юлаева. В нем весной было до одной тысячи человек. Захватив Симский завод, он запретил разорять заводские строения, но сжег контору, лавки, кабаки, документы. Местных крестьян от имени «императора Петра III» освободил от крепостной зависимости, объявив об их зачислении в казаки. Они в немалом числе вступили в его отряд. После двухдневного штурма, преодолев сопротивление двухтысячного отряда, Салават захватил Катав-Ивановский завод. Затем вернулся на Симский (2 мая). Его силы насчитывали уже до 3 тысяч человек — башкир и заводских работников, хотя карателям, которых испугали действия юлаевского отряда, мерещилось, что в нем не менее 10 тысяч человек! Важно отметить, что Салават и его отец старались наладить сотрудничество между башкирами и русскими, не допускали антирусских действий. Обращаясь к местным жителям, убеждали их, что башкирам и русским не нужно спорить и враждовать; они должны бороться с общим врагом — заводчиками, помещиками, чиновниками.

В районе Ногайской дороги активные действия вел отряд Караия Муратова, сотника Бурзянской волости и пугачевского полковника. С ним вместе были Канзафар Усаев, Кусяпкул Азятев. Муратов воевал в районе Ново-Московской дороги, вместе со ставропольскими калмыками — у Стерлитамакской пристани.

В том же мае месяце повстанческие предводители решительно громят заводы Южного Урала. По словам Салавата, «... в мае месяце... Пугачев прислал на имя отца моего и мое да и протчих письменное повеление с тем, чтоб нам все заводы выжечь; а естли того не учиним, то страшал нас искоренением». То же позднее, на допросе, сказал и его отец Юлай. Подобное распоряжение Пугачев разослал, покидая Белорецкий завод, то есть в начале мая. Заводы к тому времени истощили свои запасы. Повстанцы в них не могли теперь задерживаться на более или менее долгое время; со всех сторон двигались отряды карателей: с запада, со стороны Уфы, к Симскому и Саткипскому заводам — Михельсон; с юго-запада — Фрейман; с северо-востока, от Шадринска — Деколонт; к востоку, в крепостях по верхним Яику и Ую, располагались правительственные гарнизоны.

Отряды восставших, чтобы затруднить положение карателей, разрушают мосты, заводы. На первых порах заводские жители им помогали. Но вскоре, по мере того, как повстанцы, особенно башкиры, стали подчистую сжигать и разорять заводы, они меняют к ним свое отношение. Конечно, башкиры, и это понятно, издавна испытывали вполне определенные чувства ненависти к заводам и заводчикам, помещикам, которые захватывали их земли, переселяли сюда своих крестьян, строили заводы. Но стихия разрушений, начавшая бушевать после пугачевских распоряжений, с неизбежностью приводила к нарушению жизненных интересов многих заводских работников — для них работа на заводе давно стала единственным источником существования. Все это приводило к трениям, росту противоречий, насилий, недовольства, осложняло дело восстания, позиции его предводителей, самого Пугачева.

Обстановка, в которой приходилось Пугачеву и повстанцам бороться на втором этапе движения, изменилась весьма заметно. Раньше, находясь под Оренбургом и Яицким городком, Уфой и Челябинском, они действовали в условиях отсутствия значительных карательных сил, могли проявлять собственную инициативу. Теперь же, когда каратели теснили со всех сторон, Пугачев и его атаманы не могли надолго задерживаться где-либо, переходили с места на место, появлялись то тут, то там, стараясь избежать ловушки, поджидавшие на каждом шагу.

5 мая Пугачев с пятитысячным отрядом, без артиллерии, подошел к Магнитной. Ее гарнизон имел всего 100 человек, но при этом 10 орудий. Он отбивал все атаки восставших. В ночь на 6 мая в крепости взорвались пороховые ящики — вероятно, постарался кто-то из осажденных, чтобы помочь пугачевцам, и они в три часа ночи ворвались в крепость.

Пугачева легко ранили в руку во время дневного штурма. Хотя победа была одержана над немногочисленным противником, повстанцы были ей очень рады — все-таки после тяжелых поражений конца марта — начала апреля удалось штурмом взять крепость. К тому же на следующий день к ней подошел отряд Овчинникова и Перфильева, целый почти месяц догонявший Пугачева. В повстанческое войско влились 300 казаков и 200 заводских крестьян. Прошел еще день, и вблизи крепости показался отряд Белобородова в 700 человек. Шел он стройно, в строгом порядке. Подойдя к Пугачеву, белобородовцы преклонили перед ним знамена. Момент получился торжественный и воодушевляющий.

В Магнитную пришел и есаул Иван Шибаев. В его отряд (300 человек) входили в основном крестьяне и работные люди Златоустовского и других заводов.

В те же дни Емельян Иванович принимал башкирских старшин. Верхованцев, свидетель приема, сообщает: «На нем была парчевая бекеш, род казацкого троюклина, сапоги красные...»

Маневр Пугачева, повернувшего с Белорецкого завода на юг — юго-восток к Магнитной, ввел в заблуждение местное начальство. Командиры крепостей, лежавших вниз по Яику, вплоть до Орской и Озерной, посчитали, что он собирается вернуться к Оренбургу, просили помощи у Голицына. Пугачев же вышел из Магнитной 8 мая и, обойдя Верхне-Яицкую крепость (атаковать ее не решился), прошел Уральскими горами, уничтожая за собой мосты, переправы, к Карагайской, Петропавловской и Степной крепостям, Подгорному и Санарскому редутам. Гарнизоны Ступишин собрал в Верхне-Яицке. Там же находился Деколонг, пришедший с отрядом из Челябинска через Троицкую и Уйскую крепости.

В крепостях Пугачев не задерживался — расправившись с местными офицерами, отправлялся дальше. 19 мая он захватил Троицкую крепость, потеряв при этом 30 человек. Здесь казнили ее коменданта бригадира де Фейервара, других офицеров, всех, кто оказывал сопротивление. Узнав, что следом за ним идет Деколонг, Пугачев вывел свое войско из крепости, расположив его в полутора верстах от нее. Оно насчитывало до 10 тысяч человек.

Деколонг был вне себя от того, что Пугачев ускользнул от него у Верхне-Троицкой. В письме генералу Ска-лону он этого не скрывал: «Сия ядовитая скорпия», то есть Пугачев, благодаря «пронырствам своим», узнав о больших силах в крепости, «мерзкий свой оборот принял по краю Уральских гор в другую сторону». Благодаря «конным силам» Пугачев ушел от погони. Но Деколонг форсированным маршем преследовал его и 21 мая, в 7 часов утра, подошел к лагерю под Троицкой.

Повстанцы встретили карателей артиллерийским огнем, затем атакой всеми силами. После некоторого первого замешательства части Деколонга перешли в контратаку, и нестройная толпа пугачевцев обратилась в бегство. Сам Пугачев едва спасся (помогла свежая лошадь) от догонявших его казаков и драгун. Отряды Гагрина и Жолотова преследовали их на нескольких верстах. Пугачев потерял до четырех тысяч убитыми, 70 пленными, огромный обоз, 28 пушек, порох. Многие разбежались. Поражение было страшным. Погибли многие активные повстанцы. В плен попали Туманов и Шундеев — секретарь и повытчик Военной коллегии.

Пугачев, ранее намеревавшийся идти к Челябине, на север от Троицкой, отказался от этого намерения, повернул на северо-запад — через Нижне-Увельскую и Кичигинскую слободы пошел к Коельской крепости и заводам Исетского ведомства. За два дня вокруг него снова собралось до двух тысяч повстанцев, прежде всего заводских крестьян. Вольнонаемный работник с Златоустовского завода Иван Трофимов, принявший имя Алексея Дубровского, из мценских купцов, стал новым секретарем Военной коллегии; повытчиком — заводской крестьянин Герасим Степанов. Далее путь Пугачева лежал к Кундравинской слободе. Но сюда подходил с запада Михельсон.

Отряд Михельсона, преодолевая бездорожье, наводя мосты, 6 мая подошел к Симскому заводу и отбросил отряд Салавата Юлаева в 500 человек, занявший ущелья между горами. В ночь с 7 на 8 мая вышел с завода в деревню Ераль. Около нее произошло сражение с

полутора тысячами повстанцев Салавата. Бой носил очень упорный характер: «Мы нашли, — писал 8 мая Михельсон в рапорте Щербатову, — такое сопротивление, какого не ожидали: злодеи, не уважая нашу атаку, прямо пошли нам навстречу. Однако, помощью божиею, по немалом от них сопротивлении были обращены в бег».

Башкирская конница Салавата вихрем налетела на карателей. Ожесточенное сражение продолжалось несколько часов. Но и здесь повстанцы потерпели поражение, потеряли 300 человек убитыми, 17 пленными, 8 пушек. Михельсон потерял 8 убитыми и 19 ранеными. Он несколько дней преследовал Салавата. Но разгромить его окончательно и взять в плен не сумел. Башкирский герой вскоре вернулся на Симский завод, взял и 23 мая, покинув, сжег его.

Через неделю Михельсон приблизился к Кундравинской слободе. Не доходя до нее, он в горах разбил еще один башкирский отряд в одну тысячу человек. Окружил его, бросив в бой пехоту и кавалерию. Башкиры, по его признанию, бросались на его солдат «с великим бешенством». Они потерпели поражение, потеряли до 300 человек, остальные разбежались. Но и Михельсон понес потери — 18 убитых, 45 раненых. Он не мог понять причины такого упорства: «Живых злодеев я едва мог получить два человека, из забежавших в озеро (спасавшихся от карателей. — В. Б.). Каждый из сих варваров кричал, что лучше хочет умереть, нежели сдаться. Я не могу понять причины жестокосердия сих народов».

Узнав в Кундравине о событиях под Троицкой и приближении Пугачева к Коельской крепости, Михельсон выступил ему навстречу. У деревни Лягушиной 22 мая повстречал до двух тысяч восставших. «Я, — писал Михельсон в рапорте 23 мая, — имел известие, что Пугачев разбит, никак себе не мог представить, чтоб сия толпа была Пугачева, а более думал, что идет корпус Деколонга, почему и послал разведать, а сам, выбрав по выходе из леса удобное место, построился к бою».

Повстанцы первыми напали на врага, бросились на орудия. Однако их копья не могли сравниться с солдатскими штыками и ружьями. Пугачев с конницей налетел на левый фланг Михельсона, смял иррегулярную «иноверческую» команду. Но одновременная контратака в разных местах привела в расстройство ряды повстанцев, и они, как это часто уже бывало, обратились в бегство. Их преследовали 15 верст. До 600 убитых, 400 пленных — таковы были их потери.

Михельсон пытался организовать окружение и захват «злодея». Но сделать это не удалось. Пугачев снова ускользнул. Пройдя Чебаркульскую крепость, он остановился на реке Миасс, простоял здесь четыре дня, собрал до двух тысяч человек, «пропустил» вперед преследователей — Михельсон, получивший известие, что предводитель на Саткинском заводе, повернул туда. 27 мая подполковник появился там, но нашел большой отряд башкир, быстро отступивший. Их преследовали 20 верст, но не догнали. Михельсон подошел к Симскому заводу, недалеко от него настиг и разбил отряд Салавата. 2 июня пришел к деревне Верхние Киги.

Здесь он снова настиг Салавата. Разгорелся бой. В разгар его в тыл карателям неожиданно ударил подошедший сюда же Пугачев, который до этого сжег Чебаркуль, Кундраву, Златоустовский и Саткинский заводы. Схватка закончилась отступлением повстанцев, потерявших опять до 400 человек (у Михельсона — 23 убитых, 16 раненых). На следующий день снова произошло сражение, опять неудачное для восставших. Правда, на этот раз отряд Михельсона с немалым трудом разбил восставших. Потом Пугачев говорил на допросе, что «Михельсон его не разбил, ни он, Емелька, Михельсону вреда не сделал, и разошлись». В словах Емельяна есть элемент преувеличения, но все же в этих сражениях его подчиненные проявили большое упорство и бесстрашие, а солдаты Михельсона к тому времени изрядно измотались, потеряли немало своих товарищей.

Потери в боях с повстанцами, наличие большого числа раненых, обоза, «великий недостаток» в боеприпасах и лошадях заставили Михельсона вернуться в Уфу. После отдыха и пополнения он планировал идти через Бирск на север, к Хлынову, наперерез Пугачеву. Но и этот план, как показали дальнейшие события, не удался. Передышку (уход Михельсона,

бездействие Фреймана и Деколонга) Пугачев и Салават, силы которых под Кичами объединились, использовали для быстрого продвижения вперед — к Каме, а потом к Волге.

Он приближался к местам, где проживали большие массы русских крестьян, и это вселяло чувства беспокойства и страха в сердца и умы дворян, администрации. Правительство, Екатерина указывали местным чиновникам, чтобы они вели себя посдержаннее, не озлобляли население в русских губерниях, а также казаков на Дону. До столицы доходили какие-то слухи, оказавшиеся, впрочем, неосновательными, о том, что Пугачев якобы послал туда нескольких местных казаков с ядом, чтобы отравить особ императорской фамилии. Об этом на допросе в Яицком городке говорил Державину Иван Мамаев (настоящее имя — Н.М. Смирнов) — участник восстания, бежавший после взятия городка на Иргиз и там пойманный. Привезенный в Петербург, он признал, что сказал ложно, боясь, что поручик Державин будет его пытаться. Однако подобные разговоры и слухи обеспокоили императрицу и ее окружение, особенно нового ее фаворита Потемкина, занявшего место Чернышева по руководству Военной коллегией. Екатерина сочла необходимым объединить две секретные комиссии в одну. Поставила во главе ее троюродного брата своего любимца — Павла Сергеевича Потемкина, срочно вызванного (как до этого и его брат) из действующей армии Румянцева и произведенного из бригадиров в генерал-майоры. Человек самонадеянный и хвастливый, он принял назначение и выехал в Казань.

К Казани вел свои силы, непрерывно обороняясь от карателей, теряя людей и снова их набирая, Пугачев. По пути он захватывал города и селения, крепости и заводы, расправлялся с теми, кто ему сопротивлялся, с народными угнетателями и обидчиками. «Государь» с войском вырвался из окружения, которое ему угрожало, и лавина повстанцев хлынула в Пермский край. Позади их, на Урале и в Башкирии, продолжали бороться многие отряды, сковывавшие силы карателей, которые иначе, не будь их, бросились бы вдогонку за Пугачевым.

Пугачевские призывы снова и снова поднимали людей, производили на них сильнейшее впечатление. В одном из указов этой поры «государь» жалуется «верноподданных» «вольности» без всякого требования в казну подушных и прочих податей и рекрутов набору, коими казна сама собою довольствоваться может, а войско наше из вольножелающих к службе нашей великое исчисление иметь будет. Сверх того, в России дворянство крестьян своих великими работами и податями отягощать не будет, понеже каждый почувствует прописанную вольность и свободу».

По Башкирии и Южному Уралу пылали заводы и крепости. Заводчики просили команды у Щербатова. Но тот резонно отвечал, что нет у него таких сил, чтобы на каждый завод послать команду; их же владельцев упрекал: «Жестокость заводчиков с своими крестьянами возбудила их ненависть против господ». Каратели в разных местах преследовали отряды восставших, но они, когда им угрожали значительные силы, уклонялись от боя, собирались в других местах, совершали новые нападения. Иногда их действия носили весьма активный характер.

Повстанческие отряды действовали в районе Табынска, Стерлитамакской пристани и во многих других местах. Везде находились люди, агитировавшие в пользу «государя», его возведения на престол всероссийский. Толковали они разное, чаще всего сообщали слухи и сведения невероятные; главное в них — ожидания и помыслы простых людей, наивные надежды на приход «государя», его приближенных, на их победу.

«Подлинно государь Петр III император восходит по-прежнему на царство, — так говорил один из подобных агитаторов, Данила Котельников, среди своих односельчан в селе Троицком. — Был он по всему государству и разведывал тайно обиды и отягощения крестьян от бояр. Хотел он три года о себе не давать знать, что жив, но не мог претерпеть народного разорения и тягости. Взяв в свое владение Оренбург, Уфу, Ново-Троицкую и

Чебаркульскую крепости, он отправил в Москву для покорения сто полков. А под Кунгур идет с полковником Белобородовым двадцать полков. Построил государь в степи пороховые и пушечные заводы, делает белый и черный порох. Белый порох сильно палит, а огоньку не дает. Пушек у государя великое множество, и поставлены оне в Ново-Троицкой крепости в шесть ярусов. Ту Ново-Троицкую крепость наименовал он Петербургом, а Чебаркуль— Москвою. Его высочество цесаревич Павел Петрович с великою княгинею Натальею Алексеевною и граф Чернышев приехали в Оренбург. Его высокопревосходительство генерал-аншеф Бибииков съехался с государем и, увидя точную его персону, весьма утрашился, принял из пуговицы крепкое зелье и умер. Полковник Белобородов прислал в Кунгур к воеводе Миллеру указ, чтобы отнюдь не воевал, почему воевода и отозвался, что более воевать не будет, за что его государыня от воеводства отрешила. Казенный Уткинский завод и город Екатеринбург не воюют, а только мутит всею здешнею стороною ассессор Башмаков, называя государя злодеем, за что государь приказал поймать и в мелкие части изрубить.

— От кого ты, — спросил его канцелярист Степан Трубников (впоследствии он и рассказал обо всем), — все это слышал?

— К степановскому мельнику писал служитель Юговского завода Гаврило Ситников, находящийся ныне при армии государя атаманом. Да и потому каждому разуметь можно, что если бы это был подлинно не государь, то давно бы полки были присланы. Теперь хотя две роты с майором и были присланы, но и те пропали без вести. Мы с часу на час ждем, чтобы быть за государем; и хотя за государыню другую присягу принимали, но не от чистосердечного своего желания, а по принуждению. Государь обещает во многих указах, что подушные деньги будут собираемы только по 70 копеек с души, как и при прежних государях было.

В рассуждениях Котельникова правда перемешана с вымыслом, фантазиями. Жители села Троицкого, слушая его, присутствовали при рождении легенды о Пугачеве, одной из многих, которые уже тогда и позднее в большом числе появлялись в народной среде. Его образ, сильно, конечно, идеализированный, поразил простых людей, благодарных ему за то, что он выступил против «обид и отягощений крестьян от бояр».

Пугачев приближался к Каме. На пути его лежали Красноуфимск, Кунгур и Оса, где ранее уже воевали повстанческие отряды, да и теперь начался новый подъем движения местных жителей. Но активизировали усилия и противники восставших. На Юговских казенных заводах, между Куягуром и Осой, ассессор Башмаков, «мутивший», по словам Котельникова, «здешнею стороною», сформировал отряд. Возглавил его унтер-шихтмейстер Яковлев; в нем собралось более 1,2 тысячи человек. На Аннинском заводе собрал отряд управитель Берглин (около 1,4 тысячи человек), на Ижевском заводе — управитель Алымов и т. д.

Отряд восставших, действовавший в районе Осы, насчитывал не более 800 человек. Это были осииские и сарапульские крестьяне, башкиры; в том числе имелись старики и малолетки — их вооружение составляли только луки и копья; ружей и турок²¹ было не более 70.

Берглин 6 апреля вступил в Осу. Около нее его отряд и отряд Яковлева несколько раз разбили повстанческие отряды, сожгли немало деревень. В районе Тулвы среди башкир вел агитацию против восстания депутат Уложенной комиссии от Гайпинской волости Токтамыш Ижбулатов. Ряд старшин отстали от движения. Но активно выступать на Стороне правительства они не решались. «Рады бы мы, — говорили Адигут Тимисев и другие старшины, — к вам приклонитца, только другие, младшая, не согласны, а особливо кунгурские татары». 23 мая, когда Ижбулатов продолжал свою деятельность, повстанцы напали на карателей Яковлева. Бой, очень упорный и ожесточенный, вели «с полудни в

---

²¹ Турка — короткий дробовик с широким дулом.

третьем часу... до самой темной зари». Несмотря на отсутствие пушек, действовали повстанцы смело и решительно. На ночь «все дороги пресекли», расположились лагерем. На следующий день, когда они возобновили атаки, Яковлев вынужден был бежать. Восставшие преследовали отряд 15 верст; «забежав вперед», они «чрез речки в трех местах мосты поломали».

Под Осой активизировал свои действия отряд С. Кузнецова. В него собрались местные башкиры, русские крестьяне из окрестных селений и работники с Рождественского, Шермяитского, Аннинского, Пыскорского заводов. 14 июня под Осой произошел ожесточенный бой повстанцев с отрядом Яковлева. Он шел с 6 до 10 часов вечера. На следующее утро Яковлев отступил в Осу. Его попытки выйти из города и перейти на Юговские заводы не увенчались успехом — восставшие блокировали город, переправу через Тулву. Башмаков сообщал в Казань, что «крестьяне все день ото дня ожидают нового себе государя..., а присягу (Екатерине II. — В. Б.), почитая за принудительную», не признают.

К Красноуфимску уже подходил Пугачев, который овладел им 10 июня. Туда собралось до трех тысяч повстанцев Белобородова. 11 июня войско Пугачева направилось к Кунгуру, против повстанцев вышел из Кунгура отряд подполковника Папова (810 человек, 4 орудия). 11 июня в восьми верстах от Красноуфимска повстанцы встретили его «сильною мелкого ружья стрельбою и держали до 6 часов». Окруженный со всех сторон, Панов построил солдат в каре²² и под непрерывным огнем восставших отступал 20 верст. 13 июня вернулся в Кунгур и запросил подкрепления.

Повстанцы после этой победы стали хозяевами положения в южной части Кунгурского уезда. Главнокомандующий был сильно обеспокоен, торопил Михельсона, которому предписал «повсюду его (Пугачева. — В. Б.) преследовать и иметь только его одного своим предметом, не допуская не только внедриться в Кунгурский уезд или обратиться в Екатеринбургское ведомство, но и усиливать себя присоединением башкирцев». Выполнить это распоряжение Михельсон не успел, так как находился в Уфе на отдыхе и пополнении. На него возлагалась властями и командованием главная надежда. Другие отряды были рассеяны по обширным районам Оренбуржья, Башкирии, Урала. Многие начальники, напуганные действиями повстанцев, боялись выйти из своих укрытий, как из нор, опасаясь в каждом отряде башкир встретить Пугачева. Щербатов отсиживался в Оренбурге, перебираться поближе к местам сражений не спешил.

Пугачев, быстро проходя по разоренным селениям и заводам Башкирии, направлялся к Осе, чтобы потом, используя отсутствие в этих местах крупных карательных сил, идти к Казани. Правда, башкиры хотели, чтобы он взял Кунгур. Пугачев и сам сначала склонялся к этому, но потом передумал:

«Хотя я и имел намерение идти в Кунгур, но, получив известие, что в подкрепление ко мне пришло в Казань 20 тысяч войска, я должен идти к ним».

Эти слова являлись не более чем отговоркой, агитационным приемом. Он и другие предводители не раз к ним прибегали, как, впрочем, и представители администрации, чтобы добиться цели, преследуемой в данный момент. В этом плане характерен также эпизод с ржевским купцом Астафием Трифоновичем Долгополовым. Произошел он в один из дней похода к Осе. Этот 49-летний человек, выглядевший лет на 60, в свое время поставлял фураж для лошадей великого князя Петра Федоровича в Ораниенбауме. Не очень удачливый в делах, купец разорился. Прослышав о событиях под Оренбургом, он решил поправить свои дела. Выправил себе паспорт, занял у купцов под векселя более двух тысяч рублей и поехал. Жене сказал, что едет недалеко, собирается-де купить хлеб и пеньку²³. Собратья же купцы услышали от него, что он собирается на Яик, чтобы закупить партию лисьего меха. Он точно

---

²² *Каре* — боевое построение в виде четырехугольника.

²³ *Пенька* — конопляное волокно.

знал о местонахождении Пугачева, да и «государь» услышал об его приближении за несколько дней до прихода к Осе. Сообщил ему об этом сын Кинзи Арсланова:

— Везут наши башкирцы по почте из Петербурга какого-то к Вашему величеству человека, который сказывается, что к вам послан от Павла Петровича.

Вскоре явился Долгополов. Одет был в коричневый купеческий зипун²⁴, на голове — черпая бархатная шапка «саратовским манером», с черным мерлушечьим²⁵ околышем. Пугачев сидел на ковре в шелковом халате. Купец низко поклонился, встал на колени.

— Кто ты и откуда приехал?

— Я города Ржева-Володимерова купец, служил при Вашем величестве и ставил овес в Рамбове (Ораниенбауме. — *В. Б.*), когда Вы были еще великим князем, но денег за 500 четвертей до сих пор не получил.

Астафий, как видно, решил сразу объявить, зачем он приехал: в обмен на «признание» Пугачева «государем» хотел получить награду, ссылаясь для видимости на то, что с ним в свое время не расплатились служители Петра Федоровича. Пугачев, конечно, понял, что происходит, и продолжал игру, начатую Долгополовым:

— Знаю, знаю. Помню, что я тебе должен.

— Я теперь в несчастьи — меня дорогою ограбили.

— Молись богу. Когда я буду счастлив, то все заплачу.

Купец вынул из кисы²⁶ подарки — черную шляпу, обшитую золотым позументом, желтые сапоги из сафьяна²⁷, перчатки, тоже шитые золотом. Преподнес их «государю»:

— Павел Петрович приказал кланяться Вашему величеству.

— Благодарствую.

Обрадованный такой неожиданной поддержкой, Пугачев открыл полы своей палатки. Около нее стояли сподвижники, «множество людей собралось в ставке, любопытствуя о причине приезда» гостя. «Император» пригласил войти Овчинникова, Перфильева, Творогова и других старшин. Они вошли, сели. Пугачев продолжил разговор при них:

— Ты зачем ко мне прислан?

— Меня, Ваше величество, прислал Павел Петрович посмотреть, подлинно ли Вы родитель его, и приказал возвратиться к себе с отповедью.

— Узнал ли ты меня?

— Как не узнать! Вы жаловали меня вот этим зипуном и шапкою! Вы, господа казаки, — Долгополов повернулся к Овчинникову и прочим, — не сомневайтесь! Он — подлинно государь Петр Федорович. Я точно его знаю.

Беседу Пугачев воспринимал с видимым удовольствием. Приказал подать вино. Пошли тосты:

— За великого государя!

— За государыню Устинью Петровну!

— За цесаревича Павла Петровича!

Пугачев, допивая последнюю чарку, спросил:

— Благополучен ли он?

— Слава богу, благополучен. Его высочество молодец и уже обручен.

— С кем?

— С Натальей Алексеевной. У меня и от нее есть Вашему величеству подарок — два

---

²⁴ *Зипун* — кафтан без стоячего воротника, иначе азям, сермяга, чапай, шабур.

²⁵ *Мерлушка* — шкурка ягненка.

²⁶ *Киса* — кожаный мешок с затяжкой.

²⁷ *Сафьян* — выделанная козлиная кожа.

камня. Я после принесу вам. Они у меня спрятаны в возу далеко.

— Вот, детушки, — Емельян обвел всех глазами, — этот человек прислан от Павла Петровича посмотреть: подлинно ли я отец его; и велено ему, несмотря, возвратиться назад.

Разговор с Долгополовым стал известен всем, и многие повстанцы верили, что купец действительно посланец цесаревича Павла. Яицкие казаки, бывшие с Пугачевым, снова уговаривают его идти к Москве:

— Там больше знакомых Вашему величеству, так скорее помогут на престол взойти.

— Теперь еще не время. А когда можно будет, то, конечно, пойдем.

Разумеется, и на этом этапе движения многие из окружения Пугачева прекрасно знали, что он не император. То же можно сказать и о многих повстанцах, боровшихся в разных местах. Башмаков, хорошо, очевидно, знавший обстановку в Пермском крае, писал Яковлеву: «...Из всех обстоятельств видится, что оные воры башкирцы точно знают, что Пугачев простой мужик и назвался ложно, и воюют они не для ево, а единственно по природной их к воровству и убивству злосклонности и для набогачения своего грабежа». Не понимая или не желая понимать истинные причины борьбы башкир на стороне Пугачева, ассессор все же верно подметил их безразличие к тому — государь ли Пугачев или нет. Важно для всех них другое — цели борьбы, ее результаты в случае победы, на которую они надеялись. Даже и в случае отсутствия таких надежд они, и башкиры, и все другие угнетенные, вставая под стяги Пугачева, давали выход своей классовой ненависти, копившейся в народе столетиями, мстили своим обидчикам, эксплуататорам.

Войско Пугачева 13 июня вошло на Иргинский завод. Пугачев «того же часу приказал имеющуюся в действии домну остановить, которая и выдута». На следующий день повстанцы выпустили воду из пруда, сожгли лесопильную мельницу и ушли. Через день на Уинском заводе к ним присоединились 300 тулвинских башкир. Пугачев через Шермяитский завод направился на Тулву к Осе. При подходе к ней его войско насчитывало 9 тысяч человек. Сюда же шли отряды Салавата Юлаева, по пути овладевшего Бирском, Кузнецова и др.

Подошел Пугачев к Осе 18 июня. Яковлев и секунд-майор Скрипицын вывели свои силы из города и построили «фронтом перед Осой». Они открыли «жестокий огонь» по наступающим пугачевцам. Но к ним начали перебегать крестьяне и мастеровые из яковлевского отряда. Пугачевцы им кричали:

— Бросайте ружья и падите вниз на землю!

Те так и делали — «ружья, луки и копыя бросили и пали на землю всего человек до семидесяти. А как фронт отошел к городу, например, за сажен з двадцать, тогда их, лежащих..., взяли (пугачевцы. — В. Б.) к себе и орудие все обрала и повели в свои лагери». Защитники города отступили. Пугачевцы тоже отошли.

После полудня, в четвертом часу, Пугачев возобновил атаку. «С великою своею суровостию» повстанцы «стремились о разбитии того деташемента». Но значительные потери, пожары в предместьях заставили их снова отступить.

На следующий день, 19 июня, под стенами крепости, как и утром предыдущего дня, велись переговоры. Повстанцы уговаривали защитников покориться «императору Петру III», перейти в его подданство. Но власти отказались. Сам Пугачев ездил на Каму смотреть места для переправы.

Ночью 20 июня Пугачев начал третью атаку около Осы, где опять построились ее защитники. Лавиной повстанцы налетали на них. Пугачев, ободряя своих, ездил в рядах атакующих. Бой был «прежестоким»: «...как скоро кто будет пострелен, 10 человек на ево место ту минуту поставлено будет». Рядом с русскими сражались башкиры; большая их часть билась «в латах холщевых, в 30 или 22 рядов сшито холста, пересыпав пеплом». Повстанцы подступили к крепостным стенам, но здесь их встретил сильный огонь из пушки. На близком расстоянии артиллерист, стреляя в плотные массы пугачевцев, наносил им большие потери. Они снова отхлынули назад.

Через три часа началась четвертая атака. На этот раз осаждавшие шли под прикрытием

возов с сеном и соломой. Это посоветовал сделать Пугачеву Белобородое:

— Я взял так Уткинский завод.

19 и 20 июня представители восставших приходили к городу с «увещанием». Говорили, что их «государь» — подлинный император. Среди жителей, многие из которых побывали в лагере Пугачева, передавали ему данные о правительственных силах, их намерениях, произошел раскол: одни выступали за то, чтобы сдать, другие — за продолжение борьбы. Ко всему прибавилось еще одно обстоятельство, весьма своеобразное и любопытное. Представители повстанцев, склоняя жителей к покорности «императору», предлагали им прислать своих людей и посмотреть его. В городе же проживал отставной гвардии сержант Петр Треногий, которому, по его словам, случалось во время службы видеть Петра III. Жители, посоветовавшись, 19 июня решили послать его, чтобы «посмотреть» императора. Об этом сказали Пугачеву, и он, по словам Творогова, «переодевшись в простое казацкое платье и поставя в ряд казаков человек с двадцать, стал сам между ними и приказал привести посланца из крепости». Треногин явился. Его поставили перед шеренгой казаков, и он смотрел на каждого. Наконец, подошел к Пугачеву, «установил глаза свои на злодея и смотрел пристально». Это продолжалось довольно долго. Емельян взял инициативу на себя:

— Что, старик, узнаешь ли ты меня?

— Бог знает, как теперь узнаешь! В то время был ты помоложе и без бороды, а теперь в бороде и постарее.

— Смотри, дедушка, хорошенько; узнавай, коли помнишь.

Треногий еще и еще смотрел на него:

— Мне кажется, что вы походите на государя.

— Ну, так поди, дедушка, и скажи своим, чтобы не противились мне, а то ведь я всех вас предаю смерти.

Сержант возвратился в Осу. Военный командир Скрипицын и воевода Пироговский спрашивали его:

— Ну как? Похож он на государя?

— Волосами и глазами как государь. А лицом несколько не походит. Однако действительно уверить не могу.

Поскольку «государь», как сообщил сержант, грозил всех истребить, если не сдадут город, майор Скрипицын предложил пойти на это:

— У нас не осталось ни пороха, ни ружейных патронов; не лучше ли сдать без сопротивления, ибо нам против столь многочисленной толпы защищаться уже невозможно?

— Сдаваться злодеям, — не согласился Пироговский, — не видя от них еще серьезной опасности, нет никакой надобности!

Скрипицын предложил послать еще раз сержанта к «государю». Треногин поехал; опять произошли смотрины, и он «признал» его, поклонился «императору»:

— Теперь я узнаю, что ты подлинно наш надежда-государь.

— Ну, так уговори своих офицеров, чтобы не проливали напрасно крови и встретили бы меня с честью.

Треногий вернулся в город. Он кричал, вступая в крепость:

— Господа офицеры! Полно, не противьтесь! Он — подлинный наш государь Петр Федорович!

В городе продолжались совещания и разногласия.

Между тем 20 июня повстанцы под прикрытием возов стали приближаться к Осе. По ним начали стрелять. Но, испугавшись, что осаждавшие зажгут сено и солому, а это неизбежно вызвало бы пожар в городе, его защитники закричали:

— Не подвигайте возов близко! Дайте нам сроку до завтра посоветоваться, мы сдадимся без драки!

Пугачевцы остановились. Согласились подождать до утра следующего дня. В Осе некоторые офицеры надеялись, что к тому времени придет помощь — отряд полковника Панова. Но он не появлялся. Скрипицын приказал готовиться к сдаче. У Пугачева появился

его парламентар:

— Не будешь ли его, майора, и команду казнить за чинимое до того договору сопротивление?

— Не только не казню его, но оставлю командовать своими. Но только с условием — чтобы при сдаче команда оставила свои ружья, пушки и, выйдя из крепости, в открытое поле, ожидала моего прибытия.

В тот же день вечером, получив донесение о согласии «государя», Скрипицын снял в городе все караулы, выпустил из-под стражи пленных повстанцев, а убитых в форштадте приказал похоронить. Утром следующего дня, 21 июня, все жители и войско во главе со Скрипицыным и Пироговским под колокольный звон вышли из ворот со знаменем, иконами, с хлебом-солью. Все солдаты были безоружны; они, «распустив волосы по плечам, — по словам Верхоланцева, — уныло шли к нам». Подъехал Пугачев, и все встали на колени. Скрипицын дал знак, и перед «государем» преклонили знамя.

— Бог и государь тебя прощает, — Пугачев обратился к майору. — Если будешь служить верно, то получишь награду.

Он приказал не лишать Скрипицына шпаги. Весь отряд отвели в лагерь, привели к присяге, остригли и одели по-казацки. Назвали его «Казанским полком», командиром назначили того же майора, которого Пугачев произвел в полковники.

Осу Пугачев приказал сжечь. Забрав восемь пушек, ружья, он вывел войско из города и направился к Рождественскому заводу, стоявшему на правом берегу Камы. 23 июня переправился через реку. Вскоре повстанцы заняли Боткинский и Ижевский заводы, по пути разбив отряд, сформированный для их защиты коллежским асессором Венцелем. Пугачев не хотел задерживаться в этих краях; местные крестьяне говорили, что он собирался оттуда идти прямо на Казань с целью «приклонения в его... подданство, для чево весьма спешит». Силы его в это время насчитывали от 5 до 8 тысяч человек. Среди них были заводские люди, крестьяне, башкиры, татары.

Пугачев расправлялся с представителями заводской администрации, на которых жаловались работники, крестьяне. Местные жители встречали его с крестом и иконами, стоя на коленях. На своих сходках, еще до прихода повстанцев, они говорили:

— Теперь, кажись, скоро нашей неволюшке конец будет, потому что новый царь-батюшка бар да немцев не любит.

Крестьяне расправлялись с помещиками, надеясь, что крепостничеству скоро придет конец. Крестьяне деревни Катиевской Рождественской волости Казанского уезда в письме Пугачеву просили, «чтобы той их волости всем обывателям к Ижевскому заводу приписными не быть, а находиться с протчими яшашными наряду» — приписные крестьяне хотели стать яшашными, государственными. К тому же стремились и прочие крестьяне, прежде всего помещичьи. В рапорте Оренбургской секретной комиссии (21 мая 1774 г.) верно отмечалось, что крестьяне преданы Пугачеву, «потому что им от него также вольность обещана и уничтожение всех заводов, кои они ненавидят в рассуждении тягости работ и дальности переездов».

Пугачев, шедший с войском по краю, отправлял впереди себя своих полковников с манифестами, призывая всех простых людей вливаться в ряды восставших, послужить «государю Петру Федоровичу». Крестьяне охотно откликались на призывы. Быстро формировались новые полки.

Брандт, узнав о приближении Пугачева, собрал все наличные силы. На нескольких судах, поставленных в устье реки Камы, устроили плавучую батарею. По Волге, в разных местах, расставили заставы. К Михельсону и другим командирам срочно поскакали гонцы с просьбой поспешить к Казани. Главнокомандующего Щербатова губернатор просил переехать из Оренбурга поближе к театру действий, например в Бугульму. «Башкирские замешательства, — писал он ему, — не столь важны, сколько здесь ныне предстоит опасность». По словам Брандта, если Пугачев успеет переправиться через Каму, «то совсем может произвести худые следствия» — сильно увеличить свою «толпу» за счет удмуртов

(вотяков), заводских рабочих, помещичьих крестьян, прервать сообщение между Москвой и Казанью, поднять на восстание жителей приволжских губерний.

Губернатор правильно оценивал обстановку. В Казанском крае крестьяне повсюду поднимались против помещиков — убивали их, жгли имения.

Не только русские, но и башкиры, удмурты, татары, чуваша, мари, мордва считали Пугачева «своим» царем. Пугачевский полковник Бахтияр Канкаев рассказывал своим землякам, что Петр Федорович после долгих скитаний возвратился и намерен истребить всех дворян; он идет на Казань, потом на Москву, чтобы вернуть престол; жалует крестьянам вольность и землю. У Канкаева появлялись добровольные помощники. Все они набирали людей в его отряд. В нем довольно скоро собралось до 500 человек, имелись 4 пушки. Как и другие отряды, он расправлялся с помещиками и чиновниками, разорял имения и заводы. Рапортуя в Военную коллегию о своих действиях, Канкаев сообщал: «При походе моем по сию сторону рек Камы и Вятки в Казанском уезде всякого звания люди вседушно весьма охотно Вашему императорскому величеству желают в службу, стари и маловозрастни спешно ко мне текут, каждое жило русское и татарское встречают за версту и более хлебосольно».

Удмурт Чупаш (или Козьма Иванов, поскольку он был новокрещеным) воевал в отряде Абзелила Сулейманова. Но каратели 14 мая разбили повстанцев. Чупаш бежал в свою деревню. При себе имел копию указа Пугачева. Своих односельчан он уверял, что к Казани идет не самозванец, а настоящий государь. От его имени призывал их не слушать представителей власти, не платить подати, не давать рекрутов. Сам же собрал отряд и присоединился к Пугачеву, участвовал в боях за Казань.

Повстанцы Пугачева действовали по обоим берегам Камы. Сам он быстро продвигался к Казани. Население всюду с готовностью содействовало главной армии и другим повстанческим отрядам. Каратели же наталкивались на сопротивление многочисленных партий восставших, на противодействие жителей. С большими затруднениями они встречались, когда нужно было налаживать переправы. Лодки и паромы, как правило, отсутствовали, мосты сожжены. Поэтому продвигались каратели довольно медленно. Но тем не менее постепенно подтягивались к Каме. Сюда двигались Михельсон, на которого возложил главные свои надежды главнокомандующий, Голицын, Кожин, Обернибесов и другие командиры с отрядами. Михельсон, самый деятельный и энергичный, при всем старании не смог выйти наперерез Пугачеву. В ночь со 2 на 3 июля он переправился, притом с большими трудностями, через Каму. Несколько дней спустя подошел к Вятке, но догнать повстанцев не смог.

Войско Пугачева стремительно двигалось на запад. 29 июня Пугачев под колокольный звон вошел в село Агрызы. Здесь «Петр III» торжественно отпраздновал свой день тезоименитства и день именин цесаревича Павла Петровича; приказал выдать по два рубля каждому, кто в этот момент числился в его войске. Двинулся дальше — через села и деревни; со всех сторон вливались в его армию крестьяне — помещичьи, приписные, государственные, русские и нерусские. Многие шли без всякого оружия, без лошадей — так велико было желание включиться в борьбу за общее дело. Тот же Канкаев в рапорте от 14 июля писал, что все местные жители повстанцев «встречают хлебом да солью, со слезами плачут, радуются, милостивейшему тебе императору на многа лет здравствовать все от бога желают».

В селе Мамадыш, на правом берегу Вятки, к Пугачеву явились три ходока из села Котловки. Среди них был Карп Степанович Карасев, знавший Пугачева по встрече с ним в июне 1773 года, когда после побега из казанского острога Емельян побывал в Котловке и останавливался в доме у Карпа. Теперь, летней порой 1774 года, они встретились вновь. Семенов и другие ходоки подошли к Пугачеву, встали на колени, подали хлеб и несколько огурцов. Пугачев принял дар, обратился к Семенову:

— Знаешь ли ты меня? А я тебя знаю.

— Не знаю, а признаю, как прочие, истинным государем, и в Вашей власти быть

должен. Пожалуй, государь, нас, рабов своих!

Карп Карасев прекрасно видел, перед кем они стоят на коленях. Но помалкивал. В его глазах этот донской казак как защитник интересов всего подневольного люда был «государем». На беседе присутствовал пугачевский полковник Дементий Загуменнов. Он хорошо знал Карасева по событиям 1761—1762 годов. Поэтому дал ему хорошую рекомендацию в разговоре с Пугачевым, и тот назначил Карасева полковником в Котловскую волость, где он должен был организовать «справедливую управу», не разорять людей и служить ему, «государю», верно. Что тот и исполнял. Однажды помещичьи крестьяне из деревни Мурзихи привели к нему своего приказчика М. Гаврилова с жалобой — «он их понапрасну бьет и разоряет». Карасев «тово приказчика во удовольствие их наказывал плетью».

Пугачев с главной армией шел к Казани по Сибирскому тракту. По сторонам от него действовали отряды его полковников, подполковников, которых «государь» именовал иногда и «генералами». Они заготавливали провиант и фураж, набирали людей, разоряли дворянские имения, расправлялись с их владельцами, приказчиками.

По всему краю, в том числе и в самой Казани, среди дворян царила паника. Потемкин, начальник Секретной комиссии, прибывший в город 8 июля, поспешил сообщить императрице: «В приезд мой в Казань нашел я город в столь сильном унынии и ужасе, что весьма трудно было мне удостовериться о безопасности города. Ложные по большей части известия о приближении к самой Казани злодея Пугачева привели в неопишумую робость начиная от начальника (Брандта. — В. Б.) почти всех жителей так, что почти все уже вывозили свои имения, а фамилиям дворян приказано было спасаться».

Подошел Пугачев к Казани 11 июля. С ним было более 20 тысяч человек. Город, располагавшийся при слиянии реки Булак с рекой Казанкой, впадавшей в Волгу, был по преимуществу деревянным. В западной его части помещалась крепость (кремль) со Спасским монастырем в юго-восточном ее углу. К востоку от нее — собственно город с гостиним двором и Девичьим монастырем, стоявшими поблизости от крепости; еще дальше на восток — предместья города: в юго-восточной части — Архангельская и Суконная слободы; здесь шла дорога на Оренбург; севернее их находилось Арское поле, здесь тоже находились слободы, а также загородный губернаторский дом, кирпичные заводы, роща помещицы Неёловой; между рощей и заводами пролегал Сибирский тракт. Вокруг крепости и города были сделаны земляные батареи. Между ними поставили рогатки.

Войск в Казани было мало — большинство военных частей разослали в места военных действий с повстанцами. К обороне города, помимо наличных регулярных частей (до 2 тысяч человек), привлекли всех, кого сыскали: гимназистов, городских обывателей. Распределили начальников по участкам обороны. Потемкин утверждал в том же донесении императрице, «что город совершенно безопасен». Он заверил ее, что скорее погибнет, чем допустит мятежников атаковать город, выступит с деташементом «навстречу злодею».

Пугачев при подходе к Казани 10 июля разбил отряд полковника Толстого (200 человек с одним орудием), высланный Брандтом. Командир и часть солдат погибла в стычке, 53 человека перешли к повстанцам, остальные разбежались. Подойдя к городу, Пугачев приказал Дубровскому написать три указа (к администрации, русскому населению города, татарам) — жителей Казани призывали в нем к покорности «государю», сдаче города. Овчинников поехал с ним к городу, но его отказались принять.

Более чем 20-тысячное войско Пугачева делилось на полки по 500 примерно человек в каждом. Вооружены были плохо — ружей мало, в основном дубины, колья, заостренные шесты, луки со стрелами. Но Емельян получил из Казани известия, что сил для ее защиты там мало, а многие жители ему сочувствуют.

Полки восставших расположились тремя большими частями у восточных окраин Казани. У Суконной слободы стоял отряд самого Пугачева; севернее, на Арском поле, — отряды Белобородова и Минеева; еще севернее, у реки Казанки, — отряд Овчинникова.

11 июля Пугачев со свитой в 50 человек яицких казаков осматривал укрепления города,

намечал план штурма. Вечером по его приказу Белобородов сделал вторую рекогносцировку. Когда он подъехал к городу, Потемкин, стоявший с отрядом (450 пехоты, 250 конных) на своем месте, вышел из-за рогаток. Белобородов отступил. Ни одного выстрела не прозвучало, но генерал на следующий день писал своему всесильному брату: «Вчера неприятель (всего-то небольшая группа Белобородова, ходившая в разведку! — В. Б.) атаковал Казань, и мы его отогнали».

12 июля, рано утром, Пугачев вызвал к себе полковников и советников, яицких казаков Я. Давилина, И. Творогова, Ф. Чумакова, А. Овчинникова, Идыра Баймекова и др. Обсудили план предстоящего наступления. Собрание приняло решение, и Пугачев приказал с четырех сторон, четырьмя колоннами, идти на штурм. В нем должны были участвовать все повстанцы, даже те, у кого не было никакого оружия (они помогали криками).

Вдоль Сибирского тракта наступали отряды Белобородова и Минеева. Шли они под прикрытием возов с соломой, между ними везли пушки. Заняли рощу Неёловой, домики вдоль тракта. Ветер дул в сторону города, гнал туда дым. Потемкин выслал навстречу повстанцам авангард подполковника Неклюдова, но его окружили с трех сторон. Прийти к нему на помощь Потемкин не отважился, отошел за рогатки, увидев, что «злодеи» охватывают его фланги.

Минеев с отрядом, заняв губернаторский дом, сбил гимназистов с батареи, которую они защищали, и появился в тылу у защитников рогаток.

По левому флангу наступления, где им руководил Пугачев, повстанцы обрушили на защитников Суконной слободы картечный огонь из пушек. На ее пылающие улицы ворвались повстанцы. А защитники слободы «с одной робости, оставив неприятелю пушки и весь снаряд, без всякого порядка, опрометью в крепость побежали»; многие солдаты и жители перешли к Пугачеву. В крепость скрылись и другие — Потемкин с теми, кто у него остался (конные чуваши тоже перебежали к повстанцам), гимназисты и пр. При отступлении по приказу того же Потемкина в городской тюрьме и частных домах перебили немало колодников. Но большинство их восставшие освободили. В их числе оказались жена Пугачева Софья и дети — сын Трофим, дочери Аграфена и Христина. Их отправили в повстанческий лагерь. По дороге туда Трофим, одиннадцатилетний мальчик, заметил отца, проезжавшего неподалеку, и крикнул матери:

— Матушка! Смотри-ка батюшка меж казаков ездит!

— Экой собака, неверный супостат!

Пугачев услышал возглас жены. Подъехал с казаками. К ним и обратился:

— Вот какое злодейство! Сказывают, что это жена моя. Это неправда! Она подлинно жена друга моего Емельяна Пугачева, который замучен за меня в тюрьме под розыском. Помня мужа ее мне одолжение, я не оставлю ее!

Пугачев и в этой кутерьме продолжающегося боя не растерялся, продолжая выступать в роли «государя». Софья же онемела от такого оборота, ни слова не могла сказать. Дети тоже молчали, подавленные... Их отец приказал:

— Подвезите вот этой бабе телегу и посадите ее с ребятами.

Семью увезли в лагерь. Пугачев же поскакал к крепости. Туда спешил и Минеев. Но оба опоздали — крепостные ворота оказались закрытыми. От гостиного двора и Девичьего монастыря восставшие открыли пушечный огонь по кремлю. Город пылал, огонь подступал к крепости. Многие казанские жители — работные люди, ремесленники, дворовые, вольнонаемные — присоединялись к восставшим. Все они вместе чинили расправы с представителями администрации, казанской знати.

Пожар и известие о приближении Михельсона заставили Пугачева отвести свои силы в лагерь. Он находился у села Царицына, в семи верстах к востоку от города. Туда через Арское поле и вернулись повстанцы. Пугачев отложил штурм крепости — единственной части города, оставшейся в руках властей. Казань была взята в результате штурма войска Пугачева, и это стало самым большим успехом восставших на всем протяжении Крестьянской войны.

От Казани до Царицына

Пугачев, возвращаясь из горевшей Казани, объявил прощение всем пленным, которые в большом числе, стоя на коленях, ждали его на Арском поле. Приехал в лагерь. Для Софьи и детей приказал поставить особую палатку. Некоторые из «ближних» любопытствовали:

— Что это за женщина?

— Это друга моего, донского казака Емельяна Ивановича, жена.

Сидя в кресле, принял дары от депутации казанских татар. Потом ездил по стану и всех благодарил. Всюду горели огни, повстанцы отмечали победу, пели песни; из города привезли 15 бочек вина. Лишь канониры, не принимая участия в общем веселье, лежали под пушками. Так на случай тревоги велели командиры.

Михельсон приближался к Казани. Густой дым, выстрелы с запада дали ему знать о том, что там происходит. Доложили, что большая толпа пугачевцев, численностью до 12 тысяч человек, расположилась у села Царицына. У Михельсона было 800 солдат. Он ударил в центр позиции Пугачева, одновременно послал два отряда против его левого и правого флангов. Бой длился пять часов. «Злодеи, — как писал Михельсон в рапорте 13 июля, — меня с великим криком и с такою пушечною и ружейною стрельбою картечами встретили, какой я, будучи против разных неприятелей, редко видывал и от сих варваров не ожидал».

Удар в центр, где находилась самая лучшая и сильная батарея Пугачева, разрезал его силы на две части, которые продолжали борьбу. Повстанцев разбили, и они отступили за реку Казанку. По данным Михельсона, на поле боя осталось 800 убитых повстанцев, 737 попали в плен; у карателей — 23 убитых, 37 раненых.

На следующий день утром Пугачев атаковал отряд Михельсона на Арском поле, куда он пришел, двигаясь к Казани. Из города вышел отряд П.С. Потемкина, ударивший с тыла. С двух сторон каратели снова разбили повстанцев, и они отошли за реку Казанку, остановились перстах в 20 от города.

К 15 июля, то есть на второй день после сражения на Арском поле, у Пугачева снова было до 15 тысяч человек, и он перешел в наступление. Противники встретились снова у села Царицына. Два часа повстанцы обстреливали солдат Михельсона из пушек и ружей, потом перешли в атаку, кололи штыками и копьями. Левый фланг Михельсона смешался. Он бросил туда подкрепления. «Злодеи, — по его словам, — на меня наступали с такою пушечною и ружейною стрельбою и с таким отчаянием, коего только в лучших войсках найти надеялся».

Превосходство в организации и вооружении опять склонило успех на сторону карателей. Повстанцы бежали, их преследовали. В плен чуть было не попал Пугачев. До двух тысяч убитых, 5 тысяч пленных, потеря всей артиллерии — таков итог этого поражения. Михельсон потерял 35 убитых, 121 раненого. Здесь Пугачев лишился Белобородова и Минеева, попавших в плен.

Пугачев бежал на север, в сторону Кокшайска. За ним тянулись остатки его разбитого войска. В ночь на 17 июля он переправился здесь через Волгу.

За эту победу императрица произвела Михельсона в полковники, пожаловала ему тысячу душ крестьян в Витебской губернии, большую сумму денег, орден святого Георгия 3-й степени. Более 3,5 тысячи душ крестьян получили офицеры его отряда. Со всех сторон сыпались похвалы и подарки от дворян.

Между тем восставшие, собираясь партиями, громили имения, вешали помещиков, приказчиков, чиновников в Казанской и Нижегородской губерниях. Нижегородский губернатор Ступишин в письме Вяземскому сообщал, что «рассыпанные злодеи, где они касались, все селения возмутили и уже без Пугачева делают разорения, ловят и грабят своих помещиков». Он закрыл Макарьевскую ярмарку, а купцам приказал выехать; волновали его и настроения раскольников на Керженце.

Пугачев после переправы через Волгу двигался на запад, по направлению к Нижнему

Новгороду и Москве. Но верстах в 15 от Волги повстречавшиеся ему чувашаи сказали, что в Нижнем много войск, в Цивильск из Свияжска идет правительственный отряд. И Пугачев меняет свое решение. Правда, яицкие казаки уговаривают его идти дальше на запад:

— Ваше величество, помилуйте! Долго ли нам так странствовать и проливать человеческую кровь! Время Вам идти в Москву и принять престол!

— Нет, детушки, потерпите, не пришло еще мое время! А когда будет, то я и сам без вашего зова пойду. Теперь же я намерен идти на Дон, там меня некоторые знают и примут с радостью.

Непосредственно при Пугачеве во время переправы было всего 400 человек. В иных местах переправились другие повстанцы. Вдгонку спешил майор граф Меллин с 850 солдатами. Михельсон остался в Казани, ввиду того, что, по его словам, «весь народ в великом колебании». О ненадежности местного населения сообщает и Потемкин: «Неможно представить себе, до какой крайности весь народ в здешнем краю бунтует, так что вероятия приложить, не видев оное, невозможно. Источником оного крайнее мздоимство, которое народ разорило и ожесточило».

К Казани двигались карательные отряды — Муфеля, Голицына, Гагрина, Жолобова. Но они по пути вынуждены были вступать в борьбу со многими повстанческими отрядами. На правобережье Волги войск было мало. Брандт, Потемкин, Щербатов пытались исправить положение. В первую очередь выслали за Пугачевым того же Михельсона. Он по дороге к Свияжску и Чебоксарам узнал, что Пугачев пошел на юг, к Алатырю. Полковник приказал Меллину следовать за восставшими, оставляя их все время слева от себя, загромождая им пути на Москву.

В поволжских губерниях, где действовали повстанцы, проживало несколько миллионов человек всякого люда — крепостных, государственных, экономических крестьян, «иноверцев», работных людей, казаков, однодворцев, ремесленников и купцов, всяких наемных людей, солдат, и пр. На них и рассчитывал Пугачев, когда вошел в районы правобережья Волги. Он развернул энергичную и успешную деятельность по сбору новых людей в свою армию. Ему во всем помогала местная беднота. Росла главная армия, во многих местах возникали и боролись с местными властями, карателями отряды повстанцев из русских, татар, мордвы, чувашей и др. Этому способствовала рассылка знаменитых июльских манифестов — провозглашенные ими лозунги освобождения крестьян от власти помещиков, от податей и рекрутчины, наделения землями и угодьями, истребления дворян подняли огромные массы угнетенных. Во многих уездах они поголовно или почти поголовно включались в борьбу — пополняли армию Пугачева, отряды его атаманов, ловили и вешали помещиков, приводили их в стан Пугачева для суда и расправы.

Карательные отряды не успевали справиться с повстанцами в одних местах, как нужно было спешить в другие. Весной 1774 года П.М. Голицын отметил это для Оренбургской губернии: «Во всей здешней околичности подлый народ столько к мятежникам и злодействам поползновенным зделался, что укрошающая оной воинские партии не успевают восстановить тишину в одном месте, тотчас должны стремиться для того же самого в другое, еще лютейшими варварствами дышащее; так что где сегодня, по-видимому, кажется уже быть спокойно, там на другой день начинается и нечаянный бунт». Несколько позднее, летом того же года, Ступишин, нижегородский губернатор, тоже удивлялся тому, что окрестные крестьяне «делали» Пугачеву «во всем вспомоществование и безопасное следование, куды ему было надобно».

Пугачев и его сподвижники не раз обсуждали планы дальнейших действий. Поход на Москву и Петербург, а они были главной, конечной целью движения, в той обстановке, которая сложилась в июле, становился нереальным. Он сам и его окружение решили идти на юг, поднимать Дон и другие места, а уже потом, опираясь на них, повернуть на север, к обеим столицам.

Начиная поход на юг, Пугачев 17 июля взял село Сундырь, потом город Цивильск, где повстанцы повесили воеводу и его помощников; здесь же 18 июля роздали жителям

казенные деньги и соль. В эти и последующие дни в восстание включились массы жителей Свияжского, Цивильского, Чебоксарского, Кузьмодемьянского уездов. По мере продвижения «крестьянского царя» на юг к нему присоединялись жители многих других уездов.

20 июля Пугачев вступил в Курмыш, жители которого торжественно встречали его. Повстанческие отряды осаждали в эти дни Кузьмодемьянск, сражались во многих других местах с карателями. Отовсюду власти сообщали о «возмущениях и дерзости» жителей.

Правительству после взятия Пугачевым Казани стало известно о всеобщем восстании в губерниях Казанской, Нижегородской, Воронежской, сочувствии к нему крестьян соседних губерний, в том числе и Московской, а также ремесленников Москвы, оружейников Тулы. Екатерина II, ее помощники в дополнение к тем войскам, которые уже действовали против пугачевцев, направляют к Поволжью новые боевые части и генералов, в их числе — А.В. Суворова. 29 июля назначают нового главнокомандующего — графа Панина, который наделяется полномочиями военного диктатора. Ему были подчинены все гражданские, военные, духовные власти в названных выше и Оренбургской губерниях. За несколько дней до этого, 23 июля, императрица писала П.С. Потемкину: «В таком жестоком сострадании о печальной судьбы города Казани... моя единственная утренняя была и клонилась к тому, чтоб закрыть злодеям путь к дальним предприятиям за Волгою, или яснее сказать, загородить путь к Москве. Для чего тот же час напряжено войск, откуда только можно было».

В письме к П.И. Панину от 30 июля она же отмечала: «Итак, кажется, противу воров столько наряжено войска, что едва не страшна ли таковая армия и соседям была». Действительно, силы против повстанцев власти собрали весьма внушительные — 7 полков, 3 роты пехоты, 9 легких полевых команд, 18 гарнизонных батальонов; 7 полков и 11 эскадронов регулярной кавалерии, 4 донских полка, одна тысяча украинских казаков, казанский и пензенский дворянские корпуса; войска, высланные генерал-аншефом князем Долгоруковым; отряд генерала Деколонга. И впрямь это была целая армия.

Особые заботы властей, нового главнокомандующего вызвала необходимость обезопасить Москву, внутренние губернии от возможных нападений повстанцев. Панин просил даже императрицу вывести часть полков из Крыма и с театра военных действий против Турции и расставить их внутри России для того, чтобы усмирять «чернь» и предупредить возможное появление одновременно нескольких Пугачевых.

Повстанцы боролись по всей юго-восточной окраине Нижегородской губернии, в том числе в окрестностях губернского центра. Более трети населения губернии (по меньшей мере 455 селений) приняли участие в восстании. Прежде всего это были помещичьи крестьяне (241 селение), потом государственные, дворцовые. Было убито около 350 дворян, представителей администрации (всего в губернии проживало 1425 дворян). Сохранились известия о восстании крестьян села Болдина, деревни Кистеневки, принадлежавших деду А.С. Пушкина — подполковнику Л.А. Пушкину.

Пугачев, подходя 23 июля к Алатырю, имел до 2 тысяч человек. Население города встретило его с хлебом и солью, стоя на коленях. Он приказал освободить колодников, раздать соль и деньги. Под городом повстанцы два дня отдыхали. К ним со всех сторон шли крестьяне, вели своих помещиков. По приказу Пугачева к нему в стан доставили прапорщика местной инвалидной команды Сулдешева (воевода и дворяне загодя бежали из города).

— Ты нанялся, что ли, за воеводу остаться в городе? — грозно обратился к нему Пугачев. — Я первого тебя велю казнить!

— Никак нет! — Прапорщик упал на колени. — Ваше величество, я человек маленький, как можно мне за воеводу наниматься?

— Давно ли ты в службе?

— Двадцать пять лет.

— Как же ты служишь так давно, а имеешь чин такой маленький? Если ты мне верою и правдою послужишь, я тебя пожалую полковником и воеводою здешнего города.

— Служить не могу за болезнями и ранами.

— Ничего, будь ты отныне полковником и в городе главным смотрителем!

Новый воевода выслал в стан к Пугачеву по его приказу до 200 местных жителей, годных к службе, и 20 гарнизонных солдат. На следующий день привели двух серебряников, тоже по запросу «государя». Пугачев, показав им рубли Петра I, спросил:

— Можете ли вы делать такие рублевики с ушками?

— Можем.

— А такой портрет, как я, можете сделать?

— У нас штемпелей нет, и сделать такого, как вы, не можем.

Поскольку время торопило, Пугачев приказал приделывать «ушки» к петровским рублям. Серебряники сделали до двух десятков, и они исполняли роль медалей, которыми Пугачев награждал своих сподвижников, активных деятелей движения.

26 июля Пугачев подошел к Саранску. Манифест, который привез в город Чумаков с 30 казаками, сообщал, что «его императорское величество всемилостивейший государь Петр Федорович с победоносною армиею шествовать изволит через город Саранск для принятия всероссийского престола в царствующий град Москву». «К прибытию его величества» повелевалось приготовить 12 пар лошадей для артиллерии, продовольствие и фураж. Воевода, чиновники, дворяне и купцы накануне покинули город; «в Саранске, — по донесению Михельсона, — ни один дворянин не думал о своей обороне, а все, как овцы, разбежались по лесам».

Под Саранском при Пугачеве было до тысячи более или менее боеспособных повстанцев; остальные же (всего до 7 тысяч) составляли, по существу, плохо вооруженную и организованную толпу. Премьер-майор Рунич, очевидец событий, ехавший с правительственным отрядом по тракту в Саранск, встречал по пути почти пустые селения: кроме стариков и женщин, никого не было видно; «а прочие все, кто только мог сесть на коня и идти добрыми шагами пешком, с косами, пиками и всякого рода дубинами присоединялись к пугачевской армии».

Пугачев и его сподвижники на правобережье Волги создали новую большую армию. Пополнялась она и организована, путем мобилизации по указам и манифестам, и прежде всего стихийно. По боевым качествам она далеко уступала той главной армии, которая осаждала Оренбург и Яицкий городок. Состав ее был непостоянным, часто менялся. Одни партии восставших вступали в нее, другие — по мере ее удаления к югу — покидали Пугачева, оставались в родных местах, продолжали здесь борьбу. Яицких казаков в армии было теперь мало. Отсутствовала башкирская и калмыцкая конница. Не было важной опорной базы, как уральские заводы. Крепостные крестьяне, составлявшие основную массу главной армии и местных отрядов, военное дело не знали.

В Саранск Пугачев вступил 27 июля. Повторились церемония встречи, раздача денег и соли из казны, расправы с помещиками и чиновниками (62 человека); в том числе от рук повстанцев погиб предводитель дворянства отставной генерал-майор Сипягин.

Между тем по пятам Пугачева спешили каратели — отряды Меллина и за ним Михельсона. Граф Меллин, преследуя Пугачева, проходил по опустевшим, разоренным селениям. «Какое это наказание божие, — писал он в рапорте Щербатову, — которое я вижу: бедные дворяне — по дорогам которых повешен, у которого голова отрублена, у которого ноги и руки отрублены, и разными другими муками, которые себе представить невозможно, неисчисленно много истреблено». Граф, сообщая об этом, не мог, конечно, как представитель дворянства, оставаться равнодушным, не мог понять, что описанные им расправы представляли собой справедливые акты классовой мести угнетенных по отношению к угнетателям. Аналогичные сообщения власти получали из всех районов Крестьянской войны. Михельсон, действовавший в районе Арзамаса, затем Саранска, писал, что «окрестность здешняя генерально в возмущении, и всякий старается из здешних богомерзких обывателей брать друг у друга преимущества своими богомерзкими поступками»; около Саранска «немалое число дворян с женами и детьми лишены жизни, то же самое и прикащики. Многих мне удавалось освободить, только везде поспеть нет

способов, потому что нет почти той деревни, в которой бы обыватели не бунтовали и крестьяне не старались бы сыскивать своих господ или других помещиков или прикащиков к лишению их бесчеловечным образом жизни». Каратели на каждом шагу сталкивались с «шайками» восставших, вели с ними бои, что их задерживало. Это же давало возможность Пугачеву ускользать от них. Он быстро продвигался на юг; по словам А.С. Пушкина, Пугачев бежал, но это бегство «казалось нашествием».

Помимо направления больших сил в район восстания, власти предпринимали и другие меры против Пугачева и его дела. Они использовали очередной трюк, который предложил купец-авантюрист Долгополов. Его появление у Пугачева не принесло ему большие выгоды, на которые он надеялся. Находясь при нем, наблюдая за действиями повстанцев, купец быстро понял, что ждет их самих и главного предводителя. Его хитрый, изворотливый ум ищет выход из сложного положения. Оно облегчалось тем, что, как он, несомненно, убедился, многие из окружения Пугачева испытывали те же чувства неуверенности, страха, хотели что-то предпринять.

К одному из приближенных «государя», Перфильеву, и обратился как-то Долгополов:

— Государь-то в бороде и, кажется, не похож на того, которого я видел в Ранбове (Ораниенбауме. — В. Б.).

— Ну, брат, у всякого человека лицо переменится, когда обрастет бородою.

Оба помолчали. Перфильев понял, что купец неспроста затеял опасный разговор:

— Ты, конечно, еще что-то хотел говорить. У тебя, видно, есть еще что-нибудь на уме. Говори, не опасайся. Все, что скажешь, все будет тайна; я не обнесу.

— Ведь это не государь?

— Мы и сами видим, что не государь. Да уж так быть, коли в дело вступили. Домой показаться нельзя; всяк узнает, что мы были у него в команде. Я сам был в Петербурге, и меня граф Орлов просил, чтобы связать и привезти живого Пугачева, и денег мне больше ста рублей дал.

— Буде вы согласны это сделать, то напишите письмо князю Орлову, а я отвезу.

Перфильев отмолчался. Разговор последствий не имел, но Долгополов по-прежнему не оставлял свои намерения — уехать от Пугачева, выдать его властям и тем самым сделать себе выгоду немалую. Подстегивало его то, что среди казаков, оставшихся у самозванца, большинство не скрывало недовольства. Среди них открыто велись разговоры о тяготах похода с Пугачевым:

— Долго ли нам волочиться с места на место?! Дома свои мы оставили, и всякий день нас убавляется: иного убьют, другой потонет, иных казнят. И так нас переведут, что и на Яике никого не останется.

Чтобы уйти от восставших, нужен хороший предлог. И купец, придумав его, явился к Пугачеву:

— Я, батюшка, и порох к тебе вез, пудов с 60, да на судне оставил под Нижним.

— Где ты его взял?

— Порох этот послан вам от Павла же Петровича. — Как ты его провезти мог?

— Я положил его в бочку; а чтобы прочие не видали, то засыпал его сверху сахаром. Отпусти мы меня, батюшка, так я и порох-то пришлю, да и Павла Петровича привезу.

— А как же ты Павла Петровича привезешь?

— Привезу. Это не твое дело.

Пугачев разрешил отъезд — нужны были и порох, и еще более разговоры о Павле Петровиче в присутствии повстанцев. Долгополов распрощался с «государем»:

— Что, батюшка, прикажешь сказать Павлу Петровичу?

— Поклонись ему от меня и скажи, ежели можно ему, чтобы меня встретил.

— Одному ли ему тебя встретить или с великою княгиней?

— Хорошо бы было, чтобы и она была там, где и он.

Купец уехал. По пути в Петербург, находясь в Чебоксарах, сочинил он письмо от имени Перфильева и 324 других яицких казаков к Г.Г. Орлову. Они якобы сообщали, что готовы

сковать Пугачева и доставить его в Петербург. Просили за это пожаловать яицких казаков «по-прежнему» — рыбными ловлями, а им — выдать денежную награду (по 100 рублей на человека). С тем письмом Долгополов явился 8 августа к Орлову. Выдавая себя за яицкого казака Астафия Трифонова, он вручил ему письмо. Вскоре тот приехал с ним в Царское Село к императрице. Та расспросила его обо всем. Купец сочинял напропалую, но ему верили. Для приема схваченного Пугачева выделили капитана гвардии Преображенского полка Галахова с конвоем; ему вручили и деньги (33,4 тысячи рублей). Галахов 13 августа в сопровождении 10 солдат, взяв с собой отставного секунд-майора Рунича, направился из Москвы в Муром, чтобы ехать туда, где находился Пугачев.

Повстанческая главная армия 30 июля «по полуночи в 6 часу» вышла из Саранска к Пензе. Там имелись большие запасы пороха, свинца, ядер, немалая денежная казна. Как и в других местах, воевода, дворяне и чиновники покинули город. Пензенский бургомистр Б. Елизаров собрал купцов на совет:

— Будем противиться мятежникам или нет?

Купцы молчали. Елизаров продолжал:

— Ну, чем мы станем ему (Пугачеву. — *В. Б.*) противиться? У нас нет никакого оружия. Так не лучше ли встретить его и тем спасти город от пожогу, а людей от смерти?

Купцы зашумели:

— Да, нам нечем противиться!

— Хотя бы и было чем, так где нам против его силы устоять, когда и крепости не в силах были!

— Ничего нам больше делать не остается, как встретить его с хлебом-солью!

1 августа население Пензы встречало около города Пугачева. Остававшимся в городе немногим начальникам, чиновникам, духовенству ничего не оставалось, как покориться. Не входя в город, Пугачев сделал свою ставку верстах в 12 от него. Пугачевцы освободили в Пензе арестантов, разрешили брать соль безденежно. На следующий день купцы дали «императору» торжественный обед. Пугачев откушал две глубоких тарелки чесноку толченого, посоленного и политого уксусом. Провозглашали здравицы за императора Петра III и императрицу Устинью Петровну. Пугачев и здесь сказал о своих пожалованиях:

— Ну, господа купцы, теперь вы и все городские жители называйтесь моими казаками. Я ни подушных денег, ни рекрут с вас брать не буду. И соль казенную приказал я раздать безденежно по три фунта на человека. А впредь торгуй ею кто хочет и промышляй всякий про себя.

Пугачевцы ездили по городу, чинили «дворянским фамилиям и другим всякого звания людям... смертные убийства». Но в ночь с 2 на 3 августа Пугачев покидает Пензу, так как приближались каратели — уже 4 августа в нее вступили отряды Меллина и Муфеля, дворянский корпус Чемесова.

Из Пензы Пугачев забрал шесть пушек, много ядер, пороху, свинцу, денег. В ближних и дальних окрестностях Пензы бушевало пламя восстания. От рук его участников пострадали до 600 дворян и членов их семей (всего 150 семей), а также многие попы, старосты, приказчики и др. Каратели отвечали повстанцам тем же. Один из местных помещиков, Линева, в письме от 16 августа сообщал, что восставшие крестьяне возили помещиков для казни в Пензу к Пугачеву, но, не застав там, пытались его догнать. Пугачевцы, встреченные на пути, велели им возвращаться в Пензу или самим, на месте, расправиться с дворянами. «Но, — продолжает Линева, — как одне лошади трудятся под нами уже пятеро суток, а нас никто не вешает, то, скучав таким путешествием, положили сами сделаться Пугачевыми. Остановясь в лесу, велели (крестьяне. — *В. Б.*) всем выходить из повозок и вынимали рогатины. Но в самый тот час посланный за нами из прибывшей под команду графа Меллина конвой чугуевских казаков спас нам жизнь; и всех переловили, из коих шестеро пятерили²⁸, четыре повешены; прочие, человек 20, кнутом пересечены».

---

²⁸ *Пятерить* — казнить, рассекая тело на пять частей.

Каратели преследовали не только главную армию Пугачева, которая непрерывно увеличивалась, но и многие отряды, действовавшие в Пензенско-Воронежском крае. Здесь разгорелось всеобщее народное восстание. Отряды повстанцев захватили ряд городов — Верхний и Нижний Ломов, Инсар, Троицк, Краснослободск, Темников, осаждали город Керенск. Простой люд с нетерпением ждал «Петра III» с его пожалованиями вольности и земли. Воронежский губернатор Шетнев доносил Сенату, что «на чернь... никакой надежды полагать неможно, а колико извесно, — они его (крестьяне и прочая „чернь“ Пугачева. — В. Б.) с радостию ожидают».

Повсюду действовали повстанческие отряды. Значительная часть Воронежской губернии, Пензенская провинция были охвачены пламенем Крестьянской войны. В этих местах от рук повстанцев погибли 445 дворян, офицеров. Они нападали на дворянские имения, заводы, фабрики, подвергая их «всеконечному разорению». Пензенский помещик князь И.М. Долгоруков признавался: «...Страх владел всеми, у каждого помещика смерть висела над головой ежеминутно».

Но, как правило, многочисленные отряды, действовавшие в крае, боролись изолированно друг от друга и от главной армии Пугачева. Со всех сторон на правобережье Волги прибывали новые каратели — с запада, откуда их направлял сам Панин, и с востока, из тех мест, где действовали ранее многие правительственные отряды против Пугачева и его атаманов по Яику, в Башкирии, на Урале.

Стихийное, плохо организованное движение восставших в Пензенско-Воронежском крае под ударами карателей Панина, Древица и др. терпело одно поражение за другим. Везде стояли виселицы, глаголи и колеса, на которых висели казненные повстанцы или лежали их истерзанные тела. Казни, пытки, наказания повсюду отмечали путь карательных отрядов.

4 августа Пугачев вступил в Петровск. Сюда из Саратова подошел отряд из 60 донских казаков есаула Фомина. С ними ехал и Г. Р. Державин, по инициативе которого и направили отряд в Петровск, чтобы забрать в нем деньги, пушки, порох, узнать о силах Пугачева. Поэт хотел также подать саратовским властям пример решимости. Подъехав к городу, выслали в него четырех казаков. Повстанцы схватили их и привели к Пугачеву. Тот учинил им допрос:

— Что вы за люди?

— Мы донские казаки, служим всемилостивейшей государыне.

— Зачем пришли?

— Присланы от командира осмотреть, какие люди в город вошли.

— Пришел государь. Служили вы государыне, а теперь будете служить мне. Велика ли ваша сила?

— Нас 60 человек.

— Кто ваш командир?

— Есаул Фомин и еще два офицера.

Пугачев послал одного из донцов обратно в отряд к Фомину с приказом, чтобы он «преклонился» к нему. Потом организовал погоню, и казаки перешли на его сторону. Пугачев сам с ними разговаривал:

— Вы какие?

— Донские, были в Саратове.

— Детушки! Бог и государь вас во всех винах прощает! Ступайте ко мне в лагерь!

Только три офицера ускакали к Саратову, по дороге к ним присоединился ожидавший их Державин, так и не решившийся подать «пример решимости».

Вечером всех донцов привели в пугачевский лагерь. Зачислили в полк Перфильева. Пугачев велел позвать к себе в палатку сотника Мелехова, хорунжих Малахова, Попова, Колобродова. Сели ужинать, выпили по две чарки водки.

— Пейте, детушки, при мне, — обратился к ним Пугачев, — и служите верно.

Те выпили. Пугачев продолжал:

— Какое вы получаете жалованье от государыни?

— Мы от всемилостивейшей нашей государыни жалованьем довольны.

— Хотя бы и довольны, но этого мало и на седло, а не токмо на лошадь. Послужите вы у меня, — не так будете довольны и будете в золоте ходить. А у вас господа съедают жалованье. Слушайте, други мои, был я в Египте три года, в Цареграде три года, да в третьем, не упомяну где месте, два года; я все примеры чужестранные узнал; там не так, как у нас. Я знаю, как с господами поступлю.

Отпустил казаков, приказал выдать старшинам по 20 рублей, остальным — по 12 рублей. Но они вскоре, один за одним, бежали от него по дороге. Попав неволей к Пугачеву, донцы, очевидно, не очень-то верили его рассказам, может быть, даже знали, кто на самом деле их расспрашивал, угощал в палатке. Сотник, хорунжие и казаки во время разговоров с Пугачевым не раз говорили, что служат «всемилющей государыне», именовать же его «великим государем» не спешили. Они явно ему не верили и при первом удобном случае покинули войско самозванца.

Пугачев, на которого с севера наседали Меллин и Муфель, приближался к Саратову. Город, один из значительных в Поволжье, насчитывал до 7 тысяч жителей. Гарнизон (780 человек), возглавлявшийся комендантом полковником Бошняком, имел 15 разных орудий. Известие о взятии Пугачевым Петровска, привезенное Державиным и другими офицерами, породило в городе замешательство. К тому же начались несогласия между Бошняком, с одной стороны, и М.М. Ладыженским, управляющим конторой опекунов иностранных поселенцев (в этих местах было немало немецких колонистов), и Г.Р. Державиным — с другой.

Местные жители, в первую очередь крестьяне, с нетерпением ждали Пугачева, освобождения от власти дворян и чиновников. Они давно волновались; с его же приближением началось широкое стихийное восстание.

Пугачев подошел к Саратову 6 августа. Оборону держали солдаты и казаки Бошняка и майора Семанжа. Они не догадались занять Соколову гору, господствовавшую над окрестностями, и Пугачев поставил там свою артиллерию и пехоту. Конницу же направил против сил саратовского гарнизона.

При подходе повстанцев казаки перешли на их сторону. В лагерь к Пугачеву, верстах в трех от Саратова, пришел для переговоров купец Кобяков. Его принял «император»:

— Ты что за человек?

— Саратовский житель Кобяков. Прислан к Вашему величеству от города, чтобы Вы пожаловали манифест. Народ желает Вам служить, да только нет манифеста.

Кобяков вернулся с манифестом, передал его Бошняку. Полковник, не читая, изодрал бумагу, истоптал ее ногами. Купцы же стали расходиться по домам, не желая оказывать сопротивления. Кобяков, их представитель, ездил между солдатами, кричал:

— Поберегите своих!

Бошняк приказал его арестовать. Но никто никого не слушал — выстрелы пугачевских пушек, малоэффективные из-за малого их калибра, все же наделали переполох, и саратовские жители, сначала поодиночке, потом толпами, побежали к повстанцам. Солдаты и вооруженные горожане, которых атаковали пугачевцы, перешли на их сторону. Отворили ворота, и повстанцы хлынули в город. Бошняк с остатками гарнизона (всего около 70 человек) отступили к Волге, сели в лодки и уплыли в Царицын.

Пугачев устроил лагерь в поле за Соколовой горой. Стоял здесь три дня. Жителям, которых привели к присяге, раздавались бесплатно соль, мука, овес. Вешали дворян и чиновников. Пугачевцы конфисковали несколько казенных судов с хлебом и деньгами. К ним пригнали два табуна лошадей. Они взяли в городе пушки, припасы. Их ряды пополнились местными солдатами, мальковскими крестьянами (1,5 тысячи человек); П. Тимофеев привел отряд в 500 человек; М. Гузенко, выпущенный из саратовского острога, — около 900 украинцев из Покровской слободы.

Саратов армия восставших оставила 9 августа. Через день туда пришли Муфель и

Меллин, еще через три дня, 14 августа, — Михельсон, следом за ним шел отряд Мансурова.

Пугачев спешил. Его намерение заключалось в том, чтобы пройти к Дону, потом, опираясь на помощь земляков, пробраться на Кубань. Но имелись сложности, сомнения: как его встретят донские казаки? Как будет вести себя Софья, следовавшая в обозе его армии? Однажды он вошел в ее палатку:

— Что, Дмитриевна, как ты думаешь обо мне?

— Да что думать-то? Буде не отопрешься, так я твоя жена, а вот это твои дети.

— Это правда. Я не отопрусь от вас. Только слушай, Дмитриевна, что я тебе скажу: теперь пристали ко мне наши донские казаки и хотят у меня служить. Так я тебе приказываю: неравно между ними случается знакомые, не называй меня Пугачевым, а говори, что я у вас в доме жил, знаком тебе и твоему мужу. И сказывай, что твоего мужа в суде замучили до смерти за то, что меня у себя держал в доме.

— Как я стану это говорить? Я, право, не знаю...

— Так и сказывай, что ты жена Пугачева. Да не сказывай, что моя, и не говори, что я Пугачев. Ты видишь, что я называюсь ныне государем Петром Федоровичем, и все меня за такого почитают. Так смотри же, Дмитриевна, исполняй то, что я тебе велю! А я, когда бог велит мне быть в Петербурге и меня там примут, тогда тебя не оставлю. А буде не то, так не пеняй — из своих рук саблюю голову срублю!

Софья знала хорошо, что муж шутить не любит: она, насмотревшись в лагере восставших всякого, позднее, на допросе, признавалась, что Емельян «стал такой собака, хоть чуть на кого осердится, то уж и ступай в петлю». После такого разговора с мужем ей не оставалось ничего другого, как помалкивать.

Пугачев вскоре приказал составить манифест к донским казакам с призывом склониться к нему и тем самым заслужить «монаршее наше прощение». Секретарь Дубровский написал текст. Творогов же, прекрасно, конечно, и до того знавший, что «государь» неграмотен, понес манифест к нему на подпись:

— Извольте, Ваше величество, сами подписать этот указ. Ведь именные указы, я слышал, государи сами подписывают.

— Иван, — Пугачев, опустив голову и помолчав немного, поднял на него глаза, — нельзя мне теперь подписывать до тех пор, пока не приму царства. Ну, ежели я окажу свою руку, так ведь иногда и другой кто-нибудь, узнав, как я пишу, назовется царем, а легкомысленный народ поверит, и будет какое ни есть злодейство. Пошли ты ко мне Алексея. Пускай он за меня подписывает.

Дубровский подписал. Творогов чуть позже повел с ним речь:

— Что, Алексей Иванович, как ты думаешь? А мне кажется худо — пропали мы совсем. Видно, что он грамоте не знает, когда сам не подписывает именных своих указов. А ведь государь Петр Федорович и по-русски и по-немецки достаточен был в грамоте.

— И я, брат, Иван Александрович, думаю, что худо наше дело.

Тут же Творогов, в голове которого зрели мысли об измене, выдаче Пугачева, подобные же сомнения высказал Ф. Чумакову, начальнику артиллерии:

— Худо наше дело, Федор Федорович. Теперь я подлинно уверился, что он (Пугачев. — В. Б.) не знает грамоты и, верно, не государь, а самозванец.

— Как это так? Поэтому мы все погибли... Как же нам быть?

Эти и другие разговоры, обсуждения, намеки, которые и раньше имели место в ближайшем окружении Пугачева, показывают, что ряд яицких казаков, когда резко изменилась обстановка, а дело шло, как они чувствовали, к катастрофе, решил, спасая свои жизни, пожертвовать Емельяном, за которым они шли без оглядки, когда восстание начиналось и набирало силы.

Во время пребывания Пугачева в Саратовском крае здесь действовало около 30 повстанческих отрядов. Но вооружены они были плохо. Только четыре из них так или иначе, но очень недолгое время поддерживали связь с его главной армией. О существовании многих из них Пугачев попросту не знал. Действовали они независимо друг от друга. Интересно, что

в восстании приняли участие немецкие колонисты. Многие из них, преимущественно бедняки, воодушевленные призывали к свободе, освобождению от повинностей, участвовали в боях с карателями. Богачи же держали сторону правительства.

После Саратова Пугачев взял Камышин (Дмитриевск). У него уже было 6 тысяч человек, 27 орудий. Он вступил в земли Волжского казачьего войска со столицей в Дубовке. Его отряды вошли также в пределы Войска Донского — в район рек Иловли, Медведицы и Хопра. Они захватили многие станицы. Но, несмотря на пугачевские призывы, население Дона в целом не поддержало восстания.

К середине августа в войске Пугачева насчитывалось уже 15—20 тысяч человек. Волжские казаки, в земли которых он вступил, переходили на его сторону. Станица за станицей торжественно встречали восставших, пополняли их ряды опытными людьми, вооружением. На пути к Дубовке Пугачев 16 августа на реке Пролейке встретил сопротивление — 3 тысячи калмыков полковника князя Дундукова, полк донских и волжских казаков Ф. Кутейникова, легкая полевая команда майора Дица преградили путь его армии. При ее приближении Дундуков атаковал правый флаг пугачевцев, смял их, и они отступили за свои орудия. Но калмыки тут же частью перешли на их сторону, частью разбежались. Бежали и казаки. Оба полковника ускакали с поля боя. Команду Дица после жаркой схватки разбили — командир, многие другие офицеры упали замертво, солдаты сдались в плен.

На следующий день после этого успеха Пугачев вступил в Дубовку. Здесь его встретили, по словам А.И. Дубровского, «с великой честью и с образами, и все дубовские казаки учинили присягу». Это подтверждает князь В. Долгоруков, командующий второй армией. В письме П.И. Панину он сообщил, что волжские казаки «во всех станицах со звоном и другими почестями» встречали Пугачева, «учинили ему присягу».

Собрав 18 августа казаков на круг, Пугачев приказал избрать старшин. Ими стали: атаман Венеровский, депутат Уложенной комиссии, есаул Сленистов. В станице его армия пополнилась 200 воинами, двумя пушками, порохом, деньгами, провиантом. Вино и водку Пугачев приказал вылить на землю, чтобы избежать нарушения порядка.

В лагерь восставших под Дубовкой прибыл в эти дни тайша Ценден-Доржи с 3 тысячами калмыцких всадников; всех их Пугачев наградил деньгами и медалями, одеждой и тканями.

Во время трехдневного пребывания в Дубовке привели однажды к Пугачеву сотника Астраханского войска Горского, тоже депутата Уложенной комиссии. Пугачев, рядом с ним какой-то очень молодой человек, вокруг — до десятка близких к «государю» людей — все сидели вокруг скатерти с угощением: рыбой, икрой, арбузами, калачами. Пугачев обратился к сотнику:

— Здравствуй, мой друг, ты кому присягал?

— Всемилоостивейшей государыне, в вечном блаженстве достойная памяти императрице Елисавете Петровне. Присутствующие при слове «государыне» вскинули на него глаза, потом, когда он закончил говорить, опустили их. Пугачев же продолжал разговор:

— Давно ли ты в службе?

— С 1748 года.

— После государыни Елисаветы Петровны кому ты еще присягал?

— Государю императору Петру III.

— А потом кому?

— Когда было обнародовано указами, что император Петр III скончался и воцарилась государыня Екатерина Алексеевна, мы ей присягали и наследнику Павлу Петровичу.

— Давно ли ты, мой друг, из Москвы?

— Месяца с три и больше.

— Что там про меня говорят?

— Говорят, сударь, что под Оренбургом и в тех местах воюет Пугачев.

Пугачев засмеялся, потом указал на молодого человека, своего сына:

— Вот сын Пугачева, Трофим Емельянович, после него остался, а самого Пугачева нет уже в живых. — Помолчал, потом, ударив себя в грудь, напористо продолжал: — Вот, друг мой, Петр III, император!

Казаки приклонили головы к коленям. Горский, увидев это, упал ниц и лежал перед «государем». Емельян махнул рукой казакам:

— Встаньте, други мои, встаньте! — повернулся к Горскому. — А ты знал государя Петра III?

— Знал.

— Я украден генералом Масловым, — Пугачев, пока всех обносили чарками водки, в который уже раз повествовал о своих похождениях, — и в три дня в Киеве стал. В столь короткое время я загнал 18 лошадей и заплатил за каждую по 10 или по 100 империялов²⁹, точно не упомяну, только великую сумму.

— Смотри-ка! — удивлялись казаки. — По тысячи рублей давал за лошадь!

— Если бог велит в тех местах (в Петербурге. — *В. Б.*) еще быть, то я так сделаю, чтобы они (дворяне. — *В. Б.*) в роды родов помнили!

Закончилась беседа выяснением вопроса о Царицыне, сколько до него верст? Имеет ли он укрепления? Каковы они? Выяснилось, что город хорошо укреплен, а его гарнизон усилен казачьими полками, вызванными с Дона; к городу подходили войска генерал-майора И. В. Багратиона из Второй армии. Полковник Цыплетев, царицынский комендант, расставил шесть батарей по берегам реки и на судах. Хотя городское население, часть гарнизона и ожидали с нетерпением и сочувствием прихода Пугачева, принятые властями меры не подавали надежды на его взятие. Донские казаки, за которыми зорко следили местная старшина и центральные власти, в большинстве своем к восстанию не присоединились. Более того, их разъезды рыскали со всех сторон главной армии Пугачева, захватывали в плен отдельных повстанцев.

Правда, Среднее и отчасти Нижнее Поволжье тоже быстро становилось очагом движения. По свидетельству секунд-майора Салманова, перешедшего к Пугачеву, «на походе от Саратова к Царицыну не только что на самой дороге жительства отдавались в его волю охотно, но и со стороны выходили попы с мужиками на поклон с хлебом и солью, становясь на колени, кланялись в землю, просили, как у государя, покровительства».

На полпути между Саратовом и Царицыном Пугачев встретил 19 августа на реке Мечетной донских казаков во главе с полковниками Ф. Кутейниковым, В. Манковым, К. Денисовым и М. Денисовым. Трижды они атаковали восставших, гнали их до орудий. Но и пугачевцы дрались, не уступая, и в конце концов заставили их отойти. Раненый Кутейников попал в плен, и его по приказу Пугачева расстреляли у буерака, но неудачно — сильно раненный, он часа два спустя очнулся и сумел добраться до станицы Качалинской. Из донцов 400 человек перешли к Пугачеву, остальные скрылись в царицынской крепости.

Победа воодушевила пугачевцев, и они 21 августа появились у Царицына. Часов пять длилась с обеих сторон артиллерийская канонада. Но на штурм Пугачев не решился — в дневном пути от города шли части Михельсона. Планы Емельяна, связанные с надеждами на взятие Царицына, рушились — опираясь на него, он хотел идти или на Астрахань и потом на Кубань, или к Яицкому городку для зимовки.

Пугачев прошел мимо Царицына. Находившиеся в его войске донские казаки, в том числе и из тех, которые перешли к нему только что, бежав из Царицына, говорили между собой о «государе», уверяли, что он — их земляк Пугачев, воевавший в Пруссии в чине хорунжего; «конечно, он не государь». Это стало известно по всему лагерю. «От сего самого, — говорил потом на допросе Творогов, — произошло в толпе нашей великое сомнение и переговоры такой, что донские казаки недаром отстали; может, узнав злодея, что он их казак, поелику он таким в опубликованных указах именован». Стало всем известно

---

²⁹ *Империял* — золотая монета стоимостью в 10 рублей.

также, что под Царицыном какой-то донской казак крикнул с вала Пугачеву:

— Емельян Иванович, здорово!

Правда, тогда он не растерялся. Но все-таки, проезжая в своем лагере мимо земляков, отворачивался на всякий случай, «чтоб они его не узнали». Все это, по словам того же Творогова, привело «нас в такое замешательство, что руки у всех опустились, и не знали, за что приняться». Дело, конечно, не в том, что Творогов и ему подобные вдруг узнали о самозванстве Пугачева. Они и раньше знали или догадывались о том. Именно в эти летние дни им стало ясно, что дело восстания проиграно, и они думали, как выпутаться, спасти себя. Отсюда — «прозрение» Творогова и других будущих изменников, их заговор, который созревал, набирал силы.

После ухода из-под Царицына Пугачев сутки провел в Сарепте. Оставленную колонистами, повстанцы ее разорили. После отдыха двинулись дальше на юг. Здесь «государь» произвел новые назначения: Овчинникова пожаловал в генерал-фельдмаршалы, Перфильева сделал генерал-аншефом, Чумакова — генерал-фельдцейхмейстером, Творогова — генерал-поручиком, Дубровского — обер-секретарем Военной коллегии, Давилина — камергером.

— Бог и я, великий государь, жалею вас чинами. Послужите мне верою и правдою.

Пожалованные опустились на колени, благодарили «императора». Пугачев, предпринимая этот шаг накануне развязки, надеялся, очевидно, еще больше привязать к себе яицких казаков, которым не очень-то доверял, снискать их расположение. Но это была слабая попытка, одна из последних, рассчитанная на то, что как-нибудь, чуть ли не чудом, удастся вырваться из петли, которая затягивалась вокруг него и его сермяжного войска.

Михельсон с отрядом приближался. Пугачев находился у Солениковой ватаги (рыбопромысловом заведении царицынского купца В. Соленикова), верстах в ста от Царицына и в сорока от Черного Яга. Емельян выстроил в одну линию все свои орудия, за ними поставил пехоту. Но Чумаков преднамеренно расставил пушки в передовых порядках войск, перед оврагом. Он, по существу, встал на путь предательства и возглавил противопугачевский заговор. Михельсон в центре поставил пехоту, на правом фланге — Чугуевский конный полк, на левом — донских казаков. Повстанческие пушки открыли огонь, вперед двинулась пехота. Конрататака кавалерии Михельсона расстроила ряды восставших, и они, оставив свои пушки, рассыпались в разные стороны, спасаясь бегством. Более 40 верст преследовали их каратели. Пугачев потерял до 7 тысяч убитыми, 6 тысяч пленными, все 24 пушки.

Это было полное поражение — главная армия перестала существовать. Пугачев со 160 яицкими казаками скакали к Черному Яру. С ним были жена Софья, сын Трофим (дочери попали в плен), Кинзя Арсланов и др. Верстах в 17 от Черного Яра переправились через Волгу на ее левый берег. Емельян духом не падал, строил новые планы — ему казалось, что он сможет где-то отсидеться, переждать, перебраться или за Каспийское море, или в Сибирь, или в Сечь Запорожскую, чтобы потом продолжить борьбу. Но жизнь распорядилась иначе, и довольно скоро Емельяну пришлось испить чашу новых страданий, на этот раз самую тяжелую, последнюю.

Арест и следствие. Смерть и бессмертие

Михельсон и другие начальники приняли меры к тому, чтобы быстрее захватить Пугачева, не дать ему снова усилиться, собрать новое войско. За Волгу направились отряды Меллина, полковника Иловайского, майора Бородин и др. В ключевых местах по Волге расставили военные отряды. 2 сентября в Царицын прибыл генерал-поручик А.В. Суворов. По приказу главнокомандующего П.И. Панина он возглавил авангардные отряды, преследовавшие Пугачева. Под конец славной, героической жизни народного предводителя, одного из самых выдающихся в истории русского и других народов нашей страны, против него послали одного из самых способных и даровитых генералов тогдашней России,

будущего генералиссимуса, военного гения. История свела двух таких разных людей, поставив их на противоположные стороны классовой баррикады.

Суворов отдал дополнительные распоряжения, в частности, отправил за Волгу, вдогонку за Пугачевым и Михельсона, который после сражения у Солениковой ватаги вернулся в Царицын. Сам Суворов тоже переправился на левый берег, с ним вместе — Галахов, Долгополов (Трифонов) и Рунич. Но они вскоре вернулись в Камышин (Дмитриевск). Суворов же нагнал отряд Меллина и направился с ним к рекам Узень. Он разделил отряд на четыре части: два — на Малую Узень, два — на Большую Узень. Севернее, по реке Иргизу, шел к Яицкому городку отряд Голицына, чтобы не дать Пугачеву возможности пробраться туда, к яицким казакам.

Со всех сторон Пугачева окружали каратели. Но и среди тех людей, которые были рядом с ним в эти дни конца августа и начала сентября, отнюдь не все думали о том, чтобы спасти своего предводителя и продолжать борьбу. Многие, и прежде всего ближайшие его помощники Творогов, Чумаков и другие, давно замыслили недоброе. Ценой измены, предательства надеялись они купить себе прощение, жизнь. Перед последним сражением у Солениковой ватаги договорились не упускать из виду Пугачева, быть «при нем неотлучно, не отступая... ни на шаг». Находились рядом с ним в сражении, во время бегства, переправы.

Еще до переправы через Волгу, верстах в 17 от Черного Яра, Пугачев имел разговор с Василием Горским:

— Вот, друг мой, мы все растерялись. Хлеба у нас нет. Как нам быть?

Сотник не знал, что ответить. Емельян обратился к яицким казакам:

— Много ли у нас осталось? Есть ли человек тысяча?

— Нет, батюшка, много до тысячи недостает.

— Можно ли нам отсюда, — Пугачев снова повернулся к Горскому, — пройти на Моздок?

— Я в Моздоке не бывал и не знаю.

— Что нам, батюшка, — возражали яицкие казаки, — в Моздоке делать? Лучше перейдем через реку Волгу на Ахтубу реку, к Селитренному городку. Тут достанем себе хлеба и пойдем чернями³⁰ близ моря (Каспийского. — В. Б.) по ватагам³¹ к Яику-реке. Хлеба по ватагам мы сыщем довольно.

— А есть ли по ватагам кони?

— По ватагам коней много и скота довольно.

— Ну, хорошо, пойдем туда. Пришедши на Яик, мы пойдем на Трухменский³² кряж, там у меня есть знакомые владельцы или старшины трухменские. Через их землю, хотя трудно, но пройдем в Персию, там у меня есть ханы знакомые. И хотя они разорены, однако же мне помогут.

В той обстановке, которая сложилась в эти безвыходные, гибельные дни, Пугачев опять говорит об уходе к Кубани, в Персию, о каких-то «знакомых» владельцах в туркменских местах. Чувствуется, он лихорадочно ищет выход, пытается направить развитие событий в нужное ему русло, хотя и неясно совсем, куда они могут привести, могут ли вообще, реальны ли они хоть в малейшей степени? Видно отчетливо — он бессилён что-либо изменить в том ходе событий, который ведет к развязке. Яицкие казаки, которые постоянно, с первых дней восстания, окружали его, столь же постоянно оказывали на него влияние, а то и давление, нередко связывая тем самым его инициативу, волю. Теперь же они, по существу, диктовали ему то, что он должен был делать, и Емельяну не оставалось ничего иного, как соглашаться.

---

³⁰ Черни — морской берег.

³¹ Ватага — артель рыбаков.

³² Трухменский — туркменский.

После переправы заговор, начало которому Творогов положил ранее, продолжал созревать. Те люди, которые, приняв участие в восстании, мечтали в случае его победы «восстановления» Петра III на престоле, надеялись стать «первым сословием в государстве», теперь, когда их планы рухнули, повернули против того, за кем пошли год назад. Творогов на левом берегу собрал у себя заговорщиков — Чумакова, Федульева, Железнова, Бурнова, Арыков а:

— Что нам делать? Какому государю мы служим? Он грамоте не знает. Я подлинно вас уверяю, что когда по приказанию его был написан к казакам именной указ, то он его не подписал, а велел подписать его именем секретарю Дубровскому. Если бы он был государь, то указ подписал бы сам. Донские казаки называют его Емельяном Ивановым, и когда пришли было к нему и на него пристально смотрели, то он рожу свою от них отворачивал. Так что же теперь нам делать? Согласны ли вы будете, чтобы его связать?

— Согласны, — за всех ответил Чумаков, — только надобно уговориться с другими казаками. Мы сами теперь видим, что он не государь, а донской казак.

Решили каждый уговорить приятеля, потом снова собраться вместе.

Между тем Пугачев назначил в ночь совещание яиц-ких казаков:

— Как вы, детушки, думаете: куда нам теперь идти?

— Мы и сами не знаем. А Ваше величество куда изволите думать?

— Я думаю идти вниз по Волге и, собрав на ватагах хлеба, пробраться к запорожским казакам. Там близко есть у меня знакомых два князька. У одного наберется тысяч с семнадцать, а у другого тысяч с десять. Они за меня верно вступятся.

— Нет, воля ваша, хоть головы рубите, а мы не пойдем в чужую землю. Что нам там делать?

— Ну а куда же вы думаете? Мы пойдем в Сибирь, а не то в Калмыцкую орду.

— Нет, батюшка, мы и туда не ходоки с Вами. Куда нам в такую даль забиваться! У нас здесь отцы, матери и жены. Зачем идти в чужую землю?

— Ну так куда же вы посоветуете?!

— Пойдем вверх по Волге, — предложили Творогов и Чумаков, — и будем пробираться к Узеням. А там уже придумаем, что делать.

— Но там трудно будет достать хлеба. И есть опасность от воинских команд.

Несмотря на сомнения Пугачева, его нежелание, даже недовольство, казаки упрямо твердили о своем. Сумели настоять. Емельян опять не мог не согласиться. Трудно сказать, представить, что делалось в эти дни в душе его, томимой, несомненно, тяжелыми предчувствиями. Холод безысходности, вероятно, подползал, как змея, к сердцу, и, как ни пытался этот смелый и отчаянный человек отогнать его, отдалить неминуемое, из этого ничего не получалось.

Наутро двинулись по степи вверх по Волге, потом повернули на восток, к Узеням. Не было ни воды, ни хлеба.

— Куда вы меня ведете? — спрашивал Пугачев. — Люди и лошади помрут без воды и хлеба.

— Мы, — отвечали Творогов и Чумаков, — идем на Узени.

— Я степью идти не хочу. Пойдем к Волге. Пусть там меня поймают, да все-таки достанемся в руки человеческие. А в степи помрем как собаки.

Часть людей повернула к Волге, другие продолжали идти степью. Заговорщики по пути продолжали свою работу — уговаривали одних, изолировали, удаляли других — тех, кто был предан Пугачеву. Несколько дней блужданий по степи, без хлеба и воды, под свист ветра и снега окончательно всех вымотали. Наконец добрались до Узеней. Остановились на ночлег. Двое казаков, Ба-калкпв и Лепехин, отправились утром на охоту. Вскоре вернулись с известием: недалеко от их стоянки живут два старца в землянках. Пугачева это заинтересовало:

— Нет ли у стариков чего на пищу?

— Есть. Мы видели у них дыни и букву³³.

Емельян предложил поехать туда. Творогов и человек 20 других участников заговора с радостью согласились. Случай выпал для них удобный. Пугачев приказал оседлать себе лошадь из тех, что похуже.

— Что вы, — спросил его Творогов, — такую худую лошадь под себя берете? Неравно, как что случится, так было бы на чем бежать.

— Я берегу хорошую впредь для себя.

Он, несмотря на то, что не мог не чувствовать, предвидеть, что его ожидает, все-таки надеялся спастись, ускакать в час опасности от преследователей, карателей, которые обложили его со всех сторон. Именно отсюда исходила, по его убеждению, эта опасность. О том, что «впредь» придется спастись, причем на хорошей, быстрой лошади, он и говорил откровенно и доверчиво Творогову, председателю своей Военной коллегии, доверял ему как одному из близких людей, соратников. Чувствуется, он не предполагал, не мог подумать, что от Творогова может исходить замысел измены.

Пугачев и его спутники поехали к старцам. Их землянки находились на другом берегу реки. Переехали ее, подошли к землянкам. Старцы охотно дали дыни и буквы, но на всех не хватило. По их разрешению казаки пошли к грядкам. У землянок остались Пугачев и главный заговорщики — Творогов, Чумаков, Федульев, Бурков и Железное. Первым завел речь Чумаков:

— Что, Ваше величество, куда ты думаешь теперь идти?

— О чем ты спрашиваешь? Ведь у нас выдумано, куда ехать: на форпосты. Забрав с них людей, пойду к Гурьеву городку. Тут мы перезимуем. А как лед вскрыется, то, севши на суда, поедem за Каспийское море и там поднимем орды.

Как видно, Пугачев, соглашаясь с казаками, все время думал о своем — как бы вырваться на новый простор. Перебирая все возможные варианты (уйти на Кубань или в Запорожье, в Калмыцкую орду или Сибирь, Туркменскую степь или далее в Персию), он снова и снова мечтает о том, чтобы продолжить борьбу, поднять на нее новых людей, степные «орды». Пытается увлечь оставшихся при нем людей, не понимая, что они ускользают из-под его влияния, уже встали на путь предательства, обещает помощь мифических «владельцев» и «князьков». Яицкие казаки, сопровождающие его, по-прежнему величают его «батюшкой», называют «Ваше величество», но повиноваться ему уже не хотят, ведут себя уклончиво. Но в то же время твердо гнут свою линию. Так и сейчас, в ответ на его речи о Гурьеве городке и поездке за Каспийское море, возражают вежливо (пока!), но твердо:

— Нет, батюшка. Воля твоя, а мы не хотим теперь воевать. Пойдем лучше в наш городок.

— Я в Яицкий городок не поеду. Ежели и вы на Яик поедете, так сами пропадете и меня погубите. А не лучше ли ехать назад и пробираться в Москву?

— Нет, государь! Воля твоя, а тому не бывать.

— Полно, не лучше ли, детушки, оставить поездку в городок?

— Нет, нельзя. Нам некуда теперь больше ехать.

Твердый тон казаков, их решимость сделать по-своему, несмотря на доводы Пугачева, наконец-то открыли ему глаза. Продолжая их уговаривать, он то краснел, то бледнел. Они же стояли на своем. Емельян опять принужден был уступить:

— Ну, воля ваша, поедem. Коли нас там примут, то останemся. А коли не примут, так пойдем мимо.

— Как не принять! — сказал Чумаков. — Ваше величество, пора ехать в стан.

Наступал решительный момент. Казаки тоже, вероятно, видели, что Пугачев догадывается об их умысле. Они спешили совершить задуманное — вернуться через реку к лошадям и там связать Пугачева. Так и получилось — Емельян, Чумаков и несколько других

---

³³ Буква (брюква) — огородное растение типа редьки.

переехали первыми. Когда подъехали Творогов и остальные, Чумаков держал под уздцы лошадей — Пугачева и свою. Все окружили Емельяна, когда он хотел садиться на лошадь. Федульев закричал Бурнову:

— Иван! Что задумали, то затевай — сними с него саблю!

Бурнов схватил Пугачева за руки выше локтей.

— Что это... Что вы выдумали?! — Побледневший Пугачев говорил неровно, с перерывами, голос его дрожал. — На кого вы руки поднимаете?!

Казачи в ответ закричали наперебой:

— А вот что! Ты отдай нам свою шашку, ножик и патронницу!

— Мы не хотим тебе больше служить и не хотим больше злодействовать!

— Довольно и так за тебя прогневали бога и матушку милостливую государыню!

— Много пролили мы крови человеческой и лишились сами отцов, матерей, роду и племени!

Пугачев продолжал уговаривать их:

— Ай, ребята, что это вы вздумали надо мною злодействовать?! Ведь вы только меня погубите, а и сами не воскреснете. Полно, не можно ли, детушки, это отменить? Напрасно вы меня губите.

— Нет! Нет! Не хотим более проливать крови! Мы повезем тебя прямо в городок. Если ты подлинный государь, то тебе нечего бояться. Ты там себя и нас оправивь. А что до нас касается, то воля матушки нашей всемилостивейшей государыни: что изволит, то и сделает с нами. Хотя всем нам головы перерубят, только мы тебя не упустим. Полно уже тебе разорять Россию и проливать безвинную кровь!

Изменники, в свое время примкнувшие к Пугачеву в надежде, что он, став императором, утвердит их сословные права, год спустя кричат ему в глаза о «матушке», «всемилоостивейшей государыне», которая-де вольна с ними сделать все, что захочет. Втайне они, конечно, надеются получить от нее свои тридцать сребреников; поэтому так и стараются не упустить самозваного «государя», чтобы, выдав его палачам, купить себе прощение. Тысячи и тысячи пугачевцев без колебаний отдали жизнь за народное дело. Эти же Иуды думали только об одном — как бы спасти себя. Тех же, кто мог им помешать, например, Кинзю Арсланова и других, оставшихся до конца верными Пугачеву, они постарались загодя оторвать, отодвинуть от него.

Заговорщики с Пугачевым возвращались в свой лагерь. Не доезжая до него, остановились. Пугачева держали на лошади, стерегли его Железнов и Астраханкин, тоже на лошадях. Чумаков отделился от всех и, очевидно, по их поручению, приехал в стан, объявил об аресте «государя» всем, кто там оставался. Они восприняли известие спокойно, как о том свидетельствует разговор Чумакова с Фофановым:

— Мы государя арестовали и хотим везти в Яицкий городок; так ты к нему не приставай.

— Куда другие, туда и я. Куда команда пойдет, туда и я с нею.

Вся «команда» с Пугачевым переправилась через Узень, чтобы ехать к Липкому городку. Пугачев подозвал к себе Творогова. Они отъехали в сторону, и Емельян начал его уговаривать:

— Иван! Что вы делаете? Ведь ты сам знаешь божие писание: кто на бога и государя руки подымет, тому не будет прощения ни здесь, ни в будущем веке. Ну что вам за польза? Меня потеряете и сами погибнете. Если я жив не буду, то сын мой и наследник Павел Петрович вам за меня отомстит! Полно! Подумайте хорошенько: не лучше ли кинуть это дело?

— Нет уж, батюшка, не говори! Что задумали и положили, то тому так и быть. Отменить нельзя.

Помолчали. Ехали дальше. Поодаль виднелись Железнов и Астраханкин. Оглянувшись на них, Пугачев ударил по лошади и повернул в сторону, в степь.

— Прощай, Иван, оставайся!

— Ушел! Ушел!

Творогов и другие казаки бросились в погоню. Лошадь у Пугачева была слабой, и Творогов быстро его догнал. Дважды Емельян отгонял горячую лошадь преследователя ударами плети. Но в конце концов три казака окружили его. Емельян соскочил с лошади и скрылся в камышах. Казаки — за ним. Пугачев схватился за эфес шашки Железнова, до половины вытащил ее. Но Астраханкин схватил его за руки. Подскакал Федульев, и общими усилиями они связали пленнику руки.

— Как вы смели на императора своего руки поднять?! За это воздастся вам!

— Нет, брат! Теперь больше не обманешь.

Пугачев, не выдержав, заплакал от обиды. Уверял, что больше не уйдет, просил развязать руки. Его развязали, посадили на ту же лошадь, повезли дальше. Сообщили об аресте самозванца на форпосты. С тем же известием послали трех казаков в Яицкий городок.

После ночевки на речке Балыте отправились дальше. Остановились верстах в 15 покормить лошадей. Казаки сидели группами. Пугачев ходил среди них, за ним присматривали. Он заметил шашку и пистолет, лежавшие рядом с малолетним казаком Харькой (Харитоном). Быстро завладел ими, обнажил саблю и бросился к группе, где сидели Творогов и другие главари заговора:

— Вяжите старшин!

— Кого, — Федульев пошел навстречу, — велишь ты вязать?

— Тебя!

Пугачев направил на него пистолет, спустил курок. Выстрел не последовал — осечка. Федульев крикнул всем:

— Атаманы, молодцы! Не выдавайте!

Казаки окружили Пугачева. Он отмахивался саблей. Бурнов ударил его тупым концом копья. Он обернулся к нему, и в это время Чумаков ухватил Емельяна за руки. Его обезоружили, связали. Посадили на телегу вместе с женой Софьей и сыном Трофимом, которые видели все происходившее и безутешно рыдали. Казаки спрашивали Пугачева:

— Сам ты собою сделал или другой кто присоветовал?

— Маденов присоветовал. Говорил, что многие за меня вступятся.

Заговорщики тут же до смерти избили казака, который, несомненно, сочувствовал Пугачеву, хотел ему помочь, освободить. Его бросили в степи.

Дней через пять, 14 сентября, заговорщики добрались до Бударинского форпоста. Здесь Творогов и Чумаков заявили об аресте самозванца. Затем приехали в Яицкий городок, явились к старишне Акутину и капитану-поручику Маврину.

Около Кош-Яицкого форпоста казаки передали Пугачева в руки сотника Харчева с командой. Пленника тут же забили в «великую колодку»³⁴. В полночь с 14 на 15 сентября его доставили в Яицкий городок. Пугачев снова, на этот раз не по своей воле, оказался в тех местах, где год назад начал борьбу против угнетателей. Незадолго перед тем сюда же привезли А. Перфильева и других участников восстания, которые отстали во время переправы через Волгу; арестовали их на реке Деркуле.

Уже 16 сентября Маврин начал следствие. К этому времени следственные органы, в первую очередь секретные комиссии в Казани, Оренбурге и Яицком городке, провели уже большую работу — допрашивали плененных участников Крестьянской войны, разгласителей слухов об «императоре Петре III», его успехах в борьбе с властями и помещиками. Помимо этих трех городов, повстанцев допрашивали также в Самаре, Симбирске. К розыску привлекли тысячи людей. Многие сотни из них умирали от плохих условий содержания — скученности, скудости пищи, антисанитарии. Следователи, которых подстегивали центральные власти (Сенат, его Тайная экспедиция и др.), сама императрица, старались прежде всего выяснить истоки восстания, его побудительные причины, особенно

---

³⁴ *Колодка* — деревянные кандалы на ногах.

возможность какого-либо иноземного влияния. С этой целью с особым пристрастием допрашивали ближайших сподвижников Пугачева — Шигаева, Горшкова, Почиталина, Падурова, Мясникова и других. Оренбургская комиссия составила к 21 мая 1774 года доклад. В нем она верно отметила, что «Пугачев не имеет, кажется, постороннего, а паче чужестранного руководства и споспешествования, но споспешествовали ему в злодейских его произведениях, во-первых, яицкие казаки, а во-вторых, народное здешнего края невежество, простота и легковерие, при помощи вымышленного от злодея обольщения их расколом, вольностию, льготою и всякими выгодами». Таким образом, главное, и это вынуждена комиссия признать, — тяжелое положение народа. Она, естественно, осуждает со своих классовых позиций и восставший народ, и его предводителя, хотя и отдает ему должное: «Самозванец, хотя человек злой и предерской, но пронырливой и в роде своем прехитрой и замысловатой... Из показания многих видно, что он в злодеяниях прехитрой, лукавой и весьма притворной человек, ибо они уверяют об нем, что он мог плакать, когда только хотел, во всякое время. А сие и служило простому народу удостоверением, что вымышляемые им слова неложны».

Как видим, следователи, опираясь на показания сподвижников Пугачева, рисуют его человеком ловким, предприимчивым, имеющим к тому же дар своего рода актера-импровизатора.

В ходе допросов многих арестованных подвергали истязаниям, казнили. Особенно свирепствовали Панин и его подчиненные. Постепенно всех важнейших деятелей восстания сосредоточили в Москве, где в начале ноября началось следствие по делу Пугачева в Московском отделении Тайной экспедиции Сената. Пугачева, до прибытия в Москву, допрашивали в Яицком городке и Симбирске.

На первом допросе Пугачев вел себя мужественно и спокойно, с большим достоинством и твердостью духа. Маврин, который записывал ответы Емельяна, с удивлением и даже, можно сказать, с уважением ответил: «Описать того невозможно, сколь злодей бодрого духа».

— Что ты, — спросил его Маврин, еще ночью до приезда в городок, — за человек?

— Донской казак Емельян Иванов сын Пугачев. Согрешил я, окаянный, перед богом и перед ее императорским величеством и заслужил все те муки, какие на меня возложены будут. Снесу я их за мое погрешение терпеливо.

На допросе Пугачев подробно рассказал о своем происхождении, житье на Дону, службе в армии и скитаниях, наконец, о ходе Крестьянской войны, своем в ней участии. Очень интересен ответ на вопрос о цели восстания: «...Что ж до намерения итти в Москву и далее, тут других видов не имел, как-то: если пройду в Петербург, там умереть со славою, имея всегда в мыслях, что царем быть не мог. А когда не удастся того сделать, то умереть на сражении. Ведь все я смерть заслужил, так похвальней быть со славою убиту».

Для дальнейшего следствия Пугачева из Яицкого городка должны были повезти или в Казань, как хотел П.С. Потемкин, или в Симбирск. На втором из двух городов настоял главнокомандующий Панин. По приказу последнего, А.В. Суворов взял под охрану Пугачева и направился в Симбирск. Везли его в клетке, специально для того сделанной. Как писал Маврин своему начальнику Потемкину, «чтоб вести его церемониально, для показания черни, велел сделать приличные к тому с решеткою роспуски» (повозку с решеткой).

1 октября Суворов привез Пугачева с женой Софьей и сыном Трофимом в Симбирск. Конвой состоял из двух рот пехоты, 200 казаков и двух орудий. По ночам путь освещали факелы. На другой день в городе появился главнокомандующий. Собралась огромная толпа, и Панин приказал показать людям скованного Пугачева, не постеснявшись собственной рукой дать ему несколько пощечин. Емельяна здесь, на площади, потом на квартире главнокомандующего заставили объявить о своем настоящем происхождении.

Охранял его капитан Галахов с командой. В комнате, где он сидел, постоянно находились обер-офицер, унтер-офицер и солдат без ружья и с необнаженной шпагой, чтобы Пугачев, случаем, не выхватил ее и не умертвил себя. Да он и не смог бы этого сделать —

скованного кандалами по рукам и ногам, его к тому же прикрепили к стене цепью.

В Симбирске собрались Панин, Потемкин, Суворов и Михельсон. Панин, более чем холодно относившийся к Потемкину, тем не менее поручил ему начать допрос Пугачева. Какому-то художнику, имя которого осталось неизвестным, приказал сделать портрет Пугачева, «сего адского изверга».

Панин показывал своего пленника многим людям, приезжавшим посмотреть на него. Среди них был и Державин. Главнокомандующий, хваставший всем, что «злодей» в его руках, самодовольно спросил поэта:

— Видели ли Вы Пугачева?

— Видел на коне под Петровском.

— Прикажи, — граф обратился к Михельсону, — привести Емельку.

Ввели Пугачева в окопах, одетого в засаленный, очень поношенный тулуп. Войдя в комнату, он встал на колени, Панин глянул насмешливо:

— Здоров ли, Емелька?

— Ночей не сплю. Все плачу, батюшка, ваше графское сиятельство.

— Надейся на милосердие государыни.

Однажды в приемной у главнокомандующего собралось до 200 военных и гражданских лиц. Снова, по его указанию, привели Пугачева. И опять граф разыграл сцену:

— Как мог ты, изверг, вздумать быть царем России?!

— Виноват, — Емельян поклонился до земли, — перед богом, государынею и министрами.

Панин, разгоряченный и рассерженный, поднял было правую руку, чтобы ударить, но тут же, исторгнув слезы, истерически воздел вверх руки:

— Господи! Я осквернил было мои руки!

Забыв, что недавно он уже «осквернил» свои руки, этот сановный крепостник со старческими рыданиями восклицал:

— Боже милосердный! Во гневе твоём праведно наказал ты нас сим злодеем.

Рунич, описавший эту сцену, добавляет: «Все присутствовавшие как окаменелые безмолвствовали». Так в лице графа Панина, главного карателя и вешателя на заключительном этапе Крестьянской войны, выражало свой гнев и возмущение российское дворянство, жаждавшее мести, крови «рабов», своей «крещеной собственности».

В Симбирске Пугачева допрашивали пять дней. Вели допросы Панин и Потемкин. Применялись самые ужасные пытки. «Всеми мучениями, какие только жестокость человеческая выдумать может» следователи стремились сломить волю, мужество народного предводителя. О методах, которые применял Потемкин, хорошо написал В.Г. Короленко: «К несчастью для последующей истории, первоначальное следствие о Пугачеве попало в руки ничтожного и совершенно бездарного человека — Павла Потемкина, который, по-видимому, прилагал все старания к тому, чтобы первоначальный облик „изверга“, воспитанного „адским млеком“, как-нибудь не исказился реальными чертами. А так как в его распоряжении находились милостиво предоставленные ему „великой“ Екатериной застенки и пытки, то понятно, что весь материал следствия сложился в этом предвзятом направлении: лубочный, одноцветный образ закреплялся вынужденными показаниями, а действительный образ живого человека утонул под суздальской мазней застеночных протоколов».

Конечно, дворянам выгодно было изобразить Пугачева таким исчадием ада, извергом рода человеческого, от поступков которого пострадали «всенародно» жители тех районов, где действовал он и его повстанцы. При этом, как всегда бывало в подобных случаях, они выдавали свои неприятности и невзгоды за общенародное бедствие. Правда, Крестьянская война, и в этом одна из ее великих исторических заслуг, показала, как ничто другое, какая стена, баррикада разделяет классовые интересы эксплуатируемых и эксплуататоров. Феодалам, доводы и увещания которых явно били мимо цели, не оставалось ничего иного, как пытать и карать, жечь и вешать, что они и делали с беспощадной жестокостью.

Одновременно с допросами Пугачева предпринимались другие меры. На пути от

Симбирска к Москве готовились промежуточные станции (в 60 верстах друг от друга) для ночлегов, где ставились роты для охраны каждой из них. В Москву свозили главных сподвижников Емельяна Ивановича. В Казани, взятие которой восставшими произвело на всех сильнейшее впечатление, на площади прочитали указ о поимке Пугачева и сожгли его портрет, сделанный в Симбирске. Свидетельницей заставили выступить Устинью. Творогов и Федульев каялись в своих прегрешениях. Еще ранее указом императрицы 13 октября 1774 года станицу Зимовейскую переименовали в Потемкинскую и предписали перенести ее на противоположный, левый берег Дона. Указом же 15 января 1775 года реку Яик переименовали в Урал, а Яицкий городок — в Уральск. Власти делали все, чтобы вытравить в народе память о Пугачеве и всем, что с ним было связано.

Пыточных дел мастера во главе с Потемкиным допрашивали Пугачева в Симбирске, выпытывали, «не подкуплен ли он был какими иностранцами или особенно кем из одной или другой столицы, Москвы и Петербурга, на незаконное объявление себя императором Петром III». Следователям и императрице, которая фактически возглавляла и направляла их работу, казалось, что Пугачевым кто-то руководил, что сам он не мог поднять людей на такое дело по своей неграмотности, темноте. Не могли понять они ту простую истину, что действиями Пугачева и пугачевцев двигало чувство классового протеста, решимости поднять борьбу против зла, несправедливости, угнетения простого народа. Это в какой-то степени понимали и отмечали самые проницательные представители дворянства, например Бибиков, Маврин.

Во время допросов Маврин, даже Потемкин и другие не раз могли убедиться в том, что Пугачев, несмотря на весь царистский камуфляж, выступал по собственной инициативе, при поддержке угнетенных за их интересы, за правое дело. Рунич в записках сообщает, что в ответ на вопросы следователей Емельян Иванович «с твердым голосом и духом отвечал, что никто его как из иностранцев, так из Петербурга и Москвы никогда не подкупал и на бунт не поощрял».

25 октября конвой с Пугачевым выехал из Симбирска. Его сопровождали капитан А.П. Галахов, десять других офицеров, 40 гренадеров, 40 яицких казаков. От станции до станции их сопровождали посменно по две роты пехоты с двумя пушками. «Маркиза Пугачева, — торжествующе писала императрица барону Мельхиору Гримму, одному из знаменитых энциклопедистов, своему корреспонденту во Франции, — везут теперь из Симбирска в Москву, связанного, окруженного, словно медведя, а в Москве его ожидает виселица».

По словам Рунича, Пугачев в Симбирске пребывал в состоянии «уныния и задумчивости». По дороге же в Москву «стал разговорчивее, веселее и каждый вечер на ночлеге рассказывал нам о военных своих подвигах и разных приключениях своей жизни».

Конвой следовал через Алатырь, Арзамас, Муром, Владимир.

3 ноября Пугачев прибыл в село Ивановское, в 29 верстах от Москвы по Владимирской дороге. Здесь к конвою присоединилась команда полицейских гусар. Ожидался «злодей» на следующий день. Вся Москва готовилась к встрече. Сенатор П.А. Вяземский, брат генерал-прокурора Сената, писал ему: «Завтрашний день привезут к нам в Москву злодея Пугачева. И я думаю, что зрителей будет великое множество, а особливо — барынь, ибо я сегодня слышал, что везде по улицам ищут окошечка, откуда бы посмотреть».

4 ноября, рано утром, Пугачева ввели в Москву. Он сидел, скованный по рукам и ногам, внутри железной клетки на высокой повозке. От Рогожской заставы до Красной площади все улицы заполнили толпы народа. Дворяне, офицеры, духовенство, все богатые люди ликовали. Простой народ молча смотрел на «государя», своего заступника, окованного кандалами.

Тюрьму устроили на Монетном дворе (позади нынешнего Музея В.И. Ленина). Камеру, в которой сидел Пугачев, окованный кандалами, прикованный цепью к стене, охраняли десять солдат Преображенского полка и рота Второго гренадерского полка.

Председателем следственной комиссии, которая допрашивала Пугачева, императрица назначила М.Н. Волконского, московского генерал-губернатора, ее членами — П.С.

Потемкина, С.И. Шешковского, обер-секретаря Тайной экспедиции Сената. По указанию Екатерины II следователи снова и снова выясняли корни «бунта», «злодейского намерения» Пугачева, принявшего на себя имя Петра III. Ей по-прежнему казалось, что суть дела — в самозванстве Пугачева, обольщавшего простой народ «несбыточными и мечтательными выгодами». Опять искали тех, кто толкнул его на восстание, — агентов иностранных государств, оппозиционеров из высших представителей дворянства или раскольников.

Помимо Пугачева, к следствию в Москве привлекли более двух десятков его ближайших сподвижников — Чику-Зарубина, Шигаева, Почиталина, Горшкова, Перфильева.

Пугачев снова рассказывал во всех подробностях о своей жизни на Дону и в армии, о Крестьянской войне. Следователи убедились, что восстание, которое он возглавил, не было кем-то инспирировано; что оно было стихийным движением народа против крепостничества, дворянства. 5 декабря Волконский и Потемкин подписали определение о прекращении розыска.

19 декабря, через две недели, Екатерина II, внимательно следившая за ходом следствия, направлявшая его, определила указом состав суда — 14 сенаторов, 11 «персон» первых трех классов, 4 члена Синода, 6 президентов коллегий. Возглавил суд Вяземский. В него вопреки судебной практике вошли и два главных члена следственной комиссии — Волконский и Потемкин.

Приговор был, конечно, давно предрешен. Екатерина II, «Гартюф в юбке» (так ее назвал Пушкин), как и где только могла, старалась показать, что она не хочет иметь никакого отношения к суду и сентенции (приговору) по делу Пугачева, что она не является сторонницей жестоких мер и т. д. Но в то же время неукоснительно следила за розыском, всеми его деталями. Знакомилась с отчетами доверенных лиц, посылала им инструкции. В письме Гримму, еще до суда над «злодеем», она выражалась без обиняков: «Через несколько дней комедия с маркизом Пугачевым кончится; приговор уже почти готов, но для всего этого нужно было соблюсти кое-какие формальности. Розыск продолжался три месяца, и судьи работали с утра до ночи. Когда это письмо дойдет к вам, вы можете быть уверенным, что уже никогда больше не услышите об этом господине».

Заседание суда открылось 30 декабря в Тронном зале Кремлевского дворца. Здесь собрались высшие представители столичной знати — заклятые враги того дела, во имя которого поднялись на борьбу повстанцы Пугачева. Прочитали манифест императрицы от 19 октября, портрет которой во весь рост украшал зал суда, и записку «Происхождение дел злодея Пугачева». По предложению генерал-прокурора Вяземского, члены суда подписали определение, согласно которому «все дело и происходимые рассуждения содержать в величайшем секрете». Постановили также «Пугачева завтрашнего дня представить пред собрание, а чтобы не произвести в народе излишних разговоров, то привезти его в Кремль в особую комнату, близкую от присутствия, до рассвета, где и пробыть ему весь день, и отвезти обратно вечером». Образовали две комиссии: одной, во главе с сенатором Масловым, поручалось допросить в камерах сподвижников Пугачева, в правдивости их прежних показаний; другой, во главе с Потемкиным, — составить сентенцию.

31 декабря Пугачева засветло привезли в покои Кремлевского дворца. Заседание суда началось в 10 часов. Маслов доложил, что помощники Пугачева подтвердили свои показания. Судьи подписали протокол предыдущего заседания, утвердили вопросы Пугачеву. Наконец, ввели его самого, заставили встать на колени. Ему предложили вопросы, на которые он отвечал односложно:

— Ты ли Зимовейской станицы беглый донской казак Емельян Иванов сын Пугачев?

— Да, это я.

— Ты ли, по побеге с Дона, шатаясь по разным местам, был на Яике и сначала подговаривал яицких казаков к побегу на Кубань, потом назвал себя покойным государем Петром Федоровичем?

— Да, это я.

— Ты ли содержался в Казани в остроге?

— Да, это я.

— Ты ли, ушед из Казани, принял публично имя покойного императора Петра III, собрал шайку подобных злодеев и с оною осаждал Оренбург, выжег Казань и делал разные государству разорения, сражался с верными ее императорского величества войсками и, наконец, артелью связан и отдан правосудию ее императорского величества, — так как в допросе твоём обо всем обстоятельно от тебя показано?

— Да, это я.

— Не имеешь ли, сверх показанного тобою, еще чего объявить?

— Нет, не имею.

Вяземский затем спросил Пугачева:

— Имеешь ли чистосердечное раскаяние во всех содеянных тобою преступлениях?

— Каюсь богу, всемилостивейшей государыне и всему роду христианскому.

Как видим, Пугачев, понимая, что положение безвыходно, а впереди ждет его только мука смертная, отвечая спокойно, индифферентно, приготовившись к неизбежному концу.

Приговор, утвержденный императрицей, определил Пугачеву наказание — четвертовать, голову воткнуть на кол, части тела разнести по четырем частям города, положить их на колеса, потом сжечь. Тяжкие кары постигли и его сподвижников: Перфильева — четвертование; Шигаева, Падурова, Торнова — повешение в Москве; Зарубина — отсечение головы в Уфе и т. д.

Утром 10 января толпы людей заполнили Болотную площадь, где предстояла казнь, и соседние улицы. Показались сани с высоким помостом. На нем сидели Пугачев и Перфильев. Емельян держал в руках две толстые свечи желтого воска; оплывая, они залепляли воском его руки. Пугачев кланялся на обе стороны народу. «Все, — по свидетельству А.Т. Болотова, очевидца казни, — смотрели на него с пожирающими глазами, и тихий шепот и гул оттого раздавались в народе».

На Болотной площади прошедшей ночью, при свете костров, соорудили высокий, в четыре аршина, эшафот с обширным помостом и балюстрадой. Посреди помоста стоял высокий столб с колесом и острой железной спицей наверху. Здесь же помещались три виселицы. Эшафот окружали полицейские части и пехотные полки.

Пугачева и Перфильева возвели на эшафот. Началось чтение сентенции, довольно долгое. Архаров, московский обер-полицеймейстер, громко спросил, когда манифест упомянул имя предводителя восстания:

— Ты ли донской казак Емелька Пугачев?

— Так, государь. Я донский казак Зимовейской станицы Емелька Пугачев.

Емельян в длинном овчинном тулупе все время крестился. Наконец чтение закончилось. Духовник, благословивший осужденных, и чтец сошли вниз. Пугачев, покрестившись на соборы, кланялся на все стороны, говорил:

— Прости, народ православный! Отпусти мне, в чем я согрубил перед тобою! Прости, народ православный!

Экзекутор подал знак, и палачи сорвали с Пугачева тулуп, начали рвать рукава малинового полукафтаныя. Пугачев опрокинулся навзничь, и в этот миг его отрубленная палачом окровавленная голова показалась в воздухе, на спице, остальные части тела — на колесе. Быстро расправились и с другими осужденными.

Останки Пугачева вместе с эшафотом и санями вскоре, 12 января, сожгли, и Вяземский, «припадая к высочайшим стопам», доносил императрице об окончании дела Пугачева. Несколько дней спустя Екатерина II приехала в Москву — по случаю заключения мира с Турцией были организованы пышные торжества. И сама она, и власти стремились изгладить из памяти народа мысли, впечатления о Пугачеве и его повстанцах, их страшной казни.

А народ этот, сочувствовавший Пугачеву и его делу, ждавший его с надеждой во всем градам и весям империи Российской, вынужденный молчать и подчиняться, когда в первопрестольной казнили их заступников, не забыл, прославил его в песнях и легендах, пронес память о нем через долгие годы страданий и борьбы, вспоминая имя и дела его в

трудные моменты своей жизни и в годы бесстрашной борьбы с угнетателями.

Пугачев, при всей своей безграмотности, темноте, будучи человеком острого ума, «проворным» и проникательным, несомненно, понимал значение и смысл того дела, на которое он поднял огромные массы людей, пошедших за ним. Не мог он не думать о том, что его выступление, несмотря на поражение, не было одиноким в жизни русского народа, истинным сыном которого он был. Он, конечно, как и все его современники, хорошо знал о Разине, его атаманах и казаках, слышал предания о нем, пел, может быть, песни об удалом сыне Дона. Он действовал в тех местах, где сто лет до этого воевали с царскими войсками Разин и разинцы. Пугачев, собственно говоря, продолжил дело Разина, Болотникова, Булавина и других борцов за народную долю. Не мог он не думать и о том, что простой народ, с восторгом встречавший пугачевцев, их манифесты, на его стороне и сейчас, и в будущем. Недаром он столько раз и недвусмысленно говорил о российской «черни», что она, конечно, пойдет за ним, поскольку терпит великие обиды и отягощения, стремится избавиться от барской неволи.

И простой народ и его лучшие представители не только не забыли Пугачева, героические деяния повстанцев последней в истории России Крестьянской войны. Они прославили имя народного заступника, которое снова и снова звало их к борьбе с гнетом, несправедливостью. В середине XIX века грозный призрак «пугачевщины», витавший над российским дворянством, несомненно, ускорил падение крепостного права. Еще в начале XX века, как отмечал В. И. Ленин, русским помещикам мерещились вилы и топоры повстанцев Разина и Пугачева. Их далекие потомки в новых исторических условиях и на качественно ином, гораздо более высоком уровне организации и идейной оформленности довели до конца борьбу с эксплуататорами в победном Октябре 1917-го. Советские люди воздают должное высокому подвигу Пугачева и пугачевцев. Имя и дела его стали одной из самых выдающихся страниц истории Отечества, деяний наших великих предков.

Основные даты жизни и деятельности Пугачева

Ок. 1742 — Родился в станице Зимовейской Войска Донского.

1759—1767 — Участие в Семилетней войне.

1764 — Служба в Белоруссии в составе донской команды. Участие в поиске и возвращении в Россию беглых раскольников.

1768—1770 — Участие в первой русско-турецкой войне, в штурме Бендер 16 сентября 1770 года. Производство в хорунжие (младший офицерский чин у казаков). Заболевание. Прекращение военной службы.

1771, июль — Пребывание в Черкасске (хлопоты об отставке) и в Таганроге у сестры Федосьи и зятя С.Н. Павлова.

1771, осень — Арест за содействие С.Н. Павлову и другим донским казакам в побеге на Терек.

1771, 23 декабря — Побег на Терек.

1772, 9 февраля — Второй арест.

1772, 13 февраля — Побег из-под Моздока в Зимовейскую.

1772, начало марта — Третий арест.

1772, начало апреля — Побег из Цимлянской станицы.

1772, весна — Проживание в Стародубском монастыре. Переход через русско-польскую границу, пребывание в Ветке (под Гомелем) у раскольников.

1772, конец июня — первая половина августа — Возвращение в Россию. Карантин на пограничном Добрянском форпосте.

1772, 12 августа — Получение паспорта на Добрянском форпосте.

1772, осень — Приезд в Заволжье на реку Иргиз в Мечетную слободу. Знакомство с раскольником старцем Филаретом.

1772, ноябрь — Поездка с С.Ф. Филипповым на Яик. Знакомство на Таловом уме

(постоялом дворе) с С.М. Оболяевым (Ереминой Курицей).

1772, 22 ноября — Приезд в Яицкий городок. Первое наименование себя «государем Петром III» (в разговоре с казаком Д.С. Пьяновым).

1772, 19 декабря — Арест по доносу С.Ф. Филиппова.

1773, 4 января — 29 мая — Пребывание в тюрьме в Казани. 1773, 29 мая — Побег из тюрьмы.

1773, 15 августа — Возвращение на Таловый умет.

1773, вторая половина августа — первая половина сентября — Наименование себя «императором» в разговорах с С.М. Оболяевым, Г.М. Закладновым. Знакомство с И.Н. Чикой-Зарубиным, М.Г. Шигаевым, Д. Караваевым и др. Пребывание на хуторе Кожевниковых, на реке Усихе. Сбор сторонников восстания.

1773, 17 сентября — Начало Крестьянской войны. Чтение первого манифеста «императора Петра III» — Пугачева, написанного И.Я. Почиталиным, на хуторе Толкачевых.

1773, 18 сентября — Вступление в Бударинский форпост.

1773, 18 и 19 сентября — Попытки взятия Яицкого городка.

1773, 21 сентября — Взятие Илецкого городка.

1773, 27 сентября — Взятие Татищевой крепости.

1773, 5 октября — 1774, 23 марта — Осада Оренбурга главной армией Е.И. Пугачева.

1773, 6, 12 и 22 октября, 2 и 14 ноября — Штурмы Оренбурга, сражения повстанческого войска под стенами города.

1773, 7 — 9 ноября — Разгром корпуса генерал-майора Кара у деревни Юзеевой.

1773, середина ноября — Создание Государственной военной коллегии в Бердской слободе — ставке Е.И. Пугачева под Оренбургом.

1773, 13 ноября — Разгром отряда полковника Чернышева под Оренбургом.

1773, 29 ноября — Разгром отряда секунд-майора Заева в Ильинской крепости.

1773, 27 ноября — 1774, 24 марта — Осада Уфы отрядами атамана И.Н. Чики-Зарубина.

1773, 30 декабря — Взятие Яицкого городка, начало осады крепости.

1774, 13 января — Победа над отрядом генерала Валленштерна под Оренбургом.

1774, январь, февраль, март — Приезды Е.И. Пугачева в Яицкий городок, участие в осаде крепости.

1774, 26 января — Взятие Гурьева городка.

1774, 8 февраля — Взятие Челябинска.

1774, 22 марта — Поражение под Татищевой крепостью.

1774, 1 апреля — Поражение под Каргалинской слободой и Сакмарским городком у Оренбурга.

1774, 1 апреля — 12 июля — Поход по Башкирии, Уралу и Прикамью.

1774, 5 мая — Взятие Магнитной крепости.

1774, 21 мая — Поражение под Троицкой крепостью.

1774, 10 июня — Взятие Красноуфимска.

1774, 21 июня — Взятие Осы.

1774, 12 июля — Взятие Казани.

1774, 13 и 15 июля — Поражения под Казанью. Сражение с корпусом Михельсона на Арском поле.

1774, 17, 20, 23, 27 июля — Взятие Цивильска, Курмыш, Алатыря, Саранска во время отступления на юг по правобережью Волги.

1774, 1, 6 августа — Взятие Пензы, Саратова.

1774, 16 августа — Победа на реке Пролейке.

1774, 17 августа — Взятие Дубовки, столицы Волжского казачьего войска.

1774, 19 августа — Победа на реке Мечетной.

1774, 24 августа — Поражение у Солениковой ватаги между Царицыном и Черным Яром.

1774, 8 сентября — Арест Пугачева казаками-заговорщиками в заволжской степи у реки Б. Узень.

1774, 16 сентября — 5 декабря — Следствие, допросы в Яицком городке, Симбирске, Москве.

1774, 30 — 31 декабря — Суд в Тронном зале Кремлевского дворца в Москве.

1775, 10 января — Казнь на Болотной площади в Москве.